

LEFT ОСТАВЛЕННЫЕ BEHIND[®]

РОМАН
О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ
ЗЕМЛИ

63 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ГАЗЕТА
ТАЙНАЯ
ВЛАСТЬ

СОЮЗ
КНИГА

LEFT BEHIND[®]

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место Иерусалим Цель Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

РЕЖИМ

Зло наступает

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ОСТАВЛЕННЫЕ

РОМАН

О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ

ЗЕМЛИ

Москва 2010

 КНИГОВЕЖ
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.

Л29 Оставленные: Роман / Пер. с англ. Н. Некрасовой. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 544 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0148-2

«Оставленные» — это первая из 16 книг уникальной серии «Left Behind®», рассказывающей об особых временах в жизни человечества — семи годах Скорби, предсказанных 2000 лет назад апостолом и пророком Иоанном Богословом.

Исчезновение миллионов людей открывает самую страшную страницу в истории всех времен и народов. Свершилось Восхищение, Бог забрал на небо свою паству, а всех оставленных ждут испытания, которых еще не знал этот мир. Поднимается Антихрист. Чтобы установить царствие свое, власть мрака, он ведет за собой Люциферову армию, готовую стереть род людской с лица земли.

Тяжелы и небесные кары за те грехи, в которых люди уже давно разучились видеть преступление против собственной души и совести. Однако есть те, которые знают, что и посреди разверзающегося хаоса и кошмара есть надежда. Они нашли в себе смирение, чтобы принять высшую волю, и мужество, чтобы сражаться за данный им шанс, противостоять неверию окружающих и Антихристу со всей его темной мощью.

**УДК 821.111
ББК 84(4Вел)**

Left Behind # 1: Оставленные, Russian
Copyright © 1995 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2010 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.

Left Behind® is a registered trademark of Tyndale House Publishers, Inc.

© Н. Некрасова, перевод, 2010

ISBN 978-5-4224-0148-2

© Книжный Клуб Книговек, 2010

*Алисе Мак-Дональд и Боните Дженкинс,
которые дали нам веру в то,
что Господь не оставит своих детей.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рэйфорд Стил все думал и думал о женщине, которой он ни разу не коснулся. Пассажирский «Боинг-747» шел на автопилоте над Атлантикой, в салонах не было ни одного свободного места, прибытие в Хитроу ожидалось в шесть утра. Рэйфорд выбросил из головы все мысли о семье. Как правило, начало весны он проводил с женой и двенадцатилетним сыном. Их дочь к тому времени тоже возвращалась из колледжа. Но сейчас, пока его второй пилот клевал носом, Рэйфорд думал об улыбке Хэтти Дюрхем и предвкушал их предстоящую встречу.

Хэтти была старшей бортпроводницей экипажа Рэйфорда. Он уже больше часа ее не видел. Обычно Рэйфорд думал о том, как вернется домой, к жене. Ирэн была привлекательной и довольно темпераментной даже в свои сорок лет. Но в последнее время она

ударилась в религию, и это начало его раздражать. Она только об этом и говорила.

Отношения с Богом у Рэйфорда были нормальные. Он иногда даже в церкви бывал. Но с тех пор, как Ирэн связалась с какой-то небольшой религиозной общиной и стала каждую неделю ходить изучать Библию, а по воскресеньям посещать церковь, Рэйфорд чувствовал себя неуютно. Ее церковь была не той, где люди не осуждают других, видят в тебе лучшее и позволяют быть таким, какой ты есть. В ее общине у него напрямую спрашивали, чем является Бог в его жизни.

«Абсолютной величиной», — отшучивался он, и вроде бы это их удовлетворяло, но теперь по воскресеньям он все чаще придумывал себе какое-нибудь важное дело, чтобы только не ходить туда. Рэйфорд убеждал себя, что именно религиозное рвение жены заставило его сбиться с пути истинного, хотя и понимал, что настоящей причиной было обычное влечение. К тому же Хэтти Дюрхем была потрясающе хороша. С этим никто не спорил. И больше всего его будоражили ее прикосновения. Ничего неприличного, ничего показного. Она просто мимоходом касалась его руки или ласково клала ладонь ему на плечо, стоя за спинкой его кресла в кабине пилота. Но не только это заставляло Рэйфорда искать ее общества. По выражению ее лица, ее поведению, по тому, как она отвечала на его взгляд, он мог сказать, что она по меньшей мере восхищается им и ува-

жает его. Хотела ли она большего — можно было только догадываться. Вот он и гадал.

Они много времени проводили вместе — болтали, сидя за выпивкой или во время обеда, иногда в кругу сослуживцев, иногда наедине. Он осмелился лишь раз легонько коснуться ее руки в ответ, но не отводил взгляда, когда она смотрела на него, и надеялся, что она поймет его улыбку.

Возможно, это произойдет сегодня. Возможно, сегодня утром — если только ее условный стук в дверь не разбудит его второго пилота — он осмелится по-дружески накрыть ее руку ладонью, когда она положит ее ему на плечо, и, может быть, она поймет, что это первый шаг навстречу более близким отношениям.

Да, это будет именно первый шаг. Рэйфорд не был ханжой, но он еще никогда не изменял Ирэн. А возможностей было много. Он долго чувствовал себя виноватым из-за одной рождественской вечеринки в узком кругу двенадцать лет назад, хотя, кроме мимолетных поцелуев, там ничего и не было. Ирэн тогда осталась дома, будучи на девятом месяце беременности их сыном, Рэем-младшим.

Хотя Рэйфорд и был под хмельком, он сообразил уйти с вечеринки пораньше. Понятное дело, Ирэн заметила, что он немного выпил, но больше ни в каком грехе своего добропорядочного капитана она заподозрить не могла. Однажды, пережидая в аэропорту О'Хара снегопад, он позволил себе пару

стаканов мартини и, когда погода прояснилась, добровольно остался на земле. Он предложил лично заплатить сменному пилоту. Компанию «Пан-Континентал» настолько впечатлило его поведение, что его начали ставить примером самообладания и рассудительности.

Через пару часов Рэйфорд первым увидит проблески рассвета — дразнящую палитру пастельных тонов, предвещающую неспешный восход солнца над континентом. А пока за иллюминатором на многие мили простиралась густая чернота. Его выпившие или просто спящие пассажиры опустили шторы, подложили под головы подушки и закутались в одеяла. Самолет сейчас представлял собой темную, гудящую спальную для всех, кроме нескольких полуночников, стюардесс и пары-тройки тех, кому приспичило по нужде.

Главным вопросом, мучившим Рэйфорда Стила в этот темный предрассветный час, был вопрос: решится ли он на новые, более волнующие отношения с Хэтти Дюрхем? Он погасил улыбку. Не обманывает ли он сам себя? Может ли человек с его репутацией в отношениях с женщиной на пятнадцать лет моложе решиться на что-то большее, чем просто мечты? Он уже не был в этом столь уверен. Если бы не новое увлечение Ирэн!

Пройдет ли когда-нибудь эта ее одержимость концом света, любовью к Иисусу, спасением души? В последнее время она читала все, что только ей попадалось о восхищении.

— Представляешь, Рэйф, — возбужденно говорила она, — прежде, чем мы умрем, к нам придет Иисус!

— Да уж, — отвечал он, глядя на нее поверх газеты, — как только он придет, тут я концы и отдам.

Но ей не было смешно.

— Если бы я не знала, что будет со мной, — сказала она, — я бы не острила на этот счет.

— Но я-то знаю, что будет со мной, — отвечал он. — Я умру. Скончаюсь. Опочию. Но ты, конечно, сразу же попадешь на небо.

Он не хотел обижать ее. Он просто пошутил. Но когда она отвернулась и пошла прочь, он встал и бросился за ней. Он повернул ее к себе и попытался поцеловать, но она не ответила ему.

— Да ладно тебе, Ирэн, — произнес он. — Да тысячи добрых людей на месте бы померли при виде второго пришествия Иисуса ради их спасения!

Она, вся в слезах, вывернулась из его рук.

— Да я уже сто раз говорила тебе, что спасутся не добрые, а те, кто будет...

— Прощен, да, знаю, — сказал он, чувствуя себя отвергнутым и жалким — в собственной-то гостиной. Он вернулся в кресло, снова взял газету. — Если тебе от этого будет легче, то я рад, что ты так в этом уверена.

— Я просто верю в то, что говорит Библия, — ответила Ирэн.

Рэйфорд пожал плечами. Ему хотелось сказать: «Блажен, кто верует», но он не стал подливать масла в огонь. Он даже в чем-то завидовал ее уверенности, но на самом деле списывал все на ее эмоциональность и чувствительность. Он не хотел говорить этого вслух, но факт оставался фактом — он был умнее, да, он был рассудочнее. Он верил в правила, системы, законы, закономерности, в то, что можно потрогать, увидеть и услышать. Если Бог принадлежит к этой категории явлений, тогда все в порядке. Высшая сила, существо, которое есть любовь, сила, стоящая над законами природы, — ладно, пусть так. Давайте его воспевать, молиться ему, радоваться тому, что мы можем творить добро другим и заниматься своим делом. Рэйфорд больше всего боялся, что эта религиозная одержимость не пройдет так же, как эра «Эмвэй»¹, эпоха «Таппервер» или период аэробики. Он просто воочию видел, как она звонит в двери и спрашивает, можно ли прочесть пару псалмов. Наверняка она понимала, что он с ней ходить не будет.

Ирэн стала законченной религиозной фанатичкой, и это каким-то образом освобождало Рэйфорда от чувства вины за мысли о Хэтти Дюрхем. Может, он что-нибудь скажет, предложит, сделает намек, когда они с Хэтти будут идти от Хитроу к стоянке такси.

¹ «Эмвей» — компания по сетевому распространению косметики и бытовой химии, «Таппервер» — занимается сетевым распространением посуды и прочей домашней утвари.

Может, и раньше. А вдруг он решится сделать это прямо сейчас, за несколько часов до приземления?

* * *

Рядом с иллюминатором в салоне первого класса сгорбился над своим ноутбуком журналист. Он отключил его, дав себе слово вернуться к своему дневнику попозже. В свои тридцать лет Кэмерон Уильямс был самым молодым из ведущих журналистов престижного журнала «Глобал уикли». Все «старики» испытывали к нему жгучую зависть, поскольку он либо успевал первым сообщать о самых громких событиях в мире, либо получал редакционное задание их освещать. И друзья, и недруги в редакции называли его Бизоном, поскольку он ни в грош не ставил ни традиции, ни авторитеты и сносил их ко всем чертям. Бизону нравилась его жизнь, в которой он был свидетелем самых значительных моментов истории.

Год и два месяца назад, когда он готовил к 1 января главную статью журнала, ему пришлось отправиться в Израиль и взять интервью у Хаима Розенцвейга. И вот тогда он пережил самое странное событие в своей жизни.

Старик Розенцвейг был единственной в истории «Глобал уикли» «личностью года», выбранной единогласно. Обычно журнал

избегал любой персоны, которая наверняка станет «человеком года» по версии «Таймс». Но Розенцвейг прошел в лидеры автоматически. Кэмерон Уильямс явился на заседание редакции, готовый биться за Розенцвейга против любой звездной кандидатуры, которую, как правило, выдвигали другие.

Он был приятно удивлен, когда главный редактор Стив Планк начал заседание словами:

— Кто-нибудь хочет выдвинуть какого-нибудь унылого зануду вместо лауреата Нобелевки по химии?

Старшие журналисты переглянулись, покачали головами и приготовились было уходить.

— Всем спасибо, все свободны, — сказал Бизон. — Стив, я не напрашиваюсь, но ты сам знаешь, что я знаком с этим мужиком и он мне доверяет.

— Полегче на поворотах, ковбой, — сказал его конкурент, а потом повернулся к Планку: — Значит, теперь ты позволяешь Бизону самому выбирать себе задания?

— Возможно, — ответил Стив. — А если и так, то что?

— Я просто подумал, что это касается научно-технической тематики, — пробормотал конкурент Бизона. — И я поручил бы это специалисту.

— И читатель заснет над твоей статьей, — сказал Планк. — Назови мне журналиста из этой группы, который мог бы сделать из

этого материала конфетку. Кроме того, это такая же научная статья, как первое интервью, которое взял у него Бизон. Обо всем надо рассказать так, чтобы читатель понял, что это за человек, и осознал важность его открытия.

— Как будто это и так не очевидно. Оно изменило ход истории.

— Я все решу сегодня, — заявил главный редактор. — Спасибо за готовность, Бизон. Полагаю, что и все другие рвутся в бой.

У всех на лицах прямо-таки горело рвение, хотя Бизон уловил краем уха, как кто-то проворчал, что начальство явно благоволит этому блондинчику.

Так и вышло. Задание получил он.

Такое доверие со стороны начальства и конкуренция со стороны коллег заставляли Бизона выкладываться по полной при выполнении каждого очередного задания. В Израиле Бизон поселился в военном лагере и встретился с Розенцвейгом в том же самом кибуце в окрестностях Хайфы, где брал у него интервью год назад.

Розенцвейг и сам по себе был замечательным человеком, но «личностью года» его сделало его открытие или изобретение — никто в точности не знал, к какой категории это отнести. Этот скромный человек называл себя ботаником, а на самом деле был химиком-технологом, который изобрел синтетическое удобрение, заставившее пески Израиля расцвести подобно райскому саду.

— С орошением нет проблем уже много десятилетий, — говорил старик, — но от этого только песок мокрым становился. А при добавлении в воду моего состава песок становится плодородным.

Бизон не был ученым, но достаточно много знал, чтобы с сомнением покачать головой при этом заявлении. Состав Розенцвейга быстро превращал Израиль в самую богатую на свете страну, куда более процветающую, чем их сидящие на нефти соседи. На каждом пяточке земли цвели цветы или колосились посевы. Здесь росло даже то, о чем прежде в Израиле и мечтать не приходилось. Святая земля стала центром экспорта, объектом зависти для всего мира, страной с практически нулевой безработицей. Здесь неожиданно разбогатели все.

Процветание, подаренное чудесным веществом, изменило для Израиля ход истории. Богатый как наличностью, так и ресурсами, Израиль добился мира со своими соседями. Свободная торговля и безвизовый режим позволяли всем друзьям Израиля приезжать в эту страну без проблем. Единственным, к чему доступ оставался закрыт, была волшебная формула.

Бизон даже и не спрашивал старика о формуле или сложной системе допуска, охранявшей формулу от любого потенциального противника. Один факт, что Бизона поселили в военном лагере, свидетельствовал о строгих мерах секретности. Эта секретность обеспечивала мощь и независимость госу-

дарства Израиль. Никогда в своей истории Израиль не знал такого спокойствия. Стены Иерусалима теперь стали всего лишь символом, будучи открытыми для всех, кто желал мира. Старики верили, что Господь вознаградил их за годы преследований.

Хаима Розенцвейга уважали во всем мире и боготворили в собственной стране. Мировые лидеры искали встречи с ним, и его охраняли, словно главу государства. Хотя сам Израиль и был опьянен новой славой, его лидеры головы не теряли. Если Розенцвейг будет похищен и его пытками вынудят открыть секрет, то формула так же круто преобразит жизнь всех наций мира.

Представить только, что сделает эта формула, если модифицировать ее и приспособить для необъятной тундры России! Сможет ли расцвести земля, большую часть года покрытая снегами? А вдруг эта формула сумеет возродить огромную нацию, оставшуюся после распада Советского Союза?

Россия превратилась в сонного гиганта с разрушенной экономикой и пришедшей в упадок технологией. У нее оставалась только военная мощь, и все свободные средства шли на вооружение. К тому же переход с рублей на марки оказался очень тяжелым для нации, поставленной на грань выживания. Переход мировой экономики на три основные валюты занял долгие годы, но после окончания этого периода большинство наций были вполне довольны новой валютой. Во всей Европе и России расчеты велись

исключительно в марках. В Азии, Африке и на Ближнем Востоке царила иена. В Северной и Южной Америке и Австралии был в ходу доллар. В мире чувствовалось стремление к единой валюте, но те нации, которые неохотно перешли на новую валюту один раз, не жаждали проделывать это вторично.

Раздосадованные тем, что от израильского изобретения им ничего не перепадет, и полные решимости добиться своего и оккупировать Святую землю, русские под покровом ночи напали на Израиль. Это наступление стало известным как «русский Перл-Харбор». Из-за интервью с Розенцвейгом Бизон Уильямс оказался в Хайфе как раз в это время. Русские пустили в ход межконтинентальные баллистические ракеты, в воздух поднялись МиГи с ядерными зарядами на борту. Количество самолетов и ядерные боеголовки ясно свидетельствовали о том, что целью нападения было уничтожение.

Сказать, что израильтян застали врасплох, было все равно что констатировать, будто Великая Китайская стена длинная, как писал Кэмерон Уильямс. Когда израильские радары засекли русские самолеты, они были уже почти у них над головой. Отчаянная просьба о помощи к США и ближайшим соседям прозвучала одновременно с требованием к противнику объяснить свои намерения. Но к тому времени, как израильтяне и их ближайшие соседи сумели организовать хоть какую-то оборону, стало понятно, что

русские как минимум стократно превосходят их силы.

До катастрофы оставались считанные мгновения. Северные орды больше не будут вести переговоры или просить поделиться богатством. Если бы русские намеревались только запугать Израиль, небо не почернело бы от ракет. Самолеты могли бы развернуться, но ракеты уже летели к своей цели.

Так что это не была демонстрация силы, предназначенная для того, чтобы поставить Израиль на колени. Не было никакого объявления войны. И Израиль, не получив ответа на вопрос, почему танки пересекают его границу, а самолеты вторгаются в воздушное пространство, был вынужден защищаться. Все прекрасно понимали, что первый же залп, скорее всего, сотрет страну с лица земли.

Были сирены, радио и телевидение призывали население искать любое укрытие — Израиль готовился к последней в своей истории обороне. Первые израильские ракеты «земля—воздух» поразили свои цели, и небо расцвело красно-желтыми огнями, но это вряд ли могло остановить русское наступление.

Те, кто знал силы сторон и видел показания радаров, решили, что русская бомбардировка началась. Любой главнокомандующий, понимавший ситуацию, жаждал бы одного — погибнуть сразу же, как только бомбардировка накроет всю страну.

Из того, что он слышал и видел в военном лагере, Бизон Уильямс понял, что конец

близок. Бежать было некуда. Но хотя ночное небо озарялось вспышками страшных оглушительных взрывов, ни один снаряд не падал на землю. Строение, в котором он находился, дрожало, шаталось и скрипело. Но — ни единого попадания!

Снаружи врезались в землю самолеты, из кратеров летели во все стороны обломки. Но линии связи не были повреждены. Ни один командный пункт не был поражен. Никаких донесений о жертвах. Никаких разрушений.

Неужели это была такая жестокая шутка? Наверняка первые израильские ракеты сбили несколько русских штурмовиков и ракет, и они взорвались слишком высоко над землей, чтобы нанести хоть какой-то урон. Но что же случилось с остальными русскими войсками? Судя по показаниям радаров, в атаку отправилась практически вся русская авиация, в резерве не оставалось почти ничего. Тысячи самолетов шли на самые населенные города крошечной страны.

Рев и какофония в эфире продолжались. Взрывы были настолько ужасны, что даже ветераны-командиры прятали лицо и кричали от ужаса. Бизон всегда хотел побывать на передовой, но сейчас инстинкт самосохранения включился на всю катушку. Он не сомневался, что погибнет, и в голове у него закружились совершенно неуместные мысли. Почему он так и не женился? Останется ли от него что-нибудь, чтобы отец с братом смогли опознать? Если ли Бог? Кончается ли все со смертью?

Он забился под пульт управления, сдерживая неожиданно охватившие его рыдания. Он вовсе не так представлял себе войну. Он думал, что будет следить за событиями из безопасного места, запоминая всю драму военных действий.

Через несколько минут после начала холокоста Бизон понял, что внутри ничуть не безопаснее, чем снаружи. Это была не бравада, просто и правда было все равно. Здесь он будет единственным, кто увидит, что именно его убьет. На ватных ногах он пошел к выходу. Никому не было до него дела. Все находившиеся здесь были обречены.

Он с трудом открыл дверь навстречу взрывной волне и прикрыл глаза от ослепительно-белой вспышки. Небо пылало. Сквозь грохот он все еще слышал рев самолетов, и взрывавшиеся порой ракеты выбрасывали в небо новые снопы пламени. Он стоял, оцепенев от ужаса, и смотрел, как боевые машины пикировали на город, врезались в землю, взрывались и горели. Но все они падали между домами, на пустых улицах и полях. Все, что могло взорваться, взрывалось высоко в атмосфере, и Бизон стоял посреди пекла, с обожженным лицом, исходя потом. Что, черт побери, творится?

Затем послышался стук льда, и на землю посыпались градины размером с мячик для гольфа, заставив Бизона прикрыть голову курткой. Земля задрожала и загудела, его сбило с ног. Лежа лицом в ледяных осколках, он почувствовал, как сверху на него

обрушился дождь. Внезапно единственным звуком остался грохот взрывов в небесах, да и тот стал затихать, когда плотность стрельбы упала. После десяти минут громового рева огонь прекратился, и по земле покатались мерцающие шары пламени. Зарыво погасло так же быстро, как и вспыхнуло. Воцарилась тишина.

Когда ветерок унес клубы дыма, над землей, как ни в чем не бывало, снова царило иссиня-черное ночное небо, полное звезд.

Бизон повернулся посмотреть на здания, сжимая в кулаке грязную кожаную куртку. Дверная ручка все еще была горячей, а внутри плакали и дрожали офицеры. Эфир был полон сообщениями пилотов израильской авиации. Они не смогли подняться в воздух вовремя, чтобы успеть хоть что-то сделать, и стали свидетелями того, как русское нашествие, похоже, уничтожило само себя.

Каким-то чудесным образом во всем Израиле не пострадал ни один человек. Бизон был готов поверить, что какой-то сбой заставил ракеты и самолеты уничтожить друг друга. Но все очевидцы сходились на том, что всю вражескую мощь поглотили огненная буря, дождь, град и землетрясение.

Неужели это был метеоритный дождь, направленный рукой Господней? Возможно. Но как же тогда сотни и тысячи обломков обгорелой, перекрученной, оплавленной стали, усыпавших улицы Хайфы, Иерусалима, Тель-Авива, Иерихона, даже Вифлеема, стершие в прах старые стены, но не коснув-

шиеся ни единого живого существа? Наутро всем стало известно о побоище и о том, что Россия состояла в тайном сговоре с государствами Ближнего Востока, в первую очередь Эфиопией и Ливией.

Среди обломков израильяне нашли достаточно горючего, чтобы использовать его в качестве топлива, не расходуя своих природных ресурсов в течение шести лет. Особые команды пытались похоронить погибших врагов прежде, чем до них доберутся стервятники и зараза начнет угрожать всей нации.

В памяти Бизона все это было так ярко, будто случилось только вчера. Если бы он не был там и не видел все собственными глазами — не поверил бы. И ему чуть ли не наизнанку пришлось вывернуться, чтобы в это поверили и читатели «Глобал уикли».

И у редакторов, и у читателей были свои объяснения случившегося, но он должен был признаться — хотя бы самому себе, — что в этот день он уверовал. Еврейские ученые указывали на строки из Библии, в которых говорилось, что Бог поразит врагов Израиля огнем, землетрясением, градом и дождем. Бизон просто обалдел, когда прочел в 38-й и 39-й главах Книги Иезекииля о враге с севера, который вторгнется в Израиль вместе с персами, эфиопянами и ливийцами. Еще более ошеломило его то, что в Писании говорилось об оружии, которое

будет использовано как топливо, и о вражеских солдатах, которых пожрут птицы, или которые будут похоронены в общей могиле.

Друзья-христиане убеждали Бизона сделать следующий шаг и принять Христа, раз уж теперь он настолько духовно подготовлен. Но на это он пока не мог решиться, но он однозначно уже не был прежним человеком и прежним журналистом. Теперь он мог поверить во что угодно.

* * *

Не уверенный в том, что осмелится на какой-нибудь откровенный шаг, капитан Рэйфорд Стил тем не менее ощущал непреодолимое желание увидеть Хэтти Дюрхем прямо сейчас. Он отстегнул ремень и по дороге из рубки похлопал по плечу своего второго пилота.

— Идем на автопилоте, Кристофер, — сказал он, когда молодой человек проснулся и поправил наушники. — Я хочу прогуляться, на рассвет посмотреть.

Кристофер прищурился и облизнул губы.

— Да вроде до рассвета долго еще, капитан.

— Час или два. Я посмотрю, все ли спят.

— Понял. Если кто не спит, скажи, что Крис передает привет.

Рэйфорд хмыкнул и кивнул. Когда он открыл дверь, Хэтти Дюрхем чуть не врезалась ему головой в живот.

— Можно не стучать, — сказал он. — Иду.

Старшая бортпроводница вытаскивала его в проход к кухне, но в ее прикосновении не было страсти. Она вцепилась в его руку словно когтями, ее била дрожь.

— Хэтти...

Она прижала его к стенке кухни. Ее лицо было так близко. Ему бы могло это понравиться, он даже обнял бы ее в ответ, не будь оно искажено страхом. Она попыталась заговорить, но ее колени подломились, и она тоненько всхлипнула.

— Люди пропадают, — наконец выдавила она, уткнувшись головой ему в грудь.

Он схватил ее за плечи и попытался встряхнуть, но она прижалась к нему.

— Что вы хотите сказать?

Теперь она безудержно рыдала.

— Там целая куча народу пропала, просто пропала!

— Хэтти, это большой самолет. Может, они пошли в туалет или еще куда...

Она притянула его голову к своему лицу так, чтобы говорить прямо ему в ухо. Сквозь всхлипы она старалась как можно внятнее объяснить ему ситуацию.

— Я была везде. Я говорю вам, несколько десятков человек пропали!

— Хэтти, еще темно. Мы найдем...

— Я не сошла с ума! Да сами посмотрите! По всему самолету пропадают люди!

— Они просто шутят. Прячутся, хотят...

— Рэй! Их обувь, носки, одежда — все на месте! Их самих нет!

Хэтти вывернулась из его рук, сползла по стене и, всхлипывая, забилась в угол. Рэйфорду хотелось утешить ее, помочь ей или позвать Криса и пройти с ним по самолету. Но больше всего на свете ему хотелось верить, что она спятила. Она не стала бы просто так беспокоить его. Очевидно, она действительно была уверена, что люди исчезли.

В кабине он дремал. Может, и сейчас ему тоже все это только снится? Он крепко прикусил губу и поморщился от боли. Значит, не спит. Он вошел в салон первого класса, где в предраассветной мгле сидела в полном ошеломлении пожилая дама, держа в руках брюки и свитер супруга.

— Что такое? — бормотала она. — Харольд?

Рэйфорд окинул взглядом остальные сиденья. Большинство пассажиров еще спали, включая и молодого человека у иллюминатора. Его ноутбук лежал на откидном столике. Но несколько сидений и правда были пусты. Когда глаза Рэйфорда привыкли к тусклому освещению, он быстро пошел к трапу, начал было спускаться, когда пожилая женщина окликнула его:

— Сэр, мой муж!..

Рэйфорд приложил палец к губам и прошептал:

— Я знаю. Мы его найдем. Я сейчас вернусь.

«Чушь какая! — думал он, спускаясь вниз и чувствуя присутствие Хэтти за спиной. — Мы его найдем?»

Хэтти схватила его за плечо:

— Мне включить свет в салоне?

— Нет, — шепнул он. — Чем меньше народу узнает прямо сейчас, тем лучше.

Рэйфорд хотел быть сильным, иметь ответы на все вопросы, подавать пример экипажу, Хэтти. Но когда он спустился в нижний салон, то понял, что остаток полета пройдет под знаком хаоса. Он испугался, как и все на борту. Глянув на кресла, он чуть не впал в панику. Он попятился в закуток за переборкой и как следует дал себе по щеке.

Это была не шутка, не фокус и не сон. Творилось что-то жуткое, и бежать было некуда. И без него будет достаточно паники и ужаса. Он совершенно не был готов к такому повороту событий, а ведь все будут искать помощи именно у него. Но чем он может помочь? Что он должен делать?

Сначала завопил кто-то один, затем другой — люди обнаружили, что их соседи исчезли, а их одежда осталась. Пассажиры кричали. Вскакивали с мест. Хэтти обняла Рэйфорда сзади и так стиснула его, что он чуть не задохнулся.

— Рэйфорд, что творится?

Он разжал ее руки и повернулся к ней:

— Хэтти, слушайте меня. Я знаю не больше вашего, но мы обязаны успокоить пассажиров и приземлиться. Я сейчас сделаю какое-нибудь объявление, а вы с прочими

бортпроводниками постарайтесь, чтобы все сидели на своих местах. Хорошо?

Она кивнула, но по ее виду было понятно, что ей вовсе не хорошо. Когда он протиснулся мимо нее, чтобы вернуться в рубку, он услышал ее вопль.

«Вот и успокоила пассажиров», — подумал он, оборачиваясь к ней. Она стояла, держа в руках блейзер, в котором оставались рубашка и галстук. Брюки лежали у ее ног. Она возбужденно поднесла блейзер к свету и прочла имя на жетоне.

— Тони! — проскулила она. — Тони исчез!

Рэйфорд вырвал у нее из рук одежду и затолкал за переборку. Схватил Хэтти за локти, приподнял ее и утащил подальше от посторонних взглядов.

— Хэтти, до приземления еще несколько часов. Мы не сможем лететь с полными салонами обезумевших пассажиров. Я сделаю объявление, но вы обязаны выполнять свой долг. Вы способны это сделать?

Она с отсутствующим взглядом кивнула. Он заставил ее смотреть ему в глаза.

— Вы способны? — спросил он.

Она снова кивнула.

— Рэйфорд, мы погибнем?

— Нет, — сказал он. — В этом я уверен.

На самом деле он ни в чем не был уверен. Откуда ему было знать? Он предпочел бы столкнуться с возгоранием двигателя и даже со штопором. Даже падение в океан было бы лучше. Как можно удержать людей от паники среди подобного кошмара?

Сейчас ночное освещение в салонах скорее мешало, чем помогало, и он с радостью дал Хэтти особое поручение.

— Я не знаю, что сейчас буду говорить, — сказал он, — но надо зажечь свет, чтобы мы смогли посчитать, кто остался на месте, а кто пропал, а затем принесите побольше бланков деклараций зарубежного гостя.

— Зачем?

— Не спрашивайте. Просто держите их наготове.

Рэйфорд не знал, правильно ли он поступает, отдав под начало Хэтти пассажиров и экипаж. Вбежав вверх по трапу, он краем глаза уловил еще одну стюардессу, которая с воплями пятилась из салона. Сейчас только бедняга Кристофер, сидевший в кабине, не знал, что творится на борту. Хуже того, Рэйфорд сказал Хэтти, что он понятия не имеет о том, что происходит.

Весь ужас был в том, что он слишком хорошо понимал, что произошло. Ирэн была права. А его и большинство пассажиров Бог оставил в этом мире.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кэмерон Уильямс резко проснулся, когда пожилая дама прямо перед ним окликнула пилота. Пилот прошептал, чтобы она говорила потише, и тогда она обернулась к Бизону. Тот провел пятерней по длинным светлым волосам и изобразил улыбку:

— В чем дело, мэм?

— Мой Харольд! — воскликнула она.

Бизон при посадке в самолет помогал старику укладывать в багажное отделение над креслом шерстяной пиджак «в елочку» и фетровую шляпу. Харольд был невысоким юрким старичком в дешевых «мокасинах», коричневых свободных брюках и песочного цвета вязаном жилете поверх рубашки и галстука. Он начинал лысеть, и Бизон подумал, что, когда включат кондиционер, ему наверняка захочется надеть шляпу.

— Ему что-то нужно?

— Он исчез!

— Извините?

— Он пропал!

— Наверное, просто в туалет ушел, пока вы спали.

— Не будете ли вы так добры проверить? И возьмите одеяло.

— Мэм?

— Я боюсь, он ушел туда нагишом. Он религиозный человек и будет очень смущен.

Бизон подавил улыбку, увидев несчастное лицо женщины. Он перебрался через заснувшего менеджера, который явно переусердствовал с бесплатной выпивкой, и наклонился, чтобы взять у женщины одеяло. Действительно, одежда Харольда была сложена аккуратной стопкой на кресле, а поверх всего лежали его очки и слуховой аппарат. Штанины свисали вниз, к туфлям и носкам.

«Что за ерунда, — подумал Бизон. — С чего это такая щепетильность?»

Он припомнил институтского приятеля, страдавшего какой-то формой эпилепсии, из-за чего он периодически отключался, хотя казался совершенно нормальным. Он мог прилюдно снять туфли и носки или выйти из туалета с расстегнутой ширинкой.

— Скажите, а ваш муж не страдает эпилепсией?

— Нет.

— Лунатизмом?

— Нет.

— Я сейчас вернусь.

Туалет салона первого класса был свободен, но когда Бизон направился к трапу, в проходе стояли несколько пассажиров.

— Извините, — сказал он, — я ищу одного человека.

— Кого? — спросила женщина.

Бизон протиснулся мимо них и обнаружил очереди в туалеты в бизнес- и эконом-классах. Мимо него, не говоря ни слова, прошел пилот, а вскоре Бизон наткнулся на старшую бортпроводницу.

— Сэр, я вынуждена просить вас вернуться на свое место и пристегнуться.

— Я ищу...

— Все кого-нибудь ищут, — сказала она. — Мы собираемся сделать сообщение в течение ближайших нескольких минут. Прошу вас.

Она подтолкнула его назад, к трапу, затем проскользнула мимо него и взбежала наверх, шагая через две ступеньки.

Посередине трапа Бизон оглянулся и окинул взглядом всю сцену. Была глухая ночь, и когда вдруг включили свет в салонах, его пробрала дрожь. По всему самолету люди хватали пустую одежду, ахали или кричали, что кто-то пропал.

Каким-то образом он понял, что это не сон, и ощутил тот же ужас, что и в Израиле, когда он ожидал смерти. Что он скажет жене Харольда? Вы не одна такая? От многих осталась только одежда на кресле?

Бизон поспешил назад, к своему сиденью, по дороге пытаясь вспомнить все, что

ему довелось читать, видеть или слышать о какой-нибудь технологии, при помощи которой можно было бы похитить человека из закрытого помещения, оставив только одежду. Если кто-то это сделал, то может ли он прятаться на этом самолете? Последует ли еще одна волна исчезновений? Станет ли он очередной жертвой? Где он окажется?

Когда Бизон перебирался через спящего соседа на свое место, страх в салоне был физически ощутим. Он встал и перегнулся через спинку переднего кресла.

— Похоже, исчез не только ваш супруг, — сказал он пожилой даме. Она посмотрела на него с таким же недоумением и страхом, которые переполняли и самого Бизона.

Он сел как раз в тот момент, когда включилась двусторонняя связь и капитан обратился к пассажирам. После просьбы вернуться на свои места, капитан продолжил:

— Я собираюсь попросить бортпроводников проверить туалетные комнаты, чтобы пересчитать всех. Затем я попрошу их раздать декларации зарубежного гостя. Если кто-то из вашей группы пропал, то я прошу вас заполнить декларацию на его или ее имя и занести в них детальную информацию о пропавшем, от даты рождения до описания внешности. Я уверен, все вы понимаете, что мы оказались в очень тревожной ситуации. Эти декларации помогут нам сосчитать пропавших, и я смогу передать информацию властям. Мой второй пилот, мистер Смит, сейчас приблизительно подсчитает пустые

кресла. Я попытаюсь связаться с «Пан-Континентал». Однако должен вам сказать, что наше местонахождение сейчас таково, что связываться с землей без длительных задержек чрезвычайно трудно. Я попытаюсь выйти на связь с землей через спутник. Как только мне будет что-нибудь известно, я тотчас же оповещу вас. Пока же буду вам очень благодарен за спокойствие и помощь.

Бизон видел, как из кабины вылетел второй пилот, с непокрытой головой и весь красный. Он пробежал по проходу, стреляя глазами из стороны в сторону, пока старшая бортпроводница раздавала декларации.

Сосед Бизона проснулся, слюняво причмокнул, когда бортпроводница спросила, не пропал ли кто из его группы.

— Пропал? Да никто не пропал. Да со мной и нет никого, кроме меня самого.

Он снова свернулся в кресле и спокойно уснул.

* * *

Через пару минут после того, как второй пилот покинул кабину, Рэйфорд услышал условный стук в дверь, и она распахнулась. Кристофер рухнул в кресло, забыв пристегнуть пояс, и обхватил голову руками.

— Что творится, Рэй? — спросил он. — Мы потеряли больше сотни пассажиров! От людей одна одежда осталась!

— Так много?

— Как будто потеряй мы полсотни, было бы легче! Как мы все это объяснять-то будем?

Рэйфорд покачал головой, все еще пытаясь связаться по радио хоть с кем-нибудь, хоть в Гренландии, хоть в Исландии. Но они зависли в каком-то нигде. Все пункты связи были слишком далеко, чтобы поймать хоть какую-нибудь радиостанцию и услышать новости. Наконец, ему удалось связаться с «Конкордом», идущим встречным курсом в нескольких милях впереди. Он кивком приказал Кристоферу надеть наушники.

— У вас хватит топлива, чтобы вернуться в Штаты? Прием, — спросил Рэйфорда пилот «Конкорда».

Он глянул на Кристофера, который шепотом сказал:

— Мы на полпути.

— Я могу добраться до аэропорта Кеннеди.

— Забудьте, — последовал ответ. — Нью-Йорк не принимает. Две полосы еще открыты в Чикаго. Туда мы и направляемся.

— Мы летим из Чикаго. Я могу сесть в Хитроу?

— Нет. Аэропорт закрыт.

— В Париже?

— Парни, возвращайтесь, откуда прибыли. Мы вылетели из Парижа час назад, узнали, что творится, и получили приказ возвращаться напрямик в Чикаго.

— Что творится, «Конкорд»?

— Если вы не знаете, то какого черта даете сигнал о помощи?

— У меня на борту такая ситуация, что и говорить не хочется.

— Ну, приятель, это по всему миру творится, ты не знал, что ли?

— Нет, не знал, — ответил Рэйфорд. — Расскажи.

— У вас пассажиры пропадают, верно?

— Верно. Больше сотни.

— Ни фиги себе! У нас около пятидесяти как не бывало.

— Что ты насчет этого думаешь, «Конкорд»?

— Поначалу я думал, что это самовоспламенение, но тогда бы дым был, останки какие-то. А эти люди просто исчезли без следа. Мне в голову только «Звездный путь»¹ пришел, там люди дематериализовались и материализовались, по лучу перемещаясь куда угодно.

— Хотелось бы мне сказать моим пассажирам, что их близкие появятся так же быстро, как исчезли, да еще в целости и сохранности, — ответил Рэйфорд.

— Это еще не самое страшное. Люди исчезают повсюду. В Орли пропадают авиадиспетчеры и диспетчеры наземного движения. У некоторых самолетов исчезли экипажи. Днем везде были пробки, хаос повсюду. Вез-

¹ «Звездный путь», популярный фантастический телесериал.

де, во всех крупнейших аэропортах, падают самолеты.

— Значит, это стихийное бедствие?

— Да, началось сразу и везде, где-то час с небольшим назад.

— Я почти надеялся, что только у нас на борту такое. Может, газ какой, сбой.

— Думаешь, это только у вас? Прием.

Рэйфорд уловил сарказм в вопросе собеседника.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, «Конкорд». Должен признать, мы в такой переделке еще не бывали.

— И лучше бы такого больше не видеть. Я все говорю себе, что это дурной сон.

— Кошмар. Прием.

— Понял вас. Но ведь это не сон, верно?

— Что ты скажешь своим пассажирам, «Конкорд»?

— Понятия не имею. А ты? Прием.

— Правду.

— Да, хуже уже не станет. Но в чем правда-то? Что мы об этом знаем?

— Ни черта.

— Хорошо сказано, «Пан-Континентал». Знаешь, что люди говорят? Прием.

— Ладно, — ответил Рэйфорд. — Лучше бы чтобы люди и правда попадали прямоком на небо, чем какие-нибудь вполне земные силы уничтожали их какими-нибудь чертовыми лучами.

— Говорят, что это во всех странах. До встречи в Чикаго?

— Понял. Конец связи.

Рэйфорд Стил посмотрел на Кристофера, который уже менял курс и разворачивал гигантскую махину в направлении Штатов.

— Дамы и господа, — сказал Рэйфорд по громкой связи. — Мы не сможем приземлиться в Европе. Мы возвращаемся в Чикаго. Мы почти на полпути к нашему первоначальному пункту назначения, так что проблем с топливом у нас нет. Я надеюсь, что это немного успокоит вас. Я дам вам знать, когда мы будем достаточно близко к аэропорту, чтобы можно было начать пользоваться телефонами. До тех пор, пожалуйста, не пытайтесь этого делать.

* * *

Когда капитан по громкой связи объявил о возвращении в Штаты, Бизон Уильямс с удивлением услышал аплодисменты по всему салону. Пассажиры, потрясенные и перепуганные, были в большинстве своем из Штатов и хотели хотя бы вернуться в знакомую обстановку, чтобы разобраться в ситуации. Бизон ткнул локтем сидевшего рядом бизнесмена.

— Прости, друг, но сейчас тебе лучше проснуться и послушать, что говорят.

Тот с досадой посмотрел на Бизона и пробормотал:

— Если мы не падаем, то не буди меня.

* * *

Позже, когда капитан Рэйфорд сумел на минутку оторваться от своих прямых обязанностей, он взял спутниковый телефон, чтобы выйти на какой-нибудь новостной радиоканал, и узнал, что по всему миру называются последствия исчезновения людей. Линии связи были перегружены. Среди пропавших были медики, технический и обслуживающий персонал. Во всех странах было объявлено чрезвычайное положение, гражданские службы были приведены в полную готовность и пытались как-то справиться с нескончаемой чередой трагедий. Рэйфорд вспомнил о катастрофе поезда в Чикаго много лет назад и о том, как медики, пожарные и полиция бросили на устранение последствий всех своих людей. Он попытался представить эту ситуацию, только помноженную на тысячу.

Даже в голосах дикторов звучал страх, несмотря на все их старания. Принимались все мыслимые и немыслимые объяснения, но все обсуждения и даже репортажи о массовой гибели людей отступали перед конкретными вопросами. Люди хотели самой обычной информации о том, как добраться до тех мест, куда они направлялись, и как связаться с близкими, чтобы узнать, живы ли они еще. Рэйфорд получил указание следовать схеме движения, общей для всех Штатов, чтобы сесть в аэропорту О'Хара точно в назначенное

время. Открыты были только две полосы, и казалось, что все крупные самолеты шли именно в этом направлении. Тысячи человек погибли в авиа- и автокатастрофах, и повсюду люди оплакивали пропавших близких и друзей. В одном из сообщений говорилось, что в таксопарке аэропорта О'Хара пропало столько таксистов, что пришлось набирать добровольцев, чтобы управлять машинами, которые оставались стоять с работающими моторами и с одеждой прежнего шофера на водительском кресле.

Машины, из которых пропадали люди, естественно, становились неуправляемыми. Чрезвычайным службам труднее всего было выяснять, кто исчез, кто погиб, кто ранен, а затем связываться с выжившими.

Когда Рэйфорд подошел к аэропорту О'Хара достаточно близко, чтобы связаться с диспетчерской вышкой, он спросил, не могут ли они связаться по телефону с его домом. В ответ услышал смех:

— Простите, капитан, но телефонные линии напрочь перегружены, к тому же непонятно, где остались диспетчеры, так что остается только поставить телефон на автодозвон и надеяться.

Рэйфорд сообщил пассажирам о масштабе катастрофы и настоятельно попросил их оставаться спокойными.

— Здесь, на борту, мы ничем не сможем вам помочь. Я намерен доставить вас как можно быстрее в Чикаго, чтобы вы смогли получить хоть какие-нибудь ответы на свои вопросы и, надеюсь, какую-либо помощь.

* * *

Бортовой телефон, встроенный в спинку кресла перед Бизоном Уильямсом, не имел стандартного внешнего разъема для провода, как большинство телефонов. Бизон подумал, что «Пан-Континентал Эйрлайнз» надо бы поскорее заменить этих динозавров чем-нибудь поновее, а то пользователи компьютеров жаловаться начнут. Но Бизон полагал, что внутри телефон устроен стандартно и, если ему удастся добраться до соединения, не попортив самого телефона, он сумеет подсоединить свой модем прямо к телефонной линии. Его собственный сотовый телефон на этой высоте не работал.

Прямо перед ним, закрыв лицо руками, раскачивалась и подвывала в кресле жена Харольда. Менеджер рядом с Бизоном храпел. Прежде чем накачаться спиртным до бесчувствия перед отлетом, он говорил что-то насчет большого заседания в Шотландии. Вот удивится, когда увидит, куда они прилетели!

Вокруг Бизона плакали, молились и говорили люди. Стюардессы разносили закуски и напитки, но сейчас мало кто был способен есть или пить. Бизон больше любил сидеть в кресле у прохода, потому, что там можно было ноги вытянуть, но сейчас он был рад, что сидит у окна — тут его почти не было видно. Он достал из компьютерного кейса маленький набор инструментов, которым и

не предполагал когда-нибудь воспользоваться, и принялся за работу над телефоном.

Разочарованный тем, что не сумел найти модемного входа даже внутри коробки, он решил поработать любителем-электриком. Решив, что изоляция телефонных проводов и модема всегда маркируется одинаковыми цветами, он открыл системный блок и обрезал жилы, ведущие к сетевому разъему. То же самое он проделал с проводками внутри телефона, зачистив их кончики от изоляции. Все четыре жилы в телефоне и компьютере совпадали по маркировке, так что спустя несколько минут он срастил их.

Он быстро набрал сообщение своему главному редактору Стиву Планку в Нью-Йорк, сообщив о том, куда сейчас летит.

«Я буду передавать все, что знаю. Да, это будет одна из многих историй. Но, по крайней мере, это будет прямая передача. Выйдет ли из этого толк, не знаю. Мне пришлось в голову, Стив, что ты ведь можешь оказаться среди пропавших. Откуда мне знать? Ты знаешь мой адрес. Дай знать, здесь ли ты еще».

Он сохранил сообщение, настроил модем на отправку сообщения в Нью-Йорк в фоновом режиме и занялся собственной статьей. Строка состояния вверху экрана вспыхивала каждые двадцать секунд, информируя его, что его выход на информационную магистраль занят.

Старшая бортпроводница оторвала его от размышлений, когда он напечатал уже несколько страниц.

— Что вы делаете, черт побери? — воскликнула она, наклонившись и глядя на пучок проводов, тянувшихся от его ноутбука к бортовому телефону. — Я не могу вам этого позволить.

Он глянул на ее жетон.

— Послушайте, прекрасная Хэтти, разве сейчас перед нами не разворачивается конец света?

— Вы мне зубы не заговаривайте, сэр, я не позволю вам портить имущество авиакомпании.

— Да я и не порчу его. Я приспособляюсь к чрезвычайной ситуации. При помощи вот этого всего я надеюсь установить связь там, где ничего другое не работает.

— Я не могу вам этого позволить.

— Хэтти, можно я кое-что вам скажу?

— Только если вы скажете, что сейчас вернете телефон в прежнее состояние.

— Хорошо.

— И прямо сейчас.

— Нет.

— Ничего другого я слышать не желаю.

— Я понимаю, но, пожалуйста, выслушайте.

Сосед Бизона уставился на него и Хэтти. Выругался, прикрыл подушкой правое ухо, прижав левое к спинке кресла.

Хэтти достала из кармана компьютерную распечатку и нашла имя Бизона.

— Мистер Уильямс, я жду. Я не хочу беспокоить пилота по этому поводу.

Бизон схватил ее за руку, она напряглась, но вырываться не стала.

— Мы можем поговорить хотя бы секундочку?

— Я не собираюсь уступать, сэр. А теперь прошу прощения, у меня полный самолет испуганных людей.

— А вы не боитесь? — Он все еще не выпускал ее руку.

Она поджала губы и кивнула.

— И разве вам не хочется связаться с кем-нибудь? Если эта штука сработает, то я смогу связаться с людьми, которые смогут созвониться с вашими близкими, выяснить, все ли там в порядке, и даже, возможно, сообщить об этом вам. Я ничего не поломал, я обещаю, что потом восстановлю все, как было.

— Вы сможете это сделать?

— Да.

— И вы мне поможете?

— Всем, чем смогу. Дайте мне имена, телефонные номера. Я отошлю их вместе с той информацией, которую пытаюсь передать в Нью-Йорк. Я буду очень просить, чтобы кто-нибудь позвонил вашим близким и потом отчитался мне по результатам. Я не могу гарантировать, что пробьюсь или что мне ответят, но я попытаюсь.

— Буду вам благодарна.

— А вы сможете прикрыть меня от остальных ревнительниц правил?

Хэтти выдавила улыбку:

— Да все будут рады вашей помощи.

— Сейчас я не могу рисковать. Просто прикройте меня и дайте мне попробовать связаться.

— Договорились, — сказала она, но вид у нее был встревоженный.

— Хэтти, вы не пожалеете, — сказал он. — В такой ситуации ничего плохого нет в том, чтобы немножко подумать о себе. Этим я и занимаюсь.

— Но мы все в одной лодке, сэр. У меня тоже есть свои обязанности.

— Но согласитесь, когда начинают бесследно исчезать люди, некоторые принципы можно послать к чертям.

* * *

Рэйфорд Стил, бледный, как полотно, сидел в кабине. Через полчаса после приземления в Чикаго он рассказал пассажирам все, что знал. Об одновременном исчезновении тысяч людей по всему миру, которое привело к невообразимому хаосу. Он поблагодарил всех за спокойствие, хотя по сообщениям бортовых медиков знал, что они раздавали валиум как конфетки.

Рэйфорд был прямым человеком. Он просто не умел вести себя по-другому. Он понимал, что сказал людям больше, чем сказал бы в случае отказа двигателя, гидравлической системы или даже шасси. Он откровенно сказал, что даже если их близкие не исчезли,

то они могут оказаться жертвами катастроф, последовавших за этой трагедией.

Он думал — хоть и не сказал, — что им повезло оказаться в воздухе, когда все это произошло. Но какой же хаос ждет их на земле! Здесь они в буквальном смысле были над разрухой. Конечно, и им досталось. Люди исчезали повсюду. Но за исключением нехватки персонала, вызванного исчезновением трех членов экипажа, пассажиры не испытали такого потрясения, как те, кто был в наземном транспорте, или какое ждало бы их, если бы пропали они с Кристофером.

При заходе на круг перед посадкой за несколько миль над аэропортом О'Хара он наконец смог оценить полный масштаб катастрофы. Все рейсы по стране перенаправлялись в Чикаго. Самолеты сажали в зависимости от того, сколько в баках оставалось топлива. Рэйфорду после перелета над Атлантикой и обратного разворота было необходимо сесть в первую очередь. Он обычно не вел переговоров с диспетчером наземного движения до посадки, но авиадиспетчер порекомендовал это сделать. Ему сообщили, что видимость прекрасная, несмотря на периодически поднимающийся из обломков разбитых самолетов дым. Однако посадка все равно будет рискованной, потому что две открытые посадочные полосы просто забиты самолетами. Они стояли по обе стороны по всей длине. Все терминалы были заполнены, и никто не вылетал обратно. Все виды транспорта были задействованы для доставки пассажиров от самолетов к терминалам.

Но Рэйфорду сказали, что его пассажирам, по крайней мере большинству, придется пройти весь путь пешком. Практически весь персонал аэропорта был вызван на помощь, но сейчас люди были заняты направлением самолетов в безопасные места. Несколько автобусов и фургонов были зарезервированы для инвалидов, стариков и летных экипажей. Рэйфорд передал команде, что придется идти пешком.

Пассажиры сообщали, что не могут прозвониться по бортовым телефонам. Хэтти Дюрхем сказала, что один сообразительный пассажир первого класса каким-то образом подсоединил к телефону компьютер и, пока он печатает сообщения, тот автоматически дозванивается до Нью-Йорка. Если линия освободится, то этот парень пробьется.

* * *

К тому времени, когда самолет начал снижаться над Чикаго, Бизон сумел вклиниться в один-единственный на мгновение освободившийся канал и отправить сообщение. Это произошло как раз в тот момент, когда Хэтти объявила, что все электронные устройства должны быть отключены.

С сообразительностью, которой он даже и не подозревал в себе, Бизон щелкнул клавишами, быстро отправив все свои сообщения, и отсоединился буквально за долю секунды,

как раз в тот момент, когда его ноутбук мог бы стать помехой в работе бортовой связи. Теперь придется подождать с поиском сведений о друзьях, сослуживцах, родственниках — обо всех.

За мгновение до начала подготовки к посадке Хэтти торопливо подошла к Бизону.

— Есть что-нибудь?

Он покачал головой.

— Спасибо за попытку, — сказала она. И заплакала.

Он взял ее за руку.

— Хэтти, сегодня все мы будем плакать, вернувшись домой. Но здесь — держитесь. Проводите своих пассажиров и хотя бы на счет этого успокойтесь.

— Мистер Уильямс, — всхлипывала она, — понимаете, мы потеряли несколько стариков, но не всех. Несколько людей средних лет — но тоже не всех. Несколько человек нашего с вами возраста — но тоже не всех! Мы потеряли даже нескольких тинейджеров.

Он уставился на нее. К чему она ведет?

— Сэр, мы потеряли всех маленьких детей и младенцев на борту!

— Сколько их тут было?

— Больше десяти. Но всех! Ни одного не осталось!

Сосед Бизона проснулся и, прищурившись, посмотрел в окно, за которым сияло солнце позднего утра.

— Вы о чем, а? — спросил он.

— Мы садимся в Чикаго, — сказала Хэтти. — Мне пора.

— Чикаго?

— Лучше бы вы не просыпались, — отрезал Бизон.

Сосед чуть ли не плюхнулся на колени Бизону, пытаясь посмотреть в окно, обдав Бизона перегаром.

— Это что, война? Беспорядки? Что стряслось-то?

Самолет только что вышел из пелены облаков, и теперь пассажиры ясно видели Чикаго. Дым. Пожары. Валяющиеся в кюветах и размазанные о разделители машины. Обломки самолетов на земле. Машины «скорой» с проблесковыми маячками, пробирающиеся сквозь обломки.

Когда в виду показался аэропорт О'Хара, стало понятно, что быстро никто никуда не доберется. Самолеты были повсюду, куда ни кинь взгляд. Некоторые были разбиты и горели, остальные стояли друг за другом в пробке. Люди брели по траве и пробирались между машин к терминалу. Скоростные дороги, что вели к аэропорту, выглядели как во время снежных заносов 1979 года в Чикаго — только снега не было.

Краны и эвакуаторы пытались расчистить подъезд к терминалу, но, судя по всему, это могло занять часы, а то и дни. Людская очередь медленной змеей выползала из гигантских зданий терминала, тянулась между неподвижными машинами и поднималась к стоянкам. Люди шли, шли, шли, пытались

поймать такси или частника. Бизон стал размышлять, как ему поступить в этой ситуации. Каким-то образом надо выбраться из этого переполненного людьми района. Проблема была в том, что из одного хаоса ему предстояло попасть в еще больший — в Нью-Йорк.

* * *

— Дамы и господа, — объявил Рэйфорд. — Я еще раз хочу поблагодарить вас за понимание. Нас попросили сесть на единственную свободную полосу, способную принять самолет такого размера, а затем вырुлить к свободному пространству, находящемуся примерно в двух милях от терминала. Боюсь, что мне придется попросить вас воспользоваться аварийным надувным рукавом, поскольку мы не сможем подойти ни к одному из открытых шлюзов. Если вы не в состоянии сами добраться до терминала, то, пожалуйста, оставайтесь на борту, и мы придем за вами.

Он не стал благодарить пассажиров за то, что они выбрали рейс «Пан-Континентал», не стал говорить: «Надеемся, что вы и в следующий раз воспользуетесь нашими услугами». Но он напомнил им, чтобы они оставались пристегнутыми, пока не будет отключен сигнал, поскольку понимал, что это будет самое сложное приземление в его жизни. Он знал, что сможет посадить самолет, но ему

уже давно не приходилось совершать посадку среди других машин.

Рэйфорд завидовал тому пассажиру первого класса, который сумел выйти на связь с миром через модем. Ему отчаянно хотелось позвонить Ирэн, Хлое и Рэю-младшему. С другой стороны, он боялся, что ему больше никогда не доведется услышать их голос.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хэтти Дюрхем и те, кто остался из ее команды бортпроводников, убеждали пассажиров ознакомиться с инструкцией по безопасности, находившейся в карманах на спинках кресел. Многие боялись, что не смогут съехать по рукаву надувного трапа, особенно с ручной кладью. Им объяснили, что надо снять обувь и прыгнуть в рукав спиной вперед, а бортпроводники потом сбросят им обувь и сумки. Всем посоветовали не дожидаться в терминале сортировки багажа. Им пообещали, что со временем его доставят им домой. Правда, гарантий никаких не давали.

Уильямс дал Хэтти свою визитку и взял у нее номер телефона «просто на случай, если я вдруг дозвонюсь до ваших раньше вас».

— Так вы работаете в «Глобал уикли»? — сказала она. — Я и не знала.

— А вы еще собирались дать мне по шее за то, что я влез в телефон.

Она попыталась улыбнуться.

— Извините, — сказал Бизон. — Шутка неудачная вышла. Забудьте.

Поскольку Бизон всегда путешествовал налегке, багажа ждать ему было не нужно, чему он был чрезвычайно рад. Он, даже летая за границу, с собой практически ничего не брал. Когда он открыл багажное отделение, то увидел шляпу старика, которая по-прежнему лежала там. Жена Харольда сидела, глядя на Бизона выпученными глазами и раскрыв рот.

— Мэм, — тихонько сказал он, — хотите взять ее?

Убитая горем женщина с благодарностью взяла шляпу и пиджак, прижала их к груди, словно у нее пытались их отнять. Она что-то пробормотала — Бизон не разобрал и попросил повторить.

— Я не смогу спрыгнуть с самолета, — сказала она.

— Тогда оставайтесь на месте, — посоветовал он. — За вами кого-нибудь пришлют.

— Но ведь мне все равно придется прыгать и скатываться по этой штуке?

— Нет, мэм. Я уверен, они устроят какой-нибудь подъемник.

Бизон заботливо уложил ноутбук в чемоданчик, закопав его в белье. Застегнув «молнию», он поспешил к выходу в первых рядах, готовый своим примером показать остальным, как это просто. Сначала он сбросил

ботинки в надувной рукав аварийного трапа и проследил, как они катятся, подпрыгивая, вниз. Затем прижал чемоданчик к груди, быстро шагнул и прыгнул, выбросив ноги перед собой.

Он переусердствовал — упал в рукав скорее не на сидище, а на плечи, потом его подбросило вверх, и он на всей скорости съехал до самого низа. По инерции он кувыркнулся и чуть не приложился физиономией об асфальт. В последний момент, все еще вцепившись в свой драгоценный чемоданчик, он сумел свернуться клубком и проехаться по бетону затылком, а не носом. Его так и подмывало крикнуть: «Нет проблем!», но рука сама тянулась к ушибленному затылку, уже покрытому кровью. Ничего серьезного, мелкая неприятность. Он быстро подобрал ботинки и поспешил к терминалу, скорее из-за минутного замешательства, чем по необходимости. Он понимал, что, как только доберется до терминала, торопиться будет уже некуда.

* * *

Рэйфорд, Кристофер и Хэтти последними покинули борт «Боинга-747», позаботившись прежде, чтобы все способные передвигаться сами, спустились по аварийному рукаву, а пожилых и инвалидов увез автобус. Водитель настаивал, чтобы и экипаж поехал с ним, но Рэйфорд отказался.

— Не смогу ехать мимо своих пассажиров, которые идут на терминал пешком. Это будет просто по-свински.

— Как знаешь, кэп, — сказал Кристофер. — Ты не против, если я воспользуюсь его предложением?

Рэйфорд гневно глянул на него:

— Ты серьезно?

— Мне за пешие прогулки деньги не платят.

— Как будто тут авиакомпания виновата. Крис, ты же не всерьез?

— Вполне серьезно. Пока ты до терминала дотащишься, сто раз пожалеешь, что не поехал.

— Я буду вынужден доложить о твоём поведении.

— Да миллионы людей исчезли без следа, и ты думаешь, что меня будет волновать, доложишь ты или нет о том, что я поехал на автобусе, а не пешком потопал? Пока, Стил.

Рэйфорд покачал головой и повернулся к Хэтти:

— Может, мы там еще встретимся. Если сможете выбраться из терминала, то не ждите меня.

— Шутите? Если вы пойдете пешком, то я с вами.

— Не надо жертв.

— После той головомойки, что вы сейчас устроили Смиту? Нет уж, я лучше пешком.

— Он второй пилот. Он обязан помочь последним пассажирам покинуть борт и

первым выполнять долг в чрезвычайной ситуации.

— Тогда сделайте одолжение считайте и меня частью экипажа, ладно? Хотя бы потому, что я в какой-то мере чувствую себя хозяйкой на борту. И не думайте, будто я маленькая девочка!

— Я так и не думал никогда. Вещи собрали?

Хэтти тянула за собой чемоданчик на колесах, Рэйфорд нес свою пилотскую сумку. Идти пришлось долго, несколько раз команды, которые отвозили к терминалу здоровых, предлагали им подбросить их, но они отказывались. По дороге они обогнали нескольких пассажиров со своего рейса. Многие благодарили Рэйфорда, правда, он не понимал, за что. Наверное, за то, что не запаниковал. Но вид у них был испуганный и ошарашенный. Впрочем, и у него на душе творилось то же самое.

Приходилось зажимать уши от грохота заходивших на посадку над головой самолетов. Рэйфорд попытался прикинуть, сколько осталось до того момента, как и его полосу закроют. Но он не мог себе представить, чтобы полоса вообще вместила столько самолетов. Не придется ли сажать другие машины на шоссе или поля? И как далеко от больших городов придется им искать отрезки автомагистралей без мостов и развязок? От одной мысли его дрожь пробрала.

Повсюду машины «скорой помощи» и аварийных служб пытались пробиться к местам жутких аварий.

Добравшись, наконец, до терминала, Рэйфорд увидел огромные очереди у телефонов. Озлобленные люди кричали на тех, кто все набирал и набирал номера.

Запасы съестного в кафе и ресторанах аэропорта либо подходили к концу, либо уже иссякли. Все газеты и журналы были распроданы. Магазины, в которых пропали сотрудники, обчищали мародеры.

Рэйфорду смертельно хотелось присесть и поговорить с кем-нибудь, чтобы решить, что же делать. Но все, кто ему встречался, — друзья, знакомые или совсем чужие — были заняты своими делами. Аэропорт О'Хара напоминал огромную тюрьму, в которой кончается еда, а решетки крепчают. Никто не спал. Все сновали туда-сюда, пытаясь найти какую-нибудь связь с внешним миром, с семьями, выбраться из аэропорта хоть как-нибудь.

В летном центре в недрах аэропорта Рэйфорд обнаружил примерно такую же картину. Хэтти сказала, что попытается позвонить из комнаты отдыха и потом встретится с ним, чтобы поискать машину до города на двоих. Он понимал, что вряд ли они что-нибудь найдут, а идти двадцать миль пешком как-то не улыбалось. Но все гостиницы в округе уже были забиты под завязку.

Наконец, диспетчер попросил внимания всех летчиков в подземном центре.

— У нас есть несколько закрытых линий, около пяти, — сказал он. — Пробьетесь ли вы или нет, мы не знаем, но это лучшее, что

мы можем предложить. Линии идут в обход обычной магистральной, так что платные телефоны на терминале вам конкурентами не будут. Разговор сокращать до минимума. Кроме того, у нас есть ограниченное количество вертолетных рейсов до пригородных госпиталей и полицейских отделений, но, естественно, ваша очередь — после пострадавших. Становитесь в очередь к телефонам и на рейсы до пригорода. В данный момент мы не можем сказать ничего по поводу воздушного сообщения, кроме того, что на сегодня до конца дня все полеты отменяются. Вы обязаны быть здесь ко времени вашего следующего рейса или позвонить и выяснить, какова ситуация с рейсом.

Рэйфорд встал в очередь, начиная ощущать напряжение от слишком долгого ожидания и слишком малого количества информации. Хуже того, он понимал, что знает куда больше прочих. Если он прав, если все правда, то дома никто не поднимет трубку. Пока он стоял в очереди, на телеэкране у них над головами демонстрировали кадры всемирного хаоса. Рыдающие матери, мужественно переносящие потерю семьи, репортажи о смертях и разрушениях. Десятки историй, включая и рассказы очевидцев, на глазах у которых исчезли любимые люди или друзья.

Но самым шокирующим для Рэйфорда оказался репортаж о роженице, которая должна была уже идти в родильную палату, как вдруг ее матка оказалась пуста. Доктора

извлекли плаценту. Ее муж успел заснять исчезновение плода на пленку. Снимая ее огромный живот и покрытое потом лицо, он спрашивал: как она себя чувствует?

— А ты как думаешь, Эрл? Отключи эту хреновину!

— На что ты надеешься?

— Да на то, что дотянусь до твоей морды!

— Понимаешь ли ты, что через несколько мгновений мы станем родителями?

— Через минуту я развода потребую!

Затем она закричала, камера упала, слышались перепутанные голоса, забежали санитарки, примчался доктор. Си-эн-эн прокручивала ролик в замедленном режиме, показывая, как живот женщины вдруг становится совершенно плоским, словно она мгновенно разрешилась от бремени.

— Теперь посмотрите еще раз, — внушительно произносил диктор, — и смотрите на левый угол вашего экрана, где появляется санитарка, чтобы посмотреть показания сердечной деятельности плода на мониторе. Видите? — Ролик останавливался на кадре, когда живот роженицы опадал. — Форма санитарки словно стоит в воздухе, будто надета на невидимку. Она исчезла. — Ролик снова пошел и снова остановился. — Форма, носки и все прочее лежит кучкой на ее туфлях.

Местные телестанции по всему миру передавали сообщения о странных происшествиях, особенно из часовых поясов, где все эти события происходили среди дня или ранним

вечером. Си-эн-эн через спутник передавала видео, на котором жених исчез прямо в тот момент, когда надевал кольцо на палец невесты. В похоронном зале в Австралии с одной заупокойной службы исчезли чуть ли не все оплакивавшие покойного. Труп исчез тоже. На других похоронах, происходивших в то же самое время, исчезли всего несколько человек, труп остался на месте. Морги тоже передавали об исчезновении трупов. На одних похоронах трое носильщиков упали вместе с гробом, когда остальные трое исчезли. Кстати, когда гроб подняли, оказалось, что труп тоже исчез.

Рэйфорд стоял вторым в очереди к телефону. Но следующий репортаж, который он увидел на экране, убедил его в том, что он никогда больше не увидит жены. Прямо в разгар футбольного матча между командами христианских средних школ в штаб-квартире миссии в Индонезии исчезли практически все зрители и все игроки, кроме одного. Форма и бутсы остались на поле. Репортер Си-эн-эн сообщил, что оставшийся игрок от горя покончил с собой.

Но Рэйфорд знал, что здесь было не только горе. Этот игрок, учащийся христианского колледжа, сразу же понял, в чем дело. Восхищение. Иисус Христос вернулся за народом Своим, и этот мальчик был не из них. Пока Рэйфорд сидел в телефонной кабинке, слезы текли у него по щекам. Кто-то сказал — у вас четыре минуты, и он понимал, что этого ему хватит с лихвой. Его домашний

автоответчик тут же отозвался, и его сердце сжалось от боли при звуках голоса его жены. «Ваш звонок очень важен для нас, — сказала она. — Пожалуйста, после гудка оставьте сообщение».

Рэйфорд нажал несколько кнопок, чтобы проверить, нет ли сообщений. Пропустил два-три ничего не значащих, затем вздрогнул, услышав голос Хлои. «Мама? Папа? Вы здесь? Вы видели, что творится? Позвоните мне, как только сможете. У нас пропали десять студентов и два препода, исчезли все дети женатых студентов. Рэйми в порядке? Позвоните мне!»

Ну, хотя бы Хлоя осталась. Ему хотелось одного — обнять ее.

Рэйфорд перезвонил и оставил сообщение на автоответчике.

«Ирэн? Рэй? Если вы здесь, возьмите трубку. Если вы получите это сообщение, то я в аэропорту О'Хара и пытаюсь добраться домой. Это займет некоторое время — надо дожидаться рейса вертолета. Я надеюсь, что вы еще здесь».

— Пора, кэп, — сказал кто-то. — Всем позвонить надо.

Рэйфорд кивнул и быстро набрал номер общежития своей дочери в Стэнфорде. Уже во время набора номера он получил досадное сообщение, что вызов не может быть осуществлен.

Рэйфорд забрал свои вещи и проверил почтовый ящик. Кроме груды обычного хлама, он нашел толстый конверт из оберточной

бумаги со своим домашним адресом. Ирэн в последнее время любила посылать ему различные сюрпризы — прочитала книгу о браке, которую убеждала прочесть и его. Он сунул конверт в чемодан и пошел искать Хэтти Дюрхем. Забавно, но сейчас он не испытывал абсолютно никаких чувств к Хэтти. Однако он считал себя обязанным убедиться, что она добралась до дома.

Стоя в толпе у лифта, он услышал сообщение о том, что на борт вертолета могут подняться не более восьми пилотов и что рейс пойдет в Маунт-Проспект, Арлингтон Хайтс и Дес-Плейнс. Рейфорд поспешил к площадке:

— Есть одно место на Маунт-Проспект?

— Ага.

— Как насчет еще одного человека до Дес-Плейнс?

— Можно, если он успеет сюда за пару минут.

— Это не он. Она бортпроводница.

— Только пилоты. Извините.

— А если найдется место?

— Ну, может быть, но я ее не вижу.

— Я вызову ее по громкой связи.

— Тут никого не вызывают.

— Дайте мне секундочку. Не улетайте без меня.

Вертолетчик посмотрел на часы.

— Три минуты, — сказал он. — Стартую в час.

Рэйфорд оставил сумку на полу, надеясь, что это заставит вертолетчика задержаться,

если он немного опоздает. Он бросился по лестнице в коридор. Найти Хэтти было невозможно. Он бросился к бесплатному телефону, но там ему ответили:

— Извините, мы не можем никого вызвать в данный момент.

— Чрезвычайная ситуация. Я капитан компании «Пан-Континентал».

— Что сообщить?

— Пусть Хэтти Дюрхем встречает свою группу у К-17.

— Попытаюсь.

— Так попытайтесь!

Рэйфорд на цыпочки поднялся, чтобы увидеть Хэтти, и все равно она как-то сумела появиться внезапно.

— Я была четвертой в очереди на телефон, — сказала она, появляясь сбоку. — Вам больше повезло?

— Мне повезло поймать для нас вертолет, если поторопимся, — сказал он.

Когда они бежали вверх по лестнице, она сказала:

— То, что произошло с Крисом... Ужас какой, правда?

— Что с ним?

— Вы и правда не знаете?

Рэйфорд хотел остановиться и сказать, чтобы она прекратила говорить загадками. Это раздражало его в людях ее возраста. Им нравилось жонглировать словами, а он предпочитал, чтобы все было предельно ясно.

— Так расскажите! — проговорил он резко, чем хотел бы.

Когда они выбежали из дверей и выскочили на асфальт, их волосы взметнуло ветром от винта вертолета, гул вращающихся лопастей оглушил их. Сумка Рэйфорда была уже на борту, свободным оставалось только одно место. Пилот показал на Хэтти и покачал головой. Рэйфорд схватил ее под локоть и, забравшись на борт, втащил ее за собой.

— Она не полетит, только если ты ее вес не поднимешь!

— Сколько ты вешишь, куколка?

— Сто пятнадцать!¹

— Поднимем! — сказал он Рэйфорду. — Но если она не будет пристегнута, то я за последствия не отвечаю!

— Взлетаем! — скомандовал Рэйфорд.

Он пристегнулся, посадил Хэтти себе на колени. Он обнял ее за талию и сцепил руки. Ему пришло в голову, что есть определенная ирония в том, что об этой женщине он мечтал несколько недель, а теперь, когда она у него на коленях, он не чувствует радости — вообще ничего не чувствует. Он был глубоко несчастен. То есть он был рад, что помог ей, но несчастен.

У Хэтти был растерянный и неловкий вид, и Рэйфорд заметил, что она украдкой бросила короткий застенчивый взгляд на семерых других пилотов, сидевших в салоне вертолета. Но никто не обращал на нее внимания.

¹ В фунтах, то есть примерно 52 килограмма.
(Примеч. пер.)

Катастрофа случилась слишком недавно, и слишком многое было неизвестно. Рэйфорду слышалось, будто бы кто-то произнес имя «Кристофер Смит», или, может, он по губам прочел, но в грохочущем салоне вертолета ничего невозможно было расслышать. Он наклонился прямо к уху Хэтти.

— Так что же с Крисом? — сказал он.

— Его провезли мимо меня, когда я шла в комнату отдыха. Весь в крови!

— Что случилось?

— Не знаю, Рэйфорд, но вид у него был ужасный!

— Насколько он плох?

— Мне показалось, что он вообще мертв! То есть медики что-то с ним делали, но вряд ли он выживет.

Рэйфорд покачал головой. Что дальше?

— Он ударился или еще что-то произошло? Его автобус разбился?

Ну разве не насмешка судьбы!

— Не знаю, — сказала она. — Мне показалось, что кровь хлещет из руки, или из живота, или вообще отовсюду.

Рэйфорд тронул за плечо соседнего пилота.

— Ты ничего не знаешь о втором пилоте Кристофере Смите?

— Это который из «Пан-Континентал»?

— Да!

— А он разве не покончил с собой?

Рэйфорд застыл.

— Вряд ли. А что, уже были самоубийства?

— Да немало, но все как-то больше среди пассажиров. Единственный из летчиков, как я слышал, — это Смит из «Пан-Континентал». Перерезал вены.

Рэйфорд окинул взглядом остальных в салоне, ища знакомых. Он никого не знал, но один из них печально кивнул, услышав их громкий разговор. Он подался вперед.

— Крис Смит! Вы знали его?

— Это мой второй пилот!

— Очень жаль.

— Вы что-нибудь слышали об этом?

— Не знаю, насколько можно верить, но, по слухам его мальчики пропали, а жена погибла в автокатастрофе!

Впервые кошмар ситуации коснулся Рэйфорда напрямую. Он не слишком хорошо знал Смита. Он смутно помнил, что у Криса было двое сыновей. Вроде лет десяти, погодки. Он никогда не видел его жену. Но самоубийство! Не станет ли это выходом и для Рэйфорда? Нет, нет, ведь Хлоя еще здесь. Но что будет, если вдруг он обнаружит, что Ирэн и Рэй исчезли, а Хлоя погибла? Для чего ему тогда жить?

Как бы то ни было, последние несколько месяцев он жил не ради них. Все мысли его были только о той девушке, что сейчас сидела у него на коленях, хотя он ни разу не коснулся ее, пусть сама она часто к нему прикасалась. Захочет ли он жить дальше, если единственным близким ему человеком останется Хэтти Дюрхем? Да и в чем они близки? Она

красива, сексуальна и сообразительна — но только для своих лет. У них мало общего. Или только потому, что он убедил себя, будто бы Ирэн исчезла, ему так хочется сейчас обнять свою жену?

Он обнимал Хэтти Дюрхем без всякого чувства, да и она точно так же держалась за него. Оба они были до смерти перепуганы, и им было вовсе не до флирта. Однако иронию ситуации он улавливал. Ведь прямо перед тем, как Хэтти доложила ему о происшествии, он думал о том, чтобы сделать шаг ей навстречу. Откуда же ему было знать, что через несколько часов она будет сидеть у него на коленях и ему будет совершенно все равно?

Первой остановкой был полицейский участок Дес-Плейнс, где вышла Хэтти. Рэйфорд посоветовал ей попросить подбросить ее домой на полицейской машине, если будет по пути. Большая часть машин была занята в более населенных районах, так что вряд ли такой вариант подвернется.

— Да в любом случае до дома мне не больше мили! — крикнула Хэтти, перекрывая рев винта. — Пешком дойду!

Она крепко обняла его за шею, но он почувствовал, что она дрожит от страха.

— Надеюсь, у вас дома все о'кей! — крикнула она. — Позвоните мне, ладно?

Он кивнул.

— Позвоните? — еще раз спросила она.

— Позвоню!

Когда они взлетали, она стояла, озираясь, на парковке. Не найдя ни одной полицейской машины, она повернулась и торопливо зашагала вперед, таща за собой чемоданчик на колесах. Когда вертолет направился к Маунт-Проспект, Хэтти шагала к своему дому.

* * *

Бизон Уильямс первым из пассажиров своего рейса добрался до терминала аэропорта О'Хара. И попал в самую гущу хаоса. Никто из стоящих в очереди к телефонам не допустил бы, чтобы он попытался подключить к линии модем, сотовый не работал, так что он направился в эксклюзивный «Пан-Континентал Клуб». Он тоже был битком забит, но, несмотря на потери персонала, включая исчезновение нескольких служащих прямо во время работы, здесь все же было какое-то подобие порядка. Но даже тут люди ждали очереди к телефонам, однако по ходу дела стало понятно, что можно попытаться послать факс или подключиться прямо через модем. Дожидаясь своей очереди, Бизон снова принялся работать, опять присоединив провода внутреннего модема ноутбука к сетевому разъему. Затем он быстро скачал ответы на те сообщения, что отправил еще перед посадкой.

Первое сообщение, обращенное ко всем репортерам на местах, было от Стива Планка, их главного редактора:

«Не рыпаться. Не пытаться добрать-ся до Нью-Йорка, бесполезняк. Звонить по возможности. Регулярно проверять голосовую и электронную почту. Держаться по возможности на связи. Нам пока хватает народу, чтобы выпускать номера по графику. Нам нужны репортажи очевидцев, прямо с места событий, передавать все, что сможете. Не могу отвечать за связь с нашими типографиями и каналы доставки, а также за квалификацию их персонала. Если получится, будем выпускать номера в срок.

На заметку: подумать о причинах произошедшего. Военная катастрофа? Нападение из космоса? Научное объяснение? Духовное? Пока мы в основном работаем с тем, что есть.

Берегите себя и будьте на связи».

Второе письмо тоже было от Стива и предназначалось лично для него.

«Бизон, не обращай внимания на памятку для прочих. Добирайся до Нью-Йорка как можно быстрее, любой ценой. Естественно, выясни все о своей семье, записывай все, что испытал лично и запомнил, как и все остальные. Но тебе я

поручаю возглавить усилия по выяснению, что именно стоит за этим феноменом. Сколько голов, столько и идей — у каждого свое объяснение.

Не знаю, придем ли мы к каким-нибудь выводам, но как минимум составим список всех вероятных причин. Возможно, тебе непонятно, почему нам для этого нужен именно ты — у меня есть на то свои причины. Иногда мне думается, что из-за положения, которое я занимаю, только один я и знаю такие вещи, но целых трое редакторов отделов обратили внимание на некоторые идеи, которые были высказаны на трех международных встречах в Нью-Йорке. Редактор отдела политики указывает на конференцию еврейских националистов в Манхэттене, которая каким-то образом была связана с вопросами нового мирового порядка и правительства. Что их заботило, я не знаю, и редактор тоже. Редактор отдела религии скинул мне в ящик сообщение о конференции ортодоксальных евреев, также собравшихся на этот съезд. Они не то чтобы из Израиля, они съехались отовсюду, и они уже не спорят о свитках Мертвого моря. Они до сих пор в себя не могут прийти после поражения России и ее союзников — я знаю, что ты считаешь это событие сверхъестественным, но все равно тебя люблю. Редактор считает, что они до сих пор ищут спасения в восстановлении Храма. Вообще, это незначи-

тельное событие и вряд ли интересно для кого-нибудь еще, кроме отдела религии, но меня поразило совпадение по времени — ведь остальные еврейские группировки встречались в то же самое время и в том же самом месте по вопросам исключительно политическим! Еще одна религиозная конференция в городе — встреча лидеров всех основных религий, от традиционных до нововековцев, на которой тоже обсуждается единый мировой религиозный порядок. Они просто не могут не встретиться с еврейскими националистами, так? Пораскинь мозгами над этими фактами. Я, честно говоря, не знаю, что из этого можно высосать.

Я понимаю, что всех в первую очередь волнуют исчезновения. Но надо ведь и остальные события в мире держать под прицелом. Ты сам знаешь, что ООН собирается на консультацию по монетаризму, будут пытаться оценить, как нам всем живется с этими тремя валютами. Мне лично неплохо живется, но мне как-то не очень хочется переходить на единую валюту — разве только это будет доллар. Можешь себе представить, как мы тут будем рассчитываться в иенах или марках? Видимо, я чего-то не догоняю.

Тут все просто тащатся от этого парня с Карпат, из Румынии, который так впечатлил твоего приятеля Розенцвейга. Он всех связал по рукам и ногам в правительстве своей страны, поскольку его

пригласили выступить в ООН через пару недель. Никто не знает, выбил ли он сам себе это приглашение каким-то образом, но его популярность в мире сравнима с популярностью Валенсы или Горбачева. Помнишь таких? Ага!

В общем, приятель, если ты не исчез, пришли мне словечко. На данный момент, насколько я знаю, я потерял племянницу и двух племянников, золовку — я все равно ее не любил — и, возможно, парочку дальних родственников. Как думаешь, они еще вернутся? Ладно, забудь об этом, пока мы не докопаемся до сути. На мой взгляд, с нас будут трясти какой-то охрененный выкуп. То есть вряд ли все эти исчезнувшие мертвы. И что же будет с мировой страховой системой? А уж желтая пресса начнет нести... Знаешь, они готовы заявить, что до нас, наконец, добрались пришельцы из космоса.

Приезжай скорее, *Бизон*».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бизон продолжал прижимать к разбитому затылку смоченный в холодной воде платок. Кровь уже остановилась, но затылок саднило немилосердно. Он обнаружил еще одно сообщение в своем электронном ящике и уже был готов прочесть его, когда кто-то тронул его за плечо:

— Я врач. Позвольте, я вас перевяжу.

— О, да все в порядке, я...

— Дайте мне вас перевязать, приятель. Я зверею от безделья, а аптечка у меня с собой. Сегодня работаю бесплатно. Можете считать это специальным предложением в День Восхищения.

— Чего-чего?

— Ну, а как вы еще назовете то, что стряслось? — спросил врач, доставая из сумки флакон и бинт. — Конечно, повязка будет самая элементарная, зато стерильная. СПИД?

— Извините?

— Да ладно, вы же знаете стандартную процедуру. — Он натянул резиновые перчатки. — У вас есть СПИД, или ВИЧ, или какая-нибудь еще радость такого типа?

— Нет. И, да, спасибо. — В этот момент врач плеснул хорошую дозу дезинфицирующего средства на марлю и приложил ее к разбитому затылку Бизона. — Ой! Полегче!

— Мужайся, парень. Не так уж и больно, а вот если инфекцию подхватишь — вот тут тебе солоно придется. — Он сурово прочистил рану, от чего снова начала сочиться кровь. — Послушай, я тебя тут немножко подбрею, чтобы повязка держалась, ладно? Ты как, в порядке?

У Бизона слезы стояли в глазах.

— Да, конечно, но что вы тут говорили о восхищении?

— А что, есть другое разумное объяснение? — заверил ее врач, скальпелем сбривая волосы на затылке у Бизона. Подошла служащая клуба и попросила их перенести операцию в туалет.

— Спокойно, я тут приберу, — заверил ее врач. — Почти закончили уже.

— Ну, в общем, это негигиенично, и люди смотрят...

— Да просто раздайте им выпивку и орешки, и лады. И это не будет их особо беспокоить в такой денек-то.

— Не надо говорить со мной в таком тоне.

Доктор вздохнул.

— Вы правы. Как вас зовут?

— Сьюзи.

— Извините за грубость, Сьюзи. Мир? А теперь дайте мне закончить, и я обещаю вам, что больше не буду проводить никаких хирургических операций на глазах у публики.

Сьюзи отошла, качая головой.

— Док, — сказал Бизон, — оставьте мне визитку, чтобы я мог как следует вас отблагодарить.

— Да незачем, — отмахнулся врач, убирая медикаменты в сумку.

— А теперь скажите, что вы думаете обо всем этом? Что вы имеет в виду под восхищением?

— В другой раз. Ваша очередь на телефон подошла.

Бизона тянуло продолжить разговор, но он не мог упустить шанс поговорить с Нью-Йорком. Он попытался позвонить напрямую, но ничего не вышло. Он подсоединил модем к телефону и включил режим автодозвона, просматривая тем временем сообщение от секретарши Стива Планка, степенной Мардж Поттер.

«Бизон, ну ты и скотина! Мне что, делать больше нечего, как семьи твоих подружек обзванивать? Где ты только откопал эту Хэтти Дюрхем? Можешь передать ей, что я дозвонилась до ее мамы на западе, но это было до шторма, или потопа, или что там еще

снова вырубило телефонные линии. Она жива и здорова, хотя и ошарашена, и была очень рада узнать, что ее дочурка не растворилась. Судя по словам ее матушки, обе ее сестрицы живы и здоровы.

Ты просто душка, Бизон, — очертя голову бросаешься на помощь таким людям. Стив говорит, что ты попытаешься пробиться сюда. Приятно будет увидеть тебя. Все это так ужасно. Пока мы знаем только о нескольких пропавших сотрудниках, еще о нескольких ничего пока не известно, в том числе и о ребятах в Чикаго. Все старшие сотрудники на месте, вот и от тебя весточка пришла. Я молилась, чтобы с тобой было все в порядке. Ты заметил, что катастрофой накрыло невинных? Все пропавшие, о ком мы знаем, либо дети, либо очень хорошие люди. С другой стороны, некоторые по-настоящему замечательные люди по-прежнему с нами. Я рада, что среди них оказался и ты. Стив тоже. Позвони нам».

И ни слова о том, удалось ли ей дозвониться до вдового отца Бизона или женатого брата. Интересно, подумал Бизон, это она нарочно, или просто еще нет никаких новостей? Наверное, его племянник и племянница исчезли, если и правда никто из маленьких детей не уцелел. Бизон оставил попытки связаться с офисом напрямую, но снова успешно вышел в Интернет. Он сгрузил свои файлы и несколько наспех набран-

ных сообщений насчет того, где находится в данный момент. Таким образом, когда телефонная система снова начнет хотя бы относительно нормально функционировать, «Глобал уикли» уже получит от него хороший задел для статьи.

Он отсоединился, кивнул в ответ на благодарный взгляд следующего в очереди и отправился искать врача. Безуспешно. Мардж намекала на невинных. Доктор тоже считал, что это — Восхищение. Стив в шутку упомянул о вторжении инопланетян. На данный момент нельзя исключить никакого предположения. У него уже голова пухла от мыслей о том, что может стоять за исчезновениями. Да, такое редакционное задание выпадает раз в жизни!

Бизон встал в очередь к информационной стойке, понимая, что его шансы добраться до Нью-Йорка общественным транспортом стремятся к нулю. Ожидая своей очереди, он пытался припомнить, что говорил ему Хаим Розенцвейг, личность года, о молодом Николае Карпати из Румынии. Бизон рассказывал об этом только Стиву Планку, и Стив согласился, что не стоит вставлять информацию о нем в и так насыщенный материал. Да, Розенцвейг был очарован Карпати, но почему?

Бизон сел на пол в очереди, передвигаясь, когда надо было. Он вызвал из архива файлы с интервью Розенцвейга и провел поиск по фамилии «Карпати». Он вспомнил, как неловко ему было говорить Розенцвейгу,

что он никогда не слышал об этом человеке. Список расшифровок интервью заскользил перед его глазами по экрану, он нажал кнопку «стоп» и начал читать. Заметив, что индикатор показывает разрядку аккумулятора, он достал удлинитель из кейса и сунул его в розетку на стене.

— Осторожно, провод, — периодически говорил он проходящим мимо людям. Одна из женщин за стойкой крикнула ему, чтобы он вынул провод из розетки.

Он улыбнулся ей.

— А если я откажусь, то что? Вышвырнете меня отсюда? Арестуете? Хоть сегодня-то не зверствуйте!

Вряд ли кто-то обратил внимание на чокнутого типа, сидящего на полу и орущего на девушку за стойкой. Такое редко бывало в «Пан-Континентал Клуб», но сегодня ничто никого не могло удивить.

* * *

Рэйфорд Стил высадился на вертолетной площадке на Арлингтон Хайтс у Северо-Западной городской больницы, где пилотам пришлось покинуть борт и освободить салон, чтобы можно было перевезти пациентов в Милуоки. Остальные пилоты оставались у входа, надеясь поймать такси, но Рэйфорду в голову пришла мысль получше. Он пошел пешком.

До дома было около пяти миль, и он готов был поспорить, что поймает попутку скорее, чем дождется такси. Он надеялся, что его летная форма и опрятный вид помогут ему поймать машину.

Пока он брел, перекинув через руку плащ и держа в другой чемодан, душу его томили отчаяние и одиночество. Сейчас Хэтти, наверное, уже у себя дома, проверяет почту, пытается позвонить семье. Если он прав и Ирэн с Рэем-младшим исчезли, то где их застигла катастрофа? Найдет ли он свидетельства того, что они и вправду исчезли, а не погибли в последовавшем хаосе?

Рэйфорд прикинул, что здесь исчезновения начались поздним вечером, примерно в одиннадцать часов. Вряд ли что-нибудь могло заставить их покинуть дом в это время. Он просто не мог ничего придумать, так что вряд ли.

На Алгонкин-роуд рядом с Рэйфордом притормозила машина. За рулем сидела женщина лет сорока. Когда он поблагодарил ее и сказал, где живет, она ответила, что знает этот район.

— Там живет моя подруга. То есть жила. Ли Ни, девушка-азиатка из новостного отдела седьмого канала. Знаете ее?

— И ее, и ее мужа, — сказал Рэйфорд — Они живут на нашей улице.

— Уже нет. Сегодняшний выпуск новостей в полдень был посвящен ей. Вся их семья исчезла.

Рэйфорд громко вздохнул.

— Просто невероятно. А вы тоже кого-нибудь потеряли?

— Боюсь, что так. — Ее голос дрогнул. — С десятков племянниц и племянников.

— О.

— А вы?

— Пока не знаю. Я только что из полета и еще не успел ни с кем связаться.

— Вас подождать?

— Не надо. У меня есть машина, так что если мне куда-нибудь нужно будет доехать, то я доберусь.

— Аэропорт О'Хара закрыт, знаете? — сказала она.

— Правда? С каких пор?

— Да только что объявили по радио. Все полосы забиты самолетами, терминал забит людьми, дороги забиты машинами.

— Расскажите.

Женщина, всхлипывая, вела машину к Маунт-Проспект. Рэйфорд ощутил такую усталость, какой не испытывал никогда. Все подъезды к домам были забиты машинами, вокруг сновали люди. Впечатление было такое, что каждый кого-то потерял. Он знал, что скоро и он будет среди них.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь? — спросил он женщину, когда она вырулила на подъездную аллею.

Она покачала головой.

— Я рада, что смогла хоть кому-то помочь. Помолитесь за меня, если сможете. Я не знаю, смогу ли все это выдержать.

— Я не слишком силен в молитвах, — согласился Рэйфорд.

— Ничего, научитесь, — сказала она. — Я тоже раньше ни одной молитвы не знала, но теперь знаю.

— Тогда помолитесь за меня.

— Обязательно.

Рэйфорд стоял на дорожке и махал рукой вслед женщине, пока она не скрылась из вида. Двор и дорожка были, как всегда, безупречно опрятны, огромный дом с лепниной мрачно возвышался перед ним. Он открыл парадную дверь. Все — от газет на крыльце до задернутых штор на венецианском окне и горького запаха жженого кофе — указывало на то, чего он больше всего опасался.

Ирэн была аккуратисткой. Утренний ее ритуал начинался с включения таймера на кофеварке в шесть утра и чашечки ее особой смеси кофе без кофеина с яйцом. Радио, настроенное на местный Христианский канал, включалось в 6.30. Спустившись вниз, Ирэн первым делом отдергивала шторы на всех окнах.

С комком в горле Рэйфорд вошел в дом, швырнул газеты в кухню. Нарочно тянул время, снимая пиджак и задвигая чемодан в чулан. Он вспомнил о пакете, который прислала ему Ирэн в аэропорт О'Хара, и сунул его в большой карман своей униформы. Он держал его при себе, ища доказательства тому, что она действительно исчезла. Если так, то он надеялся, что она была права. Больше всего на свете он желал, чтобы ее мечты

сбылись, чтобы Иисус в мгновение ока забрал ее с собой в восхитительное, счастливое путешествие, в Его царствие небесное, как она всегда любила говорить. Если уж кто такого и заслуживал, то она в первую очередь.

А Рэйми? Где он? С ней? Конечно. Он всегда ходил с ней в церковь, даже когда Рэйфорд не сопровождал их. Сыну вроде это нравилось, он втянулся в это дело. Он даже читал и изучал Библию.

Рэйфорд выключил кофеварку, которая автоматически отключалась и включалась в течение семи часов, окончательно испортив кофе. Прибрался и сунул чашку в мойку. Выключил радио, по которому передавала новости христианская радиостанция, бубня о трагедии и хаосе, последовавших за всеми этими исчезновениями.

Он осмотрел гостиную, столовую, кухню, ожидая увидеть привычный порядок, который всегда аккуратно поддерживала Ирэн. С полными слез глазами он отдернул шторы, как сделала бы она. Может, она куда-то уехала? В гости к кому-нибудь? Оставила ему сообщение? Но если так, и если он ее найдет, что станет с ее верой? Будет ли это означать, что это вовсе не Восхищение, в которое она так верила? Или это будет значить, что ее, как и его, оставили здесь? Если это действительно Восхищение, то он страстно надеялся, что она все же исчезла. Но боль и пустота в сердце от этого не утихали.

Он включил автоответчик и услышал те же самые сообщения, что и в аэропорту

О'Хара плюс свое собственное. Странно было слушать собственный голос. Он услышал в нем фатализм, словно уже тогда понимал, что его жена и сын не получат его сообщения.

Ему было страшно подниматься наверх. Он побрел через общую комнату к выходу из гаража. Если бы там не хватало одной машины! Да! Одной нет! Может, она куда-то уехала! Но, даже не успев додумать мысли, Рэйфорд тяжело сел на пол гаража. Не было его собственного БМВ. Того самого, на котором он уехал в О'Хара за день до того. Когда дороги расчистят, он заберет его из аэропорта.

Остальные две машины стояли на месте — машина Ирэн и та, на которой обычно ездила Хлоя, когда бывала дома. И конечно, все, что напоминало о Рэйми. Его квадроцикл, снегокат, велосипед. Рэйфорд возненавидел себя за то, что не сдержал обещания почаще бывать с Рэйми. Теперь у него будет полно времени для сожалений.

Рэйфорд встал, услышал шорох конверта в кармане. Пора было подняться наверх.

* * *

Очередь Бизона Уильямса к стойке «Пан-Континентал Клаб» почти подошла, когда он, наконец, нашел на диске нужные ему материалы. В какой-то момент во время своего

многодневного интервью Бизон поднял вопрос о том, что все страны заискивают перед доктором Розенцвейгом, пытаясь получить доступ к его формуле.

— Это интересный вопрос, — согласился Розенцвейг, подмигнув. — Меня больше всего поразила визит самого вице-президента Соединенных Штатов. Он обещал оказать мне почести, представить меня президенту, устроить парад в мою честь, присвоить мне ученую степень, и все такое. Он дипломатично не упомянул о том, что от меня потребуются взамен, но ведь я был бы всем ему обязан. Не так ли? Много говорилось о многолетней дружбе между Израилем и США. И ведь это правда, не так ли? Тут не поспоришь.

Но я сделал вид, что считаю себя недостойным всех этих наград и почестей, и скромно их отверг. Ведь я очень скромный человек, юноша, не так ли? — Старик раскатиисто расхохотался и рассказал еще о нескольких влиятельных людях, которые пытались очаровать его.

— А хоть кто-нибудь из них был искренен? — спросил Бизон. — Хоть кто-нибудь действительно впечатлил вас?

— Да! — тут же ответил Розенцвейг. — Это был гость из самого странного и невероятного уголка Земли — из Румынии. Не знаю, послали ли его, или он приехал по собственной инициативе — думаю, последнее, поскольку мне кажется, что после получения мной награды это был самый незначительный в смысле официальной иерархии чело-

век, с которым я общался. Это было одной из причин, почему мне захотелось поговорить с ним. Он сам просил встречи со мной, а не пошел проторенными путями политики и официального протокола.

— И это был?..

— Николае Карпати.

— Карпати как?..

— Ну да, как Карпаты. Звучное имя, нельзя не признать. Мне он показался чрезвычайно милым и скромным человеком. Прямо как я! — Он снова рассмеялся.

— Я и не слышал о нем.

— Еще услышите! Непременно услышите!

Бизон пытался направить разговор в нужную сторону:

— Этот человек...

— Впечатляет, это все, что я могу сказать.

— И он, как вы сказали, был чем-то вроде дипломата низшего ранга?

— Он член нижней палаты румынского парламента.

— Сената?

— Нет, сенат — верхняя палата.

— Да, конечно.

— Да вы не стесняйтесь, что не знаете, пусть вы и международник. Такое знают только сами румыны да любители-политологи вроде меня. Меня это просто интересует.

— В свободное от работы время?

— Именно! Но даже я ничего не знал об этом человеке. То есть я знал, что кто-то из палаты депутатов — так они называют свою

нижнюю палату — является борцом за мир и возглавляет движение за разоружение. Но по имени я его не знал. Я считал, что его цель — всемирное разоружение, во что мы, израильтяне, не верим. И конечно, в первую очередь он тогда должен бороться за разоружение собственной страны, что даже вы вряд ли в своей жизни увидите. Кстати, он примерно ваших лет. Белокурый и синеглазый, какими были большинство коренных румын — потомков римлян — до того, как по ним прошли монголы.

— И что же вам так в нем понравилось?

— Сейчас скажу, — ответил Розенцвейг. — Он говорил на моем языке, как на родном. И свободно разговаривал по-английски. Говорят, он еще несколькими языками владеет в совершенстве. Прекрасно образован, но также явно усердно занимался самообразованием. И еще он мне понравился как человек. Очень умен. Очень честен. Очень откровенен.

— И чего он хотел от вас?

— Того, что меня больше всего привлекло к нему. Поскольку он показался мне столь честным и откровенным, я спросил его об этом напрямую. Он попросил, чтобы я называл его просто Николае, потому я и спросил: «Николае, — это после часового взаимного обмена любезностями, — чего вы от меня хотите?» Знаете, юноша, что он мне ответил? «Доктор Розенцвейг, я хочу только вашего расположения». И что я мог на этот ответить? «Да пожалуйста, Николае». Понимаете, я и сам немножко пацифист. Но я реалист. Этого

я ему не сказал. Я просто сказал, что он может пользоваться моим расположением. Как и вы в какой-то мере.

— Полагаю, что вы не так легко награждаете этим людей.

— Потому вы мне и понравились, потому я к вам и расположен. Когда-нибудь вы встретитесь с Карпати. Вы понравитесь друг другу. Его цели и мечты в его собственной стране не смогут осуществиться никогда, но он верен своим идеалам. И раз вы выходите на свою орбиту, он наверняка услышит о вас — или вас самого, не так ли?

— Надеюсь.

Тут вдруг оказалось, что подошла очередь Бизона к стойке. Он сгреб свой удлинитель и поблагодарил молодую женщину за то, что она терпела его.

— Вы уж меня извините, — сказал он, подождав, ответа не получил. — Вы сами понимаете — сегодня день такой.

Возможно, она не понимала. У нее день тоже был тяжелый. Она смерила его терпеливым взглядом и спросила:

— Чем я не могу вам помочь?

— О, вы злитесь за то, что я вас не послушался?

— Нет, — сказала он. — Я так всем говорю. Шутка такая. Я ведь и правда ничем никому не могу помочь. Сегодня не будет полетов. Аэропорт, того гляди, закроют. Бог знает сколько времени пройдет до того, как разгребут последствия крушений и восстановится

хоть какое-то движение. В общем, спрашивайте, но я не смогу доставить ваш багаж, не смогу отправить вас никаким рейсом никуда, не смогу дать вам позвонить, выбить для вас комнату в отеле — все, что мы с удовольствием делаем для членов нашего клуба. Вы ведь член клуба, да?

— Спрашиваете!

— Золотая или платиновая карта?

— Леди, я бы сказал, криптонитовая.

Он взмахнул своей карточкой, показав, что он среди топовых трех процентов авиапутешественников в мире. Если на каком борту найдется хоть одно свободное кресло в самом дешевом классе, то оно должно быть предоставлено ему с дальнейшим переводом в VIP-катеорию.

— Господи боже мой, — сказала она, — не говорите мне, что вы Кэмерон Уильямс из этого самого журнала.

— Он самый.

— «Тайм»? Честно?

— Не богохульствуйте. Я из конкурирующей фирмы.

— Да я знаю. Просто я хотела стать журналисткой. Училась в колледже. Разве я могла не читать ваши статьи? Вы же не то самый молодой из лауреатов не то автор самого большого числа передовиц в категории «Журналисты в возрасте до двенадцати лет»?

— Смешно.

— Или вроде того.

— Поверить не могу, что мы способны шутить в такой день, — сказал он.

Она внезапно помрачнела:

— Даже думать об этом не желаю. Итак, что я могу для вас сделать, если вообще что-нибудь могу?

— Есть одна вещь. Мне надо попасть в Нью-Йорк, — сказал Бизон. — Не надо так на меня смотреть. Я знаю, что добраться туда сейчас нереально. Но вы знаете людей. Знаете пилотов, которые летают на второстепенных, чартерных рейсах. Вы знаете аэропорты, из которых они летают. Скажем так, я имею неограниченные ресурсы и могу заплатить, сколько понадобится. К кому вы мне порекомендуете обратиться?

Она уставилась на него:

— Не могу поверить, что вы меня об этом просите.

— Почему?

— Да потому, что я знаю нужного человека. Он летает на маленьком самолете из аэропортов Вокеган и Палуоки. Он берет дорого, а в кризисный момент возьмет вдвое, особенно если будет знать, кто вы такой и что вам позарез надо в Нью-Йорк.

— Не разорюсь. Давайте контакты.

* * *

Одно дело — слушать репортажи по радио или смотреть по телевизору. Совсем другое — видеть собственными глазами. Рэйфорд Стил даже не предполагал, каково ему

будет, когда он найдет свидетельства того, что его жена и сын исчезли с лица земли.

Наверху лестницы он остановился перед семейными фото. Аккуратистка Ирэн развела их в хронологическом порядке — начиная со своих и его прадедушек и прабабушек. Старые поблекшие черно-белые фотографии суровых, худощавых мужчин и женщин Среднего Запада. За ними следовали выпцветшие цветные снимки их дедушек и бабушек с их золотых свадеб. Затем родители, братья и сестры, наконец, они сами. Когда в последний раз он рассматривал их свадебный снимок, где она была с прической «под пажа», а он сам с волосами, прикрывающими уши, и бачками?

А на следующей Хлоя, восьми лет от роду, держит на руках малыша! Как же он был счастлив, что Хлоя осталась и что он сможет как-нибудь связаться с ней! Но что это значит для них двоих? Бог их оставил. Он не знал, на что надеяться и о чем молиться. Может, о том, чтобы Ирэн и Рэйми все же остались здесь, и чтобы все оказалось не тем, чем кажется?

Больше он не мог ждать. Дверь в комнату Рэйми была приоткрыта. Пищал будильник. Рэйфорд отключил его. На постели лежала книга, которую Рэйми читал. Рэйфорд медленно снял одеяло и увидел его пижамку с символикой «Чикаго Буллз», белье и носки. Он сел на краешек постели и заплакал, почти улыбаясь сквозь слезы, вспомнив, как Ирэн все ворчала на Рэйми за то, что тот спит без носочков.

Он сложил одежду аккуратной стопкой на прикроватной тумбочке и увидел там собственное фото. Он стоял, улыбаясь, в терминале, держа фуражку под мышкой, а в окне на заднем плане был виден его «Боинг-747». Фото было подписано: «Рэйми от папы, с любовью». А под этими словами он написал: «Рэйфорд Стил, капитан авиалинии «Пан-Континентал», аэропорт О'Хара». Он покачал головой. Какой же отец вот так подписывает фотографию для собственного сына?

Тело Рэйфорда словно налилось свинцом. Он с трудом заставил себя встать. Голова его кружилась, и он вспомнил, что ничего не ел уже много часов. Он медленно вышел из комнаты Рэйми, не оглядываясь, и захлопнул за собой дверь.

В конце коридора он остановился перед застекленной створчатой дверью, которая вела в супружескую спальню. Каким же красивым, цветистым местечком сделала его Ирэн, украсив ее вышивкой и безделушками в стиле кантри. Он хоть когда-нибудь говорил ей, как ему это нравится? Он вообще хоть когда-нибудь ценил ее старания?

Здесь не было будильника, отключать было нечего. Ирэн всегда поднимал ото сна запах кофе. Еще одна их фотография. Он уверенно смотрит в объектив, она смотрит на него. Нет, он был недостоин ее. Он заслужил то, что происходило с ним теперь. Собственный эгоцентризм сыграл с ним злую шутку, лишив самого дорогого человека в жизни.

Он подошел к постели, уже зная, что там найдет. Примятую подушку, скомканное одеяло. Он ощущал ее запах, хотя и знал, что постель давно остыла. Он осторожно снял одеяло и простыню, чтобы увидеть медальон с его портретом. Ее фланелевая ночная сорочка, та, над которой он все время подтрунивал и которую она носила, только когда его не было дома, повторяла силуэт ее тела в тот момент, когда она исчезла.

Ему перехватило горло, глаза наполнились слезами. Он увидел ее обручальное кольцо возле подушки — она всегда клала руку под щеку. Это было слишком. Он не выдержал. Он сжал кольцо в ладони, сел на край постели, дрожа от усталости и горя. Он положил кольцо в карман и тут наткнулся на ее письмо. Разорвав конверт, он нашел там два любимых своих домашних печенья с сердечками, нарисованными шоколадом.

«Какая чудесная, прекрасная женщина! — думал он. — Я не был ее достоин, я не любил ее так, как она заслуживала!»

Он положил печенье на прикроватную тумбочку. Их аромат заполнил спальную. Задереженевшими пальцами он расстегнул одежду и сбросил ее на пол. Он лег в постель лицом вниз, прижав к груди ночную сорочку Ирэн, чтобы вдыхать ее запах и представлять, будто бы обнимает ее.

Он плакал, пока не уснул от усталости.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Бизон Уильямс нырнул в кабинку мужского туалета «Пан-Континентал Клуб», чтобы просмотреть свои вещи. В специальном кармашке внутри его джинсов был спрятан дорожный чек на тысячу долларов, по которому можно было получить наличные в долларах, марках или иенах. В его кожаной сумке лежали две смены белья, ноутбук, мобильный телефон, магнитофон, всякие мелочи, туалетные принадлежности и теплая зимняя одежда.

Он уложил чемодан за три дня до начала волны исчезновений, собираясь в десятидневную командировку в Великобританию. Обычно за границей он сам стирал свое белье в раковине и оставлял его сушиться в течение дня, один комплект носил, а еще один имел в запасе. Таким образом, ему никогда

не приходилось возить с собой много багажа.

Бизон отклонился от маршрута и остановился в Чикаго, чтобы наладить отношения с директором местного отделения «Глобал уикли», темнокожей дамой средних лет, по имени Люсинда Вашингтон. Он перебежал ей дорожку — а как иначе в новостях-то? — когда увел у нее из-под носа спортивный репортаж. Стареющий легендарный игрок «Чикагских медведей» наконец-то нашел достаточно партнеров, чтобы купить профессиональную футбольную команду, а Бизон каким-то образом об этом пронюхал, нашел его, взял интервью и был таков.

— Я прямо-таки восхищаюсь тобой, Кэмерон, — сказала тогда Люсинда Вашингтон, нарочито избегая называть его по прозвищу. — И всегда восхищалась, как бы ты ни досаждал мне. Но ты мог хотя бы предупредить меня.

— И дать тебе послать туда кого-нибудь другого, кто по идее и так должен бы держать ситуацию под контролем?

— Спорт — не твоя епархия, Кэмерон. После того как ты взял интервью у личности года и сделал репортаж о разгроме России в Израиле, или, как бы я сказала, о ее поражении от десницы Господней, что тебе за корысть в грошовом материале вроде этого? Ведь вам, ребятам из Лиги Плюща¹, должны

¹Лига Плюща — восемь старейших и наиболее привилегированных частных колледжей и университетов.

быть по вкусу только лакросс¹ и регби, не так ли?

— Это повесомее простого спортивного репортажа, Люси...

— Эй!

— Извини, Люсинда. И тебе не кажется, что ты мыслишь несколько стереотипно? Лакросс и регби?

Они оба рассмеялись.

— Я даже не говорю, что тебе стоило сообщить мне, что ты в городе, — сказала она. — Или хотя бы предупредить меня до того, как материал появится в «Уикли». Мне и моим ребятам было очень неприятно получить вот такой щелчок по носу, особенно от легендарного Кэмерона Уильямса, но уж раз так вышло, то...

— Поэтому ты и нажаловалась на меня?

Люсинда снова рассмеялась:

— Поэтому я сказала Планку, что ты обязан явиться ко мне лично, чтобы снова оказаться у меня в милости.

— А с чего ты взяла, что мне есть до этого дело?

— Да потому, что ты меня любишь, — сказала она. — И ничего не можешь с этим поделать.

Бизон улыбнулся.

¹ Л а к р о с с (фр. la crosse — «клюшка») — командная игра, в которой две команды стремятся поразить ворота соперника резиновым мячом, пользуясь ногами и снарядами, представляющим собой нечто среднее между клюшкой и ракеткой.

— Но, Кэмерон, если я снова накрою тебя в моем городе, если ты полезешь на мою лужайку без предупреждения, я накручу тебе хвост.

— Ну что ж, Люсинда. Вот что я тебе скажу. Позволь мне дать тебе наводку — сам я просто не успею ею воспользоваться. Мне довелось узнать, что эта покупка команды национальной футбольной лиги на грани срыва. С деньгами какая-то мутная история, и лига собирается отказаться от предложения. Ваша местная легенда будет весьма ошарашена.

Люсинда начала быстро что-то записывать.

— Быть не может, — сказала она, потянувшись за телефоном.

— Еще бы! Мне просто было любопытно посмотреть, как ты поведешься.

— Ну и подонок, — сказала она. — Любого другого я бы спустила с лестницы.

— Но ты любишь меня. И ничего не можешь с этим поделать.

— Это даже не по-христиански, — заявила она.

— Давай не будем снова заводить эту волюнку.

— Иди, Кэмерон. Ты и сам понимаешь, что уже не сможешь быть прежним после того как увидел, что Бог сделал для Израиля.

— Спасибо, только христианином меня называть не надо. Я в лучшем случае деист.

— Побудь в моем городе подольше, зайди в нашу церковь, и ты познаешь Бога.

— Уже, Люсинда. Но Иисус — совсем другое дело. Израильтяне терпеть не могут Иисуса, но смотри, что для них сделал Бог!

— Пути Господни...

— ...неисповедимы, знаю. Кстати, я в понедельник вылетаю в Лондон. Займусь свеженькой информацией от тамошнего друга.

— Да? И чем?

— Ни за что в жизни не скажу! Мы еще не так хорошо знакомы.

Она рассмеялась, и они расстались, по-дружески обнявшись. Это было три дня назад.

Бизон сел в тот злосчастный самолет до Лондона, готовый ко всему. Он держал нос по ветру, следуя информации, полученной от бывшего однокашника по Принстону¹, валлийца, который после выпуска работал в финансовом отделе в Лондоне. Дирк Бертон в прошлом был надежным источником, поставлявшим Бизону информацию о секретных встречах высших представителей мировых финансовых кругов. Много лет Бизон подшучивал над пристрастием Дирка к теориям всемирного заговора.

— Ты мне прямо скажи, — как-то раз спросил его Бизон, — ты и правда считаешь, что эти ребята правят миром?

— За это не поручусь, Кэм, — ответил Дирк. — Я знаю только одно — это важные

¹Принстонский университет — одно из старейших учебных заведений США, входит в Лигу Плюща.

совещания. Закрытые. И после них в мире происходят большие события.

— Значит, ты считаешь, что они выбирают мировых лидеров, назначают диктаторов и все такое?

— Знаешь, приятель, я в клубе заговорщиков не состою, если ты об этом.

— Тогда откуда ты берешь всю эту фигню, Дирк? Давай колись, ты парень непростой. Значит, за всем стоят теневые политические воротилы? Тайные махинаторы, которые контролируют финансовые потоки?

— Я знаю только то, что ситуация на Лондонской, Токийской, Нью-Йоркской биржах, — повсюду — как правило, меняется плавно, пока эти ребята не соберутся на свое заседание. А вот тогда их начинает лихорадить.

— То есть когда на Нью-Йоркской фондовой бирже происходит взрыв в результате какого-нибудь решения президента или голосования в Конгрессе, то на самом деле за всем этим стоит твоя тайная группа?

— Нет, просто это очень хороший пример. Если уж на рынке происходит обвал из-за состояния здоровья президента, то представь, что может случиться с мировым рынком, когда вместе соберутся настоящие денежные воротилы.

— Но откуда миру знать об их встрече? Я-то думал, что ты один об этом знаешь.

— Кэм, будь серьезнее. Хорошо, со мной не многие соглашаются, но я и не всем

об этом рассказываю. Один из наших боссов — член этой группы. Когда они собираются — нет, сразу ничего не происходит. Но вот через несколько дней, через неделю — вот тогда начинаются перемены.

— Например?

— Ты назовешь меня чокнутым, но девушка одного моего друга работает секретаршей у парня, который входит в этот круг, и...

— Да ну! Баба бабе рассказала!

— Ладно, возможно, связь несколько отдаленная, но ты сам понимаешь, что секретарь должен помалкивать. Короче, ходит слух, что этот тип рулит миром в смысле перехода на единую валюту. Ты же знаешь, что половину времени мы тратим на отслеживание курсов валют и так далее. Приходится каждый день перенастраивать компьютеры в зависимости от взрывов рынка.

Но Бизон не поддавался.

— Единая мировая валюта? Такого никогда не будет, — сказал он.

— С чего ты так уверен?

— Это слишком невероятно. Слишком непрактично. Помнишь, что было в Штатах, когда там попытались ввести метрическую систему.

— А ты чего хотел? Вы, янки, такие деревенщины.

— Метрическая система необходима только для международной торговли. А измерять длину ограждения поля на стадионе

«Янки»¹ или расстояние между Атлантой и Индианаполисом можно и не в километрах.

— Я знаю, Кэм. Вы думали, что дадите зеленый свет коммунистам, если им будет легко читать ваши карты и дорожные указатели. И где эти ваши коммунисты?

Бизон не обращал внимания на большинство идей Дирка Бертона, пока спустя несколько лет он не позвонил ему среди ночи.

— Кэмерон, — сказал он, не зная о прозвище, которым наградили его коллеги по работе, — долго говорить не могу. Можешь воспользоваться этой информацией, а можешь просто наблюдать за ходом событий и кусать локти, что не ты об этом написал. Но помнишь, что я тебе говорил про единую мировую валюту?

— Да. До сих пор не верю.

— Отлично, но сейчас я вот что тебе скажу: тот тип выдвинул эту идею на последнем тайном сборище, и теперь кое-что назревает.

— Что назревает?

— Назревает крупная конференция в ООН, и главная ее тема — переход на единую валюту.

— Круто.

— Так оно и есть, Кэмерон. Наш парень получил отлуп. Он, естественно, настаивал, чтобы мировой валютой стал фунт стерлингов.

¹ Имеется в виду ограждение аутфилда бейсбольного поля на знаменитом стадионе в Нью-Йорке.

— Неудивительно, что ничего не вышло. Посмотри на вашу экономику.

— Слушай дальше. Главная новость, если, конечно, ты можешь поверить просочившейся с тайного заседания информации, состоит в том, что они намерены свести все валюты в мире к трем основным, а потом в течение десяти лет перейти на единую.

— Этого не будет, потому что не может быть никогда.

— Кэмерон, если моя информация верна, то первый шаг — уже свершившийся факт. Конференция ООН — всего лишь декорация.

— И решение уже принято твоими тайными кукловодами.

— Именно.

— Не знаю, Дирк. Ты хороший парень, но лучше бы плюнул на все это, как я

— Хотелось бы мне быть на твоем месте.

— Это точно. Уж я на твоем месте совсем не хотел бы быть.

— Но это правда, Кэмерон. Проверь мою информацию.

— Как?

— Я скажу тебе, что произойдет после конференции ООН в течение двух недель. Если я буду прав, ты перестанешь меня третировать и начнешь относиться с большим уважением.

Бизон понял, что они с Дирком спорят, как все студенты Принстона за пиццей в уикэнд или за пивом в общежитии.

— Послушай, Дирк. Это звучит интересно, и я слушаю тебя. Но ты же понимаешь, ты

просто должен это понимать — я не шучу, — что я не стану думать о тебе хуже, даже если ты ошибаешься?

— Спасибо, Кэм. Правда, спасибо. Это многое для меня значит. И за это в придачу к моей наводке ты получишь еще один бонус. Я скажу тебе не только о том, что в резолюции ООН будет сказано о переходе в течение ближайших пяти лет на три мировые валюты — доллар, марку и иену, но также скажу тебе, что главным «серым кардиналом» является американец.

— Серым кардиналом?

— Самый могущественный член этого международного тайного финансового совета.

— Другими словами, парень, который рулит этой группой?

— Именно он отверг фунт стерлингов в качестве единой валюты и целится в конечном счете на доллар.

— Я внимательно тебя слушаю.

— Это Джонатан Стонагал.

Бизон надеялся, что Дирк назовет какую-нибудь одиозную фамилию, чтобы он мог рассмеяться в ответ. Но ему пришлось признаться, пусть только себе самому, что если во всем этом и есть смысл, то кандидатура Стонагала подходит, как никакая другая. Один из богатейших людей в мире, давно известный американский финансовый воротила, Стонагал наверняка был бы вовлечен в обсуждение серьезного вопроса, касающегося мировых финансов. Несмотря на то что ему было уже за

восемьдесят и на последних фото он выглядел очень неважно, он был не только владельцем крупнейших банков и финансовых организаций в США, но также обладал огромными пакетами акций в подобных организациях по всему миру.

Хотя Дирк и был Бизону другом, он все же чувствовал потребность потянуть время, попытаться выжать из него еще информацию.

— Дирк, я хочу спать. Большое тебе спасибо, все это весьма интересно. Я посмотрю, что выйдет из всей этой ситуации с ООН, ну и попробую отследить поползновения Джонатана Стонагала. Если все будет так, как ты говоришь, ты станешь моим главным информатором. А пока попытайся выяснить для меня, сколько народу состоит в этой группе и где они будут встречаться.

— Легко, — сказал Дирк. — Их не меньше десяти, хотя на встречах порой бывает больше, иногда главы государств.

— Президенты США?

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, но да, иногда бывают.

— Дирк, это же очередная теория всемирного заговора.

— Но это не значит, что это не правда. Они обычно встречаются во Франции. Почему — не знаю. В каком-то частном загородном коттедже или где-то еще, чтобы чувствовать себя в безопасности.

— Но ничто не может укрыться от девушки приятеля твоего приятеля, младшей секретарши или кого там еще.

— Смейся, смейся, Кэм. Наш человек в этой группе, Джошуа Тодд-Котран, в конце концов, не так молчалив, как остальные.

— Тодд-Котран? Это он руководит Лондонской биржей?

— Именно.

— Не так молчалив? Да как он может не быть скрытным на таком-то посту? К тому же разве бывают несдержанные британцы?

— Бывают.

— Спокойной ночи, Дирк.

Конечно, все оказалось именно так, как говорил Дирк. ООН вынесла ту самую резолюцию. Бизон выяснил, что Джонатан Стонагал проживал в отеле «Плаза» в Нью-Йорке в течение всех десяти дней совещания. Мистер Тодд-Котран из Лондона был одним из наиболее красноречивых докладчиков и выразил горячую готовность претворить проект в жизнь. Он даже вызвался пропагандировать идею перехода на марки перед премьер-министром Великобритании.

Многие страны третьего мира протестовали, но в течение нескольких лет мир перешел на три валюты. Бизон намекнул насчет встречи в ООН только Стиву Планку, но не сказал, где получил информацию, и ни он, ни Планк не сочли, что эта информация достойна статьи.

— Слишком рискованно, — сказал Стив. Скоро они оба об этом пожалели. — Ты теперь даже больше, чем легенда, Бизон.

Дирк и Бизон теперь сблизились больше, чем прежде, и вскоре Бизон стал часто навещать в Лондон по первому звонку. Если у Дирка была серьезная наводка, Бизон паковался и летел. Ему часто приходилось летать в разные страны с разным климатом, потому он всегда упаковывал «аварийное снаряжение». Но теперь оно оказалось лишним. Он застрял в Чикаго после самого потрясающего события в мировой истории и пытался добраться до Нью-Йорка.

Не смотря на невероятные возможности ноутбука, КПК все же был незаменим. Бизон набросал список дел, которые необходимо было сделать перед тем, как отправиться в путь:

1. Позвонить Кену Ритцу, пилоту чартерного рейса.
2. Позвонить папе и Джеффу.
3. Позвонить Хэтти Дюрхем и сообщить о ее родных.
4. Позвонить Люсинде Вашингтон насчет местного отеля.
5. Позвонить Дирку Бертону.

* * *

Рэйфорда Стила разбудил телефонный звонок. Он несколько часов пролежал неподвижно. Был ранний вечер, начинало темнеть.

— Алло? — спросил он, не пытаясь скрыть сонную сипотцу.

— Капитан Стил? — В трубке бился безумный голос Хэтти Дюрхем.

— Да, Хэтти. Все в порядке?

— Я несколько часов пыталась пробиться к вам! Мой телефон очень долго не работал, потом все время было занято. Я думала вам позвонить, но вы не брали трубку. Я ничего не знаю о матери и сестрах. А что у вас?

Рэйфорд сел. Голова его кружилась.

— Я получил сообщение от Хлои, — сказал он.

— Это я знаю, — ответила она. — Вы мне еще в О'Хара сказали. А жена и сын?

— Нет.

— Нет?

Рэйфорд молчал. Что он мог сказать?

— Вы точно уверены? — спросила Хэтти.

— Боюсь, да, — сказал он. — Их ночная одежда на месте.

— О нет! Рэйфорд, мне очень жаль! Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет, спасибо.

— Может, вам надо, чтобы кто-то был рядом?

— Нет, спасибо.

— Мне страшно.

— Мне тоже, Хэтти.

— Что вы собираетесь делать?

— Попытаюсь найти Хлою. Надеюсь, она сумеет добраться до дома или я смогу добраться до нее.

— Где она?

— В Стэнфорде. Пало-Альто.

— Мои тоже в Калифорнии, — сообщила Хэтти. — Там всем еще хуже пришлось, чем здесь.

— Видимо, из-за разницы во времени, — сказал Рэйфорд. — Большинство народу было на дороге.

— Я до смерти боюсь за свою семью.

— Если что-то выяснится, дайте мне знать, Хэтти, ладно?

— Конечно, но вы ведь, наверное, тоже мне звонили. Конечно, мой телефон долгое время не работал, а потом я просто не могла до вас дозвониться.

— Хотел бы я сказать, что пытался пробиться к вам, Хэтти, но врать не хочу. Мне слишком тяжело.

— Если буду нужна, дайте знать, Рэйфорд. Ну, в смысле, поговорить или просто побыть рядом.

— Спасибо. А вы сообщите мне, если что-то узнаете о своей семье.

Он чуть не пожалел, что сказал это. Потеря жены и сына заставила его осознать, насколько пошлым было стремление к связи с двадцатисемилетней женщиной. Он ведь почти не знал ее, и ее семья интересовала его ничуть не больше, чем сообщения о тех трагедиях, что передавали по телевизору. Он знал, что Хэтти неплохая. Даже добрая и дружелюбная. Но не этим она привлекала его. Это было обычное физическое влечение, хотя он был достаточно умен, или удачлив,

или наивен, чтобы сразу не пойти на поводу у собственных страстей. Он чувствовал себя виноватым за то, что вообще думал о ней, и собственное горе сейчас затмевало все, кроме обычной вежливости по отношению к сослуживцу.

— Меня еще кто-то вызывает, — сказала она. — Подождете?

— Нет, ответьте. Я потом вам позвоню.

— Я сама перезвоню, Рэйфорд.

— Хорошо.

* * *

Бизон Уильямс снова встал в очередь к платному телефону, на сей раз он не стал подключать свой ноутбук. Он просто хотел посмотреть, сколько личных звонков сможет сделать. Сначала он услышал в трубке автоответчик Кена Ритца:

— Служба чартерных перевозок Ритца. Список услуг в свете кризисной ситуации. У меня есть «лирждеты» в Вокегане и Палуоки, но я потерял второго своего пилота. Я могу доставить вас в любой аэропорт, но сейчас ни одна главная полоса не принимает самолеты. Не могу лететь в Милуоки, в аэропорты О'Хара, Кеннеди, Логан, Нэшнл, Даллес, Даллас, Атланта. Могу доставить в какой-нибудь из мелких аэропортов близ города, но цена будет договорная. Прошу извинить, что пользуюсь случаем, но я беру два

доллара за милю, наличными и вперед. Если я найду кого-нибудь, кто хочет вернуться оттуда, куда вы летите, то могу сделать вам небольшую скидку. Я проверю автоответчик вечером и утром сотру сообщения. Возьмусь за самый дальний полет с оплатой наличными. Если ваша остановка по пути, постараюсь вас подобрать. Оставьте сообщение, и я вам отвечу.

Это было смешно. Как Кен Ритц сможет дозвониться до Бизона? Поскольку мобильный был ненадежен, единственное, что он сумел придумать, так это оставить адрес своей нью-йоркской голосовой почты.

— Мистер Ритц, мое имя Кэмерон Уильямс, и мне нужно как можно ближе подбраться к Нью-Йорку. Плачу за весь полет дорожными чеками, если пожелаете. Их можно обналичить в любой валюте. — Иногда такое привлекало частных перевозчиков, поскольку им приходилось иметь дело с различными валютами и они могли сделать небольшой гешефт на разнице курсов. — Я в аэропорту О'Хара. Пытаюсь подыскать место для ночлега где-нибудь в пригороде. Чтобы не тратить ваше время, давайте вы подберете меня где-нибудь между аэропортом О'Хара и Вокеганом. Если я успею завести новый номер, я позвоню с него. Пока отправляйте мне сообщения на этот нью-йоркский номер.

Бизон все еще не мог прозвониться напрямую в офис, но его голосовая почта работала. Он получил несколько новых сообщений, по большей части от коллег, которые интересо-

вались, жив ли он, и горевали по поводу пропавших общих друзей. Затем было приятное сообщение от Мардж Поттер. Просто гениальная женщина — сообразила отправить его именно таким образом! «Бизон, если ты получишь это сообщение, позвони отцу в Тусон. Он там с твоими братьями, и, как ни неприятно мне об этом сообщать, они не могут пробиться к Джеффу, его жене и детям. Думаю, когда ты позвонишь, у них уже будут какие-нибудь известия. Твой отец был очень рад услышать, что с тобой все в порядке».

Голосовая почта Бизона сообщила, что у него осталось еще одно послание. Оно было от Дирка Бертон, который убеждал его прилететь как можно быстрее. Будет время — надо будет прослушать его еще раз. А пока он оставил сообщение для Мардж, чтобы она, если у нее будет время и линия будет свободна, сообщила бы Дирку, что самолет Бизона так и не добрался до Хитроу. Конечно, Дирк уже об этом знает, но ему надо сообщить, что Бизон не исчез и что в нужное время он с Дирком встретится.

Потом Бизон позвонил отцу. Линия была занята, но гудок был не таким, как в тех случаях, когда линии просто не работают или всей системе пришел конец. Не было также и раздражающей записи автоответчика, к которой он так привык за последние часы. Он понимал, что это только вопрос времени и он обязательно дозвонится до отца. Джефф наверняка рвет и мечет, не зная ничего о своей жене Шэрон и детях. У них были разногла-

сия, и они даже расстались до рождения детей, но уже несколько лет, как их брак, наконец, наладился. Жена Джеффа оказалась женщиной великодушной и пошла на примирение. Сам Джефф признавался, что не надеялся получить прощение.

— Можешь считать меня недостойным ее, но я очень ей благодарен, — сказал он однажды Бизону. Джефф очень любил своих сына и дочь, которые были очень на него похожи.

Бизон достал карточку с телефонным номером, который дала ему красивая белокурая бортпроводница, и сурово упрекнул себя за то, что не позвонил ей раньше. Она ответила не сразу.

— Хэтти Дюрхем, это Бизон Уильямс.

— Кто?

— Кэмерон Уильямс, из «Глобал...».

— Ах, да! Есть новости?

— Да, мэм, и хорошие новости.

— Ох, слава богу! Говорите скорее!

— Ребята из моей конторы дозвонились до вашей матери. Она и ваша сестра в полном порядке.

— О, спасибо, спасибо вам огромное! Но почему они не позвонили мне? Может, пытались, а мой телефон не работал.

— В Калифорнии много других проблем, мэм. Связь не работает. Так что вы, возможно, не скоро сумеете поговорить с ними.

— Я знаю. Слышала. Ладно, большое вам спасибо. А у вас как дела? Вы дозвонились до своих родных?

— Я узнал, что мой отец и братья в порядке, но до сих пор ничего не известно о моей свояченице и ее детях.

— Ой. Сколько лет детям?

— Не помню. Но обоим меньше десяти, но точно сказать не могу.

— О. — В голосе Хэтти послышалась какая-то напряженность.

— То есть? — спросил Бизон.

— Да нет, ничего. Просто...

— Что?

— Вам будет тяжело услышать то, что я скажу.

— Говорите, мисс Дюрхем.

— Вспомните, что я говорила вам на борту. И, судя по новостным сообщениям, исчезли все дети, даже нерожденные.

— Да.

— Я не хочу сказать, что это означает, что дети вашего брата тоже...

— Я понял.

— Извините, что я вот так, напрямик.

— Нет, все в порядке. Но ведь это очень странно, не так ли?

— Да. Я только что говорила по телефону с капитаном, который вел наш самолет. У него пропали жена и сын, но дочь в порядке. Она тоже в Калифорнии.

— Сколько ей лет?

— Думаю, около двадцати. Она учится в Стэнфорде.

— О.

— Мистер Уильямс, как вас лучше называть?

— Бизон. Прозвище такое.

— В общем, Бизон, надо было мне промолчать насчет ваших племянника и племянницы. Надеюсь, они оказались исключением из правила, и с вашими родными все в порядке. — Она заплакала.

— Мисс Дюрхем, да перестаньте. Согласитесь, у нас у всех сейчас в голове черт-те что творится.

— Можете звать меня Хэтти.

Он не мог не уловить юмора ситуации. Она просит у него прощения за неуместные слова и, тем не менее не хочет быть чересчур формальной. Если уж он Бизон, так она Хэтти.

— Думаю, мне не следует слишком долго занимать линию, — сказал он. — Я просто хотел передать вам новости. Я думал, вдруг вы уже знаете.

— Нет, и еще раз спасибо вам. А не могли бы вы еще раз позвонить мне? Вы, похоже, неплохой человек, и я благодарна вам за все, что вы сделали для меня. Мне было бы приятно еще раз услышать вас. Мне сейчас очень страшно и одиноко.

Это было еще слабо сказано. Забавно, но ее просьба вовсе не показалась ему неприличной. Она говорила совершенно искренне, и он был уверен в том, что это не попытка подцепить мужчину. Симпатичная, испуганная одинокая молодая женщина, мир которой рухнул в одночасье, как и у всех. И у него тоже.

Когда Бизон отошел от телефона, он увидел, что молодая женщина из-за стойки машет ему.

— Слушайте, — прошептала она, — они не хотят, чтобы я сообщала это по громкой связи, потому как давки боятся, но мы только что получили интересное сообщение. Транспортные компании после совещания перенесли свой объединенный центр связи на перекресток у Мангейм-роуд.

— Это где?

— Прямо возле аэропорта. Все равно к терминалу никто подъехать не может. Пробки. Но если вы сможете пешком дойти до перекрестка, то, вероятно, обнаружите ребят с рациями, которые пытаются вызвать лимузин.

— Могу представить, сколько это стоит.

— Даже не пытайтесь.

— Представляю, какая там очередь.

— Все равно что стоять в очереди на прокат автомобиля в Орlando, — сказала она.

Бизон никогда не ждал прокатного автомобиля в Орlando, но представить мог. Она была права. После того как вместе с толпой он добрался до пересечения дорог у Мангейм-роуд, он увидел толпу, окружавшую диспетчеров. Периодически передавали сообщение:

— Мы заполняем пассажирами все машины. Сто долларов до любого пригорода. Только наличными. В Чикаго рейсов нет.

— А карточками? — выкрикнул кто-то.

— Повторяю, — сказал диспетчер, — только наличными. Если вы уверены, что найдете дома наличные или чековую книжку, можете попытаться уговорить шофера поверить вам на слово.

Он огласил список, какая компания в каком направлении отправляет машины. Пассажиры бросились к машинам, стоявшим у обочины автомагистралей.

Бизон сунул сто долларовый дорожный чек диспетчеру, отправлявшему машины к северным пригородам. Через полтора часа он сел в лимузин вместе с прочими пассажирами. Еще раз попробовав позвонить по сотовому и очередной раз потерпев неудачу, он предложил водителю пятьдесят баксов, чтобы тот дал ему воспользоваться своим телефоном.

— Не гарантирую, что вы дозвонитесь, — сказал тот. — Иногда пробиваюсь, иногда нет.

Бизон нашел в записной книжке в ноутбуке домашний телефон Люсинды и позвонил. Послышался юношеский голос:

— Вашингтоны слушают.

— Это Кэмерон Уильямс из «Глобал уик-ли». Могу поговорить с Люсиндой?

— Мама нет, — ответил юноша.

— Она все еще на работе? Мне нужно узнать у нее, где можно остановиться в Вокегане.

— Ее нигде нет, — сказал юноша. — Остался только я. Мама, папа — все исчезли.

— Ты уверен?

— Их одежда осталась там, где они сидели. Контактные линзы папы лежат поверх его купального халата.

— О, господи! Извини, сынок.

— Все в порядке. Я знаю, где они, и потому я не удивлен.

— Ты знаешь, где они?

— Если бы вы знали мою маму, то знали бы и где она сейчас. Она на небесах.

— Да... Но ты-то как? Есть кому о тебе позаботиться?

— Мой дядя со мной. И парень из нашей церкви. Возможно, единственный, кто остался.

— Так ты сейчас в порядке?

— Да, все хорошо.

Кэмерон сложил телефон и вернул водителю.

— А не подскажете, где мне можно переночевать, если я хочу вылететь из Вокегана завтра утром?

— Гостиницы, вероятно, забиты под завязку, но есть пара клоповников на Вашингтон-авеню. Можете попробовать вписаться. Это довольно близко к аэропорту. Вас я высажу последним.

— Нормально. В этой дыре найдется телефон?

— Как раз телефон и зомбоящик-то будут, а вот насчет воды — сомнительно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рэйфорд Стил сто лет не пил. Ирэн и так не жаловала алкоголь, а в последние несколько лет сделалась абсолютной трезвенницей. Она настаивала на том, чтобы он прятал все крепкие напитки, если вообще будет держать их дома. Она не хотела, чтобы Рэйми даже думал о том, что его отец может позволить себе выпить.

— Это же нечестно, — возражал Рэйфорд.

— Это благоразумно, — отвечала она. — Он не знает всего и не обязан знать всего.

— И как это может сочетаться с твоим желанием быть предельно честными с ним?

— Быть предельно честным — не значит рассказывать все, что ты знаешь. Ты ведь говоришь своему экипажу, что идешь в туалет, но не рассказываешь в подробностях о том, чем ты там занимаешься, разве не так?

— Ирэн!

— Я просто хочу сказать, что не надо специально демонстрировать твоему малолетнему сыну, как ты пьешь крепкие напитки.

С этим было трудно спорить, потому он прятал бурбон подальше от глаз. Но сейчас был как раз тот случай, когда ему хотелось напиться до бесчувствия. Он пошарил за пустой формой для торта на самой высокой полке над раковиной и достал ополовиненную бутылку виски. Поскольку никто его все равно не увидит, он намеревался опрокинуть ее залпом. Но даже в такие времена никто не отменял условностей и манер. Пить из горла было просто не в его стиле.

Рэйфорд налил себе три дюйма в широкий стеклянный бокал и опрокинул, как бывалый алкоголик. Это был максимум, на который он способен. Жидкость горячей струей потекла по его горлу и пищеводу. Он вздрогнул и застонал. «Идиот! — подумал он. — На голодный-то желудок!»

У него уже начала кружиться голова, когда он снова взялся за бутылку, но передумал и сунул ее обратно в мусорное ведро под раковиной. Станет ли достойной памятью об Ирэн, если он откажется от выпивки по случаю? Рэйми это уже никак не поможет, но ему все равно казалось, что напиваться втемную неправильно. А вдруг он сопьется втихую? А кто не спился бы? Как бы то ни было, он не собирался пропивать свои мозги из-за того, что случилось.

Рэйфорд спал крепко, но недолго. Сейчас у него было несколько первостепенных дел. Сначала надо связаться с Хлоей. Затем выяснить, нужен ли он «Пан-Континентал» на следующей неделе. Даже в нормальной ситуации его после слишком длинного полета и перенаправленной посадки надолго на земле не оставили бы. Но кто знает, что будет сейчас?

Сколько пилотов потеряла компания? Когда расчистят взлетные полосы? Когда снова начнутся полеты по расписанию? Если он хоть что-то понимал в работе авиакомпаний, то все было завязано на деньгах. Как только компании смогут поднять машины в воздух, они снова начнут получать прибыль. Что ж, «Пан-Континентал» хорошо ему платила. В этом отношении он будет продолжать выполнять свой долг. Но что делать с горем, с отчаянием, с пустотой в душе?

Наконец-то он начал понимать тех, кто не мог опознать изуродованные тела близких, погибших в катастрофе. Они часто говорили, что у них не было ощущения конца и с горем было труднее сжиться, поскольку они не видели своих любимых мертвыми.

Ему всегда это казалось странным. Неужели можно желать увидеть свою жену или ребенка в гробу? Разве не хочется запомнить их живыми и веселыми? Но теперь он их понимал. Он не сомневался, что больше никогда не увидит жену и сына, словно бы они умерли, как и его родители несколько лет назад. Ирэн и Рэй не вернутся, и он

не был уверен, что встретится с ними хоть когда-нибудь, потому что не знал, будет ли у него второй шанс во всех этих небесных делах.

Но он так хотел увидеть хотя бы их тела — в постели, в гробу, где угодно. Он все бы отдал за последний взгляд. Они не ожили бы, но он хотя бы не ощущал такого одиночества, такой пустоты.

Рэйфорд понимал, что связи между Иллинойсом и Калифорнией не будет несколько часов, возможно, дней. Но все же надо попытаться. Он позвонил в Стэнфорд, на номер главного администратора, но в ответ не услышал даже коротких гудков или сигнала оставить сообщение. Он позвонил в комнату Хлои. Тоже пусто. Каждые полчаса, а может и чаще, он нажимал кнопкудозвона. Он уже оставил надежду, что она ответит. Если бы такое случилось, то это было бы для него просто чудом.

Рэйфорд чувствовал волчий голод. Надо было что-то забросить в желудок прежде, чем его развезет от выпивки. Он снова поднялся наверх по лестнице, остановился перед комнатой Рэйми, чтобы собрать одежду, оставшуюся как память о мальчике. Он сложил все в картонную подарочную коробку, найденную в шкафу у Ирэн, затем положил в другую коробку ее ночную сорочку, медальон и колечко.

Обе коробки он отнес вниз вместе с двумя печеньями, которые Ирэн прислала ему. Остальные печенье из этой партии на-

верняка лежали где-то поблизости. Он нашел их в таппервейровской банке в буфете. Рэйфорд был счастлив, что их вкус и запах будут напоминать ему о жене, пока они не кончатся.

Рэйфорд добавил еще парочку к тем, что он принес вниз, положил все на картонную тарелку и налил себе стакан молока. Сел за кухонный стол рядом с телефоном, но не смог заставить себя поест. Он словно оцепенел. Чтобы хоть чем-то развлечь себя, он стер все сообщения на автоответчике и добавил одно исходящее:

— Это Рэйфорд Стил. Если вам необходимо, оставьте очень короткое сообщение. Я стараюсь держать эту линию свободной для моей дочери. Хлоя, если это ты звонишь, то, значит, я или заснул, или нахожусь где-то рядом, так что дай мне возможность взять трубку. Если по какой-то причине у нас не получилось связаться, то сделай все, чтобы вернуться домой. Любая авиакомпания может сделать это для меня. Я люблю тебя.

Он медленно съел печенье. Его запах и вкус вызвали перед его мысленным взором образ хлопчущей на кухне Ирэн, а вкус молока — тоску по сыну. Как же это тяжело, как тяжело...

Он смертельно устал, но не мог заставить себя еще раз подняться по лестнице. Он понимал, что придется заставить себя уснуть в собственной постели в эту ночь. А сейчас он просто вытянулся на кушетке в гостиной, надеясь, что Хлоя дозвонится до него. Он снова

отстраненно нажал кнопку дозвола, и на сей раз услышал короткие гудки — линия ожидала. В конце концов, она заработала. Прогресс. Он знал, что сейчас дочь думает о нем точно так же, как и он о ней. Но она понятия не имела о том, что произошло с ее матерью и братом. Неужели придется рассказывать ей об этом по телефону? Он опасался, что придется. Она ведь наверняка спросит.

Он взобрался на кушетку и лег. Его тело сотрясали рыдания, но слез не было. Если Хлое удастся как-нибудь получить его послание и добраться домой, то он хотя бы сможет рассказать все это ей лично.

Рэйфорд лежал, отдавшись горю, зная, что по телевизору круглые сутки будут показывать сцены трагедий и хаос, охвативший мир, а ему не хотелось это видеть. И тут его словно встряхнуло. Он резко сел, глядя в темноту за окном. Он обязан ради Хлои не падать духом. Он любит ее, и она все, что у него осталось. Он должен понять, как же они умудрились не услышать ничего из того, что говорила им Ирэн, почему оказалось так трудно принять ее слова и поверить им. И прежде всего он должен во всем разобраться и все понять, чтобы знать, как существовать дальше.

Если все эти исчезновения — от Бога то, конец ли это? Христиане, истинно верующие, взяты на небо, а остальные оставлены в горе и слезах оплакивать свою ошибку? Может, так. Может, такова цена. «Но что случится, когда мы умрем? — думал он. — Если Царствие Небесное действительно суще-

ствуем, то как же суд и ад? Неужели такова наша судьба? Мы пройдем через этот ад сожалений и раскаяния и отправимся в настоящий ад в буквальном смысле этого слова?»

Ирэн всегда говорила о Господней любви, но даже любовь и милосердие Господне имеют свои пределы. Неужели все, кто отвергал правду, исчерпали милосердие Господне? Неужели к ним больше нет милости, неужели для них нет второго шанса? Может, и нет, и если так — да будет так.

Но если есть выбор, если все еще остается какой-то путь познать истину и уверовать или признать или сделать то, что каждому по силам, как говорила Ирэн, то Рэйфорд должен найти этот путь. Означает ли это признать, что он не все на свете знает? Что он слишком верил в себя и потому теперь чувствует себя таким слабым, никчемным глупцом? Он был готов согласиться с этим. После того как целую жизнь он добивался успеха, превосходства, после того как он стал лучшим во многом, он в одно мгновение сделался ничем.

Он столького не знал, столького не понимал. Но если еще можно найти какие-то ответы, то он найдет их. Он не знал, кого спрашивать, с чего начинать, но это они с Хлоей должны были сделать вместе. Они всегда ладили. У нее был период подросткового бунтарства, но, насколько он знал, она не наделала никаких непоправимых глупостей. Они были очень близки — она была очень похожа на него.

Рэйми так сильно подпал под материнское влияние не только потому, что был еще слишком мал и невинен. Просто по натуре он был таков. В нем не было инстинкта убийства, не было установки «Я — прежде всего», которая, по мысли Рэйфорда, необходима для достижения успеха в этом мире. Он не был неженкой, но Рэйфорд опасался, что он вырастет маменькиным сынком — слишком жалостливым, слишком отзывчивым. Он всегда заботился о ком-то вместо того, чтобы думать о себе — номере один.

Как же он теперь был счастлив, что Рэйми больше взял от матери, чем от отца, и как же он теперь хотел, чтобы что-нибудь такое было и в Хлое. Она была бойцом, лидером, тем, кто должен быть по натуре убежденным и решительным. Она могла и быть доброй и великодушной, когда это совпадало с ее целями, но в целом она походила на отца. Она думала только о себе.

«Хорошая работа, славная девочка, — говорил себе Рэйфорд. — Девочка, которой ты так гордился потому, что она ведет себя так же, как ты в одних и тех же условиях».

Это надо изменить, решил он. Как только они снова будут вместе, это непременно изменится. Они отправятся на поиски истины. Если же уже слишком поздно, то он смирится с тем, что есть. Он всегда шел к цели и принимал на себя все последствия. Только вот эти последствия были навсегда. Он надеялся вопреки всему, что есть второй шанс познать истину. Беда была в том, что все, кто мог бы рассказать им об этом, исчезли.

* * *

Мотель «Центр» на Вашингтон-стрит в нескольких милях от крохотного аэропорта Вокеган был настолько затрапезным, что даже очереди в него не было. Бизон Уильямс был приятно удивлен тем, что они даже цены не повысили в кризисной ситуации. Увидев комнату, он понял, почему и задумался, центром чего может считаться такая дыра. Однако здесь были телефон, душ, постель и телевизор. Естественно, старый, но сойдет. Первым делом Бизон набрал номер своей голосовой почты в Нью-Йорке. От Ритца или кого еще не было никаких сообщений, так что он прослушал послание Дирка Бертона, которое напомнило ему, почему ему так важно было добраться до Лондона. Слушая, Бизон набивал текст на ноутбуке.

«Кэмерон, ты всегда говорил мне, что этот ящик конфиденциален, и надеюсь, что ты прав. Я даже не собираюсь представляться. Ты сам поймешь, кто это говорит. Позволь сказать тебе кое-что важное и побудить тебя приехать как можно скорее. Тот тип, твой соотечественник, тот, которого я называю серым кардиналом, встречался вчера здесь с тем, кого я называю большой шишкой. Ты знаешь, о ком я. На этой встрече была и третья сторона. Знаю только, что он из Европы, вероятно, Восточной. Я не знаю, какие у них на него планы, но, похоже, что-то крупномасштабное.

Мои информаторы говорят, что твой человек встречался с каждым из своих ключевых соратников и тем самым типом из Европы в разных местах. Он познакомил его с представителями Китая, Ватикана, Израиля, Франции, Германии, здешними и Штатов. Что-то затевается, и я даже предполагать не хочу, что именно, разве что в личной беседе. Приезжай как только сможешь. На случай, если не получится, запомни вот что: следи за новостями о неожиданном выдвижении нового лидера в одной из стран Европы. Если ты, как и я, считаешь, что нигде не предвидится никаких выборов и никаких перемен во власти не намечается, ты поймешь мой намек. До встречи, дружище».

Бизон позвонил на автоответчик Кена Ритца, чтобы сообщить ему, где он находится. Затем он попытался прозвониться на запад и, наконец, пробился. Бизон даже удивился, какое он облегчение испытал, услышав голос отца, хотя в нем звучали усталость, отчаяние и даже паника.

— У вас все в порядке, пап?

— Ну, не все. Джефф со мной, но он взял машину, чтобы попытаться добраться до места аварии, где в последний раз видели Шэрон.

— Авария?

— Она забирала детей из приюта, или как там еще это называется, это что-то при церкви. И ее с нами нет, понимаешь. Она так и не вернулась. Машина опрокинулась. От нее — ни следа, одна одежда, и ты знаешь, что это означает.

— Она исчезла?

— Похоже на то. Джефф не может с этим смириться. Он очень тяжело переживает. Хочет все увидеть сам. Дело в том, что еще и дети исчезли, все сразу. Все их друзья, все в этом горном приюте. Полиция нашла их одежду, около сотни комплектов и сгоревший на плите ужин.

— О, черт! Скажи Джеффу, что душой я с ним. Если ему надо с кем-то поговорить, то я готов.

— Вряд ли он захочет говорить, Кэмерон, разве что кто-то сможет ответить на его вопросы.

— Увы, пап, этого я не могу. И не знаю, кто может. У меня такое впечатление, что все, кто мог бы дать ответы на вопросы, покинули нас.

— Это ужасно, Кэм. Если бы ты был с нами!

— Да неужели!

— Издеваешься?

— Я просто правду говорю. Впервые ты захотел, чтобы я оказался рядом с тобой.

— Видимо, пора изменить свое мнение.

— Обо мне? Сомневаюсь.

— Кэмерон, не начинай, ладно? Подумай хоть раз не только о себе, любимом. Ты потерял свояченицу и двоих племянников, и твой брат, по всей видимости, не сумеет с этим смириться.

Бизон прикусил язык. Почему он всегда вот так себя ведет, даже в такие времена? Отец прав. Если бы Бизон смог себе в этом

признаться, он смог бы и перемениться. Семья была обижена на него еще с тех пор, как он уехал в колледж, а затем продолжил развивать успех в Лиге Плюща. Там, откуда он был родом, было принято, чтобы дети продолжали дело родителей. Его отец разъезжал на бензовозе, доставляя топливо в Илинойс по большей части из Оклахомы и Техаса. Местные же считали, что только их штат снабжает всех этим ресурсом, так что работать с ними было не просто. Джефф занимался малым бизнесом, начав карьеру в конторе, продолжив за баранкой, а теперь он вел повседневные операции.

Они часто ссорились, особенно после того, как Кэмерон уехал учиться в то же время, как его мать заболела. Она настаивала, чтобы он остался в институте, но когда он из-за нехватки денег не приехал домой на Рождество, его отец и брат затаили на него обиду. Его мать умерла в его отсутствие, и даже на ее похоронах родные с ним держались холодно.

Через несколько лет отношения немного потеплели, по большей части из-за того, что с тех пор, как он стал знаменитым журналистом, его семья начала им гордиться. Он предпочитал не вспоминать прошлое, но его обижало то, что его любят только потому, что он достиг успеха в работе. Поэтому он редко бывал дома. Слишком многое надо было уладить, но он все еще злился на себя за то, что разбередил старые раны в тот момент, когда его семью постигло горе.

— Если надо устроить что-то вроде панихиды, пап, я попытаюсь это сделать. Ладно?

— Попытаешься?

— Я не могу обещать большего. Ты не представляешь, что сейчас творится в «Глобал». Нечего и говорить, что это событие века.

— Ты будешь писать главную статью?

— Ну да, мне изрядно придется поработать.

— Но главную?

Бизон вздохнул, внезапно ощутив усталость. Неудивительно. Он уже почти двадцать четыре часа был на ногах.

— Не знаю, папа. Я уже послал много материалов. Думаю, что следующий выпуск будет специальным, со множеством материалов со всех концов мира. Вряд ли мой материал будет единственным из горячих. Скорее всего, я получу задание через пару недель представить большую аналитическую статью.

Он надеялся, что это удовлетворит отца. Он хотел поскорее кончить разговор и лечь спать. Но не получилось.

— Что ты хочешь сказать? Что за аналитическая статья?

— О, просто проанализирую теории нескольких личностей по поводу того, что случилось.

— Это большая работа. У всех, с кем я бы ни говорил, свои мысли по этому поводу. Знаешь, твой брат считает, что это что-то вроде Страшного суда.

— Что, правда?

— Да. Но я так не думаю.

— А почему нет, папа? — Он не очень хотел втягиваться в продолжительную дискуссию, но ему было любопытно.

— Потому что я спрашивал нашего пастора. Он сказал, что если бы Иисус Христос и правда пришел, чтобы взять людей на небо, то и он, и я, и ты с Джеффом несомненно были бы уже там. Звучит разумно.

— Да неужто? Я никогда не проявлял никакого интереса к вере.

— Да прямо уж! Тебя всегда тянуло к этой либеральной чепухе Восточного побережья¹. Ты сам прекрасно знаешь, что мы водили тебя в церковь и воскресную школу с младенческого возраста. Ты христианин такой же, как и мы.

Кэмерона так и подмывало сказать — «в том-то и дело», но он придержал язык. Именно потому, что между церковной и каждодневной жизнью его семьи не было никакой связи, он бросил ходить в церковь сразу же, как только это стало вопросом его личного выбора.

— Ладно, ты скажи Джефффу, что я мысленно с ним, ладно? И если я смогу со всем тут разгрестись, я приеду помочь ему насчет панихиды по Шэрон и детям.

Бизон был рад, что в «Центре» хотя бы есть горячая вода — можно было принять душ как следует. Он не вспомнил о ране на

¹ Восточное побережье всегда считалось оплотом консерватизма.

затылке, пока вода не намочила повязку и не вернулась саднящая боль. У него не было бинта, чтобы сделать перевязку заново, так что он махнул рукой на кровотечение, а потом нашел лед. Утром перевязет, чтобы хотя бы вид приличный был. А пока и так сойдет. Он смертельно устал.

Пульта у телевизора не было, а если он уляжется, то уже нипочем не встанет. Он включил канал Си-эн-эн, на случай, если уснет, снизил громкость до минимума и смотрел репортажи со всего мира прежде, чем отключиться. Смотреть было почти невыносимо, но новости были его делом. Он за последние десять лет повидал немало землетрясений и войн, да еще и тот ночной налет, который так его потряс. Теперь все это повторялось в тысячекратном масштабе и все в один день. Никогда за всю мировую историю не погибало столько людей за один день, сколько их исчезло без следа. Они погибли? Они мертвы? Они вернутся?

Бизон не мог оторвать глаз от экрана, хотя веки и были налиты свинцом. Одно за другим перед ним проходили домашние видео, на которых случайно были зафиксированы исчезновения. Из некоторых стран поступали профессиональные ролики из прямого эфира различных телешоу, когда микрофон гостя вдруг падал на его пустую одежду, отскакивал от его ботинок и с грохотом катился по полу. Зрители ахали. Одна из камер показывала зал, который был только что полностью забит, и вот — в нем уже

зияют пустые кресла, на которых валяется одежда.

Такого нарочно не придумаешь, думал Бизон. Если кто-то попытался бы продать сценарий о том, как в одночасье бесследно исчезли миллионы людей, его бы на смех подняли.

Бизон незаметно для себя заснул и спал, пока дешевенький телефонный аппарат не завершал так, что чуть не запрыгал по столу. Бизон схватил трубку.

— Прошу прощения за беспокойство, мистер Уильямс, но я только что заметил, что у вас телефон был занят. Пока вы разговаривали, вам звонили. Человек по имени Ритц. Сказал, что вы можете позвонить ему или ждите его у гостиницы в шесть утра.

— Отлично. Спасибо.

— Так что вы делать-то будете? Позвоните или будете ждать?

— А вам-то зачем?

— Да нет, я не лезу в чужие дела. Просто если вы освобождаете номер в шесть, то платите вперед. Вы тут звонили в другой штат и все такое. А я раньше семи не встаю.

— Сейчас... как вас зовут?

— Мак.

— Вот что, Мак. Я оставляю вам номер моей кредитки, чтобы вы не думали, будто я пытаюсь от вас смыться. Но утром я оставляю вам на столе дорожный чек на сумму, которая с лихвой покроет плату за комнату и за телефонный звонок. Вы меня поняли?

— Чаевые?

— Да, сэр.

— Это было бы хорошо.

— От вас мне нужно только, чтобы вы подсунули мне под дверь бинт.

— А, у меня есть. Вам прямо сейчас? Вы в порядке?

— В порядке. Сейчас не надо. Когда пойдете спать. Тихо и осторожно. И отключите мой телефон, ладно? Просто на всякий случай. Если мне завтра так рано вставать, то надо выспаться, и я собираюсь лечь прямо сейчас. Можете выполнить мою просьбу, Мак?

— Конечно. Сейчас и отключу. Вас разбудить?

— Да нет, спасибо, — сказал Бизон и улыбнулся, осознав, что телефон отключился, еще пока он держал трубку в руке. Мак свое слово сдержал. Если он еще и бинт под дверью найдет утром, то он оставит этому самому Маку хорошие чаевые. Бизон заставил себя встать и выключить телевизор и свет. Он был из тех, кто может посмотреть перед сном на часы и встать ровно во столько, во сколько себе прикажет. Была почти полночь. Встать надо в половину шестого.

Бизон отключился, едва успев упасть на подушку. Через пять с половиной часов он очнулся в той же самой позе, в которой заснул.

* * *

Рэйфорд пошел через кухню к лестнице, словно во сне. Он даже и представить не мог, что настолько устал — даже после того, как долго спал и потом еще дремал на кушетке.

Газеты, свернутые в рулон и перетянутые резинкой, все еще валялись на кресле, куда он их бросил. Если ему не удастся заснуть, он их просмотрит. Интересно будет читать новости из того мира, который еще не знает, что переживет самое страшное в своей истории потрясение после того, как эти газеты выйдут из типографии.

Рэйфорд нажал кнопку автодозвона на телефоне и медленно пошел наверх, почти не прислушиваясь.

Что это? Гудок прервался и ответил телефон в комнате Хлои! Он бросился к телефону. Послышался девичий голос.

— Хлоя?

— Нет. Мистер Стил?

— Да!

— Это Эми. Хлоя пытается вернуться домой. Она сказала, что все время будет пытаться дозвониться до вас. Если получится, она позвонит вам, когда поймает такси до дома.

— Она едет сюда?

— Да. Она не захотела ждать. Все пыталась прозвониться, но...

— Да, я понимаю. Спасибо, Эми. У вас все в порядке?

— Я перепугана насмерть, как и все остальные.

— Могу представить. У вас кто-нибудь пропал?

— Нет, и мне от этого даже как-то неловко. У всех, кого я знаю, хоть кто-то да про-

пал. То есть кое-кто из моих друзей исчез, но из родственников никто не пропал.

Рэйфорд не знал, выражать ли ему соболезнования или поздравлять ее. Если все обстоит именно так, как он думал, то эта бедная девочка вряд ли знала хоть одного человека, достойного небес.

— Что же, — сказал он, — я рад, что у вас все хорошо.

— А у вас? — сказала она. — Как мама и брат Хлои?

— Боюсь, Эми, они пропали.

— О нет!

— Но я буду вам благодарен, если вы не будете рассказывать Хлое об этом — вдруг она свяжется с вами прежде, чем успеет встретиться со мной.

— О нет, не беспокойтесь. Вряд ли я смогла бы сказать, даже если бы вы меня попросили.

Рэйфорд лежал в постели несколько минут, затем лениво перевернул первую страницу газеты. Хм. Неожидавшее изменение в правительственных структурах Румынии.

«В результате демократических выборов, как кажется, при полном единодушии народа и обеих палат парламента, пост президента страны занял молодой политик и бизнесмен. Николае Карпати, тридцатитрехлетний уроженец Клужа, за последние месяцы завоевал симпатии всего народа своими убедительными как для друзей, так и для врагов

речами. Реформы, которые он намеревается провести в стране, должны привести ее к могуществу и процветанию».

Рэйфорд посмотрел на портрет Карпати. Очень красивый молодой блондин, чем-то похожий на Роберта Редфорда в юности. «Интересно, стремился бы он к этому посту, если бы знал, что случится? — подумал Рэйфорд. — Теперь все его реформы гроша ломаного не стоят».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Кен Ритц с грохотом подъехал к «Центру» ровно в шесть, опустил стекло и сказал:

— Вы — Уильямс?

— Он самый, — сказал Бизон. Он со своим единственным чемоданом забрался в автомобиль последней полноприводной модели. Ощупав свою свежеперебинтованную голову, Бизон улыбнулся, подумав о том, как Мак порадуется своим двадцати долларам чаевых.

Ритц был высоким и худощавым человеком с волевым лицом и волосами с сильной проседью.

— К делу, — сказал он. — От О'Хара до аэропорта Кеннеди 740 миль и 746 от Милуоки до Кеннеди. Я подброшу вас как можно ближе к Кеннеди, сейчас мы находимся почти посередине между аэропортом О'Хара и Милуоки, так что будем считать, что у нас

743 воздушные мили. Умножаем на два бакса, получаем тысячу четыреста восемьдесят шесть баксов. Округляем до полутора тысяч за такси, и по рукам.

— Идет, — сказал Бизон, доставая чековую книжку. — Дорогонькое такси выходит.

Ритц рассмеялся:

— Особенно для постояльца «Центра».

— Милое местечко.

Ритц припарковался у сборного металлического барака в аэропорту Вокеган и, готовясь к полету, болтал с Бизоном.

— Здесь никто не разбился, — говорил он. — Два самолета грохнулись в Палуоки. Но все же здесь пара-тройка людей пропала. Все страньше и страньше, правда?

Бизон и Ритц обменялись рассказами о пропавших родственниках, о том, где они были, когда это случилось, Бизон рассказал, кто он такой.

— Никогда прежде не возил писателя, — сказал Кен. — В смысле чартером. Но наверняка я перевез немало вашей братии, когда работал на коммерческих рейсах.

— На себя работать лучше?

— Да, но я не знал этого, когда сменил занятие. Выбирать не пришлось.

Они забрались в «лирджет». Бизон внимательно посмотрел на Кена.

— Вас списали?

— Не беспокойтесь, напарник, — сказал пилот. — Я доставлю вас куда надо.

— Вы должны сказать мне, если вас списали.

— Не списали, а уволили. Почувствуйте разницу.

— Зависит от того, почему вас уволили, не так ли?

— Верно. Ну, тогда сейчас сниму камень у вас с души. Меня уволили за чрезмерную осторожность. Понятно?

— Расскажите, — сказал Бизон.

— Помните, много лет назад была грызня по поводу легких самолетов, которые падали в дрянную погоду?

— Ну да, их пришлось доводить до ума или что-то в этом роде.

— Верно. Ну, так вы должны помнить, что один пилот отказался взлетать даже после того, как ему приказали, и что публику до того момента уверяли, будто все эти крушения — чистая случайность?

— Ну да...

— И вы помните, что сразу после этого еще один самолет грохнулся, что доказало правоту пилота?

— Смутно.

— Ну а я помню как сейчас, поскольку я был этим самым пилотом.

— Мне и правда полегчало на душе.

— Знаете, сколько таких же легких самолетов сейчас в воздухе? Ни одного. Уж если ты прав, так прав. И как думаете, меня восстановили в должности? Как бы не так! Если уж ты возмутитель спокойствия, то это навсегда. Но очень многие мои коллеги были мне благодарны. А вдовы погибших пилотов были очень злы на то, что меня сначала не

стали слушать, а потом вышвырнули и что для их мужей было уже слишком поздно.

— Ух ты.

Пока самолет шел на восток, Ритц расспрашивал Бизона, что он думает об этих исчезновениях.

— Забавно, что вы спрашиваете об этом, — сказал Бизон. — Я как раз сегодня должен всерьез этим заняться. А что вы скажете? Вы не против, если я запишу ваш ответ на диктофон?

— Да пожалуйста, — ответил Ритц. — Такой хренотени в жизни не видел. Нет, конечно, я не единственный такой. Но должен сказать, я всегда верил в НЛО.

— Шутите? Такой трезвомыслящий, сознательный пилот?

Ритц кивнул.

— Я не говорю о маленьких зеленых человечках или пришельцах, которые похищают людей. Я о том, что более-менее задокументировано, вроде того, что видели астронавты, а иногда и летчики.

— А вы сами?

— Я-то нет. Правда, видел пару необъяснимых вещей. Огни или миражи. Раз думал, что я подлетел слишком близко к группе вертолетов. Кстати, было неподалеку отсюда. Возле авиабазы ВМС Гленвью. Я послал по радио предупреждение, потом потерял их из виду. Думаю, это объяснимо. Наверное, я летел быстрее, чем думал, и подлетел не так близко, как мне казалось. Но ответа я так и не получил, не получил и свидетельства,

что они вообще поднимались в воздух. База Гленвью не стала ничего подтверждать. Я и плюнул, но через пару недель, возле того же самого места у меня стали дурить приборы. Стрелки плясали, счетчики зашкаливали — все такое.

— И какой вы сделали вывод?

— Магнитное поле или вроде этого. Но это тоже объяснимо. Понимаете, нет смысла докладывать о странностях в районе военной базы, поскольку они все будут отрицать. Они даже не принимают всерьез сообщения о странностях в пределах нескольких миль от коммерческого аэропорта. Вот почему вы никогда не услышите рассказов о НЛО в районе аэропорта О'Хара. Это даже не рассматривается.

— Значит, вы не принимаете всерьез инопланетян, похищающих людей, но связываете исчезновения с НЛО?

— Я просто сказал, что это не пришельцы и всякое такое. Я думаю, что наши представления об инопланетянах слишком просты и примитивны. Если и есть разумная жизнь вне Земли, а она должна быть хотя бы просто по закону больших чисел...

— В смысле?

— Космос огромен.

— А, в смысле, если существует столько звезд, то уж где-то что-то да должно быть?

— Вот именно. И я согласен с теми, кто считает, что такие существа должны быть разумнее нас. Иначе они, если существуют, никогда досюда не добрались бы. А если

уж они существуют, то, по мне, они должны быть достаточно непростыми и продвинутыми, чтобы делать такое, чего мы и представить не можем.

— Вроде как заставляя людей исчезать из собственной одежды?

— До вчерашнего дня это могло показаться чистым бредом, не так ли?

Бизон кивнул.

— Я всегда смеялся, когда говорили, будто бы такие существа способны читать наши мысли и влезать нам в мозги, — продолжал Ритц. — Но посмотрите, кто исчез. Все, о ком я читал, — либо дети, не достигшие двенадцати лет, либо необычные личности.

— Вы думаете, что у всех исчезнувших есть нечто общее?

— Ну, теперь можно сказать, что у них точно есть нечто общее.

— Но что-то ведь выделило их, сделало более легкой добычей? — сказал Бизон.

— Я тоже так думаю.

— Значит, мы до сих пор здесь потому, что оказались слишком сильными или просто не стоили усилий?

Ритц кивнул:

— Что-то вроде этого. Как будто какая-то сила способна видеть ваш уровень сопротивляемости и выдергивает людей прямо с Земли. Они исчезают мгновенно, значит, должны дематериализоваться. Вопрос в том, уничтожаются ли они в процессе, или их можно восстановить.

— А вы что думаете, мистер Ритц?

— Сначала я сказал бы — нет. Но неделю назад я сказал бы, что одновременное исчезновение миллионов людей по всему миру — сюжет для второсортной киношки. Но раз я признаю это свершившимся фактом, то я должен сделать и следующий логический шаг. Возможно, они продолжают существовать в какой-то другой, особой форме и, возможно, смогут вернуться.

— Это утешает, — сказал Бизон. — Но все же это желаемое или действительное?

— Вряд ли действительное. Эта идея и гроша ломаного не стоит. Я вожу самолеты за деньги. Я понятия не имею, в чем тут дело. Я в таком же шоке, как и все прочие, и, честно говоря, я боюсь.

— Чего?

— Того, что это повторится. Если я хоть в чем-то прав, то, возможно, эта сила должна малость подкачаться, и вот тогда они сумеют забрать и тех, кто постарше, поумнее, тех, у кого сопротивляемость при первом заходе крутовата для них.

Бизон пожал плечами и несколько минут сидел молча. Наконец, он сказал:

— В ваших рассуждениях есть небольшая дырка. Среди пропавших, кого я знаю, есть достаточно сильные люди.

— Я не о физической силе говорю.

— И я тоже. — Бизон подумал о Люсинде Вашингтон. — Я потерял подругу и коллегу, женщину умную, здоровую, счастливую, сильную, волевою.

— Ну, я же не говорю, что знаю все и обо всем. Вы хотели услышать мою теорию — так я и рассказал.

* * *

Рэйфорд Стил лежал, глядя в потолок. Сон к нему не шел. Его выводило из себя это тупое, заторможенное состояние. Он не хотел смотреть новости. Он не желал читать газет, даже зная, что еще до рассвета на крыльцо ему бросят очередную. Он хотел одного — чтобы Хлоя вернулась домой и чтобы они могли погоревать вместе. Нет на свете ничего более одинокого, подумал он, чем горе.

И еще у них с дочерью есть дело. Он хотел разобраться во всем, понять, начать действовать. Он начал с того, что отыскал Библию — не семейную, которая бог весть сколько лет пылилась на полке, а Библию Ирэн. В ней наверняка есть какие-то заметки на полях, может, он найдет там хоть какие-то намеки на то, что делать.

Найти Библию было нетрудно. Она, как правило, лежала в пределах досягаемости рядом с ее кроватью. Он нашел ее на полу, рядом с постелью. Есть ли там оглавление? Алфавитный указатель? Что-нибудь, что было бы связано с Восхищением, судом и прочим? Если нет, то, наверное, лучше начать с конца. Если Бытие — начало, то Откровение

должно быть как-то связано с концом, пусть даже и не означает этого. Единственный стих из Библии, который Рэйфорд помнил наизусть, был из Книги Бытия 1:1: «Вначале сотворил Бог небо и землю». Он надеялся, что найдет какой-нибудь соответствующий стих в Библии, в котором будет говориться что-нибудь вроде: «В конце Бог забрал всех людей на небо и дал всем второй шанс».

Но ничего подобного он не нашел. Последний стих Библии ничего для него не значил. Там говорилось: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь». И похоже это было на те самые религиозные бессмысленные бормотания, которые он слышал в церкви. Он прочел предпоследний стих: «Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!»

Ну хоть что-то. Кто этот самый, свидетельствующий? Стих был выделен красным. Что это означает? Он пролистал Библию и тут заметил на корешке — «Слова Христа выделены красным». Значит, Иисус сказал, что скоро грядет. Так он приходил? И если Библия действительно настолько древний источник, как говорят, то что означает это «скоро»? Вряд ли это действительно быстро, разве что в исторической перспективе. Может, Иисус хотел сказать, что, когда он придет, это произойдет быстро? Не в этом ли смысл случившегося? Рэйфорд просмотрел по диагонали две последние главы. Еще в трех стихах были красные буквы, и в двух

из них повторялось о том, что все случится быстро.

Рэйфорд не понимал смысла текста. Язык казался архаичным и формальным. Но в конце главы он нашел стих, который кончался словами, которые странным образом поразили его. Не понимая ничего, он прочел: «Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром».

Иисус уж явно не из жаждущих. И уж не ему возжелать воды жизни. Значит, подумал Рэйфорд, это относится к читателю. И до него вдруг дошло, что он жаждет. Душа его жаждет. Но что есть вода жизни? Он уже заплатил страшную цену за то, что утратил ее. Чем бы она ни была, в этой книге говорилось о ней уже сотни лет.

Рэйфорд пролистал Библию, читая другие фразы и не находя в них смысла. Они наводили на него уныние, потому что были бессвязны, разрозненны, в них не было общего направления. И язык, и идеи были чужды ему, и найти в них помощи он не мог.

Тут и там он видел пометки на полях, сделанные рукой Ирэн. Иногда было просто написано: «Вот истинное сокровище». Он был решительно настроен изучить заметки и найти кого-нибудь, кто объяснил бы ему смысл этих отрывков. Его так и тянуло написать это самое «сокровище» рядом со стихом в Откровении, где говорилось о воде жизни. Эти слова и правда показались ему драгоценными, хотя он еще не мог осознать, в чем их ценность.

Хуже всего был страх того, что он слишком поздно взялся за Библию. Он явно опоздал, чтобы отправиться на небо вместе с женой и сыном. Но окончательно ли он опоздал?

За форзацем был вложен листок последнего бюллетеня воскресной школы. Когда же это было? Утром в среду? Где он был три дня назад? А, в гараже. Рэйми упрашивал его пойти с ними в церковь. Он обещал, что в следующее воскресенье непременно пойдет.

— Ты и на прошлой неделе обещал, — сказал Рэйми.

— Так ты хочешь, чтобы я починил твой квадроцикл? Времени у меня не море.

Рэйми был не из тех, кто давит на совесть.

Он просто переспросил:

— В следующее воскресенье, да?

— Непременно, — сказал Рэйфорд. И как же теперь он жаждал того самого следующего воскресенья! И еще сильнее он жаждал, чтобы Рэйми был здесь, чтобы можно было с ним пойти! Но пошел бы он с ним? Или он был бы на работе? И была бы церковь? Вообще остался ли кто-нибудь из их общины? Он схватил бюллетень из Библии Ирэн и обвел телефонный номер. Чуть позже, как свяжется с «Пан-Континентал», он позвонит в церковь и узнает, есть ли там хоть кто-нибудь.

Он уже был готов положить Библию на прикроватную тумбочку, когда вдруг,

захваченный внезапным любопытством, снова открыл форзац. На первой странице он увидел надпись. Он сам подарил эту Библию Ирэн в первую годовщину их свадьбы. Как он мог об этом забыть и о чем он тогда думал? Она тогда была набожна ничуть не больше его, но уже поговаривала, что хотела бы серьезнее заняться своей верой до того, как у них появятся дети. Он тогда, наверное, пытался произвести на нее впечатление. Может, думал, что она сочтет его духовным человеком, если он сделает ей вот такой подарок. Может, надеялся, что она отстанет от него и сама будет ходить в церковь, если он таким образом продемонстрирует свою духовность.

Много лет он мирился с церковью. Они мало требовали, но многое давали. У них было много друзей, свой врач, стоматолог, страховщик и даже загородный клуб для членов общины. Рэйфорда уважали, с гордостью представляли новичкам и гостям как пилота «Боинга-747», и он даже служил несколько лет в приходском совете.

Когда Ирэн обнаружила новую христианскую радиостанцию и обрела то, что она называла «действительно душеполезным и поучительным», ей перестала нравиться ее церковь и она начала искать новую. Это дало Рэйфорду возможность вообще отойти от церковных дел под предлогом того, что, дескать, если она найдет новую общину, которая ей действительно придет-

ся по душе, он начнет сначала. Она нашла такую общину, и он порой пытался ее посещать, но народ там был слишком педантичен, слишком лез в душу и был слишком требователен, на его вкус. Его не почитали. Он был для них чужаком. И он предпочел остаться в стороне.

Рэйфорд обнаружил еще одну заметку, сделанную рукой Ирэн. Это был список тех, за спасение кого она возносила молитвы. Его имя стояло первым. Она писала: «Рэйф — за его спасение и за то, чтобы я была ему любящей женой. Хлоя — за то, чтобы пришла к Христу и вела безгрешную жизнь. Рэймладший — чтобы никогда не отступал от своей чистой детской веры». Далее шел ее пастор, политические лидеры, миссионеры, мировые конфликты и еще несколько друзей и родственников.

— За его спасение, — прошептал Рэйфорд. — Спасение.

Еще одно грошовое церковное слово, которое никогда, по сути дела, не впечатляло его. Он знал, что новая община Ирэн интересовалась спасением души — в ее прежней церкви он подобного никогда не слышал. Но чем ближе он подходил к этой идее, тем больше она его отталкивала. Разве спасение никак не связано с конфирмацией, крещением, причащением, религиозностью, святостью? Он не желал иметь ничего общего с этим, что бы это ни значило. И как же отчаянно ему теперь хотелось узнать, что же на самом деле кроется за этим словом.

* * *

Кен Ритц связался по радио с аэропортами в окрестностях Нью-Йорка и, наконец, получил разрешение приземлиться в Истоне, Пенсильвания.

— Знаете, — сказал Ритц, — это любимое местечко Ларри Холмса¹, бывшего чемпиона мира в тяжелом весе.

— Тот парень, который побил Али?

— Он самый. Будь он еще в строю, тот, кто похищает людей, хорошо бы получил от Ларри в торец. Это уж точно.

Пилот запросил Истон, не смогут ли они подбросить пассажира до Нью-Йорка.

— «Лир», ты шутишь, что ли?

— Ни разу, прием.

— У нас есть парень, который сможет высадить его за пару миль до подземки. В город машины не ходят, оттуда тоже, даже поездам приходится ездить каким-то кружным маршрутом, чтобы объезжать нехорошие места.

— Нехорошие места? — повторил Бизон.

— Повтори, — попросил Ритц.

— Ты что, новости не смотришь? Самые жуткие катастрофы в городе случились из-

¹ Ларри Холмс — род в 1949 г., американский профессиональный боксер, выступавший в тяжелой весовой категории. Чемпион мира тяжелой весовой категории (версия WBC, 1978—1989, версия IBF, 1984—1985)

за исчезновений машинистов и диспетчеров. Шесть поездов врезались в лоб друг другу, куча жертв. Несколько врезались другим в хвост. Еще нескоро расчистят пути и заменят составы. Слушай, а твоему парню точно очень надо в центр?

— Понял. Но он с виду не из тех, кто боится трудностей.

— Надеюсь, у него ботинки крепкие, отбой.

Бизону пришлось выложить кругленькую сумму еще и за то, чтобы его подбросили как можно ближе к поезду, к которому еще предстояло идти пешком. Его водитель даже не был таксистом, и вел он вовсе не такси. Но не все ли равно? Это была такая же развалина.

Пройдя пешком пару миль, Бизон к полудню добрался до платформы, где прождал в толпе минут сорок, а в результате оказался среди тех, кому нужно было ждать следующего поезда еще полчаса. Поскольку поезд шел каким-то зигзагом, до Манхэттена он добирался два часа и всю дорогу стучал по клавишам ноутбука или смотрел из окна на многомильную пробку. Он понимал, что многие из его коллег на местах уже отправили в редакцию подобные репортажи, так что его единственной надеждой на то, что Стив Планк пустит в печать именно его репортаж, была красноречивость изложения. Он был охвачен благоговейным страхом перед случившимся и сомневался, что сумеет стряхнуть с себя это ощущение. Как минимум он

придаст драматизма собственным воспоминаниям. Нью-Йорк замер, и самым невероятным было то, что люди вообще ухитрялись попадать в город. Несомненно, многие из них, как и он сам, жили здесь и стремились добраться до дома.

Поезд резко остановился не так далеко от того места, куда, как говорили, он их довезет. Прозвучало неразборчивое объявление, из которого Бизон сумел понять только то, что это новая конечная остановка. Иначе они попали бы на сортировочную, где краны снимали машины с грузовиков. Бизон прикинул, что до офиса ему топать десять миль, а потом еще пять до дома.

К счастью, он был в прекрасной форме. Он засунул все, что мог, в сумку и укоротил ручку так, что ее можно было нести под мышкой — чтобы не болталась. Он пустился в путь со скоростью, как он думал, четыре мили в час, и через три часа у него стали ныть мускулы. Он был уверен, что натер себе плечо, шея и плечи затекли от сумки. Он вспотел, но не мог пойти домой прежде, чем заглянуть в офис.

— Господи, помоги мне, — прошептал Бизон скорее от отчаяния, чем из желания помолиться. Но если Бог и существовал, то он не был лишен юмора. На глаза ему попался желтый велосипед, прислоненный к кирпичной стене, к которому был прикреплен кусок картона с надписью: «Можете взять этот велосипед напрокат. Отдайте потом тому, кому он нужен. Денег не надо».

«Только в Нью-Йорке, — подумал он, — никто никогда не сопрет того, что бесплатно».

Он подумал, что надо бы помолиться или хотя бы поблагодарить, но мир, который он видел вокруг себя, как-то не свидетельствовал в пользу существования доброго Бога. Он сел на велосипед, осознал, как давно не ездил на нем, и некоторое время пытался найти баланс, чтобы не болтаться из стороны в сторону. Вскоре после этого он въехал в центр, лавируя между обломками и спасательными машинами. Очень немногие передвигались по городу, как он, — курьеры, еще двое на таких же желтых велосипедах, как у него, и конные полицейские.

Здание «Глобал уикли» находилось под крепкой охраной, что было неудивительно. Представившись новому вахтеру, Бизон поднялся на двадцать седьмой этаж, зашел в туалет, чтобы привести себя в порядок, и, наконец, вошел в главный офис журнала. Секретарша тут же позвонила Стиву Паркеру, и тот вместе с Мардж Поттер выбежал к нему навстречу.

Бизон внезапно ощутил прилив нового, странного чувства. Он чуть не расплакался, осознав, что вместе с прочими перенес страшное потрясение и, несомненно, существует сейчас только на адреналине. Но, вернувшись в знакомое окружение — особенно с учетом затраченных усилий и средств, — он почувствовал себя почти как дома. Он был среди людей, которые беспокоились за него.

Это была его семья. Он был действительно счастлив видеть их, и, похоже, это было взаимно.

Он закусил губу, чтобы не раскиснуть, и, следуя за Стивом и Мардж по коридору мимо его крошечного, забитого вещами кабинета к просторной комнате для совещания — она же кабинет Стива, — спросил их, не слышали ли они о Люсинде Вашингтон.

Мардж остановилась посреди коридора, закрыла лицо руками.

— Да, — сумела она, наконец, сказать, — и я не хочу пройти через такое снова. Мы потеряли несколько человек. Когда же придет конец этому горю?

Бизон сломался. Он больше не мог притворяться, хотя, как и прочие, был удивлен собственной чувствительностью. Стив обнял свою секретаршу и Бизона и повел их в свой кабинет, где уже ждали прочие ведущие журналисты.

Они радостно приветствовали Бизона. Эти люди, с которыми он работал, соперничал, воевал, которых он раздражал и уводил у них из-под носа новости, были искренне рады видеть его! Они понятия не имели, какво у него на душе.

— Господи, как же хорошо вернуться, — сказал он, сел и закрыл лицо руками. Его начало трясти, и он уже не мог сдержать слез. Он разрыдался на глазах у своих коллег и конкурентов.

Он попытался стереть слезы и взять себя в руки, выдавливая растерянную улыбку. Заметил, что вокруг все тоже на пределе.

— Все в порядке, Бизон, — сказал один. — Если ты впервые плачешь, то знай — не в последний раз. Мы тоже все потрясены и испуганы и так же поражены горем, как и ты.

— Да, — сказал другой. — Но его личные впечатления, несомненно, будут намного более захватывающими.

И от этого замечания все рассмеялись и расплакались еще сильнее.

* * *

Рэйфорд заставил себя позвонить в «Пан-Континентал» до полудня. Он узнал, что должен отзвониться насчет полета в пятницу, через два дня.

— Правда? — сказал он.

— Не рассчитывайте на то, что действительно придется лететь, — сказали ему. — К тому времени рейсов ожидается очень немного. Точно не будет ни одного до завтрашнего вечера и, может, даже дольше.

— Значит, есть шанс, что меня отзовут прежде, чем я успею выехать из дому?

— Даже больше, чем шанс, но сейчас у вас есть назначение.

— Каков маршрут?

— О'Хара — Логан — Кеннеди.

— Хмм. Чикаго — Бостон — Нью-Йорк. Когда домой?

— Вечером в субботу.

— Хорошо.

— А что? У вас свидание?

— Не смешно.

— О, боже, простите, капитан. Я забыл, с кем говорю.

— Ты знаешь о моей семье?

— Да все знают, сэр. Простите. Мы слышали от вашей старшей бортпроводницы об отмененном полете до Хитроу. Вы ведь слышали, что случилось с вашим вторым пилотом, да?

— Что-то слышал, но толком так ничего и не знаю.

— Что вы слышали?

— Самоубийство.

— Да. Ужасно.

— Вы не могли бы кое-что проверить для меня?

— Если это в моих силах, капитан.

— Моя дочь пытается вернуться из Калифорнии самолетом.

— Вряд ли это возможно.

— Я знаю, но она уже в пути. Будет пытаться. Скорее всего, попытается лететь рейсом «Пан-Континентал». Вы не могли бы проверить, нет ли ее в списках пассажиров, направляющихся на восток?

— Это нетрудно. Рейсов очень мало, и, сами понимаете, ни один из них здесь не садит.

— А как насчет Милуоки?

— Вряд ли. — Диспетчер защелкал клавишами. — Откуда она вылетает?

— Откуда-то из района Пало-Альто.

— Плохо.

— Почему?

— Оттуда вряд ли что полетит. Сейчас проверю.

Рэйфорд слышал, как диспетчер что-то бормочет себе под нос, что-то прикидывая, прокручивая варианты.

— «Эйр Калифорния» на Юту. Ага! Я ее нашел! Имя Хлоя, а фамилия ваша!

— Это она!

— Она зарегистрировалась в Пало-Альто. В «Пан-Континентал» ее посадили на автобус до местного аэропорта. Ее подбросили до Солт-Лейк-Сити рейсом «Эйр Калифорния». Зуб даю, впервые их самолет вылетал за пределы штата. Она села на самолет «Пан-Континентал», старенький, и они добросили ее до, хм, черт, сейчас. Энид, Оклахома.

— Энид? Наши никогда туда не летали.

— Без шуток. Аэропорт в Далласе оказался переполнен еще до того, как они туда добрались. Короче, она летит рейсом «Озарк» до Спрингфилда, Иллинойс.

— «Озарк»!

— Как раз разбираюсь с этим, кэп.

— Ну, ведь кто-то должен со всем этим разобраться, правда?

— Да. Хорошая новость — у нас есть турбовинтовой самолет, а то и два, которые могут доставить ее куда надо, но где они садут, сказать не могу. Я даже на своем экране этого не увижу, потому как они будут знать, только когда подлетят достаточно близко.

— Как мне тогда узнать, откуда мне ее забирать?

— Возможно, что никак. Но я уверен, что она вам позвонит, как приземлится. Кто знает? Может, она прямо сейчас приедет.

— Хорошо бы.

— Сэр, я очень сочувствую вам после всего, через что вам пришлось пройти, но слава богу, что ваша дочь не полетела прямым рейсом из Пало-Альто на «Пан-Континентал». Он разбился прошлой ночью. Никто не выжил.

— И это уже после всех исчезновений?

— Простой ночью. Исчезновения тут ни при чем.

— Прямо плевков в лицо, — сказал Рэйфорд.

— Да уж.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда остальные ведущие журналисты и редактора разбрелись по своим отделам, Стив Планк практически приказал Бизону Уильямсу отправиться домой и отдыхать до восьмичасового совещания в редакции этим вечером.

— Мне бы лучше разгрестись со всеми делами и вернуться домой на ночь.

— Я знаю, — сказал главный редактор, — но нам много что надо решить, и я хочу, чтобы голова у тебя была свежая.

Бизон все же упирался:

— Как скоро я смогу попасть в Лондон?

— Что ты там забыл?

Бизон рассказал Стиву о своих предположениях насчет встречи ведущего финансиста США со своими коллегами из других стран и представлении им восходящего главы европейской политики.

— Ох, Бизон, — сказал Стив, — мы все тут гудим об этом. Ты имеешь в виду Карпати.

Бизон обалдел:

— Я?

— Именно этот парень оказал такое впечатление на Розенцвейга.

— Да, но с чего ты взял, что мой информатор имел в виду именно его...

— Парень, ты и правда долго отсутствовал, — сказал Стив. — Это уже не новость. Этот финансист, видимо, Джонатан Стонагал, который вроде бы спонсирует его. Я ведь говорил тебе, что Карпати собирается обратиться к ООН?

— Значит, он будет новым представителем Румынии в ООН? — сказал Бизон.

— Вряд ли.

— Тогда что?

— Он будет президентом страны.

— Да разве они уже не выбрали президента одиннадцать месяцев назад? — спросил Бизон, припомнив намек Дирка насчет того, что новый лидер появится неожиданно, и что выборов нигде не предвидится.

— Там большая перетряска, — сказал Стив. — Ты лучше сам посмотри.

— Непременно.

— Да не бери в голову. Я и правда думаю, что там особо нечего ловить. Этот парень молод, эффектен, обаятелен и напорист, насколько я понимаю. Он на короткое время стал бизнес-звездой и сорвал большой куш, когда Румыния открыла свой рынок Западу.

Но последние недели он даже в их сенате не был. Он был членом всего лишь нижней палаты.

— Палаты депутатов, — сказал Бизон.

— Откуда ты знаешь?

Бизон ухмыльнулся:

— Розенцвейг просветил.

— Я на мгновение подумал было, что ты и правда все знаешь. Как тебе известно, в этом грехе тебя все тут обвиняют.

— Да, страшный грех.

— Но ты предаешься ему с такой скромностью.

— Уж каков есть. Итак, Стив, почему тебе не кажется важным, что парень вроде Карпати является из ниоткуда и смещает президента Румынии?

— На самом деле, он не из ниоткуда. Вся его карьера построена на деньгах Стонагала. Карпати — поборник разоружения, весьма популярный среди соратников и народа.

— Но чтобы Стонагал поддерживал разоружение? Разве он не ястреб?

Планк кивнул.

— Значит, тут какая-то тайна.

— Да, кое-что есть, но, Бизон, что может быть сенсационнее того, чем ты занимаешься сейчас? У тебя просто времени нет на парня, который стал президентом заштатной страны.

— Тут что-то есть, Стив. Мой информатор в Лондоне зря трепаться не будет. Карпати связан с самым важным серым кардиналом в мире. Из депутата нижней палаты

он превращается в президента без всенародных выборов!

— И...

— Чего же больше! Что ты можешь сказать по этому поводу? Разве он убил нынешнего президента или еще как-то подсел его?

— Вообще-то это ты должен был сказать — ведь одно пятно в биографии Карпати имеется. Говорят, несколько лет назад он безжалостно обошелся со своим конкурентом по бизнесу.

— Насколько жестоко?

— Да просто пришил его.

— О, Стив, ты говоришь прям как гангстер.

— Послушай, прежний президент сам уступил место Карпати. Настоял на его официальном введении в должность.

— И ты говоришь, что из этого не сделать репортажа?

— Это как перевороты в старой доброй Южной Америке, Бизон. Раз в неделю. Ну да, Карпати обязан Стонагалу. Все это означает только то, что Стонагал получит свободу действий в финансовом мире одной восточноевропейской страны, которая считает: лучшим, что случилось в мире за всю ее историю, было уничтожение России.

— Но, Стив, это же все равно как если бы только что избранный конгрессмен стал президентом США в невыборный год. Без всякого голосования президент уступает должность другому, и все счастливы!

— Нет-нет, тут большая разница. Мы говорим о Румынии, Бизон. Румыния. Заштатная страна с хилым валовым национальным продуктом, которая никогда ни на кого не нападала, совершенно неинтересная стратегически. Это международная политика третьего порядка, только и всего.

— Я чувю тут большие события, — сказал Бизон. — Розенцвейг высоко ценит этого парня, а он в людях разбирается. А теперь этот Карпати собирается выступить в ООН. Что дальше?

— Ты забываешь, что он собирался выступить в ООН до того, как стал президентом.

— Еще одна загадка. Он ведь был тогда никем.

— Он новое имя и лицо в движении за разоружение. Ну, погрееется он пятнадцать минут в лучах славы. Поверь мне, больше ты о нем не услышишь.

— Стонагал должен стоять и за делами в ООН, — сказал Бизон. — Ты же знаешь, что Алмазный Джо — личный друг нашего представителя.

— Стонагал — личный друг каждого выборного лица во власти, от президента до мэров большинства средних городов. И что? Он умеет вести игру. Он похож на старика Джо Кеннеди или одного из Рокфеллеров, не так ли? Что ты сказать-то хочешь?

— Только то, что Карпати будет говорить в ООН под влиянием Стонагала.

— Возможно. И что?

— Он что-то затевает.

— Стонагал всегда что-то затевает, всегда мостит дорожку одному из своих протеже. Ладно, он внедряет бизнесмена в румынскую политику, может, даже сажает его президентом. Кто знает, может, даже он устроил ему короткую встречу с Розенцвейгом, которая ни к чему не привела. Теперь он выводит Карпати в свет. Такое всегда случается благодаря типам вроде Стонагала. Неужели ты предпочтешь эту пустяковину передовице, в которой надо сложить воедино всю мозаику и попытаться понять, что же стоит за самой грандиозной трагедией в человеческой истории?

— Хм-м, дай мне подумать, — сказал Бизон, улыбнувшись, когда Стив ткнул его в бок.

— Нет, парень, ты умеешь держать нос по ветру, — сказал главный редактор.

— А ты любишь пользоваться моими инстинктами.

— И буду продолжать пользоваться, но сейчас тебе надо выспаться.

— Значит, я точно не лечу в Лондон? Мне же надо сообщить моему человеку.

— Мардж пыталась дозвониться тому парню, который должен был встречать тебя в аэропорту. Она тебе расскажет, что и как там получилось. Но возвращайся к восьми. Я собираю редакторов отделов, интересующихся различными международными встречами, которые проходят здесь в этом месяце. Вы должны сделать этот обзор вместе, стало быть...

— Стало быть, они всем скопом будут меня на этой встрече ненавидеть? — подытожил Бизон.

— Нет, они будут чувствовать себя важными персонами.

— Но важно ли это на самом деле? Ты хочешь, чтобы я оставил в покое Карпати, но собираешься осложнить мне жизнь этой, как ее там, экуменической встречей религиозных представителей и конференцией по единой мировой валюте?

— Ты и правда недоспал, Бизон. Именно потому я до сих пор твой начальник. Понял? Да, я хочу сотрудничества и хочу хорошо написанную статью. Но подумай еще вот о чем. Это дает тебе автоматический доступ ко всем представителям. Мы пишем о лидерах еврейских националистов, заинтересованных в едином правительстве...

— Вряд ли. И неинтересно.

— ...о том, что ортодоксальные евреи всего мира жаждут восстановления Храма, или...

— Меня уже задолбали евреи.

— ...монетаристы со всего мира готовят почву для единой мировой валюты...

— Тоже вряд ли.

— Но это позволит тебе присматривать за своим серым кардиналом...

— Стонагалом.

— Верно. И за главами различных религиозных групп, желающих международного сотрудничества.

— Слушай, ты меня просто до смерти утомил. Эти люди обсуждают то, что просто

невозможно. С каких это пор религиозные группы стали сотрудничать?

— Ты опять не догоняешь, Бизон. Ты сможешь спокойно говорить со всеми этими людьми — религиозными лидерами, финансистами, политиками — в ходе работы над статьей о том, что и почему случилось. Ты сможешь услышать мнения величайших умов с самыми разными точками зрения.

Бизон пожал плечами, сдаваясь.

— Уговорил. И все же я считаю, что наши заведующие отделами будут на меня наезжать.

— Я найду чем их утихомирить.

— Я все равно хочу добратся до Карпати.

— Это будет нетрудно. Он уже и так любимец СМИ в Европе. Всегда готов сотрудничать.

— И до Стонагала.

— Ты же знаешь, он никогда не говорит с прессой.

— Я люблю трудности.

— Иди домой и отлежись. Увидимся в воскресенье.

Мардж Поттер собиралась уходить, когда появился Бизон.

— О да, — сказала Мардж, ставя сумку и роясь в записной книжке. — Я пыталась дозвониться до Дирка Бертон. Один раз удалось пробиться на его голосовую почту и оставить ему сообщение. Подтверждения о получении не было. Все.

— Спасибо.

Бизон не был уверен, что сможет усидеть дома, когда в голове вихрем кружатся мысли. Он был приятно удивлен, когда, спустившись на улицу, увидел представителей различных транспортных компаний, которые направляли людей к такси, развозившим их по районам объездными путями. Конечно, цены были даже не просто кусачие. Сев в такси вместе с другими пассажирами, Бизон за тридцать долларов доехал почти до дома и высадился за два квартала от него. Через три часа ему нужно было возвращаться в контору, потому он договорился с водителем, что тот подберет его на этом же самом месте в семь пятнадцать. Это было просто чудо какое-то. Он никогда прежде не договаривался о такой встрече с таксистом в Нью-Йорке и, насколько помнил, никогда не встречал одного и того же водителя два раза.

* * *

Рэйфорд расхаживал взад и вперед, чувствуя себя совершенно несчастным. С горечью в душе он осознал, что это самый худший период в его жизни. Никогда прежде он ничего подобного не испытывал. Его родители были старше, чем родители его ровесников. Когда они умерли один за другим в течение двух лет, у него словно камень упал с души. Они не были приятными или остроумными

людьми. Он любил их, и они не были ему в тягость, но они умерли для него в буквальном смысле слова еще за много лет до того из-за инсультов и прочих недугов. Когда они все же ушли из жизни, Рэйфорд по-своему тосковал по ним, но, по сути дела, это была простая сентиментальность. От них остались хорошие воспоминания, он был благодарен тем, кто по-доброму и сочувственно отнесся к нему на похоронах, и после этого стал жить своей жизнью. Он плакал — но не от душевной боли или раскаяния. В первую очередь он ощущал печаль и ностальгию.

Дальнейшая его жизнь протекала без сложностей и страданий. Стать пилотом — значит подняться на высокооплачиваемый профессиональный уровень. Ты должен быть сообразителен, дисциплинирован и собран. Он поднимался по карьерной лестнице обычным путем — военная служба в резерве, полеты на маленьких самолетах, затем на более крупных, затем на реактивных и штурмовиках. Наконец, он достиг пика.

Он познакомился с Ирэн в коллеже, на военных сборах. Она была дочерью военнотружущего, девушкой дисциплинированной. Многие из ее однокашников бежали от военной жизни и даже не хотели признаваться в том, что когда-то выросли на базе. Ее отец погиб на войне, а мать вышла замуж за другого военного, так что Ирэн перебывала почти на всех военных базах США.

Они поженились, когда Рэйфорд учился на последнем курсе в колледже, а Ирэн была

на втором курсе. Она оставила учебу, когда он пошел по военной стезе, и с тех пор все у них шло по расписанию. Хлоя родилась в первый год после свадьбы, но из-за сложностей в быту Рэя-младшего пришлось ждать восемь лет. Рэйфорд обожал обоих детей, но вынужден был признаться, что ждал именно сына-тезку.

К сожалению, Рэйми родился в тяжелый период жизни для Рэйфорда. Ему стукнуло тридцать, и он начал ощущать себя стариком, так что беременность жены его не радовала. Многие думали, что он старше своих лет из-за его ранней, хотя и привлекательной седины, так что ему приходилось терпеть, когда его в шутку называли дедулей. Беременность Ирэн протекала тяжело, и Рэйми родился переносным на две недели. Хлоя была резвым восьмилетним ребенком, так что Рэйфорд старался как можно меньше контактировать с семьей.

Он считал, что Ирэн впала в средней тяжести депрессию, потому что быстро заводилась и ударялась в слезы. На работе Рэйфорд был востребован, его слушали и уважали. Его назначали на самые большие и сложные самолеты из парка «Пан-Континентал». Его профессиональная жизнь протекала гладко, а дома ему было тошно.

В тот период он особенно много пил, и их брак подвергался самым суровым испытаниям. Он часто приходил домой поздно и порой даже врал насчет своего расписания, чтобы уйти из дома на день раньше, а вернуться на

день позже. Ирэн обвиняла его во всех грехах, и поскольку он и правда был виноват, он все яростно отрицал и злился без причины.

Правда была в том, что он надеялся и напрашивался именно на то, в чем она его обвиняла. Больше всего его убивало то, что, несмотря на внешний вид и осанку, у него просто духу не хватало на решительный шаг. Он не умел себя вести, у него не было стиля. Одна стюардесса однажды назвала его брюзгой, но он-то ощущал себя интеллектуалом. Конечно, он мог в любое время купить себе женщину, но он был выше этого. Разыгрывая старомодный роман и надеясь на него, он не мог заставить себя опуститься до такой пошлости, как секс за деньги.

Если бы Ирэн знала, как усердно он пытается стать неверным мужем, она бросила бы его. По сути дела, он мог обвинить себя только в той интрижке на рождественской вечеринке перед рождением Рэйми, но он тогда так набрался, что вряд ли мог вспомнить, с кем целовался.

Чувство вины и то, что он чуть не потерял лицо, заставили его завязать с выпивкой. Когда Рэйми родился, он стал еще большим трезвенником. Пора было повзрослеть и стать ответственным отцом и мужем, как он стал ответственным пилотом.

Но сейчас, когда все эти воспоминания теснились в гудящей голове Рэйфорда, он ощущал такое раскаяние и сожаление, какое только может вынести человек. Он словно потерпел крах во всем. Он был недостойн

Ирэн. Теперь он каким-то образом понимал, хотя никогда раньше не позволял себе об этом думать, что она была вовсе не так глупа или наивна, как он надеялся и думал. Она должна была понимать, насколько он скучный, пустой и пошлый человек. И все же она оставалась с ним, любила его, старалась сохранить брак.

Он не мог не заметить, что она изменилась, когда нашла себе другую общину и стала серьезно относиться к вере. Да, поначалу она пыталась проповедовать ему. Она была воодушевлена и хотела, чтобы и он познал то, что обрела она. Он бежал от нее. Постепенно она сдалась или смирилась с тем фактом, что ни просьбами, ни лестью она не заставит его идти за ней. Но теперь, увидев ее молитвенный список, он осознал — нет, она не сдалась. Она просто стала молиться за него.

Немудрено, что Рэйфорд никогда не был так близок к супружеской измене, как в случае с Хэтти Дюрхем. Хэтти! Как же теперь ему было стыдно за эту глупую интрижку! Хэтти была ни в чем не виновата. Она ни разу не сказала ничего плохого ни о его жене, ни о его браке. Она никогда не предлагала ничего непристойного, по крайней мере, для своих лет. Молодые люди всегда чувствительны и склонны к флирту, и она не прикрывалась ни моралью, ни религией. То, что Рэйфорд был одержим мечтой о близости с Хэтти в то время, как она, скорее всего, ничего не подозревала, заставляло его чувствовать себя еще большим дураком.

Откуда же это чувство вины? Он несколько раз встречался с Хэтти взглядом, и они проводили долгие часы наедине друг с другом за ужином в различных городах. Но она никогда не приглашала его к себе в комнату, не пыталась его поцеловать или взять его за руку. Может, она ответила бы ему, будь он понастойчивее, а может, и нет. Возможно, она была бы оскорблена, разочарована.

Рэйфорд помотал головой. Он не только ощущал вину за то, что возжелал женщину, на которую не имел никаких прав, кроме того, он, как полный идиот даже не знал, как к ней подступить.

И теперь для его души настал самый черный час. Он тревожился за Хлою. Он безумно хотел, чтобы она была дома, в безопасности, надеясь, что если его плоть и кровь будет рядом с ним, то это как-то успокоит его скорбь и боль. Он понимал, что все еще голоден, но ему ничего не хотелось. Даже ароматные и вкусные печенья, которые он решил есть понемногу, мучительно напоминали об Ирэн. Может, он поест завтра.

Рэйфорд включил телевизор — нет, катастрофы вовсе не вызывали у него любопытства, он просто надеялся услышать хоть какие-то новости о восстановлении порядка, дорожного движения, о том, как люди находят друг друга. Через пару-другую минут знакомых кадров он снова отключил его. Он отказался от мысли позвонить в аэропорт О'Хара насчет возможности добраться туда и забрать машину, поскольку не хотел зани-

мать линию ни на одну минуту — ведь могла позвонить Хлоя. Прошло уже несколько часов с тех пор, как он узнал о том, что она покинула Пало-Альто. Сколько же времени ушло на все эти безумные переброски, чтобы, наконец, попасть на рейс «Озарк» от Спрингфилда до района Чикаго?

Зазвонил телефон. Он бросился к нему, но это была не Хлоя.

— Простите, капитан, — слышался голос Хэтти. — Я обещала перезвонить вам, но заснула после того звонка.

— Все в порядке, Хэтти. На самом деле мне...

— Да и все равно я не хотела причинять вам беспокойство в такие времена.

— Нет, все в порядке, я только...

— Вы говорили с Хлоей?

— Я как раз жду от нее звонка, так что мне необходимо повесить трубку!

Рэйфорд высказался резче, чем хотел. Хэтти на мгновение замолчала.

— Тогда ладно. Извините.

— Я перезвоню вам, Хэтти. Ладно?

— Ладно.

Голос у нее был обиженный. Ему было неловко, но он совершенно не чувствовал себя виноватым за то, что сейчас от нее отделался. Он понимал, что она просто пыталась поддержать его, но она совершенно не слушала его. Она была одинока и испугана, как и он сам, и, несомненно, сейчас она уже узнала все о своей семье. О нет! Он даже не спросил ее об этом! Она же возненавидит его — и за дело.

«Что же я за тварь самовлюбленная?» — подумал он.

И несмотря на свое горячее желание дождаться звонка Хлои, он рискнул потратить пару минут. Он набрал номер Хэтти, но там было занято.

* * *

Добравшись до дома, Бизон сразу же попытался прозвониться к Дирку Бертону, не желая тянуть время, да еще с учетом разницы в часовых поясах. Ответ озадачил его. Автоответчик Дирка проговорил обычную свою фразу, но как только дошло до сигнала, после которого надо было оставить сообщение, долгий гудок показал, что кассета заполнена. Странно. Дирк либо все проспал, либо...

Бизон и подумать не мог, что Дирк может исчезнуть. Оставить Бизона с миллионом вопросов о Стонагале, Карпати, Тодд-Котране и феномене в целом! Кроме того, Дирк был его старым другом еще с Принстона.

«Ох, пусть это будет только совпадением, — подумал Бизон. — Пусть он просто уехал куда-нибудь».

Как только Бизон повесил трубку, его телефон зазвонил. Вне всякого ожидания это была Хэтти Дюрхем. Она плакала.

— Простите за беспокойство, мистер Уильямс, я обещала себе, что никогда не буду звонить вам домой...

— Все в порядке, Хэтти. Что случилось?

— Ну, это все ужасно глупо, но мне сейчас пришлось пережить такое, а мне не с кем поговорить. Я не смогла дозвониться матери и сестрам, и... я думала, может, вы поймете.

— Попытаюсь.

Она рассказала Бизону о звонке капитану Стилу, напомнила о том, кто он такой, что он потерял жену и сына и что она слишком поздно перезвонила ему после того, как получила хорошие новости от Бизона.

— И тут он просто отшил меня, потому что ждал звонка от дочери.

— Могу понять его, — сказал Бизон, выкатив глаза. Он что, попал в клуб одиноких сердец? Как это вышло-то? У нее что, подружек нет, чтобы на них все это вывалить?

— Я тоже понимаю, — сказала она. — В том-то и дело. Я знаю, что он переживает потому, что его жена и сын, видимо, погибли, но он же знает, что я вся как на иголках из-за своей семьи, а он даже не спросил меня!

— Хм, я уверен, что это из-за напряженности момента, из-за его горя, вы же сами говорили, и...

— О, я понимаю. Мне просто надо было поговорить с кем-нибудь, и я вспомнила о вас.

— Ну да, звоните в любое время, — сохрал Бизон.

«Бог ты мой, — подумал он. — Надо будет убрать с очередной партии визиток номер домашнего телефона».

— Послушайте, давайте сейчас кончим разговор. У меня вечернее заседание в редакции, и...

— Спасибо за то, что выслушали.

— Я понимаю вас, — сказал он, хотя сомневался, что хоть когда-нибудь поймет такое. Может, Хэтти окажется более интересной и здравомыслящей, когда на нее ничего не будет давить. Он надеялся на это.

* * *

Рэйфорд был даже рад, что телефон Хэтти занят, поскольку он сможет сказать ей, что пытался перезвонить. Теперь ему не нужно было занимать линию. Через минуту телефон зазвонил снова:

— Капитан, это опять я. Простите, я не хочу вас задерживать, но я подумала, что вы могли звонить мне. Я отключила функцию удержания звонка, как и обещала, но я разговаривала...

— Я и правда вам звонил, Хэтти. Что вы узнали о семье?

— Они в порядке. — Она плакала.

— Слава богу, — сказал он.

Рэйфорд не понимал, что на него нашло. Он сказал, что рад за нее, но сам-то он пришел к выводу, что те, кто не исчез, упустили величайшее событие в истории мира. Он хотел было сказать ей: «О, мне так жаль, что и вашу семью Бог оставил».

Когда он отсоединился и сел возле телефона, на него накатило мучительное ощущение, что на сей раз он точно пропустил звонок Хлои. Он просто с ума сходил. В желудке у него урчало, надо было поесть, но он решил держаться до конца, надеясь поесть вместе с Хлоей, когда она вернется. Она, насколько он ее знал, крошки в рот не возьмет, пока не вернется.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Внутренний будильник Бизона в тот вечер не сработал, однако к 8.45 он, растрепанный и с виноватым видом, явился в кабинет Стива Планка. Предчувствия его не обманули — главные редактора отделов, ветераны журналистики, смотрели на него с неприязнью. Хуан Ортис, глава отдела политики, был в ярости, узнав, что Бизон будет на переговорах на высшем уровне, которые сам Хуан собирался освещать в течение двух недель.

— Еврейские националисты обсуждают тему, которую я отслеживаю уже несколько лет. Кто поверит, что они вдруг решат склониться к единому мировому правительству? То, что они вообще участвуют в такой дискуссии, уже само по себе событие. Они предпочитают встречаться здесь, а не в Иерусалиме или Тель-Авиве, поскольку их идея

слишком революционна. Большинство израильских националистов считают, что Святая земля слишком увлеклась обогащением. Это уже история.

— Тогда в чем проблема? — спросил Планк. — Я просто подключаю еще одного ведущего журналиста к освещению событий.

— Проблема в том, что ведущий журналист тут я.

— Я пытаюсь разъяснить читателям суть всех этих встреч, — сказал Планк.

В разговор вмешался Джимми Борланд, редактор отдела религии.

— Я понимаю возражения Хуана, но у меня вот в одно и то же время две конференции. Так что я был бы не против помощника.

— Наконец-то хоть к чему-то пришли, — сказал Планк.

— Но буду говорить прямо, Бизон, — добавил Борланд. — Последнее слово — за мной.

— Конечно, — ответил Планк.

— Не так быстро, — заговорил Бизон. — Я не хочу, чтобы со мной обращались как с рядовым репортером. Я намерен освещать эти встречи со своей точки зрения, но не пытаюсь вторгаться на вашу суверенную территорию. Я не хочу делать освещение самих встреч. Я хотел бы найти какую-то связь, смысл, общие знаменатели. Джимми, ваши две группы — религиозные евреи, которые хотят восстановления Храма, и экуменисты,

которые стремятся к созданию подобия единого религиозного порядка, — они вообще друг друга не съедят? Будут ли там религиозные евреи...

— Ортодоксальные.

— Хорошо, ортодоксальные евреи будут на заседании экуменистов? Ведь это как-то вразрез с восстановлением Храма.

— Ладно. Ты хотя бы мыслишь как журналист-религиозник, — сказал Джими. — Это вселяет надежду.

— Но что вы по этому поводу думаете?

— Не знаю. Потому все это так интересно. Даже в то, что они встретятся на одной и той же конференции, слишком трудно поверить.

Закрыла их дискуссию редактор отдела финансовых новостей.

— Я прежде работала у тебя по таким темам, Стив, — сказала она. — И мне нравится, что ты позволяешь всем работать без проблем. Но мы все знаем, что ты все равно будешь настаивать на привлечении к делу Бизона, так что давайте мы разойдемся зализывать раны и покончим с этим. Если каждый из нас должен в своем отделе заняться освещением событий и дать что-то в общий котел нашей обзорной статьи, то пошли дело делать.

Даже Ортис кивнул, хотя, по мнению Бизона, не очень охотно.

— Бизон — поддержка, — заметил Планк, — так что держи с ним связь. Он же будет отчитываться мне. Ты что-то хочешь сказать, Бизон?

— Да много что, — уныло произнес Бизон, заставив всех захихикать. — Барбара, ваши монетаристы встречаются в здании ООН, прямо как в тот раз, когда обсуждали переход на три валюты?

Она кивнула:

— То же место и почти те же люди.

— А насколько замешан в это дело Джонатан Стонагал?

— В смысле насколько открыто? — переспросила она.

— Ну, всем известно, что он человек осторожный. Но имеет ли он влияние на эти события?

— А ты как думаешь?

Бизон усмехнулся и быстро набросал заметку.

— Сочтем за «да». Мне хотелось бы там потереться, может, попытаюсь добраться до самого Алмазного Джо.

— Удачи. Скорее всего, он и носу не покажет.

— Но ведь он будет в городе, так, Барбара? Разве во время последнего совещания он не находился в отеле «Плаза»?

— А ты уже провел разведку, ага? — сказала она.

— Ну да, все ведущие фигуры перебывали в его апартаментах, причем каждый день кто-то да приходил.

Хуан Ортис поднял руку:

— С меня хватит, Бизон, я ничего лично против тебя не имею. Но я не верю, что возможно координировать наши действия без

принудительных условий. Я хочу сказать вот что — если ты собираешься вести будущий свой репортаж в том смысле, что четыре важные международные встречи происходят в нашем городе практически одновременно, то пусть. Но если ты начнешь их связывать друг с другом, это уже будет притянута за уши.

— Но если я обнаружу, что они не связаны, то не будет и обобщения, — сказал Бизон. — По рукам?

* * *

Рэйфорд Стил был вне себя от тревоги, приумноженной горем. Где Хлоя? Он весь день проторчал дома, расхаживал туда-сюда, плакал, думал. Он чувствовал себя старым, запертым в клетке. Он позвонил в «Пан-Континентал», где ему сказали, что машину доставят, когда он вернется из полета в выходные. Новости говорили о достигнутом прогрессе в расчистке дорог и восстановлении транспортного сообщения. Но окружающий пейзаж еще в течение многих дней будет неприглядным. Свалки были уже переполнены, так что искореженное железо сваливали в жуткие груды по сторонам дорог и магистралей.

Когда Рэйфорд созрел для того, чтобы позвонить в церковь, куда ходила его жена, прошло уже много часов, и он даже был рад,

что не пришлось ни с кем говорить. Как он и надеялся, на их автоответчике оказалось новое сообщение. Говорил взволнованный мужской голос:

— Вы позвонили в Общинную церковь Новой Надежды. Мы планируем еженедельное изучение Библии, но пока мы будем встречаться каждое воскресенье в 10 утра. Поскольку все наши пастыри, за исключением меня, и большинство членов нашей общины исчезли, те из нас, кто остался, следят за зданием и распространяют видеозаписи, которые наши старшие пасторы подготовили как раз на такой случай. Вы можете прийти за бесплатным экземпляром в церковь в любое время, и мы надеемся увидеть вас в воскресенье утром.

«Да, конечно, — подумал Рэйфорд, — этот пастор часто говорил в церкви о Восхищении. Потому Ирэн так была очарована этой идеей. Кстати, очень хорошая мысль — оставить послание для тех, кого Бог оставил!» Они с Хлоей должны завтра взять запись. Он надеялся, что и ей необходимо найти истину.

Рэйфорд посмотрел в темное окно — и увидел Хлою, которая расплачивалась с таксистом, поставив на землю большой чемодан. Он выскочил из дома в одних носках и обнял ее.

— Ох, папа! — закричала она. — Как все?

Он покачал головой.

— Не желаю этого слышать! — закричала она, высвобождаясь из его объятий и глядя

на дом, словно ожидая, что сейчас в дверях покажутся ее мать или брат.

— Мы остались одни, Хлоя, — сказал Рэйфорд.

Они стояли в темноте и плакали.

* * *

Бизон Уильямс не сумел выйти на след Дирка Бертона до пятницы. Он дозвонился до инспектора Лондонской биржи, курировавшего епархию Дирка.

— Вы должны назваться и объяснить, как вы связаны с мистером Бертоном, прежде, чем я сообщу вам, где он находится, — сказал Найджел Леонард. — Я также должен сообщить вам, что наш разговор записывается.

— То есть?

— Я записываю наш разговор, сэр. Если это для вас нежелательно, можете разъединиться.

— Не понимаю.

— Чего тут непонятного? Вы ведь знаете, что такое запись?

— Конечно, я сам сейчас магнитофон включу, если вы не против.

— Конечно, я против, мистер Уильямс. Вам-то зачем записывать наш разговор?

— А вам зачем?

— Мы в весьма тяжелой ситуации, так что должны отслеживать все связи.

— Какая ситуация? Неужели Дирк исчез?

— Боюсь, все не так просто.

— Говорите.

— Сначала скажите, зачем вам.

— Я его старый друг. Мы учились вместе.

— Где?

— В Принстоне.

— Хорошо. Когда?

Бизон рассказал.

— Отлично. Когда вы в последний раз разговаривали с ним?

— Не помню. Мы обычно обменивались голосовыми сообщениями.

— Ваше занятие?

Бизон помедлил.

— Старший репортер, «Глобал уикли», Нью-Йорк.

— Ваш интерес к нему чисто журналистский?

— Возможно, — сказал Бизон, пытаясь сдерживать злость. — Но я не могу представить, чтобы мой друг, как бы он ни был интересен мне лично, мог бы стать интересной персоной для моих читателей.

— Мистер Уильямс, — осторожно заговорил Найджел, — позвольте мне заявить категорически для обеих записей — то, что я сейчас скажу, ни в коем случае на пленке остаться не должно. Вы меня поняли?

— Я...

— Поскольку мне известно, что как в вашей стране, так и в Британском Содружестве

Наций все, что сказано после заявления, что это не для записи, считается защищенным.

— При условии, — сказал Бизон.

— Простите?

— Вы меня слышали. При условии, что мы оба отключим запись. Итак, где Дирк?

— Мистер Бертон был сегодня утром обнаружен у себя дома с пулей в голове. Мне очень жаль, ведь вы его друг, но было установлено, что это самоубийство.

Бизон чуть не онемел.

— Кто установил? — наконец выдавил он.

— Официальные лица.

— Какие такие официальные лица?

— Скотленд-Ярд и охрана биржи.

«Скотленд-Ярд? — подумал Бизон. — Проверим».

— А биржа при чем?

— Мы защищаем нашу информацию и персонал, сэр.

— Но ведь самоубийство просто невозможно, вы же знаете, — сказал Бизон.

— Неужели?

— Если вы его инспектор, вы должны знать.

— После этих исчезновений прошла целая волна самоубийств.

Бизон покачал головой, словно этот самый Найджел мог видеть его с той стороны Атлантики.

— Дирк не убивал себя, и вы это знаете, сэр.

— Сэр. Я понимаю ваши чувства, но ни вы, ни я не знаем, что тогда творилось в голо-

ве у мистера Бертон. Он был мне симпатичен, но я не стану оспаривать выводы суде-
дэксперта.

Бизон бросил трубку и пошел в кабинет
Стива Планка. Он рассказал Стиву обо всем,
что услышал.

— Ужасно, — сказал Стив.

— У меня есть свой человек в Скотленд-
Ярде, который знаком с Дирком, но я не риск-
ну говорить с ним с моего телефона. Мардж
может зарегистрировать меня на следую-
щий рейс в Лондон? Я вернусь ко всем этим
саммитам, но я должен лететь!

— Если только сумеешь вылететь. Я даже
не знаю, открыт ли уже аэропорт Кеннеди.

— А Ла Гуардиа?

— Спроси Мардж. Карпати, кстати, при-
летает завтра.

— Ты сам сказал, что он — мелкая ры-
бешка. Может, когда я прилечу, он еще бу-
дет на месте.

* * *

Рэйфорд Стил никак не мог уговорить
убитую горем дочь выйти из дома. Хлоя не-
сколько часов провела в спальне своего бра-
тика, затем в родительской спальне, собирая
что-нибудь на память, чтобы положить в те
коробки, которые уже собрал ее отец. Рэй-
форд очень переживал за нее. Втайне он на-
деялся, что она станет его утешением. В конце

концов, так и будет, он это знал, но сейчас ей нужно было пережить собственную потерю. Как только она выплачется, она будет способна разговаривать с ним. И когда она дошла до той точки, когда Рэйфорд уже думал — все, больше ему не выдержать, — она, наконец, заговорила, собственно, о феномене исчезновений.

— Папа, в Калифорнии народ склоняется к теории вторжения пришельцев.

— Шутишь.

— Нет. Может, из-за того, что ты всегда так скептически относился к таким газетным сенсациям, я просто не могу в это поверить. То есть, да, это сверхъестественно, таинственно, но...

— Но что?

— Мне кажется, что если какая-то инопланетная форма жизни способна сделать такое, то они должны были бы иметь способность общаться с нами. Они хотят захватить власть, или получить выкуп, или заставить нас что-то для них сделать?

— Кто? Марсиане?

— Папа! Я же не говорю, что верю в это! Наоборот! Но разве то, что я говорю, не имеет смысла?

— Да меня-то убеждать не надо. Я признаюсь — неделю назад мне и во сне не могло бы присниться, что такое может случиться. Но моя логика на пределе.

Рэйфорд надеялся, что Хлоя спросит, что он думает на этот счет. Он не хотел начинать сразу с религиозной темы. Она

всегда встречала такие разговоры в штыки. В церковь она перестала ходить в старших классах средней школы, когда и он, и Ирэн отчаялись с ней бороться. Она была хорошим, беспроblemным ребенком. Она неплохо училась и получила частичную стипендию, и хотя она порой возвращалась домой поздно и пережила в старших классах сумасшедшую влюбленность, им никогда не приходилось вытаскивать ее из участка, и она никогда не баловалась наркотиками. Это он ей с рук не спустил бы.

Рэйфорд и Ирэн знали, что Хлоя пару раз приходила с вечеринок настолько пьяной, что ее рвало всю ночь. В первый раз они с Ирэн решили посмотреть на это сквозь пальцы и вели себя как ни в чем не бывало. Они считали ее достаточно разумной, чтобы не повторять таких подвигов. Когда она напилась второй раз, Рэйфорд поговорил с ней.

— Я знаю, знаю, пап. Не надо мне мозг есть.

— Я и не пытаюсь. Я просто хочу, чтобы ты понимала, что не надо садиться за руль, если перебрала.

— Да понимаю я.

— И чтобы ты понимала, что глупо и опасно чересчур налегать на спиртное.

— Я думала, что ты не собираешься есть мне мозг.

— Просто скажи, что ты все поняла.

— По-моему, я уже сказала.

Он покачал головой и ничего не сказал.

— Пап, ты не разочаровывайся во мне. Выдай мне по полной, давай, докажи, что тебе не все равно.

— Зря смеешься, — сказал он. — Когда-нибудь у тебя самой будут дети, и ты тоже не будешь знать, что им сказать. Когда любишь кого-нибудь всей душой и думаешь только о том, чтобы с ним ничего не случилось...

Он не мог продолжать. Впервые за всю его взрослую жизнь у него перехватило горло. С ним такого не случалось во время споров с Ирэн. Он всегда ошестинивался, слишком заботился о том, как бы отстоять свою точку зрения, а не о своих чувствах к ней. Но Хлое он действительно хотел сказать что-нибудь такое, чтобы оградить ее от самой же себя. Он хотел, чтобы она поняла, насколько он ее любит, а все выходило криво. Получалось, что он давит на нее, выговаривает, укоряет, обходится с ней покровительственно. И он не выдержал.

И это внезапное проявление чувств вдруг проняло Хлою. Много месяцев она постепенно отдалялась от него, от обоих родителей. Она была утрюмой, необщительной, независимой, саркастичной, вела себя вызывающе. Он понимал, что это неминуемый период взросления и становления личности, но это было болезненное, жуткое время.

Когда он закусил губу и глубоко вздохнул, чтобы овладеть собой и не сбиться окончательно, Хлоя бросилась к нему и обняла его за шею, словно маленькая девочка.

— Ох, папа, не плачь, — сказала она. — Я знаю, ты меня любишь. Я знаю, что ты боишься за меня. Но ты не беспокойся, я усвоила урок и не буду больше душить, честное слово!

Он расплакался, она тоже. Никогда между ними не было такой близости. Он даже не помнил, чтобы ему с тех пор приходилось хоть раз делать ей внушения, и хотя она так и не стала снова ходить в церковь, он ведь к тому времени тоже стал отходить от религии. Они стали с дочерью друзьями, и она обещала пойти в него. Ирэн шутила, что у каждого из детей есть любимый родитель.

Теперь, когда прошло всего несколько дней с момента исчезновения Рэйми и Ирэн, Рэйфорд надеялся, что те сердечные отношения, что возникли между ними в тот эмоциональный момент, когда Хлоя еще училась в школе, теперь окрепнут, и они смогут говорить откровенно. Что может быть важнее того, что случилось? Он теперь знал, во что верили ее чокнутые однокашники и среднестатистические калифорнийцы. Не ново. Он всегда считал, что в целом люди с Западного побережья верят желтой прессе так же, как на Среднем Западе верят «Чикаго трибюн» или даже «Нью-Йорк таймс».

Позже в тот же день — в пятницу — Рэйфорд и Хлоя с неохотой согласились, что надо бы им обоим поесть, они пошли на кухню, нарезали фруктов и овощей. Было что-то успокаивающее и исцеляющее в этой молчаливой работе. С одной стороны, это

было мучительно, поскольку домашние дела напоминали об Ирэн. И когда они сели за стол, они автоматически заняли свои привычные места по оба конца стола, отчего два пустых места стали еще более заметны.

Рэйфорд обратил внимание, что Хлоя опять вот-вот заплачет, и понял, что она чувствует то же, что и он. Не так давно они раза два-три в неделю собирались все вместе за семейным ужином. Ирэн всегда сидела слева, Рэйми справа, а они с Хлоей напротив друг друга. Пустота и молчание давили.

Рэйфорд был голоден как волк и в мгновение ока проглотил огромную порцию салата. Хлоя довольно быстро перестала есть и молча заплакала, опустив голову. Слезы капали ей на колени. Отец взял ее за руку, она встала, села ему на колени, уткнулась в плечо и зарыдала. У Рэйфорда сердце разрывалось. Он укачивал ее, пока она не успокоилась.

— Где же они? — простонала она в конце концов.

— Ты хочешь знать, что я об этом думаю? — спросил он. — Ты правда хочешь это знать?

— Конечно!

— Я думаю, они на небе.

— Ой, папа! В школе у нас были упертые религиозные психи, которые тоже так говорили, но если уж они столько об этом знают, то почему они-то на небо не ушли?

— Возможно, они поняли, что совершили ошибку и упустили возможность.

— Ты считаешь, что и мы тоже? — сказала Хлоя, возвращаясь на место.

— Боюсь, что так. Неужели мама не говорила тебе, что верит, будто бы однажды Иисус вернется и заберет народ свой прямо на небо еще до того, как они умрут?

— Да, но она всегда была более религиозной, чем мы с тобой. Я думаю, что она стала несколько не от мира сего.

— Хороший выбор слов.

— Хм?

— Она теперь точно не от мира сего. И она, и Рэйми.

— Ты ведь в это не веришь, верно?

— Верю.

— Но это такое же безумное предположение, как и теория о нашествии марсиан.

Рэйфорд выпустил колючки.

— А какова твоя теория?

Хлоя начала убирать со стола, стоя к нему спиной.

— Я честно признаюсь, что понятия не имею.

— Значит, я не честен?

Хлоя повернулась к нему. На ее лице было сочувствие.

— Папа, как ты сам не понимаешь? Ты выбрал самый безболезненный вариант. Если бы мы голосовали за варианты, то и я выбрала бы тот, где мои мама и братик сидели бы на облаках рядом с Богом и играли на арфах.

— Ты хочешь сказать, что я обманываю себя?

— Папа, я не придираюсь к тебе. Но ты должен признать, что это слишком неестественно?

Теперь Рэйфорд разозлился:

— Да что может быть неестественнее исчезновения людей среди бела дня? Кто еще мог бы такое сделать? Много лет назад мы обвинили бы во всем Советы, сказали бы, что они разработали какую-то новую супертехнологию, какие-нибудь лучи смерти, которые воздействуют только на плоть и кости. Но советской угрозы больше нет, да и в России много народу исчезло. И как это... чем бы оно ни было — как оно выбирает, кого забрать, а кого оставить?

— Ты хочешь сказать, что единственное логичное объяснение — это действия Бога, который забрал своих и бросил остальных?

— Именно это я и хочу сказать.

— Не желаю этого слышать.

— Хлоя, да наша собственная семья — идеальная тому иллюстрация. Если то, о чем я говорю, верно, то логично будет предположить, что двое людей исчезли, а двое остались.

— Ты считаешь, что я большая грешница?

— Хлоя, послушай. Чем бы ты ни была, я такой же. Я не сужу тебя. Если я прав, то мы что-то упустили. Я всегда называл себя христианином по большей части потому, что был так воспитан, и потому, что я не еврей.

— Теперь ты хочешь сказать, что ты не христианин?

— Хлоя, я думаю, что все христиане ушли.

— Значит, и я не христианка?

— Ты моя дочь и последнее, что осталось от моей семьи. Я люблю тебя сильнее, чем кого-либо на этой земле. Но если все христиане ушли, а остальные остались, то вряд ли кто из них христианин.

— Ты имеешь в виду суперхристиан.

— Да, истинных христиан. Предположительно Бог забрал тех, кого признал своими. Как же мне еще это сказать?

— Папа, и кто же после этого Бог? Гнусный садист-диктатор?

— Осторожнее, милая. Ты считаешь, что я ошибаюсь, но что, если я прав?

— Тогда Бог злобный, завистливый и мелочный. И кто захочет пойти на небо к такому Богу?

— Например, мама и Рэйми. И я хотел бы там быть.

— И я хочу быть с ними, папа! Но скажи мне, как же все это вяжется с образом любящего, милосердного Бога? Он никогда не отзывался на мои молитвы, я никогда не ощущала его любви или заботы. Теперь ты подтверждаешь, что я была права. Ему было наплевать на меня. Я не подхожу под его мерки, и потому он бросил меня? Давай лучше будем надеяться, что ты не прав!

— Но если я не прав, то кто прав, Хлоя? Где они? Где все?

— Видишь? Ты цепляешься за небеса потому, что тебе от этого легче. Но мне от этого

хуже. Я не хочу в это верить. Даже думать об этом не хочу.

Рэйфорд оставил эту тему и пошел смотреть телевизор. Ограниченное регулярное вещание возобновилось, но все еще невозможно было найти постоянный новостной канал. Его поразило непривычное имя нового румынского президента, о котором он недавно читал. Карпати. Он должен был прилететь в аэропорт Ла Гуардиа в субботу и дать пресс-конференцию утром в понедельник прежде, чем произнести речь в ООН.

Значит, Ла Гуардиа открыт. Стало быть, предполагается, что именно туда полетит Рэйфорд тем вечером на забитом под завязку самолете. Он позвонил в «Пан-Континентал» в аэропорту О'Хара.

— Хорошо, что вы позвонили, — сказал диспетчер — Я уж сам собирался вам звонить. У вас есть допуск к полетам на 777?

— Нет. Я обычно регулярно на них летал, но предпочитаю 747 и сейчас на 777 не рискнул бы.

— На этой неделе на восток у нас летают только эти. Значит, придется вызвать кого-нибудь еще. Кстати, вам скоро проходить аттестацию, так что мы проявляем гибкость.

— Верно замечено. Есть для меня что-нибудь еще?

— Полетите в понедельник в Атланту и в тот же день назад?

— На?..

— 747.

— Звучит заманчиво. Скажите, на этот рейс найдется место?

— Для кого?

— Для члена семьи.

— Сейчас посмотрю. — Рэйфорд услышал щелканье клавиш и рассеянный голос: — Пока я тут проверял, пришел запрос от члена команды. Просит назначить ее на ваш рейс, только мне кажется, что она думает, будто вы полетите нынче вечером из Логана до Кеннеди и обратно.

— Кто? Хэтти Дюрхем?

— Сейчас посмотрю. Да, она.

— Значит, она назначена на рейс из Бостона до Нью-Йорка?

— Угу.

— А я не лечу, значит, вопрос спорный, верно?

— Думаю, да. У вас есть какие-нибудь пожелания?

— То есть?

— Она ведь опять будет спрашивать, насколько понимаю. У вас есть какие-то возражения против ее назначения на один из будущих ваших рейсов?

— Ладно, я ведь не в Атланту лечу? Слишком уж скоро.

— Верно.

Рэйфорд вздохнул:

— Думаю, возражений нет. Нет, подождите. Будь что будет.

— Я не понимаю, капитан.

— Я хочу сказать, что если она будет назначена в обычном порядке, то я не возражаю.

Только не надо никаких специальных телодвижений, ладно?

— Усек. Похоже, на борту в Атланту найдется место для вашей милашки. Имя?

— Хлоя Стил.

— Я посажу ее в первом классе, но если билеты будут распроданы, то мне придется ее вычеркнуть.

Когда Рэйфорд отошел от телефона, в комнату вошла Хлоя.

— Я не полечу вечером, — сказал он.

— Это хорошая новость или плохая?

— Мне дали отгул. Так что я подольше побуду с тобой.

— После того, как я с тобой разговаривала? Я думала, ты видеть меня не захочешь!

— Хлоя, мы можем свободно говорить друг с другом обо всем. Ты — моя семья. Мне не хочется думать, что мне придется покидать тебя. У меня в понедельник рейс в Атланту и обратно, и я зарезервировал тебе билет, если захочешь полететь.

— Конечно.

— И я жалею только об одном твоём слове.

— Что именно?

— Что ты не желаешь даже думать о моей теории. Ты ведь всегда их любила. Я не против, если ты скажешь, что ты не принимаешь ее. Я ведь даже и не знаю, как ее изложить таким образом, чтобы она имела смысл. Но мама говорила об этом. Однажды она даже предостерегала меня, что если я не уверен в том, что пойду за Христом, когда он

вернется за народом своим, то лучше бы мне не злословить на этот счет.

— Но ты ведь злословил?

— Да. Но больше — никогда.

— Ладно, папа, я не буду насчет этого прохаживаться. Просто я не могу этого принять. Вот и все.

— Это будет честно. Но не говори, что даже и думать о моей теории не будешь.

— Хорошо. А ты думал о пришельцах?

— Честно говоря, да.

— Шутишь.

— Я обо все думал. Это настолько за рамками всего опыта человечества, что и не знаешь, что думать.

— Хорошо, беру назад слова о том, что не буду рассматривать эту теорию. Но разве это будет иметь значение? Мы что, в одиночестве станем религиозными фанатиками, бросимся в церковь, что там еще? И кто сказал, что еще не поздно? Если ты прав, то мы, возможно, опоздали навсегда.

— А вот это мы и должны выяснить, не так ли? Давай проверим, посмотрим, есть ли тут что-нибудь. Если да, то нам прежде всего надо выяснить, остался ли у нас шанс когда-нибудь снова воссоединиться с мамой и Рэйми.

Хлая села, качая головой.

— Эх, папа. Знать бы.

— Слушай, я позвонил в ту церковь, куда ходила мама.

— О, господи.

Он рассказал ей о записи и о том, что можно ее получить.

— Папа! Запись для тех, кто остался?

— Ты скептически на это смотришь, так что для тебя это звучит нелепо. Я же не вижу другого логического объяснения, потому мне не терпится эту запись прослушать.

— Ты совсем отчаялся.

— Конечно! А с тобой разве не так?

— Я испугана и несчастна, но не настолько пала духом, чтобы совсем потерять голову. Ой, папа, прости меня. Не смотри на меня так. Я не виню тебя за то, что ты хочешь все проверить. Делай свое дело и не обращай на меня внимания.

— Ты пойдешь со мной?

— Не хотелось бы. Но если ты хочешь...

— Можешь подождать в машине.

— Нет, незачем. Я не боюсь встретиться с теми, с кем я не согласна.

— Мы едем туда утром, — сказал Рэйфорд, разочарованный ее словами, но тем не менее полный решимости продолжать — как ради нее, так и ради себя. Если он прав, то он не хотел бы подвести свою дочь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Кэмерон Уильямс уговорил себя не звонить их общему с Дирком приятелю из Скотленд-Ярда до отъезда из Нью-Йорка. При таких трудностях со связью и после того странного разговора с инспектором Дирка Бизон не желал рисковать — кто-нибудь мог подслушать разговор. Меньше всего ему хотелось раскрывать своего информатора в Скотленд-Ярде.

Бизон взял оба своих паспорта — настоящий и липовый — и визу. Обычная предосторожность. В пятницу он вылетел ночным рейсом в Лондон из Ла Гуардиа и прибыл в Хитроу в субботу утром. Он поселился в отеле «Тэвисток» и проспал до середины дня. Затем отправился расследовать смерть Дирка.

Начал он со звонка в Скотленд-Ярд. Попросил к телефону своего знакомого, Алана

Томпкинса, детектива среднего ранга. Они были почти ровесниками. Поджарый, темноволосый, немного взъерошенный следователь Томпкинс как-то раз давал Бизону интервью для статьи о терроризме в Британии.

Они понравились друг другу и даже посидели вечером в пабе вместе с Дирком. Дирк, Алан и Бизон стали приятелями, и каждый раз, как Бизон прилетал в Англию, все трое встречались. Сейчас он пытался говорить с Аланом по телефону так, чтобы тот быстро понял ситуацию и не выдал их знакомства — на случай, если линия стояла на прослушке.

— Мистер Томпкинс, мы не знакомы, меня зовут Кэмерон Уильямс, я корреспондент из «Глобал уикли». — Прежде чем Алан успел рассмеяться и поздороваться с другом, Бизон быстро продолжил: — Я прилетел в Лондон, чтобы написать статью о предпосылках конференции по единой валюте в ООН.

Внезапно Алан стал чрезвычайно серьезным.

— Чем я могу вам помочь, сэр? Какое отношение это имеет к Скотленд-Ярду?

— У меня проблемы — не могу найти человека, с которым договорился об интервью. Я подозреваю, что со мной нечисто играют.

— Как зовут этого человека?

— Его имя Бертон. Дирк Бертон. Он служит на бирже.

— Я сейчас проверю и перезвоню вам.

Через несколько минут телефон в номере Бизона зазвонил.

— Это Томпкинс из Скотленд-Яда. Не будете ли вы так любезны зайти ко мне?

* * *

Ранним субботним утром Рэйфорд Стил из Маунт-Проспект, Илинойс, позвонил в Общинную церковь Новой Надежды еще раз. На сей раз по телефону ответил какой-то мужчина. Рэйфорд представился как муж бывшей прихожанки.

— Я знаю вас, сэр, — ответили ему. — Мы встречались. Я Брюс Барнс, пастор.

— О да, здравствуйте.

— Вы сказали, что ваша жена — бывшая прихожанка. Я так понимаю, что Ирэн уже нет среди нас?

— Да. И нашего сына тоже.

— Рэй-младший, да?

— Да.

— У вас еще была старшая дочь, которая в церковь не ходила?

— Хлоя.

— Она?..

— Она со мной. Мне хочется узнать, что вы скажете обо всем этом — сколько народу у вас исчезло, встречаетесь ли вы по-прежнему и так далее. Я знаю, что у вас в воскресенье служба и что вы распространяете ту запись.

— Ну, тогда вы все знаете, мистер Стил. Почти все члены и регулярные прихожане

этой церкви исчезли. Из священников остался я один. Я попросил нескольких женщин помочь мне. Сколько народу придет в воскресенье, я сказать не могу, но буду очень рад снова увидеть вас.

— Меня очень интересует эта запись.

— Буду счастлив дать вам ее заранее. Как раз ее мы будем обсуждать в воскресенье.

— Не знаю, как и спросить, мистер Барнс.

— Брюс.

— Брюс. Вы будете молиться, проповедовать или что-то еще?

— Мы будем обсуждать. Я прокручу запись для всех, кто не слышал ее, и затем мы будем ее обсуждать.

— Но вы... то есть как вы истолковываете тот факт, что вы до сих пор здесь?

— Мистер Стил, тому есть только одно объяснение, и я хотел бы поговорить с вами об этом лично. Если бы я знал, когда вы приедете за записью, я постарался бы встретиться с вами.

Рэйфорд сказал ему, что он и, возможно, Хлоя приедут к нему в полдень.

* * *

Алан Томпкинс ждал его прямо в вестибюле в Скотленд-Ярде. Когда Бизон приехал, Алан официально поздоровался с ним, пожав ему руку, и повел его к обшарпанной

малолитражке, которую быстро повел к маленькому пабу в нескольких милях оттуда.

— Давай не будем говорить, пока не приедем на место, — сказал Алан, постоянно поглядывая в зеркала заднего и бокового обзора. — Мне надо быть начеку. — Бизон никогда не видел своего приятеля таким возбужденным — и испуганным.

Они взяли по пинте темного эля и сели за стойку в углу, но Алан так и не прикоснулся к своей выпивке. Бизон, который ничего не ел с самого полета, прикончил свою кружку и принялся за эль Алана. Когда официантка пришла забрать кружки, Бизон заказал сандвич. Алан отказался, и Бизон, зная свою норму, заказал содовую.

— Я знаю, что это все равно что подливать масла в огонь, — начал Алан, — но я должен сказать тебе, что дело очень грязное и что лучше тебе держаться от него подальше.

— Ты прав — я уже загорелся, — сказал Бизон. — Что происходит?

— Хотя это и определили как самоубийство, но...

— Но мы оба знаем, что это чушь собачья. Что говорят свидетели? Ты был на месте?

— Был. Выстрел в висок, пистолет у него в руке. Никакой предсмертной записки.

— Ничего не пропало?

— Вроде нет, но, Кэмерон, ты же знаешь почему.

— Понятия не имею!

— Да ладно тебе. Дирк был сторонником теории заговора, все разнюхивал про знакомства Тодд-Котрана с международными денежными воротилами, про его роль в конференции по трем валютам, даже про его связь с этим типом Стонагалом.

— Алан, про это тома написаны. У людей просто хобби приписывать всевозможные злодеяния Трехсторонней комиссии¹, иллюминатам, масонам, бог знает еще кому. Дирк считал, что Тодд-Котран и Стонагал входят в так называемый Совет Десяти, или Совет Мудрецов. И что? Это же безобидные пустяки.

— Но когда у тебя есть служащий, по всеобщему признанию стоящий в нескольких шагах от поста главы биржи, который пытается связать своего шефа с теорией мирового заговора, то он становится проблемой.

Бизон вздохнул:

— Значит, его вызвали на ковер, может, уволили. Но как он погиб или был доведен до самоубийства?

— Я кое-что хочу тебе сказать, Кэмерон, — проговорил Алан. — Я знаю, что он был убит.

— Я тоже уверен в этом. Если бы он был склонен к самоубийству, я бы знал.

— Его смерть пытаются объяснить тем, будто бы он не перенес горя от множества потерь, но это не катит.

¹ Трехсторонняя комиссия — международная организация, объединяющая усилия Северной Америки, Западной Европы и Азии (Япония и Южная Корея) в решении главных мировых проблем. Организована в 1973 году Дэвидом Рокфеллером.

— Но ведь ты знаешь, что он был убит? Это очень сильное заявление со стороны следователя.

— Я знаю это потому, что знал его, а не потому, что я следователь.

— Это не доказательство, — сказал Бизон. — Я тоже могу сказать, что знал его и что он не мог совершить самоубийство, но я ведь пристрастен.

— Кэмерон, это же так просто, что могло бы быть чистым клише, не будь Дирк нашим другом. Над чем мы с тобой постоянно подшучивали?

— Да много над чем. А что?

— Мы все посмеивались над его неуклюжестью.

— Ну и что?

— Если бы он сейчас был с нами, где бы он сидел?

И тут до Бизона внезапно дошло, к чему клонит Алан.

— Он сидел бы слева от нас и был он неуклюжим потому, что был левшой!

— Выстрел был в правый висок, и так называемое орудие самоубийства было в его правой руке.

— А что сказало твое начальство, когда ты сообщил им о том, что он левша и что это убийство?

— Ты первый, кому я об этом говорю.

— Алан! Ты что!

— Я люблю свою семью. Мои родители еще живы, у меня есть старший брат и сестра. Я все еще люблю свою бывшую жену.

Я был бы не против лично прикончить ее, но никому другому не позволю причинить ей вред.

— Чего ты боишься?

— Конечно, того, кто стоит за убийством Дирка.

— Но за тобой весь Скотленд-Ярд! Ты зовешь себя слугой закона и спускаешь это убийство на тормозах?

— Да. И ты сделаешь то же самое.

— Ну уж нет. Иначе я жить не смогу.

— А сунешься в это дело — точно долго не проживешь.

Бизон жестом подозвал официантку и заказал чипсов. Она принесла ему жирную грудку на блюде. Как раз этого он и хотел. Эль уже подействовал, и сандвича было явно недостаточно. Голова у него немного кружилась, и он опасался, что очень долго не захочет теперь есть.

— Я слушаю, — прошептал он. — Что ты хочешь мне сказать? Кто тебя напугал?

— Если ты мне веришь, то тебе это не понравится.

— У меня нет причин не верить тебе, и мне все это уже не нравится. Давай, выкладывай.

— Смерть Дирка зафиксирована как самоубийство, точка. Место преступления прибрано, тело кремировано. Я спрашивал о вскрытии, надо мной просто посмеялись. Мой старший офицер капитан Салливан спросил меня, чего я жду от вскрытия. Я сказал ему, что ищу ссадины, царапины, призна-

ки борьбы. Он спросил меня — ты думаешь, это тип сам с собой, что ли, боролся перед тем, как пустить себе пулю в висок? Ну и я придержал язык насчет того, что знал.

— Почему?

— Да почувял кое-что.

— Что, если я напечатаю эту статью в международном журнале и расскажу о расхождении? Что-нибудь да случится.

— Мне было велено передать тебе, чтобы ты ехал домой и забыл об этом самоубийстве.

Бизон недоверчиво прищурился:

— Никто не знал о моем прибытии?

— Думаю, никто. Но кое-кто предположил, что ты можешь прилететь. Я не был удивлен твоим приездом.

— А тебе-то что удивляться? Мой друг мертв, якобы сам с собой покончил. Как я мог оставить это на самотек?

— Теперь оставишь.

— Думаешь, я струшу потому, что ты струсил?

— Кэмерон, ты же знаешь меня.

— Теперь я думаю, что совсем тебя не знал! Я думал, мы родственные души. Мы были фанатами справедливости, Алан. Искателями истины. Я журналист, ты следователь. Мы скептики. Неужели мы должны отвернуться от истины, особенно когда это касается нашего друга?

— Ты меня не слушаешь, что ли? Мне сказали, чтобы я уговорил тебя не соваться в это дело, если ты появишься.

— Тогда зачем ты позволил мне прийти в Скотленд-Ярд?

— Мне обещали проблемы, если я все расскажу тебе.

— Кто?

— Я думал, что ты никогда так и не спросишь. Ко мне приходил, как вы говорите в Америке, громила.

— Крутой?

— Очень.

— Он угрожал тебе?

— Да. Он сказал, что если я не хочу, чтобы со мной или с моей семьей случилось то же, что и с моим другом, то я должен делать то, что мне скажут. Опасаюсь, что именно он прикончил Дирка.

— Вероятно. Почему же ты не доложил о том, что тебе угрожали?

— Я собирался. Сначала попытался уладить все сам. Сказал ему, что им нечего беспокоиться. На другой день я отправился на биржу и попросил встречи с Тодд-Котраном.

— С самим боссом?

— Именно. Конечно, мне не было назначено, но я сказал, что это по делу Скотленд-Ярда, и он меня принял. Даже сам его кабинет подавляет. Всюду красное дерево и темно-зеленые шторы. Я сразу перешел к делу. Я сказал ему: «Сэр, я уверен, что у вас есть наемный убийца». И он спокойно, прямо как ты, ответил: «Вот что я вам скажу, друг мой, — это словечко у кокни в ходу между собой, так люди его положения к таким, как я,

не обращаются. Короче, он заявил: — Вот что я вам скажу, друг мой: когда в следующий раз кто-нибудь посетит вашу квартиру в десять вечера, как некий джентльмен нынешней ночью, передайте ему от меня привет, ладно?»

— И что ты ответил?

— А что я мог ответить? Я обалдел! Я просто посмотрел на него и кивнул. «И позвольте мне сказать вам кое-что еще, — добавил он. — Скажите вашему приятелю Уильямсу, чтобы он не совал нос в это дело». Я спросил: «Уильямс?», будто бы не знал, о ком он. Конечно, он даже внимания не обратил, ведь он все прекрасно знал.

— Кто-то прослушал голосовую почту Дирка.

— Конечно. И еще он сказал: «Если ему нужно увещевание, просто скажите, что я так же равнодушен к нему, как он к своему отцу и Джеффу». Это твой брат?

Бизон кивнул.

— И ты залег на дно?

— А что еще мне было делать? Я попытался поиграть в героя. Я сказал: «А что, если этот разговор записывается?» А он холодно ответил: «Металлодетектор запищал бы». — «У меня хорошая память. Я расскажу о нашем разговоре», — сказал я ему. Он ответил: «Последствия за ваш счет, друг мой. Кому поверят — вам или мне? Марианна даже не захочет вас слушать — правда, она может оказаться в таком состоянии, что даже и услышать вас не сможет».

— Марианна?

— Моя сестра. Но это даже не половина дела. Словно желая расставить все точки над «i», он позвонил моему капитану. Он сказал ему: «Салливан, если один из ваших людей приходит ко мне в кабинет и надоедает мне, что я должен делать?» И Салливан, один из моих кумиров, ответил ему, как послушный мальчик: «Мистер Тодд-Котран, сэр, делайте то, что сочтете нужным». И Тодд-Котран сказал: «А если я пристрелю его на месте?» Салливан отвечает: «Сэр, я уверен, что это будет самоубийство». А теперь слушай дальше. Тодд-Котран сказал по телефону в разговоре со Скотленд-Ярдом, где все входящие звонки записываются, и Тодд-Котран это прекрасно знает: «А если это Алан Томпкинс?» Вот так, напрямую. И Салливан ответил: «Я приеду и лично избавлю вас от трупа». Я все понял.

— Словом, тебе не к кому больше было обратиться.

— Никто больше в голову не приходил.

— Значит, я, по их мнению, должен поджать хвост и удрать.

Алан кивнул.

— Я должен передать Тодд-Котрану, что все тебе сказал. Он ждет, что ты улетишь следующим же самолетом.

— А если нет?

— Не гарантирую, но я не стал бы рисковать.

Бизон сдвинул тарелку в сторону и отодвинул стул.

— Алан, ты не слишком хорошо меня знаешь, но должен понимать — я не из тех, кто после такого будет сидеть сложа руки.

— Этого я и боялся. Я тоже не из таких, но куда мне податься? Что мне делать? Наверняка кому-то можно доверять, но что тут можно сделать? Если это доказывает правоту Дирка, значит, он подошел слишком близко к какому-то заговору, в котором замешан Тодд-Котран, но кто дергает за ниточки? Замешан ли тут твой приятель Стонагал? И как быть с другими финансистами, с которыми они встречаются? А ты не подумал, что они уже могли купить всех? Я вырос на фильмах о вашей чикагской мафии, которая платила копам, судьям и даже политикам. Никто не мог тронуть их.

Бизон кивнул.

— Никто не трогал их — кроме тех, кого нельзя было купить.

— Неприкасаемые?¹

— Они были моими героями, — сказал Бизон.

— И моими, — ответил Алан. — Потому я и следователь. Но если Скотленд-Ярд куплен, куда мне идти?

Бизон подпер подбородок ладонью.

— Как ты думаешь, за тобой следят? Хвост есть?

— Пока нет.

— Никто не знает, что мы с тобой здесь?

¹ Гангстерский фильм Брайана де Пальмы о специальной команде «Неприкасаемые», созданной в чикагской полиции для борьбы с Аль Капоне.

— Я старался следить, нет ли за нами хвоста. По моему профессиональному мнению, пока нас не засекали. Что ты собираешься делать, Кэмерон?

— Похоже, тут я очень мало могу сделать. Возможно, я вернусь назад под другим именем, чтобы создать для всех, кому это важно, вид, будто бы я уперся и остался здесь.

— Зачем?

— Может, мне и страшно, Алан, но я буду искать свои пути распутать это дело. Я найду человека, которому хватит духу мне помочь. Я не так хорошо знаю твою страну, чтобы понимать, кому можно доверять. Конечно, я доверяю тебе, но ты ничего не сможешь сделать.

— Ты считаешь меня слабаком, Кэмерон? Ты думаешь, у меня есть выбор?

Бизон покачал головой.

— Ты мне нравишься, Алан. Не знаю, что бы я делал на твоём месте.

Официантка что-то спрашивала у посетителей, подходя к каждому столу. Когда она подошла поближе, Бизон и Алан замолчали, чтобы прислушаться.

— Чей светло-зеленый седан? Говорят, в салоне освещение включено.

— Мой, — сказал Алан. — Не припомню, чтобы включал освещение в салоне.

— Я тоже, — сказал Бизон, — оно было выключено, когда мы вошли сюда. Может, мы просто не заметили?

— Сейчас разберусь. Возможно, пустяки, но аккумулятор этого старого драндулета долго не выдержит.

— Осторожно, — сказал Бизон. — Вдруг там кто-то порывлся?

— Вряд ли. Мы ведь прямо у переднего входа сидим, не забывай.

Бизон подался вперед в кресле и взглядом проследил за тем, как Алан вышел из паба. Да, действительно освещение салона было включено, это даже из паба видно было. Алан обошел машину, открыл окно со стороны водительского сидения и выключил свет. Вернувшись, он сказал:

— Старость не радость. Совсем свихнулся. В другой раз фары забуду выключить.

Бизон с грустью думал о переделке, в которую угодил его друг. Надо же — всю жизнь служить любимому делу и вдруг узнать, что твое начальство на корню куплено международным бандитом.

— Я собираюсь позвонить в аэропорт и узнать, смогу ли улететь сегодня вечером.

— В это время в твои края ничего не летит, — сказал Алан.

— Я могу каким-нибудь рейсом добраться до Франкфурта и вылететь оттуда утром. Вряд ли мне стоит пытаться удачу здесь.

— Телефон возле двери. Я расплачусь с девушкой.

— Я настаиваю, — сказал Бизон, пуская по столу бумажку в пятьдесят марок.

Бизон разговаривал с Хитроу, пока Алан рассчитывался с барменшей. Бизон зарезервировал место на борту самолета, через

сорок пять минут вылетающего во Франкфурт, что позволит ему пересесть на утренний рейс в воскресенье до аэропорта Кеннеди.

— О, Кеннеди открыт? — сказал он.

— Всего час, как открыли, — ответила женщина. — Количество полетов ограничено, но ваш «Боинг» компании «Пан-Континентал» из Германии прилетает туда утром. Сколько пассажиров?

— Один.

— Имя?

Бизон сунул руку в бумажник, чтобы вспомнить, как его зовут по поддельному британскому паспорту.

— Извините? — сказал он, отвлекшись, поскольку подошел Алан.

— Ваше имя, сэр.

— О, извините. Орешкович. Джордж Орешкович.

Алан одними губами прошептал, что будет ждать в машине. Бизон кивнул.

— Все в порядке, сэр, — сказала женщина. — Вы вылетаете во Франкфурт вечером, затем из Франкфурта в аэропорт Кеннеди завтра утром. Чем-нибудь еще могу помочь?

— Нет, спасибо.

Бизон едва успел повесить трубку, когда дверь паба вынесло оглушительным взрывом, и завсегдатаи с воплями попадали на землю. Пока люди подползали к дверям, чтобы посмотреть, что случилось, Бизон в ужасе смотрел на остов и оплавленные шины того, что было скотленд-ярдовским седаном Ала-

на. Окна вынесло взрывом, осколки усеивали улицу, выла сирена. На тротуаре лежали оторванная нога и верхняя часть тела — все, что осталось от Алана Томпкинса.

Когда посетители высыпали на улицу, поглазеть на горящие обломки, Бизон протолкался сквозь их толпу, вытаскивая из бумажника свой настоящий паспорт и удостоверение личности. В суматохе он бросил их рядом с останками машины, надеясь, что они не успеют сгореть до состояния полной неопознаваемости. Пусть те, кто хотел его смерти, получают его труп. Затем он протиснулся сквозь толпу в опустевший паб и кинулся к задней его стороне. Но черной двери не было, только окно. Он поднял раму и выбрался наружу. Он оказался в проулке шириной в два фута между двумя зданиями. Бизон быстро двинулся вперед, пачкаясь о стены. Добравшись до улицы, он пробежал два квартала и остановил такси.

— ОТЕЛЬ «ТЭВИСТОК», — сказал он.

Через несколько минут, когда до отеля оставалось квартала три, Бизон увидел полицейские машины, перегораживавшие подъезд.

— Отвезите меня прямо в Хитроу, пожалуйста, — сказал он. Он понял, что вместе с вещами забыл в отеле свой ноутбук, но выбора не было. Самое ценное он и так уже отослал в электронном виде, но кто знает, кто теперь получит доступ к его материалам?

— Значит, вам ничего в отеле не нужно? — спросил водитель.

— Нет. Просто хотел повидать кое-кого.

— Хорошо, сэр.

Хитроу прочесывали еще большие полицейские силы.

— Скажите, а где можно купить шляпу вроде вашей? — спросил Бизон, расплачиваясь с водителем.

— Этот старый хлам? Все никак не соберусь выбросить. У меня таких не одна. А что, хотите взять как сувенир?

— Столько хватит? — спросил Бизон, вкладывая ему в ладонь крупную купюру.

— Даже больше, чем надо, сэр, большое вам спасибо.

Водитель снял официальный значок лондонского таксиста и протянул ему шляпу.

Бизон натянул слишком большую шляпу на уши и поспешил к терминалу. Он заплатил наличными за билет на имя Джорджа Орешковича, натурализовавшегося в Англии поляка, вылетавшего в Штаты через Франкфурт в отпуск. Он оказался в воздухе прежде, чем власти узнали о том, что он улетел.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Рэйфорд был рад, что сумел вытащить Хлою в поездку в субботу, чтобы они могли немного отвлечься от своего горя. Он был счастлив, что она согласилась сопровождать его в церковь.

Хлоя весь день была сонной и тихой. Она намекнула, что хочет оставить университет на семестр и учиться здесь. Рэйфорду это понравилось. Он все время думал о ней. А теперь он понял, что и она думает о нем, и это глубоко тронуло его.

Во время разговора в течение короткой поездки он напомнил ей, что по возвращении из Атланты в понедельник им придется ехать домой из аэропорта О'Хара отдельно, чтобы он мог отогнать свою машину. Она улыбнулась ему:

— Думаю, в двадцать-то лет я с этим управлюсь.

— Иногда я и правда смотрю на тебя, как на маленькую девочку, — сказал он.

— Теперь уже не так часто, — заметила она. — Но ты можешь исправиться.

— Я понял, что ты хочешь сказать.

— Как же, как же, — ответила она. — Угадай.

— Ты собираешься мне сказать, что я исправлюсь, если позволю тебе сегодня иметь собственное мнение, и не буду уговаривать тебя сделать что-нибудь.

— Надеюсь, это и так понятно. Но ты ошибаешься, умник. Я собиралась сказать, что поверю в то, что ты считаешь меня взрослой, если ты позволишь мне вести твою машину из аэропорта в понедельник.

— Легко, — сказал Рэйфорд детским голоском. — И ты после этого почувствуешь себя большой девочкой? Хорошо, папочка так и сделает!

Она ткнула его локтем, улыбнулась, затем помрачнела.

— С ума сойти, я черт-те от чего смеюсь в эти дни, — заявила она. — Господи, я ощущаю себя каким-то чудовищем!

Рэйфорд не стал отвечать на это замечание, повернул и увидел впереди симпатичную маленькую церковь.

— Не принимай близко к сердцу мои слова, — сказала Хлоя. — Я ведь не обязана заходить туда?

— Нет, хотя я был бы тебе благодарен.

Она поджала губы и покачала головой, но, когда он припарковался и вышел из машины, пошла за ним.

Брюс Барнс оказался приземистым и несколько склонным к полноте человеком. Он был кудряв и носил очки в тонкой металлической оправе. Одет он был небрежно, но со вкусом, и Рэйфорд подумал, что ему лет тридцать с небольшим. Он вышел из храма с небольшим термосом в руках.

— Извините, — сказал он. — Вы, наверное, Стилс. Из служащих остался только я да Лоретта.

— Привет, — окликнула их сзади пожилая женщина. Она стояла в дверях притвора. Запавшие глаза, растрепанные волосы — словно она прошла войну. Поздоровавшись, она вернулась за стол.

— Она готовит небольшую программу на завтра, — пояснил Барнс. — Беда в том, что мы даже не знаем, сколько народу ждать. Вы приедете?

— Еще не уверен, — сказал Рэйфорд. — Я, скорее всего, буду.

Они оба посмотрели на Хлою. Она вежливо улыбнулась.

— Меня, вероятно, не будет, — произнесла она.

— Хорошо, я приготовил для вас записку, — сказал Барнс. — Но я хотел бы занять еще несколько минут вашего времени.

— У меня есть время, — сказал Рэйфорд.

— У меня тоже, — покорно заверила Хлоя.

Барнс повел их в кабинет старшего пастора.

— Я не сижу за его столом и не пользуюсь его библиотекой, — сказал он, — но я работаю

тут за его круглым столом. Я не знаю, что случится со мной или с церковью, и уж точно не желаю быть слишком самоуверенным. Не представляю, чтобы Господь призвал меня к этому труду, но если призовет, я буду готов.

— А как он вас призовет? — поинтересовалась Хлоя с улыбкой на губах. — По телефону позвонит?

Барнс ответил неожиданно:

— Честно говоря, я не удивился бы. Насчет вас ничего не скажу, но на прошлой неделе он привлек мое внимание. Так что звонок по телефону с небес не слишком бы меня ошарашил.

Хлоя подняла брови, видимо уступая.

— Ребята, Лоретта выглядит так, как я себя чувствую. Мы опустошены и потрясены, потому что точно знаем, что случилось.

— Или думаете, что знаете, — сказала Хлоя. Рэйфорд попытался перехватить ее взгляд, чтобы приструнить ее, но она не желала смотреть на него. — По всей стране во всех телешоу выдвигают теории на любой вкус.

— Я знаю, — ответил Барнс.

— И за каждой — своя корысть, — добавила она. — Газетенки трубят, что это пришельцы, поскольку это подтверждает правоту их тупых статей, которыми они дурили нам мозги из года в год. Правительство говорит — это тайные враги, так что надо тратить больше средств на высокотехнологичные оборонные разработки. Вы говорите — это Бог, чтобы начать восстанавливать свою церковь.

Брюс Барнс сел и посмотрел на Хлою, затем на ее отца.

— Я хочу кое о чем вас попросить, — сказал он, снова повернувшись к ней. — Вы можете выслушать мою историю, не перебивая и не спрашивая ни о чем, разве что если вдруг что-то будет вам непонятно?

Хлоя внимательно смотрела на него, ничего не отвечая.

— Не хочу быть грубым, но не хочу, чтобы и вы грубили мне. Я попросил у вас немного времени. Если вы не передумали, я хочу попытаться потратить его с пользой. После этого я оставляю вас в покое. Можете думать что угодно о том, что я вам сейчас расскажу. Можете считать меня чокнутым, своекорыстным, как угодно. Можете уйти и не возвращаться, это ваше право. Но насколько минут вы мне дадите?

Рэйфорд подумал, что Барнс невероятно умен. Он поставил Хлою на место, не дав ей найти ни одного колкого ответа. Она просто махнула рукой, соглашаясь. Барнс поблагодарил ее и начал рассказ:

— Можно, я буду называть вас по имени?

Рэйфорд кивнул, Хлоя не ответила.

— Рэй, да? И Хлоя? Вот я сижу перед вами — человек, раздавленный горем. А Лоретта? Если у кого и есть повод чувствовать себя такой же уничтоженной, как и я, так это у Лоретты. Она осталась единственная из всего своего клана. У нее было шесть братьев и сестер, не знаю сколько тетушек, дядюшек и кузин, племянников и племянниц. В прошлом году они здесь венчались, и только

с ее стороны было около сотни родственников. Они исчезли все до единого.

— Какой ужас! — воскликнула Хлоя. — Знаете, мы потеряли маму и брата... ой, простите. Я же обещала молчать.

— Ничего, — сказал Барнс. — Моя ситуация такая же, как у Лоретты, только в меньшем масштабе. Конечно, для меня это отнюдь не маленькая потеря. Позвольте, я расскажу вам мою историю. — Как только он начал с незначительных с виду подробностей, его голос стал низким и тихим. — Я лежал в постели вместе с женой. Она спала. Я читал. Наши дети уже пару часов как уснули. Им было пять лет, три и годик. Старшая у нас была девочка, остальные двое — мальчики. Все было как обычно — я читал, жена спала. Ей так трудно приходилось с детьми, да еще у нее была работа на неполный день, так что она всегда отключалась в девять или около того.

Я читал спортивный журнал, пытаюсь как можно меньше шуршать страницами, но каждый раз она вздыхала. Один раз даже спросила, долго ли я еще буду читать. Я понимал, что надо уйти в другую комнату или просто выключить свет и попытаться заснуть. Но я сказал ей — еще немного. Я надеялся, что она уснет и я смогу прочесть весь журнал. Я обычно по ее дыханию мог понять, насколько крепко она спит и мешает ли ей включенный свет. Через некоторое время я услышал ее глубокое, спокойное дыхание.

Я обрадовался. Я хотел почитать до полуночи. Я лежал спиной к ней, опершись на

локоть, чуть загораживая свет подушкой. Я не знаю, сколько я так пролежал, когда вдруг почувствовал какое-то движение и понял, что она встала. Я подумал, что она идет в туалет. Я надеялся, что она не настолько проснулась, чтобы начать пилить меня за то, что я все еще не погасил свет. Она была хрупкой и маленькой, и потому меня не насторожило, когда я не услышал ее шагов. Но, как я уже говорил, я был поглощен чтением.

Через несколько минут я окликнул ее:

— Милая, ты в порядке?

Ответа я не услышал. Я подумал — она действительно встала или мне показалось. Я протянул руку за спину, не нашел ее и снова позвал. Я подумал — может, она пошла посмотреть, как дети, но обычно она так крепко спала, что вставала только тогда, когда кто-то из них начинал плакать.

Прошло еще минуты две, прежде чем я все-таки обернулся и увидел, что она не просто исчезла, но, похоже, застелила постель. Представьте, что я подумал. Я решил, что она настолько обиделась, что я все еще читаю, что перестала ждать и пошла спать на кушетку. Я, как порядочный муж, пошел извиниться и вернуть ее в постель.

Вы понимаете, что было дальше. На кушетке ее не оказалось. Ее не было в ванной. Я заглянул в комнату каждого из детей и шепотом позвал ее, думая, что она, может, укачивает их или просто сидит рядом. Ответа не было. По всему дому свет был выключен, горел он только у моей постели. Я не хотел

будить детей, громко ее окликая, потому я просто включил свет в коридоре и снова заглянул в их комнаты.

Мне стыдно признаться в этом, но я понял, в чем дело, только когда увидел, что моих старших детей нет в их постельках. Первой моей мыслью было, что они ушли в детскую к младшему, чтобы уснуть там на полу — иногда они так делали. Потом я подумал, что жена забрала их зачем-то на кухню. Честно говоря, я немного забеспокоился, не понимая, что творится среди ночи.

Когда я не обнаружил в колыбельке младшего, я включил свет, высунулся в коридор и уже громко позвал жену. Ответа не было. Тут я заметил в кровати младшего его ползунки и все понял. Просто понял — и все. Это обрушилось на меня внезапно. Я бегал из комнаты в комнату, срывал одеяльца и находил пижамки детей. Я не хотел этого делать, но все же сорвал одеяло с той половины постели, на которой спала моя жена и обнаружил там ее ночную сорочку, ее кольца и даже ее заколки для волос на подушке.

Рэйфорд пытался сдержать слезы, вспоминая, как сам он пережил то же самое. Барнс глубоко вздохнул и выдохнул, вытирая глаза.

— Я схватил телефон, — заговорил он. — Сначала позвонил пастору, но, разумеется, услышал его автоответчик. Еще пару раз я наталкивался на автоответчики, потому схватил приходскую телефонную книгу и начал звонить людям постарше, которые не

жаловали автоответчики. Но их телефоны не отвечали.

Конечно, я понимал, что вряд ли кого-то найду. Почему-то я выбежал из дома, вскочил в машину и помчался к церкви. Там я нашел Лоретту — она сидела в своей машине в ночной рубашке, в бигуди, вся в слезах. Мы вошли в вестибюль и сели рядом с цветочными горшками, обнялись и заплакали. Мы понимали, что произошло. В течение полутора часов к нам присоединились другие люди. Мы утешали друг друга и рассуждали вслух, что же делать дальше. И тут кто-то вспомнил о записи по поводу Восхищения, сделанной нашим пастором.

— О чем? — спросила Хлоя.

— Наш старший пастор любил проповедовать о возвращении Христа, который придет за народом своим и заберет верующих, живых или мертвых, на небо, когда на Земле настанет время скорби. Особенно вдохновенно он говорил об этом пару лет назад.

Рэйфорд повернулся к Хлое:

— Помнишь, мама рассказывала об этом. Она была в таком восторге.

— О да, я помню.

Барнс продолжил:

— Пастор часто произносил эту проповедь и сам записал ее на видео, обращаясь к тем, кто останется. Он оставил ее в церковной библиотеке вместе с указаниями достать ее и прокрутить, если будет казаться, что все исчезли. Мы все прошлой ночью пару раз посмотрели ее. Несколько человек

пытались роптать против решения Господа, утверждая, что они — истинно верующие и их должны были забрать на небо вместе с остальными. Но мы-то знали истину. Мы были притворщиками. Среди нас не были ни одного, кто бы не знал, что такое быть настоящим христианином. Мы не были истинным христианами, и потому нас оставили здесь.

Рэйфорду было трудно спрашивать, но все же он не мог не спросить:

— Мистер Барнс, вы ведь тут служите.

— Верно.

— Но как же вы-то?

— Я как раз собираюсь вам об этом рассказать, Рэй, поскольку скрывать больше нечего. Мне стыдно, и если прежде у меня не было ни желания, ни повода рассказывать другим о Христе, то теперь он у меня есть. Мне страшно сознавать, что для этого мне нужно было пережить самое катастрофическое событие в истории. Я был воспитан в церковном духе. Мои родители, братья и сестры — все были христианами.

Я любил церковь. Это была моя жизнь, моя культура. Я думал, что все, во что надо верить, есть в Библии. Библия говорит — если ты веришь в Христа, то тебе принадлежит жизнь вечная, так что я считал, что спасен.

Мне особенно нравились те места, где говорилось о том, что Господь милостив. Я был грешником, я не менял себя. Я цеплялся за всепрощение потому, что считал, что Бог просто должен прощать. Обязан. В Библии говорилось, что если мы каемся в грехах,

то он добросовестно и справедливо прощает нас и снимает с нас грехи. Я знал и другие строки, в которых говорилось о том, что надо верить и принимать то, что посылает Бог, доверяться и терпеть, но для меня это было что-то вроде теологической белиберды. Я хотел результата, самого легкого пути. Я знал, что в других стихах говорилось о том, что мы продолжаем грешить, поскольку Бог милосерден.

Я думал, что веду правильную жизнь. Я даже ходил в Библейский колледж. В церкви и в школе я говорил правильные слова и молился на людях, даже был примером христианской жизни для многих. Но я все равно оставался грешником. Я даже говорил об этом. Я говорил людям, что я несовершенен, что я просто прощен.

— Моя жена то же самое говорила, — произнес Рэйфорд.

— Различие между нами в том, — сказал Брюс, — что она была искренней. А я лгал. Я говорил моей жене, что мы платим церкви десятину, понимаете, отдаем ей десятую часть своего дохода. Да я ни цента не давал, разве что порой бросал на блюдо для пожертвований пару купюр ради пристойности. Каждую неделю я каялся, обещая исправиться.

Я побуждал людей к вере, к тому, чтобы они рассказывали другим, как стать христианами. Но сам-то я этого не делал. Моя работа состояла в том, чтобы ежедневно посещать людей дома, в частных лечебницах,

госпиталях. Я хорошо выполнял ее. Я воодушевлял их, улыбался им, говорил с ними, молился вместе с ними, даже читал им Писание. Но наедине сам с собой я никогда этого не делал.

Я был ленив. Я ловчил. Когда люди думали, что меня нет дома потому, что я ушел к тому, кто позвал меня, я мог сидеть в кино в другом городе. Я был похотлив. Я читал то, чего не должен был читать, рассматривал журналы, которые разжигали мою похоть.

Рэйфорд поморщился. Слишком похоже на него.

— Я уходил в настоящий загул, — говорил Барнс. — И я втянулся. Я понимал, что падаю все ниже. Я знал, что истинных христиан видно по их делам. А что делал я? Но я утешал себя, что есть люди и хуже меня, которые считают себя христианами.

Я не был насильником, педофилом, развратником, хотя много раз я чувствовал себя прелюбодеем из-за моих похотливых мыслей. Но я всегда мог помолиться, покаяться и чувствовал себя чистым. Почему я этого не видел? Когда люди узнавали, что я служу в Новой Надежде, я рассказывал им о замечательном пасторе и опрятной церкви, но стеснялся говорить с ними о Христе. Когда они спрашивали меня, не является ли Новая Надежда одной из тех церквей, которые утверждают, что Иисус — единственный путь к Богу, я говорил все, что угодно, разве что не отрицал этого. Я хотел, чтобы они думали, будто со мной все в порядке, что я

в теме. Пусть я христианин и даже пастор, но вот только не надо приставать ко мне со странными вопросами.

Теперь я, конечно, вижу, что Бог действительно прощает грехи. Но мы должны принять его дар, жить во Христе и позволить ему жить в нас. Я привык считать, что мне обеспечено место в раю и это позволяет мне делать то, что я хочу. Я мог жить во грехе и изображать набожность. У меня была большая семья и прекрасная обстановка на работе. И хотя по большей части в душе я ощущал себя дурным человеком, я действительно верил, что после смерти попаду на небеса.

Я и в Библию почти не заглядывал, разве что когда готовился к беседе или уроку. Я мыслями не был во Христе. Христианин означает — подобный Христу. Это уж точно был не я, и подтвердилось это самым страшным образом.

Позвольте мне сказать это вам обоим — решать вам. Это ваша жизнь. Но я знаю, Лоретта знает, и еще несколько человек из нашей церкви, которые сейчас с ума сходят, понимают в точности, что случилось несколько ночей назад. Иисус Христос пришел за своей истинной семьей, а остальные остались здесь.

Брюс посмотрел в глаза Хлое:

— Я не сомневаюсь, что мы стали свидетелями Восхищения. Больше всего я боялся, осознав истину, что для меня больше не осталось надежды. Я упустил все, я был лжецом, я сочинил для себя собственное христианство,

которое позволило мне вести свободную жизнь, но стоило мне души. Я слышал, как люди говорили, что раз церковь опустела, то и Дух Господень покинул землю. Логика в том, что когда Иисус вознесся после Своего Воскрешения, то Дух Святой, который Господь дал своей пастве, остался жить в сердцах верующих. Значит, если они все взяты на небо, то и Дух ушел. И надежды для тех, кто остался, нет. Вы представить себе не можете, какой камень упал у меня с души, когда я прослушал запись нашего пастора.

Мы поняли, насколько глупы были, но те из нашего прихода — по крайней мере, те, кто ночью приехал в это здание после исчезновений, — теперь ревностны, как только может быть ревностен человек. Никто не ушел отсюда, не поняв, что наши вера и мысли дают нам единение с Богом.

Хлоя встала, начала расхаживать туда-сюда, скрестив руки на груди.

— Это очень интересная история, — сказала она. — А Лоретта? Как она-то не попала на небо, если вся ее семья оказалась истинно христианской?

— Когда-нибудь попросите ее лично вас об этом рассказать, — ответил Брюс. — Но мне она сказала, что гордыня и нерешительность не дали ей прийти к Христу. Она была средней дочерью в очень религиозной семье, она сказала, что серьезно задумалась о своей личной вере только лет в двадцать. А до того она просто плыла по течению вместе со своей семьей, по привычке ходила в церковь и

все такое. Когда она стала взрослой, вышла замуж, стала матерью и бабушкой, она позволила всем считать, что она гигант духа. Ее все уважали. Только вот сама она никогда искренне не верила в Христа и не принимала его.

— Значит, — сказала Хлоя, — все, кто верил и принимал Христа, таким образом пребывая во Христе и позволяя ему жить в них, как считала моя мама, говоря о спасении, спасены?

Брюс кивнул:

— От греха, ада и суда.

— А мы от всего этого не избавлены?

— Верно.

— И вы на самом деле в это верите?

— Да, верю.

— Бредовая идея, согласитесь.

— Для меня — нет. Теперь — нет.

Рэйфорд, любивший точность и порядок, спросил:

— И что вы делали? Что делала моя жена? Что сделало ее большей христианской или... что, ну...

— Спасло ее? — уточнил Брюс.

— Да, — сказал Рэйфорд. — Именно это я и хочу понять. Если вы правы, а я уже сказал Хлое, что теперь именно так считаю, то нам надо понять, как это все работает. Как происходит? Как человек переходит из одного состояния в другое? Очевидно, мы были обречены остаться, и теперь нам придется жить без наших любимых, которые были истинным христианами. Итак, как же нам стать истинными христианами?

— Я хотел бы подвести вас к этому, — произнес Брюс. — И я хотел бы, чтобы вы отправились домой с этой записью. Завтра в десять утра для всех, кто придет, я хотел бы устроить детальный разбор записи. Возможно, то же самое я буду повторять каждое утро в воскресенье, пока люди будут меня спрашивать. Я уверен только в одном — как бы ни были важны все эти проповеди и наставления, это — важнее всего.

Пока Хлоя стояла, прислонившись спиной к стене, все еще скрестив руки, Брюс обратился к Рэйфорду:

— Это и правда очень просто. Бог делает путь легким. Это не означает, что это не божественное деяние или что мы можем брать только лучшую часть, как я пытался сделать. Но если мы увидим истину и будем действовать по истине, Господь не лишит нас спасения.

Во-первых, мы должны увидеть себя глазами Бога. Библия говорит, что все мы грешны, что нет ни единого праведника. Также она говорит, что самим нам не спастись. Многие считали, что могут найти свой путь к Господу или на небеса, совершая добрые дела, но, возможно, это самая большая на свете ошибка. Спросите любого человека с улицы, что он думает насчет того, что Библия или церковь говорят о небе, и девять из десяти скажут, что туда попадут те, кто правильно живет и делает добрые дела.

Конечно, мы должны быть такими, но так спасения не заслужишь. Мы должны делать

это в ответ на спасение. Библия говорит, что не трудами и не праведностью спасаемся, но милосердием Божиим. А еще говорится, что мы спасаемся милостью Господней через Христа, не сами, так что нечего хвалиться своими добродетелями.

Иисус взял на себя наши грехи и принял за нас кару, так что нам уже за это расплачиваться не придется. Платой была смерть, и Он умер за нас потому, что любил нас. Когда мы говорим Христу, что мы признаем, что мы пропавшие грешники и принимает от Него дар спасения, Он спасает нас. Да, это сделка. Мы идем из тьмы к свету, от потери к обретению, мы спасены. Библия говорит: тем, кто принимает Его, Он дает власть стать сынами Божьими. Иисус сам — сын Божий. Когда мы становимся детьми Божьими, мы обретаем то же, что и Иисус — родство с Богом, вечную жизнь, и поскольку Иисус уже заплатил за наши грехи, мы также получаем и прощение.

Рэйфорд сидел, ошеломленный. Украдкой глянул на Хлою. Она была замкнута, но в ней не чувствовалось агрессии. Рэйфорд ощущал, что он нашел именно то, что искал. Это было то, что он подозревал и слышал урывками в течение многих лет, но что никогда не складывалось в единую картину. Но вопреки самому себе он все еще жаждал обдумать это, просмотреть и прослушать запись и обсудить ее с Хлоей.

— Я должен задать вам вопрос, — сказал Брюс, — который прежде никогда не стре-

мился задавать людям. Я хочу знать, готовы ли вы принять Христа прямо сейчас. Я был бы счастлив помолиться с вами и показать, как об этом говорить с Господом.

— Нет, — быстро сказала Хлоя, глядя в страхе на отца, словно он собирался совершить какую-то глупость.

— Нет? — искренне удивился Брюс. — Вам нужно еще время?

— Как минимум, — произнесла Хлоя. — И не торопите меня.

— Что же, позвольте сказать вам, — начал Брюс, — что именно с этим мне и хотелось бы вас поторопить. Я верю, что Бог простил меня и что у меня тут есть дело. Но я не знаю, что случится теперь, когда все истинные христиане ушли от нас. Если бы я пришел к нынешнему состоянию несколько лет назад, а не сейчас, когда уже, считай, поздно! Вы сами понимаете, что я предпочел бы быть сейчас с моей семьей на небе.

— Но кто бы тогда нам обо всем этом рассказал? — спросил Рэйфорд.

— О, я благодарен Господу за эту возможность, — ответил Брюс. — Но это мне дорого стоило.

— Я понимаю. — Рэйфорд ощущал, как Брюс просто сверлит его взглядом, словно молодой человек знал, что Рэйфорд почти готов сказать «да». Но он в своей жизни никогда не торопился. И поскольку это была не какая-то покупка у коммивояжера, то ему необходимо было время, чтобы подумать, немного остыть. У него был аналитический

ум, и поскольку все, что случилось, внезапно обрело огромный смысл и он не сомневался в теории Брюса об исчезновениях, он не собирался действовать сразу. — Я благодарен вам за запись, и, будьте уверены, утром я здесь буду.

Брюс посмотрел на Хлою.

— Я ничего гарантировать не могу, — сказала она. — Но я благодарна, что вы уделите нам время, и я посмотрю запись.

— Большого я и не прошу, — признался Брюс. — Но позвольте мне все же чуточку напомнить вам о том, что надо поторопиться. Вы наверняка всю жизнь такое слышали, как и я сам. Может, и нет. Но я должен вам сказать, что у вас нет никаких гарантий. Слишком поздно, чтобы исчезнуть, как те, кого вы любили. Но люди гибнут ежедневно — в автомобильных авариях, при крушениях самолетов — о, простите, я уверен, что вы хороший пилот, — во всяких других трагических случаях. Я не собираюсь силой тащить вас к тому, к чему вы еще не готовы, но позвольте уверить вас в том, что, уж если Господь вложил вам в душу осознание, что это — истина, не отворачивайтесь. Что может быть страшнее, чем обрести Господа и умереть без него потому, что вы тянули слишком долго?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бизон поселился во франкфуртском «Хилтоне» в аэропорту под своим вымышленным именем. Он понимал, что надо позвонить в Штаты прежде, чем его семья и коллеги услышат о его смерти. Он начал с поиска платного телефона в вестибюле. Набрал номер своего отца в Аризоне. С учетом разницы во времени, там сейчас был воскресный полдень.

— Папа, ты меня извини, но если ты услышишь, что я погиб в заминированной машине во время теракта, не верь.

— Это что еще за чертовщина, Кэмерон?

— Сейчас не могу сказать. Просто хочу, чтобы ты знал, что со мной все в порядке. Я звоню из Европы, но откуда — тут я лучше промолчу. Завтра вернусь, но я на время лягу на дно.

— Завтра вечером будет панихида по твоей невестке и племянникам, — сказал мистер Уильямс.

— О нет, пап, меня там в первую очередь будут искать. Извини. Передай Джеффу мои соболезнования.

— Хорошо, мне продолжать игру? В смысле, может, и по тебе панихиду заказать?

— Нет, у меня не получится долго играть в покойника. Как только ребята из «Глобал» узнают, что я в порядке, долго держать это в секрете не удастся.

— А когда те, кто хотел тебя убить, узнают, что ты жив, не будет ли это опасно для тебя?

— Вероятно. Но, пап, я сейчас отсоединюсь. Передай Джеффу мои соболезнования, ладно?

— Передам. Будь осторожен.

Бизон перешел к другому телефону и позвонил в «Глобал». Изменив голос, он попросил соединить его с голосовой почтой Стива Планка.

— Стив, ты знаешь, кто это звонит. Что бы ты ни услышал за последние двадцать четыре часа, знай, я в порядке. Завтра я тебе позвоню, и мы встретимся. Пусть остальные пока верят слухам. Мне нужно оставаться в тени, пока я не смогу найти человека, который сможет оказать мне реальную помощь. До встречи, Стив.

* * *

Хлоя сидела в машине молча. Рэйфорду хотелось поговорить. Это было не в его духе, но в себе он ощущал ту же потребность

срочно действовать, которую увидел в Брюсе Барнсе. Он хотел оставаться здравомыслящим, аналитиком. Он хотел учиться, молиться, быть уверенным. Но разве это не уверенность? Разве можно быть увереннее, чем сейчас?

Что же он такого сделал, от чего Хлоя выросла настолько недоверчивой, что не видела дальше собственного носа? Он обрел истину, и Брюс был прав. Они должны научиться действовать в соответствии с этой новой истиной прежде, чем что-то случится с ними.

Новости были переполнены сообщениями о преступлениях, грабежах, о том, как люди ловят рыбу в мутной водичке. Повсюду убивали, насиловали, грабили. Дороги стали чрезвычайно опасны. Аварийным службам не хватало людей, в аэропортах не доставало диспетчеров и квалифицированных пилотов.

Люди раскапывали могилы любимых, чтобы узнать, не исчезли ли тела, а мошенники под этим предлогом рыскали по могилам в поисках ценного. По ночам мир делался отвратительным, и Рэйфорд беспокоился за их с Хлоей безопасность. Больше он не мог тянуть с просмотром пленки и решением, которое он уже принял.

— Давай посмотрим вдвоем? — предложил он.

— Нет, папа, лучше не надо. Я вижу, куда ты клонишь, но я еще не примирилась с собой. Это очень личное дело. Тут ни семья, ни друзья не помогут.

— Я не слишком в этом уверен.

— Не надо давить на меня. Посмотри пленку, а я потом.

— Ты пойми — я беспокоюсь за тебя, я люблю тебя. Понимаешь?

— Конечно.

— Ты посмотришь ее до завтрашней встречи в церкви?

— Папа, прошу тебя! Ты оттолкнешь меня, если будешь продолжать давить. Я даже не знаю, хочу ли я туда идти. Я выслушала все это сегодня, и он сам сказал, что завтра будет то же самое.

— Ну а что, если я завтра решу стать христианином? Я же в каком-то смысле похож на тебя.

Хлоя посмотрела на него:

— Не знаю, пап. Это же не диплом получить или что-то в этом роде.

— Может, так оно и есть. У меня ощущение такое, что твои мать и брат словно поднялись на другую ступень, а я — не смог.

— Грубое сравнение.

— Я серьезно. Он прошел экзамен и попал на небеса. А я — нет.

— Я не хочу сейчас об этом говорить.

— Хорошо. Позволь мне только сказать еще одну вещь. Если ты не поедешь со мной завтра, то я прошу тебя посмотреть эту пленку в мое отсутствие.

— О, я...

— Потому что я и правда хочу, чтобы ты с этим разобралась до нашего полета в

понедельник. Полеты стали опаснее, и никто не знает, что может случиться.

— Папа, хватит! Всю жизнь я слышала от тебя, насколько безопасны полеты! Каждый раз, как было очередное крушение и тебя спрашивали, не страшно ли тебе, ты приводил статистику, насколько чаще люди бьются в машинах! Так что не надо, ладно?

Рэйфорд сдался. Он должен разобраться с собственной душой и молиться за дочь, но загонять ее в церковь силой он не станет.

Хлоя рано легла в субботу, а Рэйфорд уселся перед телевизором и вставил кассету.

— Здравствуйте, — услышался приятный голос пастора, с которым Рэйфорд несколько раз встречался. Он сидел на краешке стола в том самом кабинете, в котором Рэйфорд сегодня побывал. — Меня зовут Вернон Биллингс, я пастор Общинной церкви Новой Надежды в Маунт-Проспект, штат Иллинойс. Могу лишь вообразить, с каким ужасом и отчаянием смотрите эту запись, поскольку я сделал ее только на случай исчезновения с земли народа Господнего.

Если вы смотрите эту пленку, значит, вас оставили. Несомненно, вы ошеломлены, потрясены, вам страшно, вы рассказываете всей душой. Мне хотелось бы, чтобы то, о чем я сейчас расскажу вам, стало для вас руководством к жизни после того, как Христос увел Свою паству.

А именно это и произошло. Все ваши близкие, кто доверил свое спасение Господу нашему Иисусу Христу, были взяты Им на небо.

Позвольте мне показать вам в Библии место, которое рассказывает о том, что случилось. Сейчас вы уже не нуждаетесь в доказательствах, потому что вы сами пережили самое потрясающее событие в истории. Но поскольку эта запись сделана заблаговременно и я уверен, что уйду, то спросите себя откуда мне это знать? А вот откуда — из Первого послания к Коринфянам, 15:51-57.

На экране появился отрывок из Писания. Рэйфорд нажал «паузу» и побежал за Библией Ирэн. Он не сразу нашел Послание к Коринфянам, и хотя переводы несколько отличались, смысл оставался тем же.

— Я хочу зачитать вам слова великого миссионера-евангелиста, апостола Павла христианам церкви города Коринфа, — сказал пастор. — «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа? Жало же смерти — грех; а сила греха — закон. Благодарение Богу, даровавшему

нам победу Господом нашим Иисусом Христом!»

Рэйфорд был в смятении. Кое-что он понимал, но остальное оставалось бессмыслицей. Он снова запустил запись.

— Позвольте мне перефразировать кое-что из этого послания, чтобы вы могли это ясно понять. Когда Павел говорит — не все мы умрем, он говорит, что не все в нас умрет. Он говорит, что тленное существо облачится в нетленное тело, которое будет существовать вечно. Когда такое случится, когда христиане, уже умершие и еще живущие, получат свои нетленные тела, случится Восхищение паствы Божией.

Все, кто верил и принял жертвенную смерть, погребение и воскрешение Иисуса Христа, ждали Его пришествия. Раз вы смотрите эту запись, то все они уже узрели исполнение обещания Господа: «Я вернусь и приму вас в Себя, чтобы и вы были там, где Я есть».

Я уверен, что все подобные люди были взяты на небо в буквальном смысле этого слова, оставив здесь все материальное. Если вы обнаружили, что исчезли миллионы людей, что исчезли маленькие дети и младенцы, то вы знаете, что я говорю правду. Мы верим, что до определенного возраста, который, вероятно, для каждого свой, Господь не считает детей от-

ветственными за последствия решений, которые должны приниматься сознательно, умом и сердцем. Также вы, наверное, обнаружили, что нерожденные дети исчезли из чрева матерей. Я могу представить страдания и душевную боль мира, лишившегося своих детей и глубокое отчаяние родителей.

Пророческое Послание Павла к Коринфянам гласит, что это случится в мгновение ока. Только что любимый человек стоял перед вами — и вдруг его уже нет. Не завидую тем, кто пережил такое потрясение.

В Библии говорится, что сердца человеческие предадут людей от страха. Полагаю, это означает, что от потрясения у многих случатся сердечные приступы, а многие покончат с собой от отчаяния. Вы лучше меня знаете о том хаосе, что воцарился после того, как христиане исчезли из машин, пожарных команд, полиции, из всех аварийных служб.

Независимо от того, где вы живете, вы, наверное, уже знаете о введении во многих местах военного положения. Это чрезвычайная мера, необходимая для того, чтобы удержать преступников от мародерства. Падут правительства, в мире воцарится беспорядок.

Наверное, вы спрашиваете себя: почему же это случилось? Некоторые будут видеть в произошедшем Суд Господень над грешным миром. На самом деле

Суд будет позже. Какими бы странными ни показались мои слова, но это — последняя попытка Бога привлечь внимание всех, кто игнорировал Его или отрицал. Теперь всем, кто остался, Он дает время на испытания и обретение воздаяния. Он увел Церковь Свою из падшего мира, который идет своими путями, ищет своих удовольствий и стремится к своему концу.

Я уверен, что цель Господа — дать оставшимся время оценить свое положение, оставить свое безумное стремление к удовольствиям и самореализации и обратиться к Библии ради поиска истины и спасения во Христе.

Позвольте мне сказать вам: ваши любимые, ваши дети и младенцы, ваши друзья, ваши знакомые не были похищены какой-то злой силой или космическими пришельцами. Скорее всего, объяснение будет именно таким. То, что прежде казалось вам нелепым, сейчас может показаться логически обоснованным, но это не так.

Кроме того, Писание говорит, что восстанет великая ложь, которую поддержат средства массовой информации и претворит в жизнь самозванный мировой лидер. Сам Иисус предсказал появление такого человека. Он сказал: «Я пришел во имя Моего Отца, и не принимаете меня, а если иной придет в мое имя, его примете».

Я хочу предостеречь каждого из вас — бойтесь мирового лидера, который может прийти из Европы. Он окажется великим лжецом, который выдвинется среди таких знамений и чудес, что многие поверят, что он и есть Господь. Среди тех, кто остался, у него появится огромное число последователей, и многие поверят, что он — вершитель чудес.

Лжец пообещает силу, мир и безопасность, но Библия говорит, что речи его будут против Всевышнего, и что он повергнет святых Всевышнего. Именно потому я предостерегаю вас теперь — появится новый лидер с огромным обаянием, который попытается захватить власть над миром, воспользовавшись хаосом и смятением. В Библии его называют Антихристом. Он даст много обещаний, но не выполнит их. Вы должны верить в то, что обещано Всемогущим через Его Сына, Иисуса Христа.

Я уверен, что в Библии говорится о том, что Восхищение предвещает семилетний период испытаний и скорбей, во время которого будут происходить ужасные вещи. Если вы не приняли Христа как своего Спасителя, ваши души в опасности. А поскольку в течение этого срока будут происходить катастрофы, то и ваши жизни под угрозой. Даже если вы обратитесь к Христу, все равно может случиться так, что вам придется принять мученическую смерть.

Рэйфорд нажал «паузу». Он был готов услышать о спасении. Но испытания и скорбь? Утратить любимых, победить свою гордыню и самовлюбленность, которые не дали ему попасть на небеса, — разве этого не достаточно? Будут еще испытания?

И о каком таком великом лжеце говорит пастор? Может, он уж слишком запроповедовался? Но ведь это не продавец панацеи от всех болезней. Это искренний, честный человек, стоящий доверия. Это человек Божий. Если то, что пастор рассказал об исчезновениях, — правда, а Рэйфорд в душе понимал, что это так, то слова его заслуживают внимания и уважения.

Пора отбросить критику. Аналитика никогда не убедит очевидное. Доказательство у тебя под носом: пустые кресла, пустая постель, пустота в душе. Есть лишь один способ действия. Он снова нажал кнопку.

— Сейчас не имеет значения, почему вы остались здесь. Может, вы были слишком эгоистичны, охвачены гордыней или увлечены бизнесом. Возможно, у вас просто не было времени изучить то, чего требует Христос. Главное, что вам дан второй шанс. Не упустите его.

Исчезновение праведников и детей, воцарившийся хаос, отчаяние — свидетельства моим словам. Молитесь, чтобы Господь помог вам. Примите же Его дар спасения прямо сейчас. Не поддавайтесь на ложь и усилия Антихриста, который

вскоре придет. Помните — он многих обманет. Не окажитесь среди них.

Лет за восемьсот до первого Пришествия Христа ветхозаветный пророк Исайя предсказал, что царства земные будут воевать и лица их будут как пламя. По моему мнению, это предсказание третьей мировой войны, термоядерной войны, которая сметет с лица земли миллионы.

Библейские пророчества — это заранее записанная история. Я очень прошу вас найти книги по этому вопросу, найти людей, которые могут оказаться специалистами в данном вопросе, но по какой-то причине прежде не приняли Христа и потому остались здесь. Изучайте Библию, чтобы знать, что вам предстоит и быть к этому готовыми.

Вы увидите, что изменятся правительства и религии, разразятся войны, повсюду будут смерть и разрушение, мученичество святых и даже опустошительное землетрясение. Будьте готовы.

Бог хочет простить ваши грехи и уготовить сам место на небесах. Вот что говорится в Книге Иезекииля 33:11: «Говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был».

Если вы примете послание Господне о спасении, Его Дух Святой войдет в вас и вы духовно возродитесь. Вам не нужно все это понимать теологически.

Вы сможете стать Детьми Господними, вознеся Ему молитву прямо сейчас, как я вам покажу...

Рэйфорд снова нажал «паузу», увидел тревогу на лице пастора, сочувствие в его глазах. Он знал, что друзья и знакомые сочтут его чокнутым, может, даже собственная дочь будет о нем так думать. Но слова пастора казались ему искренними. Рэйфорд не понял его слов о семи годах испытаний и новом лидере, лжеце, который скоро должен был восстать. Но он понимал, что Христос нужен ему. Ему нужно было прощение грехов и уверенность в том, что однажды он воссоединится с женой и сыном на небесах.

Рэйфорд сидел, обхватив руками голову. Сердце его гулко билось. Наверху, где спала Хлоя, не было слышно ни единого звука. Он был наедине со своими мыслями, наедине с Богом, и он ощущал Его присутствие. Рэйфорд соскользнул на ковер, встал на колени. Он никогда прежде не молился на коленях, но ощущал серьезность и благоговейность момента. Он нажал кнопку и отбросил в сторону пульт управления. Положил ладони на пол, опустил на них голову, лицом в пол. Пастор начал:

— Повторяйте за мной.

Рэйфорд так и поступил.

— Господи, я признаюсь в том, что я грешник. Я раскаиваюсь в моих грехах.

Пожалуйста, прости меня и спаси меня. Я прошу Тебя именем Иисуса, который умер за меня. Теперь я уверовал в Него. Я верю, что безгрешная кровь Иисусова стала платой за спасение мое. Благодарю Тебя, что слушаешь и принимаешь меня. Благодарю Тебя за спасение души моей.

Пока пастор продолжал утешительные слова, цитировал стихи, обещавшие тем, кто воззвал именем Господа, спасение и то, что Господь не отвергнет никого из тех, кто взыскует Его, Рэйфорд оставался коленопреклоненным. Когда запись закончилась, пастор сказал:

— Если вы искренни, то вы спасены, вы родились вновь, вы теперь дитя Господа.

Рэйфорду хотелось еще поговорить с Богом. Он хотел полностью излить свои грехи. Он понимал, что прощен, но, как ребенок, он хотел, чтобы Бог знал, что он понимает, каким человеком он был прежде.

Он покался в своей гордыне. В гордости своим разумом. Своей внешностью. Своими способностями. Он покался в своей похоти. В том, что пренебрегал женой, в том, что искал собственных удовольствий. В том, что поклонялся деньгам и вещам. Когда он закончил изливать душу, он ощутил себя чистым. Запись испугала его предсказанием грядущих страшных времен, но он понимал

теперь, что лучше встретить их истинно верующим, чем таким, каким он был.

Следующей его молитвой стала молитва о Хлое. Он будет заботиться о ней и молиться за нее до тех пор, пока не будет уверен, что она воссоединится с ним в новой жизни.

* * *

По прибытии в аэропорт Кеннеди Бизон сразу же позвонил Стиву Планку.

— Бизон, отступник! Крепче стой на ногах — знаешь, кто хочет с тобой поговорить?

— Понятия не имею!

— Сам Николае Карпати.

— Ну да.

— Я серьезно. Он здесь, и с ним твой старый знакомый Хаим Розенцвейг. Похоже, что Хаим воспевал тебе дифирамбы, пресса их раструбила, и теперь он спрашивает о тебе. Я приеду за тобой, ты мне расскажешь, в какое дерьмо успел вляпаться, мы тебя воскресим, и ты получишь то свое грандиозное интервью, которого так добивался.

Бизон бросил трубку и захлопал в ладоши.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой, — подумал он. — Если и есть тип, который стоит за всеми этими международными террористами, громилами и грязными дела-

ми в Скотленд-Ярде и на Лондонской бирже, то это как раз Карпати. Но если он нравится Розенцвейгу, то он должен быть хорошим парнем».

* * *

Рэйфорд еле дождался утра — так ему хотелось добраться до Новой Надежды. Он взялся за Новый Завет, рыскал по дому в поисках каких-либо книг или учебников, которые собирала Ирэн. Хотя большую часть книг ему до сих пор было трудно понять, он так жаждал рассказов о жизни Христа, что читал все четыре Евангелия, пока не стало слишком поздно и он не заснул.

Во время чтения Рэйфорд мог думать только о том, что теперь и он член той семьи, в которой ныне пребывали его жена и сын. Хотя его и пугало предостережение пастора о тех бедах, что обрушатся на мир после того, как паства Христова восхищена на небо, новообетенная вера вдохновляла его. Он знал, что настанет день, когда он будет с Богом и Христом, и более, чем когда-либо, он желал этого и для Хлои.

Рэйфорд сдерживал себя, чтобы только не давить на нее. Он решил не рассказывать ей о том, что с ним произошло, пока она сама не спросит. Она и не спрашивала до того, как он собрался утром в церковь, но извинилась за то, что не поедет с ним.

— Когда-нибудь я поеду с тобой, — сказала она. — Я обещаю. Я не против, я просто не готова.

Рэйфорд еле удержался, чтобы не сказать — не тяни слишком долго. Ему очень хотелось уговорить ее посмотреть пленку вместе с ним, но она знала, что он уже ее посмотрел, и не спросила ни о чем. Он открыл ее к началу и оставил кассету в видеомagni-тофоне, надеясь, что она посмотрит ее, пока его не будет дома.

Рэйфорд добрался до церкви за несколько минут до десяти утра и был потрясен тем, что машину пришлось парковать в трех кварталах от нее. Все было забито. Некоторые люди несли с собой Библию, почти все были одеты кое-как. Это были испуганные, отчаявшиеся люди, которые заполняли все скамьи, даже галерею. Рэйфорд протиснулся внутрь и встал, потому как сесть было негде.

Ровно в десять утра Брюс начал речь, но он попросил Лоретту встать у дверей, чтобы впустить всех опоздавших. Несмотря на толпу, он не стал зажигать прожектора и не поднялся на кафедру. Он встал перед первым рядом скамей с микрофоном в руке и начал говорить с людьми.

Сначала Брюс представился.

— Я не стою на кафедре потому, что это место для людей обученных и призванных к служению. Сегодня я выступаю как пастырь и учитель только потому, что не осталось никого другого. Раньше мы просто остолбенели бы от такой толпы прихожан в нашей

церкви, — сказал он. — Но я не собираюсь говорить вам, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались. Я знаю, что вы ищете ответа на вопрос: что случилось с вашими детьми и любимыми? И я уверен, что ответ у меня есть. Очевидно, прежде у меня этого ответа не было, иначе сейчас меня не было бы среди вас. Мы не будем петь. Мы не будем делать никаких заявлений. Мы не будем принимать никаких пожертвований, хотя нам придется принимать их на следующей неделе, потому как расходы будут. У церкви есть кое-какие деньги на счете в банке, но нам надо платить аренду, и мне на что-то надо жить.

Затем Брюс рассказал всем ту же самую историю, которую уже поведал Рэйфорду и Хлое вчера. Пока он рассказывал, слышен был только его голос. Многие плакали. Он показал видеозапись, и в конце более сотни людей молились вместе с пастором. Брюс просил, убеждал их начать посещать церковь Новой Надежды.

Он добавил:

— Я понимаю, что многие из вас по-прежнему относятся ко всему скептически. Вы можете поверить, что все случившееся — дело рук Бога, но вам все равно это не нравится и вы в обиде на Него. Если вы захотите вернуться, излить душу и задать вопросы этим вечером, я буду ждать вас здесь. Но я бы не хотел, чтобы вы бросились ко мне прямо сейчас, утром, поскольку здесь слишком много только что уверовавших и я не хочу усложнять им жизнь. Будьте

уверены — мы готовы ответить на любые искренние вопросы.

Я хочу открыть двери тем, кто принял Христа только сегодня утром и хочет исповедаться перед нами. Библия велит нам это делать, чтобы все знали о нашем решении и нашей позиции. Кто хочет — подходите к микрофону.

Рэйфорд двинулся первым, но когда он подошел по проходу к микрофону, он почувствовал, что за ним двинулись многие. Десятки людей ждали возможности поведать свои истории, рассказать о своем духовном восхождении. Большинство, как и он, стояли на пороге истины благодаря своим любимым или друзьям, но никогда до конца не принимали истины Христа.

Рассказы брали за душу, и вряд ли хоть один утаил то, что произошло с ним. Даже когда время перевалило за полдень, сорок—пятьдесят человек все еще стояли в очереди к микрофону. Казалось, всем необходимо было рассказать о тех, кто покинул их на земле. В два пополудни, когда все проголодались и устали, Брюс сказал:

— Я хотел бы закончить. Сегодня я не буду делать ничего традиционно церковного, включая пение. Но я чувствую, что нам надо поблагодарить Создателя за то, что случилось здесь сегодня. Позвольте мне научить вас простому гимну.

Брюс пропел короткий псалом, восхваляя Бога-Отца, Сына и Святого Духа. Когда люди присоединились к нему, спокойно,

благоговейно и сердечно, Рэйфорд просто не смог петь — в горле стоял комок. Один за другим люди переставали петь и просто произносили слова беззвучно или напевали мелодию — так они были охвачены чувствами. Рэйфорд подумал, что это — самый потрясающий момент в его жизни. Как же ему хотелось поделиться своим восторгом вместе с Ирэн, Рэйми и Хлоей!

Люди не хотели расходиться даже после того, как Брюс закончил молитву. Многие остались, чтобы познакомиться друг с другом. Было понятно, что родилась новая община. Название церкви теперь казалось как нельзя более подходящим. Новая Надежда. Брюс пожимал руки на прощание, и никто из них не уклонялся и не пытался пройти мимо. Когда подошел Рэйфорд, Боус спросил:

— Вы сегодня в середине дня не заняты? Вы не могли бы некоторое время побыть со мной?

— Могу, но прежде я хочу позвонить дочери.

Рэйфорд сказал Хлое, где находится. Она не стала расспрашивать о собрании в церкви, разве что сказала:

— Надолго затянулось? Народу много было?

Он ответил на оба вопроса «да». Он решил не говорить большего, если она не спросит. Он надеялся, что ей станет любопытно, он молился об этом, и если он сумеет как следует рассказать о том, что случилось сегодня, может быть, и она захочет быть среди них.

По крайней мере, она увидит, как это все повлияло на него.

Они сидели в небольшом ресторанчике близ Арлингтон Хайтс. Брюс выглядел усталым, но счастливым. Он говорил Рэйфорду, что ощущает такую бурю чувств, что даже не может понять, что с этим делать.

— Моя скорбь по утраченной семье до сих пор настолько свежа, что я почти ничего делать не могу. Мне до сих пор стыдно за свое лицемерие. И все же поскольку я покался в грехах и искренне принял Христа, за какие-то несколько дней я получил от Него такую благодать, что и представить не мог. Мой дом одинок, холоден и полон болезненных воспоминаний. И все же посмотрите, что произошло сегодня. Я получил новое стадо, чтобы пасти его, обрел смысл жизни!

Рэйфорд кивнул. Он понимал, что Брюсу просто надо выговориться.

— Рэй, — сказал Брюс, — церковь как правило создается пасторами, обученными в семинарии, пожилыми людьми, которые большую часть жизни прожили христианами. Такой роскоши у нас нет. Я не знаю, какую схему руководства мы примем. Нет смысла назначать старейшин, когда временный пастор — а только так я могу себя называть — сам только что стал христианином, как и все остальные. Но нам нужно ядро из людей, которые заботятся друг о друге и преданы всей общине. Лоретта и еще несколько человек, с которыми я встретился в ночь

Восхищения, уже вошли в эту команду, а также пожилая чета, которая посещала церковь много лет, но также почему-то упустила свой шанс.

Я понимаю, что для вас это ново, но чувствую, что должен просить вас присоединиться к этому маленькому ядру. Мы будем собираться в церкви в воскресенье утром, иногда в субботу вечером, в среду поздно вечером будем изучать Библию, и еще будем собираться у меня дома в какой-нибудь из вечеров на неделе. Там мы будем молиться друг за друга и отчитываться друг перед другом, а также несколько глубже изучать Библию, чтобы возглавлять новую общину. Что скажете?

Рэйфорд выпрямился.

— Ох, — сказал он, — даже и не знаю. Я же во всем этом сущий новичок.

— Все мы такие.

— Да, но вы хотя бы выросли в этой обстановке, Брюс. Вы хотя бы материал знаете.

— Да, только вот самое важное упустил.

— Что же, я скажу вам, что меня во всем этом привлекает. Я очень хочу как следует знать Библию. И еще мне нужен друг.

— Мне тоже, — заверил Брюс. — И в этом есть свой риск. Мы можем просто надоесть друг другу.

— Я могу взять на себя этот риск, если хотите, — сказал Рэйфорд. — Но только пока от меня не будет требоваться принимать на себя роль лидера хоть в чем-нибудь.

— Идет, — согласился Барнс и протянул руку. Рэйфорд пожал ее. Они не улыбались. Рэйфорд осознавал, что это начало дружбы, возникшей в результате трагедии и в час беды. Он просто надеялся, что это будет не впустую. Когда Рэйфорд, наконец, добрался до дома, Хлоя с нетерпением ждала его рассказа. Она была изумлена тем, что рассказал ей отец, и сказала, что ей очень неловко за то, что она до сих пор не просмотрела пленку.

— Но я сделаю это, папа, перед тем, как мы полетим в Атланту. Тебя и правда проняло, да? Мне надо самой это проверить, даже если я и не приму никакого решения.

Рэйфорд всего двадцать минут как приехал домой и едва успел переодеться, чтобы отдохнуть до ночи, когда его окликнула Хлоя.

— Пап, я чуть не забыла. Тебе несколько раз звонила какая-то Хэтти Дюрхем. Она была очень возбуждена. Говорила, что работает вместе с тобой.

— Да, — ответил Рэйфорд. — Она хотела, чтобы ее назначили на мой следующий рейс, а я отказался. Возможно, она узнала об этом и хочет знать почему.

— А почему ты отказал ей?

— Долгая история. Как-нибудь потом расскажу.

Рэйфорд потянулся было к телефону, когда он вдруг зазвонил. Это был Брюс.

— Я забыл, — сказал он. — Если вы согласились стать частью нашего ядра, то первой нашей обязанностью будет встре-

ча нынче вечером с разочаровавшимися и скептиками.

— Вы собираетесь быть суровым пастырем, не так ли?

— Я пойму, если вы скажете, что не считывали на такое.

— Брюс, — ответил Рэйфорд, — кроме небес сейчас нет места, где мне хотелось бы быть. Я не упущу свой шанс. Возможно, мне даже удастся привезти с собой Хлою.

— Куда? — спросила Хлоя, когда он повесил трубку.

— Минуточку, — попросил он. — Дай мне позвонить Хэтти и утихомирить ее.

Рэйфорд удивился, что Хэтти ни слова не сказала насчет полета.

— Я только что получила плохие новости, — сказала она. — Помните того журналиста из «Глобал уикли», который был в том рейсе? Ну, который подключил свой компьютер через телефон?

— Смутно.

— Его звали Кэмерон Уильямс, и после полета я пару раз говорила с ним по телефону. Я пыталась дозвониться до него из аэропорта в Нью-Йорке прошлым вечером, но не сумела.

— Ммм...

— Я только что услышала, что он погиб в Англии при взрыве заминированной машины.

— Шутите!

— Нет. Разве это не странно? Рэйфорд, иногда я не понимаю, сколько я еще выдержу.

Я едва знала этого парня, но я так потрясена, у меня просто нервы сдали, когда я это услышала. Простите, что вываливаю все это на вас, но мне показалось, что вы могли его запомнить.

— Нет, все в порядке, Хэтти. Я понимаю, как все это ошеломило вас. Со мной ведь то же самое. На самом деле мне надо о многом с вами поговорить.

— Вам?

— Мы не могли бы где-нибудь в ближайшее время встретиться?

— Я попросилась на один из ваших рейсов, — сказала она. — Может, получится.

— Возможно, — произнес он. — А если нет, то приезжайте как-нибудь поужинать к нам с Хлоей.

— Мне будет очень приятно, Рэйфорд. Честное слово.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Бизон Уильямс сидел неподалеку от выхода из аэропорта Кеннеди и читал собственный некролог. «Гибель ведущего журналиста», — гласил заголовок.

«Кэмерон Уильямс, 30 лет, самый молодой из всех ведущих журналистов еженедельных журналов, вероятно, погиб во время загадочного взрыва машины возле лондонского паба в субботу вечером. Этот же взрыв унес жизнь инспектора Скотленд-Ярда.

Уильямс пять лет проработал в «Глобал уикли». До того он получил Пулитцеровскую премию как репортер «Бостон глоб», а в возрасте 25 лет был принят в штат нашего журнала. Он быстро стал ведущим журналистом и с тех пор написал более тридцати главных статей номера,

четыре раза получал право написать репортаж о личности года по рейтингу «Уикли».

Журналист получил престижную премию Эрнеста Хэмингуэя за военный репортаж, в котором он освещал разгром российских военных сил при воздушном налете на Израиль 14 месяцев назад. По словам Стива Планка, главного редактора «Глобал уикли», руководство журнала отказывается признавать смерть Уильямса, «пока не получит неопровержимых доказательств».

Отец Уильямса и его женатый брат живут в Тусоне. Уильямс потерял свою невестку, племянницу и племянника во время волны исчезновений неделю назад.

Скотленд-Ярд сообщает, что взрыв был делом рук североирландских террористов и, вероятно, являлся актом мести.

Капитан Говард Салливан назвал своего 29-летнего подчиненного, жертву взрыва Алана Томпкинса, «одним из лучших людей и следователей, с которыми ему выпало счастье работать».

Салливан добавил, что Уильямс и Томпкинс сблизились после того, как репортер несколько лет назад брал у следователя интервью для статьи о терроризме в Англии. Они только-только успели выйти из лондонского паба «Эрмитедж армз», когда в полицейской машине Томпкинса взорвалась бомба.

Останки Томпкинса были опознаны, на месте взрыва нашли только личное удостоверение Уильямса».

* * *

У Рэйфорда Стила был план. Он решил честно рассказать Хлое о своем влечении к Хэтти Дюрхем и о том, что из-за этого чувствует себя виноватым. Он понимал, что разочарует Хлою, возможно, она даже будет потрясена его изменой. Он хотел рассказать Хлое о своем намерении поведать Хэтти о своей новообретенной вере. Он надеялся, что так он сможет повлиять на Хлою, не задевая при этом ее чувств. Хлоя прошлым вечером отправилась вместе с ним на встречу для скептиков, как и обещала. Но она ушла задолго до конца. Она также выполнила обещание просмотреть пленку, записанную прежним пастором. Они не стали обсуждать ни встречу, ни видеозапись.

Как только они приедут в аэропорт О'Хара, времени, чтобы побыть вместе, у них будет немного, так что Рэйфорд начал разговор еще в машине. Они ехали, в ужасе глядя на груды обломков, тянущиеся вдоль всей дороги. От их дома до аэропорта им попало более десяти домов, выгоревших полностью. Рэйфорд предположил, что семьи исчезли, оставив что-то на плите.

— И ты считаешь, что это деяние Бога? — спросила Хлоя с некоторым вызовом.

— Да.

— Я считала, что наш Бог — Бог любви и порядка.

— И я в это верю. Таков его замысел.

— И до того было много трагедий и бессмысленных смертей.

— Я тоже всего до конца не понимаю, — сказал Рэйфорд. — Но как сказал прошлым вечером Брюс, мы живем в падшем мире. И власть над ним Господь в большой мере оставил Сатане.

— Господи, — произнесла она. — Как ты думаешь, почему я ушла?

— Я подумал, что вопросы и ответы казались слишком больных мест.

— Может быть, но просто все насчет Сатаны, и Падения, и греха, и прочего... — Она осеклась и помотала головой.

— Я не говорю, что понимаю все лучше тебя, малышка, — сказал Рэйфорд, — но я осознаю, что я грешен, и что в мире полно таких, как я.

— И меня ты тоже считаешь грешницей?

— Если ты такая же, как все, то да. А ты так не считаешь?

— Я же не специально.

— Ты никогда не бываешь эгоистичной, жадной, завистливой, мелочной, злопамятной?

— Я стараюсь не быть такой, хотя бы не за счет других.

— Но ты думаешь, что тебя не касаются строки Библии, в которых говорится, что

грешны все и нет ни единого праведника. Ни единого, кроме одного.

— Не знаю, папа. Понятия не имею.

— Но ты, конечно, понимаешь, о чем я.

— Да, понимаю. Ты считаешь, что времени осталось мало, что в этом новом, опасном мире я слишком долго тяну с решением и что может оказаться слишком поздно.

— Я сам не мог бы сказать лучше, Хлоя. Я просто надеюсь, что ты понимаешь — я думаю только о тебе, больше ни о чем.

— Не надо волноваться об этом, папа.

— А что ты скажешь о видеозаписи? Она что-нибудь объяснила тебе?

— Она объясняет многое, если на это поведись. В смысле ты должен начать с этого, как с некоего базиса. Тогда все идет как по маслу. Но если ты сомневаешься в Боге, в Библии, во всех этих грехах, небесах, аде и прочем, то ответа на вопрос, что и почему случилось, ты по-прежнему не получаешь.

— Значит, ты сейчас на таком перепутье?

— Я не знаю, где я, папа.

Рэйфорд подавил желание начать уговаривать ее. Если бы у них было достаточно времени на ленч в Атланте, он попытался бы рассказать ей о Хэтти. Но предполагалось, что самолет пробудет на земле не более сорока пяти минут, затем вернется в аэропорт О'Хара. Рэйфорд спросил себя: а хорошо ли будет помолиться о задержке вылета?

* * *

— Прикольная шляпа, — сказал Стив Планк, вбегая в здание аэропорта и хлопая Бизона по спине. — А это еще что? Двухдневная щетина?

— Никогда не умел маскироваться, — ответил Бизон.

— Ты не настолько знаменит, чтобы скрываться, — сказал Стив. — Ты некоторое время не будешь жить дома?

— Да, и у тебя, наверное, не появлюсь. Ты уверен, что за тобой нет хвоста?

— Бизон, а тебе не кажется, что ты немножечко впал в паранойю?

— У меня есть на то причина, — ответил Бизон, когда они садились в такси. — Центральный парк, — сказал он водителю. Затем рассказал Планку все, что с ним случилось.

— С чего ты взял, что Карпати тебе поможет? — спросил Планк, когда они шли через парк. — Если уж Скотленд-Ярд и биржа стоят за всем этим и ты считаешь, что Тодд-Котран и Стонагал связаны с Карпати, то с чего ты взял, что Карпати выступит против собственных покровителей?

Они зашли под мост, чтобы спрятаться от жаркого весеннего солнца.

— Я чувую, что с этим парнем не все так просто. — Голос Бизона эхом отдавался от сложенных из булыжника стен. — Не удивлюсь, если он на днях встречался со Сто-

нагалом и Тодд-Котраном в Лондоне. Но я должен увериться, что он просто пешка в их руках.

Стив показал на скамейку, и они сели.

— Ну, я встречался с Карпати нынче утром на пресс-конференции. И все, что я могу сказать, — надеюсь, что ты прав.

— Розенцвейг был им очарован, а это старый проникательный ученый лис.

— Карпати впечатляет, — согласился Стив. — Он красив, как молодой Роберт Редфорд, и сегодня утром он говорил на девяти языках, и так свободно, словно все они были ему родные. Пресса просто бадеет от него.

— Ты говоришь так, будто сам не прес-са, — заметил Бизон.

Стив пожал плечами.

— Я излагаю свою точку зрения. Я научился быть скептиком, так что пусть за знаменитостями гоняются «Пипл» и бульварные газетенки. Но это не пустой человек. У него есть мозги, ему есть что сказать. Он мне понравился. То есть я видел его только на пресс-конференции, но мне кажется, что у него есть план. Он понравится тебе, а ты ведь куда больший скептик, чем я сам. К тому же он хочет увидеть тебя.

— Вот с этого момента поподробнее.

— Я уже рассказывал. Вокруг него собралась небольшая свита полных ничтожеств — за одним исключением.

— Розенцвейг.

— Верно.

— Что связывает Карпати с Хаимом?

— Никто толком не знает, но, похоже, Карпати привлекает к работе экспертов и консультантов, которые помогают ему освоиться в вопросах технологии, политики, финансов и так далее. А он ведь, как ты знаешь, не намного старше тебя. Вроде бы утром говорили, что ему тридцать пять.

— Девять языков?

Планк кивнул.

— А ты не помнишь, какие именно?

— А тебе зачем?

— Да так, мысли всякие в голову лезут.

Стив достал из бокового кармана свой блокнот.

— Тебе в алфавитном порядке?

— Конечно.

— Английский, арабский, венгерский, испанский, китайский, немецкий, румынский, русский, французский.

— Еще разок, — задумчиво проговорил Бизон.

Стив повторил.

— О чем ты думаешь?

— Это парень — прожженный политик.

— Нет. Поверь мне, это не трюк, он прекрасно знает эти языки и успешно на них общается.

— Но разве ты не видишь, Стив, что это за языки? Подумай.

— Уж просвети.

— Шесть языков ООН плюс три языка его собственной страны.

— Не шутишь?

Бизон кивнул.

— Значит, я скоро с ним встречусь?

* * *

Самолет на Атланту был забит под завязку, рейс был трудным. Рэйфорду приходилось менять высоту, чтобы избегать порывистого ветра. Он виделся с Хлоей всего несколько секунд, пока его второй пилот был в кабине и самолет шел на автопилоте. Рэйфорд совершил быстрый обход, но времени поговорить у них не было.

Его желание исполнилось в Атланте. В середине дня другой 747 должен был возвращаться в Чикаго, а единственный другой имеющийся в распоряжении пилот должен был вернуться раньше. Чикаго связался с Атлантой, пилотов поменяли рейсами, нашли также место и для Хлои. Это дало Хлое и Рэйфорду два часа на ленч — достаточно, чтобы не торчать в аэропорту, а выехать куда-нибудь.

Водитель их такси, молодая женщина с красивым напевным голосом, спросила, не хотят ли они увидеть «совершенно невероятное зрелище».

— Если это по пути.

— Это в паре кварталов от того места, куда вы едете, — сказала она.

Она поехала объездными путями, вокруг строительных подпорок, затем проехала через две улицы, где движение регулировали дорожные полицейские.

— Вон там, — сказала она, показывая вперед, а потом въехала на пыльную парко-

вочную площадку, огороженную трехфутовыми бетонными стенами. — Видите вон ту многоуровневую парковку?

— Что за чертовщина? — воскликнула Хлоя.

— Странно, не правда ли? — сказала водитель.

— Что там случилось? — спросил Рэйфорд.

— Это тянется с момента исчезновений, — объяснила она.

Они уставились на семиэтажный гараж, где машины стояли уткнувшись друг в друга под всевозможными углами, причем пробка была настолько плотной и хаотичной, что машины приходилось растаскивать кранами через открытые стены.

— Накануне поздно вечером закончился бейсбольный матч, — сказала она. — Полицейские говорят, что и без того тут было напряженно — вереницы машин стоят на выезде, люди стоят в очереди, сбиваются в группы, чтобы ехать вместе, некоторым так и вообще сесть не удалось. Тогда те, кому надоело ждать, начали лезть без очереди, ну, понимаете.

— Да.

— И тут — раз! — и у трети машин исчезают водители. Если было куда ехать, они катились по инерции, пока не врезались прямо в другие машины или в стены. Те, кто остались, не могли никак выбраться. Заварилась такая каша, что люди просто вылезали из машин на крыши и просили помощи. С утра

начали растаскивать машины с первого этажа при помощи эвакуаторов, к полудню подогнали краны, и вот так с тех пор и разгребают.

Рэйфорд и Хлоя сидели и смотрели, качая головами. Краны, которые обычно поднимают балки при строительстве зданий, теперь, обматывая тросами машины, тащили их, дергали, волокли друг за другом и вытаскивали сквозь отверстия в бетоне из гаража. Похоже, дело займет не один день.

— А вы? — спросил Рэйфорд водителя. — Вы никого не потеряли?

— Да, сэр. Маму, бабушку и двух маленьких сестричек. Они на небесах, как мама всегда говорила.

— Я уверен, что вы правы, — сказал Рэйфорд. — Мои жена и сын тоже ушли.

— Вы теперь спасены? — спросила девушка.

Рэйфорд был ошарашен ее прямотой, но он четко понимал, о чем она.

— Да, — ответил он.

— И я тоже. Нужно быть совсем слепым, чтобы теперь-то не увидеть света.

Рэйфорд хотел было глянуть на Хлою, но не стал. Он дал молодой женщине хорошие чаевые, когда они добрались до ресторана. За ленчем он рассказал Хлое о себе и Хэтти все как есть.

Она долгое время молчала, а когда заговорила, голос ее был еле слышен.

— Значит, до дела у вас так и не дошло? — сказала она.

— По счастью, нет. Иначе я никогда бы не простил себе.

— Это уж точно разбило бы маме сердце.

Он с несчастным видом кивнул.

— Иногда я чувствую себя так, будто и правда изменил ей. Но я оправдывался тем, что мама слишком ударилась в религию.

— Я понимаю. Но все же забавно. Это заставляло меня в школе вести себя примерно, чем могло бы быть в том случае. В смысле я была уверена, что мама будет разочарована, если узнает, чего я наговорила и наделала, пока меня не было дома. Даже и не спрашивай сколько и чего. Но я знала, насколько она искренний и набожный человек, какие надежды и ожидания она возлагает на меня, и это удерживало меня от глупостей. Я знала, что она молится за меня. Она каждый раз мне это в письмах писала.

— А она говорила тебе о последних временах, Хлоя?

— Конечно. Постоянно.

— И ты до сих пор не веришь в это?

— Я хочу, папа. Я правда хочу. Но я должна быть честной сама с собой.

Все, что мог сделать Рэйфорд, — это сохранять спокойствие. Не был ли он сам таким же псевдоумником в ее годы? Да, конечно, был. Он пропускал все через это безумное интеллектуальное сито — до сих пор, пока сверхъестественное не обрушилось на него, ломая его академическое при творство. Но, как сказала таксистка, нужно

быть совсем слепым, чтобы теперь не увидеть света.

— Я хочу пригласить Хэтти к нам на ужин на этой неделе, — сказал он.

Хлоя прищурилась:

— Что, теперь считаешь, что можно?

Рэйфорд был ошеломлен собственной реакцией. Он еле удержался, чтобы не дать дочери пощечину. Он никогда не бил ее. Он стиснул зубы.

— Как ты можешь говорить такое после всего, что я тебе рассказал? — ответил он. — Это оскорбительно.

— Тогда чего ты хочешь от этой Хэтти Дюрхем? Думаешь, она не понимала, что с тобой происходит? Как она все это истолкует? Она же может на тебя броситься.

— Я намерен рассказать ей о моих намерениях. Они совершенно чисты, гораздо чище, чем могли быть раньше, потому, что мне нечего ей предложить.

— Значит, вместо того, чтобы приударять за ней, ты теперь будешь ей проповеди читать.

Он хотел было возразить, но не мог.

— Я забочусь о ней как о человеке и хочу, чтобы она знала правду и вела себя соответственно.

— А если она не будет?

— Это ее выбор. С моей стороны я сделаю все, что должен.

— Значит, и со мной так же, да? Если я не буду поступать так, как ты хочешь, то ты

просто успокоишься на том, что сделал все, что мог?

— Мог бы. Но ты мне гораздо ближе, чем Хэтти.

— Тебе надо было подумать об этом раньше, прежде, чем ты решил приударить за ней!

Это задело Рэйфорда, но он решил, что заслужил упрек.

— Может, потому я все так и оставил, — сказал он. — Ты об этом не подумала?

— Все это ново для меня, — заявила она. — Я надеялась, что ты удержался из-за жены и детей.

— Почти не удержался.

— Это я понимаю. А что, если ты переменишь отношение к Хэтти, а это ей понравится, и ее начнет тянуть к тебе? А тебя самого не потянет к ней? Если ты уверен, что мама на небесах, то ты считай и не женат.

Рэйфорд заказал десерт и положил салфетку на скатерть.

— Может, я и наивен, но уход твоей мамы на небеса я переживаю как внезапную смерть. Меньше всего я сейчас думаю о другой женщине, и уж точно не о Хэтти. Она слишком молода и незрела, а я слишком ненавижу себя за то, что увлекся ею. Я хочу быть честным с ней и услышать, что она скажет. Будет поучительно узнать, осталось ли у меня еще чувство к ней.

— На будущее, что ли?

— Хлоя, я люблю тебя, но ты начинаешь хамить.

— Я знаю. Извини. Я не нарочно. Но если честно — как ты узнаешь, что она говорит тебе правду? Если ты скажешь ей, что ты увлекался ей по недомыслию и что тебе она больше не нужна, с чего бы ей тогда сознаваться, будто бы и она думала, что у вас что-то может выйти?

Рэйфорд пожал плечами:

— Может, ты и права. Но я буду с ней честен, даже если она не будет честна со мной. Я обязан сделать для нее хотя бы это. Я хочу, чтобы она воспринимала меня серьезно, когда я скажу ей, что, на мой взгляд, ей нужно сейчас.

— Не знаю, пап. Мне кажется, что рановато толкать ее к Богу.

— А когда не будет рано, Хлоя? Теперь нет никаких гарантий.

* * *

Стив достал из нагрудного кармана два аккредитационных удостоверения, которые позволяли репортерам посетить выступление Николае Карпати в Генеральной Ассамблее ООН сегодня днем. У Бизона было удостоверение на имя Джорджа Орешковича.

— И скажи, что я не забочусь о тебе!

— Невероятно, — ответил Бизон. — И сколько у нас времени?

— Чуть больше часа, — ответил Стив, поднимая руку и останавливая такси. — И как я уже говорил, он хочет тебя увидеть.

— Он ведь умеет читать? Он должен считать меня мертвым.

— Конечно. Он должен помнить наш утренний разговор, и я сумею убедить его, что Джордж Орешкович ничуть не уступает легендарному Кэмерону Уильямсу.

— Да, Стив, но насколько я знаю политиков, они цепляются за имя, за журналиста высокого полета. Нравится тебе или нет, но я вот такой. Как тебе удастся уговорить его пообщаться с неизвестным репортером?

— Не знаю. Возможно, скажу ему, что это ты и есть. Затем, пока ты будешь с ним общаться, я дам репортаж, что твой некролог — ошибка, и что в данный момент ты как раз берешь интервью у Карпати для очередной главной статьи.

— Главной статьи? А совсем недавно кто-то считал его мелким бюрократом из заштатной страны.

— Я был на пресс-конференции, Бизон. Я говорил с ним. И я, по крайней мере, умею оценивать конкуренцию. Если мы не покажем его как следует, мы будем единственным национальным журналом, который этого не сделает.

— Как я уже говорил, типичный политик...

— Можешь выбросить это из головы, Бизон. Ты сам увидишь, что этот парень совершенно не похож на типичного политика. И еще спасибо мне скажешь за то, что я устроил тебе эксклюзивное интервью с ним.

— Я думал, что это его идея, раз уж я такая звезда журналистики, — улыбнулся Бизон.

— И что? Я мог бы и отшить его.

— Да, и стать единственным главным редактором национального журнала, который не сумел осветить визит в Штаты самого выдающегося нового политика.

— Поверь мне, Бизон, — сказал Стив, когда они ехали к зданию ООН, — это будет глоток свежего воздуха после всей этой мрачнатины о конце света, о которой мы пишем и читаем последние дни.

Оба вошли по своим аккредитационным удостоверениям, но Бизон старался держаться подальше от коллег и сел, только когда все заняли свои места в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. Стив придержал для него местечко в тылу, где он не станет привлекать внимания и куда можно проскользнуть в последнюю минуту. А пока Стив по своему сотовому сообщит о возвращении Бизона, чтобы это сенсационное сообщение появилось в вечернем выпуске новостей.

Карпати вошел в зал заседаний с достоинством, но без надменности, хотя вокруг него толклось с пяток человек, среди которых был и Розенцвейг и один финансовый гений из французского правительства. Карпати был шести футов и дюйм-два ростом¹, опрятный, широкоплечий, широкогрудый,

¹ Примерно 1,83 — 1,86 м.

атлетически сложенный, загорелый и светловолосый. Его густая шевелюра была аккуратно подстрижена, и его темно-синий в тонкую полоску костюм и галстук в тон были изысканно консервативны.

Даже издали было заметно, что этот человек скромнен и целеустремлен. Он привлекал всеобщее внимание, но все равно казалось, что он вовсе не заботится о производимом им впечатлении. Запонки и булавка для галстука были неброскими. У него был римский профиль с четко очерченным носом и сильным подбородком, из-под густых бровей пронзительно смотрели синие глаза.

Бизон был поражен тем, что у Карпати не было при себе ноутбука, и подумал, что, наверное, тезисы его речи записаны в каком-нибудь блокноте, который он держит в нагрудном кармане. Или они у помощника.

Бизон ошибся в обоих предположениях.

Генеральный секретарь ООН Мвангати Нгумо из Ботсваны объявил, что Ассамблея имеет честь выслушать краткое обращение нового президента Румынии и что официально представит его всем известный ученый доктор Хаим Розенцвейг.

Розенцвейг поспешил к кафедре с живостью, совершенно несвойственной его возрасту, и поначалу его приветствовали куда горячее, чем Карпати. Популярный израильский политик и ученый просто сказал, что ему очень приятно представить «этому достойному и грандиозному собранию молодого человека, которого я, как и все мои

знакомые, уважаю и которым восхищаюсь. Приветствуйте его честь президента Румынии Николае Карпати»!

Карпати встал, обратился к Ассамблее и скромно кивнул, затем обменялся теплым рукопожатием с Розенцвейгом. Он вежливо ждал возле кафедры, пока пожилой человек не сел на свое место, затем поднялся на кафедру и улыбнулся прежде, чем начать свою импровизированную речь. Он не только не заглядывал в тезисы, но ни разу не замялся, не ошибся и не отвел глаз от аудитории.

Он говорил горячо, страстно, часто улыбался, порой допуская уместный юмор. Он с уважением отметил, что осознает, что не прошло еще и недели с того момента, как по всему миру исчезли миллионы людей, включая тех, кто сейчас «мог бы сидеть в этом самом зале». Карпати, по большей части говорил на безупречном английском лишь с легчайшим румынским акцентом. Он не использовал сокращений и не глотал звуков. И снова он воспользовался всеми девятью языками, тут же переводя свои фразы на английский.

В один из самых трогательных моментов, которые только видел в жизни Бизон, Карпати сказал, что со смирением пришел посетить «место, где нации находят общий язык. Одна за другой пришли они сюда со всего мира, подобно пилигримам Святой земли, подставляя лицо лучам восходящего солнца. Здесь они встали на страже, дабы раз и навсегда на земле воцарился мир, чтобы более никогда не безумствовали война и кровопролитие. Эти

нации, как великие, так и малые, устали от смертей, потеряв тысячи своих самых многообещающих граждан в дни своей юности».

— Наши предки мыслили глобально задолго до моего рождения, — сказал Карпати. — В 1944 году, в год образования Международного валютного фонда и Всемирного банка, великая нация, у которой мы сейчас в гостях, Соединенные Штаты Америки вместе в Британском Содружестве и Советским Союзом встретились на знаменитой конференции в Думбартон-Окс, чтобы внести предложение о создании этой организации.

Продemonстрировав свое знание истории и фотографическую память на места и события, Карпати продолжал:

— Со времени своего официального рождения 24 октября 1945 года и первой встречи Генеральной Ассамблеи ООН в Лондоне 10 января 1946 года до нынешнего дня племена и народы собираются вместе, чтобы выразить свою искреннюю преданность миру, братству и мировому сообществу.

Он начал почти шепотом:

— Из стран дальних и ближних пришли они — из Афганистана, Албании, Алжира... — Он продолжал драматично взлетающим и падающим голосом, тщательно выговаривая названия каждой страны — члена ООН. Бизон чувствовал в его голосе сострадание, любовь к этим странам и преданность идеалам ООН. Карпати с откровенной симпати-

ей перечислял страны — не занудствуя, но и не торопясь.

Через минуту этого перечисления все вдруг заметили, что при упоминании каждой страны ее представитель встает, словно опять голосуя за мир во всем мире. Карпати улыбался и кивал каждому. Сейчас здесь присутствовали представители почти всех стран. Из-за постигшей всех катастрофы мирового масштаба все они пришли искать ответов, помощи, поддержки. Теперь у них появилась возможность снова объединиться.

Бизон устал и чувствовал себя грязным, заросшим. Но Карпати продолжал, и он забыл о своих проблемах. Когда он дошел до буквы «С», все, кто стоял, стали негромко аплодировать каждой нации, которую он упоминал. Это было достойное, мощное проявление уважения и восхищения, они снова приветствовали всех, кто присоединялся к этому вселенскому граду. Аплодисменты были не настолько громки, чтобы заглушить речь Карпати, но они были столь искренни и трогательны, что у Бизона перехватило горло. И тут он заметил одну вещь. Представители прессы от каждой страны вставали вместе со своими послами и представителями. Даже непредвзятость мировой прессы на время испарилась в лучах того, что они прежде называли бы джингоизмом, сверхпатриотизмом или ханжеством.

Бизону тоже захотелось встать вместе со всеми, забыв о том, что его страна по алфавитному списку стояла почти в самом конце,

но гордость и предвосхищение закипали в его груди. Чем больше стран называл Карпати и представители их вставали, аплодисменты становились все громче — просто людей вставало все больше. Карпати приближался к концу, голос его становился все более восторженным и звучал все мощнее с каждым названием страны.

Он гремел и гремел, а люди вставали и аплодировали.

— Россия! Румыния! Свазиленд! Сирия!

За пять минут перечисления Карпати не упустил ни единой страны. Он ни разу не сбился, не запнулся, не ошибся в произношении. Бизон уже сидел на краешке кресла, когда Карпати дошел до Соединенных Штатов Америки.

Бизон вскочил, за ним Стив, а с ними и десятки представителей прессы.

Что-то произошло с людьми после исчезновений их любимых по всему земному шару. Журналистика больше никогда не будет прежней. Да, будут скептики и поклонники объективности. Но что случилось с братской любовью? Что с зависимостью друг от друга? Что с братством народов и наций?

Все это вернулось. И хотя никто и не думал, что пресса станет популяризировать новую политическую звезду, Карпати сегодня явно завоевал симпатии журналистской братии. Закончил перечисление почти двух сотен наций молодой Николае на эмоциональном взлете. Накал и мощь простого перечисления всех стран, которые жаждали

единства, были таковы, что Карпати поверг к своим ногам целую толпу, которая приветствовала его ревом и овациями — как пресса, так и представители Ассамблеи. Даже такие циники, как Стив Планк и Бизон Уильямс, продолжали хлопать и радостно кричать, ни разу не смутившись тем, что совершенно забыли об объективности.

Но это было еще не все. Оружие массового поражения по имени Николае Карпати продолжало сокрушать толпу. За следующие полчаса он проявил такие глубокие знания об ООН, словно он сам придумал и создал эту организацию. Для человека, никогда прежде не ступавшего на землю Америки и даже не входившего в ООН, он показал изумительное понимание ее внутреннего функционирования.

По ходу речи он мимоходом упомянул всех генеральных секретарей от Трюгве Ли¹ из Норвегии до Нгумо, отметив срок их полномочий не просто по годам, а по датам введения в должность и окончания полномочий. Он показал понимание сути деятельности всех шести основных органов ООН, их функций, перечислил их нынешних членов и их особые цели.

Затем он пробежался по деятельности восемнадцати агентств ООН, перечислив их все, назвав их директоров и города, в которых

¹ Трюгве Хальвдан Ли (16 июля 1896, Осло, Норвегия — 30 декабря 1968, Гейло, Норвегия) — норвежский политический деятель, в 1946—1952 — 1-й избранный Генеральный секретарь ООН.

находятся их штаб-квартиры. Это была изумительная демонстрация, и вдруг стало понятно, почему этот человек так быстро возвысился среди своей нации и почему прежний лидер уступил ему место. Немудрено, что Нью-Йорк раскрыл ему объятия.

Бизон понимал, что после такого старта Николае Карпати станет любимцем Америки. И всего мира.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Самолет Рэйфорда приземлился в Чикаго в час пик в середине дня в понедельник. Когда они с Хлоей добрались до своих машин, разговор они продолжать уже не могли.

— Помнишь, ты обещал мне, что позволишь вести машину до дому, — сказала Хлоя.

— Это для тебя важно? — спросил он.

— Не особенно. Просто мне это нравится. Можно?

— Конечно. Только дай мне забрать мой телефон. Я хочу спросить, сможет ли Хэтти приехать к нам на ужин. Ты ведь не против?

— Если не прикуешь меня к плите и не будешь вести себя как мужской шовинист.

— Я и не думал. Она любит китайскую кухню. Можем заказать что-нибудь домой.

— Любит китайскую кухню? — повторила Хлоя. — Ты настолько хорошо знаешь эту женщину?

Рэйфорд покачал головой:

— Все не так. То есть, да, я знаю о ней больше, чем, наверное, следовало бы. Я могу рассказать тебе о кулинарных предпочтениях десятка ребят из моего экипажа, но вряд ли я знаю о них что-нибудь сверх этого.

Рэйфорд взял свой телефон из БМВ и повернул ключ зажигания ровно настолько, чтобы проверить, сколько осталось бензина.

— Ты верно выбрала машину, — сказал он. — Бак почти полон. До дому ты доберешься раньше меня. Машина твоей мамы не заправлена. Посидишь тут пару минут? Хочу купить кое-что.

Хлоя замаялась:

— Правда, как-то жутковато сидеть в машине одному?

— Да, немного. Но нам придется привыкать.

— Ты прав, — быстро сказала она. — Их уже нет. И я не верю в призраков. Все будет в порядке. Но не задерживайся долго.

* * *

На пресс-конференции Николае Карпати после его появления в ООН Бизон на короткое время сделался центром всеобщего внимания. Кто-то его узнал и выразил удивление и радость по поводу того, что он жив. Бизон пытался всех успокоить и говорил, что это была просто ошибка, но тут его заметил

Хаим Розенцвейг и бросился к нему, крепко сжав его ладонь обеими руками.

— О, я так рад, что вы живы и здоровы, — сказал он. — Я услышал ужасные новости о вашей гибели. И президент Карпати тоже был очень огорчен, услышав об этом. Он так хотел встретиться с вами и согласился на эксклюзивное интервью.

— А это еще в силе? — прошептал Бизон среди суматохи и свиста конкурентов.

— Он все сделает ради сенсации, — проворчал кто-то. — Даже под себя бомбу подложит.

— Боюсь, это получится только поздно вечером, — ответил Розенцвейг. Он обвел рукой комнату, забитую телекамерами, прожекторами, микрофонами и представителями прессы. — У него весь день расписан, а в начале вечера он снимается для журнала «Пипл». Возможно, после фотосессии. Я поговорю с ним.

— Что вас связывает? — спросил Бизон, но старик только приложил палец к губам и вернулся на свое место рядом с Карпати, когда началась пресс-конференция.

Молодой румын в близком общении был столь же убедителен и впечатляющ. Он начал с собственного заявления, прежде чем отвечать на вопросы. Он вел себя как старший профи, хотя Бизон знал, что его небольшой опыт общения с прессой в Румынии и в других немногих регионах Европы, которые он посетил, не мог дать ему хорошей практики.

Бизон заметил, что Карпати встречался взглядом с каждым из присутствующих в зале, пусть даже и на миг. Он никогда не опускал глаз, никогда не отводил взгляда и не поднимал его. Казалось, ему нечего скрывать и нечего бояться. Он полностью владел собой, и, казалось, ему были безразличны суэта и всеобщее внимание.

Зрение у него тоже было необыкновенно острым — было понятно, что он запросто читает имена людей на их беджах, даже если они стоят в дальнем конце зала. Каждый раз, обращаясь к представителю прессы, он называл его по имени — мистер или миссис такая-то. Он настаивал, чтобы к нему обращались так, как людям удобно.

— Можете даже называть меня Ником¹, — сказал он, улыбаясь. Но никто на такое не решился. Но все же они последовали его просьбе и называли его либо господин президент, либо господин Карпати.

Карпати говорил так же страстно и выразительно, как во время своей речи. Интересно, подумал Бизон, а в частной беседе он тоже таков? Что бы ни вывело его на международную сцену, ораторским искусством он владел виртуозно.

— Позвольте мне начать с того, что для меня большая честь находиться в этой стране и в этом историческом месте. Будучи еще маленьким мальчиком в моем родном Клуже, я мечтал когда-нибудь попасть сюда.

¹ С т а р ы й Н и к — прозвище дьявола. Понятно, почему никто не осмеливался называть так Карпати

Закончив с обменом любезностями, Карпати начал свое мини-выступление, снова продемонстрировав невероятные знания и понимание миссии ООН.

— Вспомните, — сказал он, — что в прошлом столетии ООН, как всем казалось, переживала упадок. Президент США Рональд Рейган пошел на обострение конфликта с Востоком, а ООН показала себя безнадежно устаревшей, особенно в свете конфликта Севера и Юга¹. Эта организация испытывала финансовые трудности, поскольку очень немногие из ее членов были готовы вкладывать в нее деньги. Однако с концом «холодной войны» в 1990-х ваш тогдашний президент господин Буш провозгласил начало «нового мирового порядка», что сильно задело струны моего юного сердца. Основой для Хартии ООН стало стремление к сотрудничеству 51 ее члена, включая ведущие мировые державы.

Карпати перешел к обсуждению различных миротворческих военных акций ООН, начиная с Корейского конфликта в 1950-х.

— Как вы знаете, — сказал он, снова говоря о событиях, имевших место задолго до его рождения, — ООН — наследница Лиги Наций, которая, как я считаю, была первой

¹ В 1980-е годы наблюдался чудовищный разрыв в уровне жизни и благосостояния между развитыми странами Северного и развивающимися странами Южного полушария (разделение, естественно, условное) По сути дела, это противостояние богатых и бедных стран

международной миротворческой организацией. Она появилась незадолго до конца Первой мировой войны, но когда она не сумела предотвратить Вторую мировую, она отжила свое. Но эта неудача послужила рождению ООН, которая должна оставаться сильной, чтобы предотвратить третью мировую, которая приведет к окончанию той жизни, которую мы знаем.

После того как Карпати выразил свою горячую готовность поддерживать ООН всеми возможными способами, кто-то задал ему вопрос об исчезновениях. Он сразу стал серьезным, улыбка исчезла с его лица, и он заговорил тепло и сочувственно.

— Многие люди в моей стране потеряли своих близких из-за этого чудовищного события. Я знаю, что во всем мире люди высказывают самые различные теории, и я не желаю обидеть никого. Я попросил доктора Хаима Розенцвейга из Израиля возглавить команду ученых, чтобы попытаться разобраться в причинах этой трагедии и позволить нам сделать хоть что-то, чтобы предотвратить ее повторение. Когда настанет время, я попрошу доктора Розенцвейга самого об этом рассказать, но сейчас я вкратце могу сказать вам, что наиболее осмысленной мне кажется следующая теория: мир долгое время накапливал ядерное оружие. С тех пор как США сбросили атомные бомбы на Японию в 1945-м, а СССР взорвал свою первую бомбу 23 сентября 1949 года, мир стоял на

границ ядерного холокоста. Доктор Розенцвейг и его группа уже продвинулись в исследовании атмосферного феномена, который мог вызвать внезапное исчезновение такого количества людей.

— Какого феномена? — спросил Бизон.

Карпати коротко глянул на его бейдж и посмотрел ему в глаза.

— Я не хочу слишком торопиться, мистер Орешкович, — сказал он. Несколько представителей прессы захихикали было, но Карпати продолжал, — или, вернее, мистер Кэмерон Уильямс из «Глобал уикли».

Это вызвало изумленные аплодисменты среди слушателей. Бизон оцепенел.

— Доктор Розенцвейг уверен, что какое-то электромагнитное возмущение в атмосфере в сочетании с еще пока неизвестным и необъясненным излучением, исходящим от ядерного оружия, накопленного по всему миру, получило некий импульс. Возможно, вызвала это естественная причина, молния, к примеру, возможно, здесь замешана разумная инопланетная жизнь, открывшая этот феномен раньше нас, — и это привело к мгновенной катастрофе, поразившей весь мир.

— Примерно как если зажечь спичку в комнате, наполненной парами бензина? — предположил какой-то журналист.

Карпати задумчиво кивнул.

— Чем отличается эта идея от гипотезы о похищениях инопланетными пришельцами?

— Она не слишком отличается, — согласился Карпати, — но я больше склонен к гипотезе о естественных причинах феномена, о том, что молния подействовала на некое субатомное поле.

— А почему исчезновения так избирательны? Почему одни люди исчезли, а другие — нет?

— Не знаю, — ответил Карпати. — И доктор Розенцвейг говорит мне, что они пока еще не пришли к определенному выводу. Пока они постулируют, что электрическое поле каждого человека индивидуально и некоторые из них оказались более подвержены этому эффекту. Это объясняет исчезновение детей, младенцев и даже нерожденных детей в чревах матерей. Их электромагнетизм не настолько развит, чтобы сопротивляться тому, что случилось.

— А что вы скажете о людях, которые верят в то, что это деяние Бога, что Он взял на небо Свою паству?

Карпати сочувственно улыбнулся.

— Позвольте мне вас уверить, что я не собираюсь подвергать сомнениям ничью искреннюю веру. Это основа истинного братства и гармонии, мира и уважение среди людей. Я не могу принять эту теорию, поскольку я знаю очень-очень много людей, которые по праву должны были бы оказаться на небесах. Если бы это было деяние Божье, то я со всем почтением должен заметить, что Он действовал бы не столь странно. Кроме того, я не питаю ни малей-

шего неуважения к тем, кто со мной не согласен.

Бизон был поражен, услышав, что Карпати приглашен выступить с речью на предстоящей вселенской религиозной конференции, назначенной в этом месяце в Нью-Йорке.

— Там я изложу свои взгляды на миллениаризм¹, эсхатологию, Страшный суд и второе пришествие Христа. Доктор Розенцвейг любезно согласился устроить эту встречу, но до тех пор, как мне кажется, мне не следует разговаривать на эти темы в неофициальной обстановке.

— Как долго вы пробудете в Нью-Йорке?

— Если народ Румынии мне позволит, я пробуду здесь месяц. Мне очень не хочется отдаляться от моего народа, но люди понимают, что меня заботит благо всего мира. При нынешних технологиях связи и при помощи тех замечательных людей, которые сейчас занимают ведущие посты в Румынии, я уверен, что смогу поддерживать контакт с моей страной и мой народ не пострадает от моего краткого отсутствия.

Ко времени вечернего выпуска новостей родилась новая звезда международной политики. У него даже появилось прозвище — Святой Ник. Были показаны более чем солидные выдержки с заседания Ассамблеи ООН и пресс-конференции. Карпати показывали

¹ М и л л е н а р и з м — теория, основанная на тысячелетнем цикле существования мира, особенно распространенная среди христиан

несколько минут по каждому каналу — момент с перечислением стран и призывом к миру во всем мире.

Он тщательно избегал разговоров о всемирном разоружении. Он пришел с посланием любви, мира и братства и призывом к прекращению конфликтов — это прошло на ура. Несомненно, он еще раз вернется к этому вопросу, но пока Карпати завоевывал мир своим обаянием.

Комментаторы сообщали, что он будет назначен помощником-консультантом Генерального секретаря ООН и что он посетит все штаб-квартиры различных агентств ООН во всем мире. Вечером он получил приглашения присутствовать на всех международных встречах, которые состоятся в течение последующих нескольких недель.

Его видели в обществе Джонатана Стонагала — это Бизона не удивило. Немедленно последовала пресс-конференция, откуда его сорвали на другое мероприятие. Доктор Розенцвейг нашел Бизона.

— Мне удалось выкроить время в его расписании сегодня вечером, — сказал старик. — У него несколько интервью, в основном с телевизионщиками, а затем он едет на «Ночной эфир» канала Эй-би-си с Уоллесом Теодором. После этого он вернется в отель и будет рад уделить вам целых полчаса.

Бизон сказал Стиву, что хочет быстренько съездить домой, привести себя в порядок, прочесть все сообщения, вернуться в редакцию и как можно скорее ознакомиться с ин-

формацией по теме, чтобы подготовиться к интервью. Стив согласился сопровождать его.

— Но я все равно настороже, — признался Бизон. — Если Стонагал как-то связан с Тодд-Котраном — а мы знаем, что он связан с ним, — кто знает, что он думает о покушении в Лондоне?

— Это рискованное дело, — сказал Стив. — Даже если биржа и Скотленд-Ярд тут по уши в дерьме, не факт, что Стонагалу есть до этого хоть какое-то дело. На мой взгляд, он будет держаться от такого как можно дальше.

— Но, Стив, ты не можешь не согласиться с тем, что Дирк Бертон был убит, скорее всего, потому, что слишком близко подобрался к Тодд-Котрану и его тайным связям с международной шайкой Стонагала. Если они убирают людей, которых считают врагами — даже друзей их врагов вроде Алана Томпкинса или меня, — то что их остановит?

— Ты предполагаешь, что Стонагал знал о том, что случилось в Лондоне. Это слишком мелко для него. Тодд-Котран или тот парень в Скотленд-Ярде еще могли видеть в тебе угрозу, но Стонагал вряд ли даже слышал о тебе.

— Ты думаешь, он не читает «Уикли»?

— Не обижайся. Даже если он и знает твоё имя, ты для него — мошка.

— А ты знаешь, что может сделать с мошкой удар журналом, Стив?

— В твоих рассуждениях есть одна дырка, — сказал Стив, когда они вошли в квартиру Бизона. — Если Стонагал действительно опасен для тебя, то Карпати тут при чем?

— Как я уже сказал, Карпати может быть всего лишь пешкой Стонагала.

— Бизон! Ты ведь только что слышал его! Разве я его переоценил?

— Да нет.

— Он тебя впечатлил?

— Да.

— Он похож на чью-нибудь пешку?

— Нет. Так что я могу предположить, что он просто не в курсе.

— Ты уверен, что он встречался в Лондоне до приезда сюда с Тодд-Котраном и Стонагалом?

— Это должно было быть, — заявил Бизон. — Планирование поездки и совещание с иностранными консультантами.

— Ты здорово рискуешь, — сказал Стив.

— У меня нет выбора. Короче, я еду. Пока он не докажет обратного, я буду доверять Николае Карпати.

— Хмм, — фыркнул Стив.

— Что?

— Да просто ты обычно не так действуешь. Как правило, ты не доверяешь человеку, пока не будет доказано обратное.

— Ну, мир изменился, Стив. Все совсем не так, как неделю назад, не правда ли?

Бизон нажал кнопку автоответчика и начал раздеваться, чтобы залезть в душ.

* * *

Рэйфорд въехал на подъездную аллею, ведущую к его дому. На правом сиденье стоял мешок с покупками. Он позвонил Хэтти Дюрхем, которая держала его на проводе, пока он не взмолился. Она была очень польщена приглашением на ужин и сказала, что могла бы приехать через три дня, во вторник.

Рэйфорд прикинул, что Хлоя уже, наверное, полчаса как дома. Его тронуло, что она оставила двери гаража открытыми, чтобы он мог заехать. Но когда он обнаружил, что дверь из гаража в дом заперта, он насторожился. Постучал. Ответа не было.

Рэйфорд снова отпер дверь гаража, чтобы обойти дом и войти с парадного входа, но успел остановиться прежде, чем захлопнуть дверь гаража. Что-то в гараже было не так. Он включил свет — одной лампы над входом было мало. Все три машины стояли на месте, но...

Рэйфорд обошел джип, стоявший дальше всех. Исчезли вещи Рэйми! Его велосипед. Квадроцикл. Что такое?

Рэйфорд с трудом подошел к передней двери. Стекло в двойной раме на ней было разбито и висело на одной петле. Главная дверь была высажена. Удар был очень мощным — дверь была тяжелой и закрывалась на засов. Вся дверная рама была разломана, куски ее валялись у входа на полу. Рэйфорд бросился в дом, зовя Хлою.

Он бегал из комнаты в комнату, молясь, чтобы с единственным человеком, уцелевшим из его семьи, ничего не случилось. Все, что можно было счесть ценным, исчезло. Приемники, телевизоры, видеомагнитофоны, украшения, CD-плееры, видеоигры, столовое серебро, даже фарфор. К его облегчению, не было следов борьбы или крови.

Рэйфорд разговаривал с полицией, когда включился огонек вызова.

— Мне ужасно не хочется заставлять вас ждать, — сказал он, — но, возможно, это моя дочь.

Это была она.

— О, папа! — зарыдала она. — Ты в порядке? Я вошла в гараж и увидела, что вещи пропали. Я подумала, что они могут вернуться, потому заперла двери из дома в гараж и хотела было уже запереть внешнюю дверь, когда увидела разбитое стекло и все такое и убежала. Я у соседей через три дома.

— Они не вернулись, малышка, — сказал он. — Я сейчас приду за тобой.

— Мистер Андерсон сказал, что проводит меня.

Через несколько минут Хлоя уже сидела на диване, раскачиваясь и прижимая руки к животу. Она рассказала полицейскому то же, что и отцу. После он взял показания у Рэйфорда.

— Ребята, а вы что, не пользуетесь своей сигнализацией, что ли?

Рэйфорд покачал головой.

— Моя вина. Мы пользовались сигнализацией много лет, когда она, по сути дела, не была нам нужна, и мне надоело просыпаться среди ночи, когда она срабатывала впустую, и... ну...

— И когда еще мы вам потом звонили, — сказал полицейский. — Понимаю. Так все говорят. Но ведь на сей раз овчинка стоила бы выделки, ага?

— Все мы задним умом крепки, — заявил Рэйфорд. — Я и не думал, что с такими соседями нам когда-нибудь понадобится сигнализация.

— На прошлой неделе этот вид преступлений взлетел на двести процентов, — сказал полицейский. — Плохие парни знают, что нам не хватает времени и людей.

— Ладно. Успокойте мою дочку, пожалуйста, и скажите ей, что эти люди не ради убийства пришли и что они уже не вернуться. Так?

— Все верно, мисс, — заверил ее тот. — Вашему отцу придется забить эту дверь, пока ее не установят заново, а я включу систему сигнализации. Но я не думаю, чтобы они пришли еще раз, по крайней мере, те же самые. Мы поговорили с людьми, что живут напротив. Они видели что-то вроде фургона службы чистки ковров. Он тут около полутора часов стоял нынче днем. Они вошли в переднюю дверь, прошли сквозь дом, открыли гараж, подъехали задом на свободное место и увезли ваши вещи почти из-под самого носа у вас.

— А никто не видел, как они ломали переднюю дверь?

— От ваших соседей плохо видно вход. Да, в общем, никто не видел. Ловкая работа.

— Я рад, что Хлоя не наткнулась на них, — сказал Рэйфорд.

Полицейский кивнул, идя к выходу.

— Радуйтесь. Надеюсь, ваша страховка покроет все расходы. Не думаю, чтобы что-то удалось найти. В других случаях нам с этим не повезло.

Рэйфорд обнял Хлою, которую все еще била дрожь.

— Ты сможешь сделать для меня одну вещь, папа? — попросила она.

— Все, что угодно.

— Я хочу еще одну копию записи, ту, с пастором.

— Я позвоню Брюсу, и к вечеру мы получим новую.

Внезапно Хлоя рассмеялась.

— Что тут забавного? — спросил Рэйфорд.

— Да просто мысль в голову пришла, — сказала она, улыбаясь сквозь слезы. — А что, если грабители посмотрят эту пленку?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Одним из первых сообщений на автоответчике Бизона был звонок от стюардессы, с которой он познакомился неделю назад.

— Мистер Уильямс, это Хэтти Дюрхем, — сказала она. — Я следующим рейсом лечу в Нью-Йорк и решила позвонить, чтобы еще раз поблагодарить вас за то, что помогли мне связаться с семьей. Я подожду секундочку и еще немного поболтаю на случай, если вы дома и посмотрите на автоответчик. Было бы здорово встретиться, ну, там, выпить или что-нибудь еще — но это не обязательно. Возможно, в другой раз.

— Это кто такая? — крикнул Стив, когда Бизон остановился в дверях ванной комнаты, чтобы прослушать все сообщения перед тем, как пойти в душ.

— Просто девушка, — сказал он.

— Симпатичная?

- Более чем. Потрясающая.
- Тогда надо ей перезвонить.
- Уж не беспокойся.

Еще несколько сообщений не содержали в себе ничего интересного. Затем последовали два, оставленные днем. Первое было от капитана Говарда Салливана из Скотленд-Ярда.

— Да, мистер Уильямс. Я не сразу решил-ся оставить сообщение на вашем автоответчике, но мне хотелось бы поговорить с вами при первой же возможности. Как вам известно, двух джентльменов, с которыми вы были знакомы, постигла безвременная кончина в Лондоне. Я хотел бы задать вам несколько вопросов. Наверное, вы слышали из других источников, что вас видели с одной из жертв непосредственно перед ее гибелью. Пожалуйста, перезвоните мне.

Салливан оставил номер.

Следующее сообщение пришло меньше чем через полтора часа, и было оно от Жоржа Лаффита, сотрудника Интерпола, который звонил из их штаб-квартиры в Лионе.

— Мистер Уильямс, — говорил он с сильным французским акцентом, — как только вы получите это сообщение, я просил бы вас перезвонить мне из ближайшего полицейского участка. Они знают, как связаться с нами напрямую, к тому же у них будет распечатка с информацией, объясняющей, почему мы хотим связаться с вами. Ради вашего же собственного блага я не советовал бы вам слишком затягивать.

Бизон выпрямился и посмотрел на Стива, у которого вид был столь же озадаченный, как у него самого.

— И кем ты теперь считаешься? — спросил Стив. — Подозреваемым?

— Не хотелось бы. После того, что я слышал от Алана об этом Салливане, который куплен Тодд-Котраном с потрохами, я нипочем не вернусь в Лондон. Я что, дурак добровольно сдаваться им в лапы? Ведь эти сообщения ни к чему не обязывают. Не так ли? Я ведь не обязан действовать по их указке просто потому, что все это услышал?

Стив пожал плечами.

— Никто, кроме меня, не знает, что ты их слышал. Да и в любом случае международные агентства тут юрисдикции не имеют.

— Ты думаешь, что меня могут экстрадировать?

— Если они хотят пришить тебе эти два убийства, то могут.

* * *

Хлоя не пожелала оставаться дома в одиночестве этим вечером. Она поехала вместе с отцом в церковь, где их встретил Брюс Барнс и дал им другую кассету. Услышав о взломе, он покачал головой.

— Это просто поветрие какое-то, — сказал он. — Город выплеснулся на окраины. Мы тут больше не в безопасности.

Рэйфорд всеми силами старался не проговориться Брюсу о том, что именно Хлоя попросила взять у Брюса новую кассету взамен украденной. Он хотел сказать Брюсу, чтобы тот продолжал молиться, потому что она наверняка все еще думает над ходом событий. Может, из-за этого взлома она стала чувствовать себя более незащищенной. Может, она начала осознавать, что мир теперь стал куда более опасным, что уже нет никаких гарантий, что, возможно, ей совсем немного осталось. Но Рэйфорд также понимал, что может оскорбить, обидеть ее, оттолкнуть, если воспользуется этой ситуацией и напустит на нее Брюса. Она знает достаточно, пусть же теперь сам Господь направит ее. И все же он был воодушевлен и хотел дать понять Брюсу, что происходит. Он решил дождаться более подходящего момента.

Во время поездки Рэйфорд купил несколько необходимых вещей взамен украденных, включая телевизор и видеоманитофон. Он договорился об укреплении внешней двери и начал бумажную волокиту по получению страховки. Самое главное, он включил сигнализацию. И все же ни он, ни Хлоя сегодня ночью спасть спокойно не смогут, он это понимал.

Они приехали домой как раз тогда, когда позвонила Хэтти Дюрхем. Рэйфорду показалось, что ей очень одиноко. Вроде бы и причины звонить у нее не было. Она просто сказала, что благодарна за приглашение на

ужин и очень его ждет. Он рассказал ей о том, что случилось у них дома, и она искренне испугалась.

— Все стало таким странным, — заявила она. — Знаете, у меня есть сестра, которая работает в центре планирования семьи

— Хм, — сказал Рэйфорд. — Да, вы как-то рассказывали.

— Они помогают в планировании семьи, дают консультации и направляют на прерывание беременности.

— Да.

— А еще они делали аборты прямо там.

Казалось, Хэтти ждет какого-то подтверждения или знака, что он слушает. Рэйфорд начинал терять терпение и потому молчал.

— Короче, — подытожила она, — я не задержу вас надолго. Но моя сестра сказала, что у них нет работы.

— Ну, это понятно после всех этих исчезновений нерожденных детей.

— Моя сестра не слишком этому рада.

— Хэтти, ведь все в ужасе после этого. По всему миру родители скорбят о детях.

— Но женщины, которых консультировала моя сестра, хотели аборта.

Рэйфорд подбирал слова для уместного ответа.

— Да, но, может быть, эти женщины рады, что им не придется проходить самую процедуру аборта.

— Возможно, но теперь и моя сестра, и ее начальство, и весь штат без работы до тех

пор, пока женщины снова не начнут беременеть.

— Я понял. Дело в деньгах.

— Им же надо работать. У них семьи есть.

— А разве им нечего делать, кроме аборт-ов и прочего?

— Нечего. Разве это не ужасно? В смысле, что бы там ни случилось, огромное количество народу вроде моей сестры остались без работы, и никто не знает, сможет ли кто-нибудь когда-нибудь забеременеть снова.

Рэйфорду пришлось признать, что Хэтти никогда, по его мнению, не блистала сообразительностью, но сейчас ему хотелось посмотреть ей в глаза.

— Хэтти... Уж не знаю, как и спросить. Но вы сказали, что ваша сестра надеется, что женщины снова начнут беременеть, им снова захочется делать аборт-ы и у вашей сестры появится работа?

— Да, конечно. А что же ей иначе делать? Вы же знаете, что работу консультанта в другой области очень трудно найти.

Он кивнул, понимая, что она не может его видеть, и оттого чувствовал себя глупо. Что же это за безумие? Не стоит тратить время на споры с людьми, которые понятия не имеют, что произошло, но он ничего не мог с собой поделать.

— Мне всегда казалось, что в клиниках вроде той, где работала ваша сестра, нежелательную беременность считают чем-то вроде мелкой неприятности. Разве они не

должны радоваться тому, что с этими неприятностями покончено, и даже более того, они должны быть просто счастливы, если беременностей больше не будет. Есть, конечно, одно маленькое осложнение в том смысле, что род человеческий перестанет существовать.

Она не уловила иронии.

— Но, Рэйфорд, это же ее работа. Весь центр только ради этого и создан. Это все равно что иметь заправку, а никому больше не нужны ни газ, ни бензин, ни шины!

— Спрос диктует предложение.

— Точно! Понимаете? Им нужны нежелательные беременности, потому, что это их бизнес.

— Вроде как доктору нужно, чтобы люди болели или получали травмы, чтобы ему было, что делать?

— Ну вот, до вас и дошло, Рэйфорд.

* * *

После того как Бизон принял душ и побрился, Стив сказал ему:

— Мне минуту назад звонили. Нью-йоркская полиция искала тебя в редакции. К сожалению, кто-то сказал им, что ты позже будешь в «Плаза» беседовать с Карпати.

— Прекрасно!

— Да понимаю. Возможно, тебе просто нужно самому пойти к ним.

— Не сейчас, Стив. Дай мне взять интервью у Карпати и запустить машину. Тогда я сумею выбраться из этой заварухи.

— Ты надеешься, что Карпати поможет тебе.

— Именно так.

— А что, если до тебя доберутся прежде, чем ты доберешься до него?

— Я должен успеть. У меня по-прежнему есть аккредитация на Орешковича и пропуск. Если копы и будут ждать меня в «Плаза», возможно, они не сразу меня опознают.

— Да ладно, Бизон. Ты думаешь, они уже не докопались до твоего поддельного удостоверения после того, как ты с ним улизнул из Европы? Давай-ка я пойду с тобой. Если они подумают, что я пытаюсь выдать себя за Орешковича, то мы выиграем немного времени, чтобы ты успел добраться до Карпати.

Бизон пожал плечами.

— Стоит попытаться, — сказал он. — Я не хочу оставаться здесь, но мне хочется увидеть Карпати в «Ночном эфире».

— Хочешь, поедем ко мне?

— Скорее всего, они быстро сообразят, что меня надо искать там.

— Давай позвоним Мардж. Они с мужем живут неподалеку.

— Только не по моему телефону.

Стив скорчил рожу:

— Ты ведешь себя как киношный шпион.

Стив позвонил по своему мобильнику. Мардж настаивала, чтобы они приехали пря-

мо сейчас. Она сказала, что ее муж во время вечернего повторения новостей хотел посмотреть свой сериал про госпиталь «Мэш», но она сумеет уговорить его сегодня вечером записать серию.

Садясь в такси, Бизон и Стив увидели, как перед домом Бизона затормозили две полицейские машины.

— Это и есть прямо-таки шпионский фильм.

Муж Мардж был не слишком доволен тем, что его выжили с его любимого места и не дали посмотреть любимый сериал, но даже его заинтересовал «Ночной эфир». Либо Карпати действительно был настолько открытым человеком, либо его блестяще натаскали. Он смотрел прямо в камеру, когда это было возможно, и казалось, что он говорит с каждым из зрителей.

— Ваша речь в ООН, — начал Уоллес Теодор, — которую втиснули сегодня между двумя пресс-конференциями, просто потрясла Нью-Йорк, и поскольку большая часть ее передавалась и рано вечером и поздней ночью в выпуске местных новостей, вы практически моментально стали популярной личностью в этой стране.

Карпати улыбнулся:

— Как и все европейцы, особенно жители Восточной Европы, я поражен вашей технологией. Я...

— Но разве не правда, сэр, что ваши корни — в Западной Европе? Хотя вы и родились в Румынии, разве вы на самом деле по происхождению не итальянец?

— Это верно, как верно и для большинства румын. Это родство слышится даже в названии нашей страны. Но я говорил о вашей технологии. Она удивительна, но, признаюсь, я приехал в вашу страну не ради того, чтобы стать знаменитостью или чтобы ее из меня тут сделали. У меня есть цель, миссия, послание, и оно никак не связано с моей популярностью или личными...

— Но разве вы только что не прибыли с фотосессии для журнала «Пипл»?

— Да, но я...

— И разве они уже не называли вас самым сексуальным из ныне живущих мужчин?

— Я не знаю, что это значит, честно говоря. Я дал интервью, в котором меня по большей части спрашивали о моем детстве, бизнесе и политической карьере, и у меня создалось впечатление, что они каждый январь выбирают самого сексуального мужчину, хотя сейчас рановато для следующего года и поздновато для нынешнего.

— Да, и я уверен, мистер Карпати, что вы так же, как и мы, были очарованы молодой звездой эстрады, который удостоился этого звания два месяца назад, но...

— Мне очень жаль, но я ничего не знал об этом молодом человеке до того, как увидел его фото на обложке журнала.

— Но, сэр, вы хотите сказать, будто не знали, что журнал «Пипл» нарушил традицию, по сути дела смещая с престола нынешнего самого сексуального мужчину и возводя вас на его трон буквально через неделю?

— Думаю, они хотели мне это сказать, но я не понял. Тот молодой человек устроил дебош в каком-то отеле или что-то такое, и поэтому...

— И потому вы стали подходящей заменой ему.

— Я об этом ничего не знаю, и, если уж быть честным до конца, я в такой ситуации мог бы и вовсе не согласиться на интервью. Я не считаю себя сексуальным. Я иду в крестовый поход, чтобы объединить людей мира. Я не ищу ни власти, ни влияния. Я просто прошу, чтобы меня выслушали. Я надеюсь, мое послание дойдет до людей в том числе и через статью в этом журнале.

— Но у вас и так уже есть и власть, и влияние, мистер Карпати.

— Что же, моя маленькая страна призвала меня на службу, и я охотно взвалил на свои плечи это бремя.

— Что вы ответите тем, кто обвиняет вас в нарушении протокола и восхождении на пост президента отчасти силовыми методами?

— Я бы сказал, что это очень удобный способ наехать на пацифиста, человека, преданного идее разоружение не только в Румынии и остальной Европе, но и во всем мире.

— Значит, вы отрицаете, что семь лет назад ваш конкурент по бизнесу был убит, и что вы захватили президентскую власть в Румынии при помощи запугивания людей и опираясь на помощь влиятельных американских друзей?

— Этот так называемый убитый конкурент был моим самым близким другом, и я до сих пор оплакиваю его. Немногие мои американские друзья, возможно, здесь и имеют какой-то вес, но они никак не могут повлиять на румынскую политику. Вы должны знать, что наш бывший президент сам попросил меня сменить его по личным причинам.

— Но это совершенно против зафиксированной в вашей конституции процедуры передачи власти.

— По этому поводу был проведен всенародный референдум, а также голосование среди членов парламента, и факт был утвержден подавляющим большинством голосов.

— Постфактум.

— В каком-то смысле да. Но если посмотреть под другим углом, если бы передача власти не была подтверждена народом и обеими палатами парламента, я оказался бы самым недолговечным президентом в истории нашей нации.

Муж Мардж проворчал:

— Этот парень из Рومании далеко пойдет.

— Из Румынии, — поправила его Мардж.

Бизон был изумлен ходом мыслей Карпати и его владением языком. Теодор спросил его: «Почему именно ООН? Кое-кто сказал бы, что вы могли бы иметь больший резонанс и получить большую выгоду, выступив перед сенатом или палатой представителей».

— Я и мечтать не мог о подобном, — сказал Карпати. — Но, понимаете ли, я не ищу выгод. ООН была создана для поддержания мира во всем мире. Она должна вернуть себе эту роль.

— Вы сегодня намекнули, и даже сейчас я слышу это в вашем голосе, что у вас есть особые планы на ООН, которые помогут улучшить работу этой организации и сделать ее эффективной в особенности сейчас, когда мир столкнулся с беспрецедентным в своей истории кошмаром.

— Да. Мне кажется, что не мое дело предлагать перемены, раз я здесь только гость. Однако в этом отношении я молчать не буду. Я сторонник разоружения. Это не тайна. Хотя я потрясен широкими возможностями, планами и программами ООН, я все же верю, что при небольших корректировках и сотрудничестве ее членов, организация сможет стать именно такой, какой и задумывалась с самого начала. Мы сможем стать настоящим всемирным сообществом.

— Вы не могли бы вкратце, за несколько секунд, это обрисовать?

Карпати звучно, от всего сердца рассмеялся.

— Это всегда бывает опасно, — сказал он, — но я попытаюсь. Как вы знаете, в Совет Безопасности ООН входят пять постоянных членов: США, Российская Федерация, Великобритания, Франция и Китай. Также в него входят десять временных представителей, по два от каждого из пяти различных

регионов мира, каждый из которых служит в ООН по два года.

Я уважаю коренное право пяти основных членов. Я предлагаю выбрать еще пятерых — по одному от каждой из частей света. Отказаться от временного членства. Итак, мы будем иметь десять постоянных членов Совета Безопасности. Но остальной мой план революционен. Сейчас у пяти постоянных членов есть право вето. Голосование по процедуре требует преобладания в девять голосов, голосование по существу вопроса требует большинства, включая пятерых постоянных членов ООН. Я предлагаю более жесткую систему. Я предлагаю единогласие.

— Простите?

— Тщательно отобрать десятерых постоянных представителей. Они должны получать денежную помощь и поддержку от всех стран в регионах, которые они будут представлять.

— Звучит кошмарно.

— Но это будет работать, и я скажу вам почему. Кошмар — это то, что случилось с нами на прошлой неделе. Настало время народам мира встать и сказать своим правительствам — разоружитесь, уничтожьте оружие, оставьте не более десяти процентов вооружений. Эти десять процентов, по сути дела, будут переданы ООН, чтобы она могла вернуться к своей функции всемирного миротворца, имея и влияние, и силу, и средства для выполнения этой задачи.

Карпати продолжил, сообщив слушателям, что в 1965-м ООН изменила свою первоначальную хартию, чтобы расширить Совет Безопасности с 11 до 15 членов. Он также сказал, что первоначально право вето постоянных членов мешало миротворческим военным действиям, таким, как во время Корейского конфликта или «холодной войны».

— Сэр, а откуда у вас такие энциклопедические познания об ООН и мировых событиях?

— У всех нас всегда находится время на то, что мы действительно хотим делать. Это моя страсть.

— Какова ваша личная цель? Ведущее положение на европейском Общем рынке?

— Румыния даже не член Общего рынка, насколько вам известно. Нет, у меня нет личной цели стать лидером — разве что рупором. Мы должны разоружиться, мы должны усилить ООН, мы должны перейти на единую валюту, и мы должны стать одной большой мировой деревней.

* * *

Рэйфорд и Хлоя молча сидели перед своим новым телевизором, захваченные свежим образом и вдохновляющими идеями Николае Карпати.

— Какой парень! — сказала, наконец, Хлоя. — Я чуть ли не с детства не видела поли-

тика, которому было бы что сказать, да и половины того, что они несли, я не понимала.

— Карпати — это что-то с чем-то, — согласился Рэйфорд. — Особенно приятно видеть человека, который, похоже, не ищет личной выгоды.

Хлоя улыбнулась.

— Стало быть, ты не собираешься сравнивать его с тем лжецом, о ком нас предупреждала запись пастора, с тем самым «кем-то» из Восточной Европы, который попытается захватить мир?

— Да вряд ли, — сказал Рэйфорд. — В нем нет ничего злого или корыстного. Что-то подсказывает мне, что тот лжец, о котором говорит пастор, будет не столь очевиден.

— Но, — сказала Хлоя, — если он лжец, то лжец искусный.

— Эй, ты на чьей стороне? Неужто этот парень напоминает тебе Антихриста?

Она покачала головой.

— Он для меня как глоток свежего воздуха. Если бы он начал лезть во власть, я могла бы и заподозрить его, но пацифиста, довольного постом президента маленькой страны? Его единственный метод воздействия — его разум, а единственная его сила — искренность и скромность.

Зазвонил телефон. Это была Хэтти, ей не терпелось поговорить с Рэйфордом. Она прямо-таки рассыпалась в похвалах Карпати.

— Вы видели этого парня? Он такой красивый! Я просто должна его увидеть! У вас нет в ближайшее время полетов в Нью-Йорк?

— В среду поздно утром вылетаю и возвращаюсь на следующее утро. Затем мы ждем вас на ужин, так?

— Да, и это здорово, но, Рэйфорд, вы не будете против, если я попытаюсь выбить себе назначение в этот рейс? Я слышала в новостях, что некролог того самого журналиста оказался ошибочным и он в Нью-Йорке. Я хочу попробовать увидеться с ним и попросить, чтобы он представил меня Карпати.

— Вы думаете, они знакомы?

— Бизон знает всех. Он же пишет все эти большие статьи по международной политике. Он просто обязан его знать, но даже если и не знает, то я буду не против увидеться с Бизоном.

У Рэйфорда камень с души свалился. Значит, Хэтти спокойно говорит о двух более молодых мужчинах, с которыми ей явно интересно было бы встретиться. Он был уверен, что она говорит это явно не для того, чтобы проверить его на ревность. И конечно, она понимала, что после недавней потери жены ему ни до кого вообще. Рэйфорд подумал, стоит ли ему следовать своему первоначальному плану и честно признаться ей в тех чувствах, какие он испытывал к ней в прошлом. Может, лучше сразу перейти к пленке с записью речи пастора?

— Что же, пусть вам повезет, — запинаясь, проговорил Рэйфорд.

— Но я могу просить вас взять меня в свой рейс?

— Почему бы вам не подождать, когда это будет по графику?

— Рэйфорд!

— Что?

— Вы не хотите, чтобы я летела с вами? Почему? Я что-то не так сказала или сделала?

— С чего вы взяли?

— Вы думаете, я не знаю, что вы отклонили мой прошлый запрос?

— Да я не отклонял его. Я просто сказал...

— Это все равно что отказать.

— Я сказал то, что только что сказал вам. Я вовсе не против того, чтобы вы работали на моих рейсах, но почему бы не дать всему идти своим чередом?

— Вы же сами знаете, каковы тут шансы! Если я буду ждать, то обстоятельства будут против меня. Если я прошусь на конкретные рейсы, то, как правило, при моем трудовом стаже я их получаю. Так в чем же дело, Рэйфорд?

— А мы можем поговорить об этом за ужином?

— Нет, давайте сейчас.

Рэйфорд помолчал, подбирая слова.

— Подумайте о том, что происходит с графиком в результате ваших запросов, Хэтти. Всем остальным приходится смещать расписание из-за вас.

— Так вот в чем дело? Вы беспокоитесь обо всех прочих?

Он не хотел лгать.

— Отчасти, — ответил он.

— Прежде это вас не волновало. Вы сами подталкивали меня к тому, чтобы я проси-

лась на ваши рейсы, и иногда даже проверяли, сделала ли я это.

— Я знаю.

— Итак, что изменилось?

— Хэтти, прошу вас. Это не телефонный разговор.

— Тогда давайте встретимся где-нибудь.

— Не могу. Я не могу оставить Хлою так скоро после того, как наш дом ограбили.

— Тогда я приеду.

— Сейчас поздно.

— Рэйфорд! Вы не хотите меня видеть?

— Если бы я не хотел вас видеть, я бы не пригласил вас на ужин.

— Когда ваша дочь будет дома? Сдается, мне светит просто королевская отставка.

— Хэтти, что вы несете?

— Я говорю только то, что вам нравилось ходить вокруг да около и делать вид, будто бы что-то происходит.

— Согласен.

— Мне и правда жаль, что с вашей женой случилось такое. Честное слово. Возможно, вы ощущаете вину, хотя мы ничего такого не делали. Но не выбрасывайте меня из жизни, ведь вы, возможно, справитесь со своей потерей и снова начнете жить.

— Это не так. Хэтти, что было выбрасывать? Ведь между нами ничего и не было. Иначе вас так не заинтересовал бы этот парень из журнала и этот румын.

— Карпати всем интересен, — сказала она. — А Бизон — единственный человек, который может мне помочь пробиться к нему.

Не думайте, что у меня есть какие-то планы на него, правда! Журналист-международник? Да ну вас, Рэйфорд.

— Да мне все равно, даже если и так. Я просто спрашиваю: как это все согласуется с тем, что, по-вашему, было между нами?

— Вы хотите, чтобы я не летела с вами в Нью-Йорк и забыла о них обоих?

— Вовсе нет. Я вовсе не об этом говорю.

— А я ведь так и сделаю! Потому что, если бы я знала, что у меня есть хоть малейший шанс связать с вами жизнь, я бы этого доби-
лась, будьте уверены.

Рэйфорд был ошарашен. Его страхи и предположения оправдались, но теперь он был готов защищаться.

— Вы никогда не думали, что у нас был шанс?

— Вы никогда не давали мне этого понять. Насколько я знаю, вы всегда считали меня симпатичной девочкой, слишком молодой, с которой приятно быть, но которую нельзя трогать.

— В этом есть доля правды.

— Но ведь вы никогда не думали о большем, Рэйфорд?

— Вот об этом как раз я и хотел погово-
рить с вами, Хэтти.

— Можете сказать прямо сейчас.

Рэйфорд вздохнул.

— Да, бывали времена, когда мне хотелось большего.

— Черт побери. Я ошиблась. Я отступила, считая вас неприкосновенным.

— Так и есть.

— Теперь уж точно. Я понимаю. Вы в горе, а то и хуже, поскольку вы некоторое время помышляли не только о своей жене. Но неужели я из-за этого не могу летать с вами, говорить с вами, хотя бы выпить с вами? Мы ведь можем вернуться к прежнему положению вещей, и ничего не будет в этом плохого — разве что у вас в мыслях.

— Это не значит, что вы не можете разговаривать со мной или работать со мной, когда наши расписания совпадают. Если бы я не хотел иметь ничего общего с вами, я бы не пригласил вас.

— Я вижу, к чему вы клоните, Рэйфорд. Вы просто не можете сказать мне, что мне не светит ничего, кроме «давай будем друзьями».

— Возможно, нечто большее.

— Например?

— Есть кое-что, о чем я хочу вам рассказать.

— А что, если я вам скажу, что такое общение меня не интересует? Я не жду, что вы броситесь ко мне в объятия после потери жены, но я не желаю, чтобы меня игнорировали.

— Но как приглашение на ужин вяжется с игнорированием?

— А почему вы никогда раньше меня не приглашали?

Рэйфорд молчал.

— Ну?

— Это было бы неуместно, — пробормотал он.

— А сейчас неуместно встречаться по-другому?

— Честно говоря, да. Но я хочу поговорить с вами, и дело вовсе не в вашей отставке.

— Вы думаете, что мое любопытство подтолкнет меня приехать прямо сейчас? Знаете, вот что я вам скажу — я отказываюсь. Я буду занята. Примите мои извинения. Наступает неизбежное, вы сами понимаете.

— Хэтти, прошу вас. Мы действительно хотим, чтобы вы приехали. Я очень жду вас.

— Не трудитесь, Рэйфорд. В Нью-Йорк полно рейсов. Я не буду прибегать ни к каким ухищрениям, чтобы попасть именно на ваш борт. На самом деле, я постараюсь держаться от вас подальше.

— Вам не нужно это делать.

— Нужно-нужно. Все нормально. Мне было бы приятно повидаться с Хлоей, но вам ведь, наверное, пришлось бы тогда рассказать ей, что вы чуть не втюрились в меня.

— Хэтти, вы можете хотя бы секундочку послушать меня? Прошу вас.

— Нет.

— Я хочу, чтобы вы приехали во вторник вечером. У меня действительно есть к вам важный разговор.

— Так скажите, о чем он.

— Это не телефонный разговор.

— Тогда я не приеду.

— Если я скажу в общих чертах, то приедете?

— Посмотрим.

— Что же, я знаю, что стало причиной исчезновений. Я знаю, с чем это связано, и хочу помочь вам найти истину.

Хэтти надолго замолчала.

— Слушайте, а вы, часом, в религию не ударились?

Рэйфорду пришлось задуматься. Ответ был прост — да, так и есть, но он не собирался этого говорить.

— Вы ведь хорошо знаете меня.

— Я думала, что знаю.

— Поверьте, на это стоит потратить время.

— Расскажите мне главное, и я скажу, хочу ли я слышать все остальное.

— Нет, — ответил Рэйфорд, удивляясь собственной решимости. — Так не пойдет. Только при личном разговоре.

— Тогда я не приеду.

— Хэтти!

— До свидания, Рэйфорд.

— Хэт...

Она бросила трубку.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Я не для каждого бы на это пошел, — сказал Стив Планк после того, как они с Бизоном поблагодарили Мардж и направились каждый к своему такси. — Не знаю, надолго ли я сумею их задержать, уверяя их, что ты — это я, так что сильно не опаздывай.

— Не беспокойся.

Стив сел в первое такси, повесив на грудь бейдж с аккредитацией на имя Джорджа Орешковича. Он был намерен отправиться сразу в отель «Плаза», где скажет, что у него назначена встреча с Карпати. Бизон надеялся, что Стива тут же перехватят, арестуют как Бизона и таким образом освободят ему дорогу. Если Бизона окликнут полицейские, то он покажет бейдж Стива Планка. Оба знали, что план очень ненадежен, но Бизон был готов пойти на все, чтобы его не экстрадировали и не пришили

ему убийство Алана Томпкинса, а то еще и Дирка Бертон.

Бизон попросил водителя подождать минуту после того, как Стив войдет. Он подъехал к отелю среди вспышек маячков полицейских машин. Там же стоял тюремный фургон и несколько машин без опознавательных знаков.

— Я говорю вам, моя фамилия Орешкович, — говорил Стив.

— Мы знаем, кто вы, Уильямс. Не парьтесь.

— Это не Кэмерон Уильямс! — сказал другой журналист, тыча в него пальцем и хохоча. — Идиоты! Это Стив Планк!

— Да, именно так, — подхватил Стив. — Я начальник Уильямса из «Уикли»!

— Да, конечно, — сказал полицейский в гражданском, заталкивая его в машину без опознавательных знаков.

Бизон прошел мимо репортера, который узнал Планка, но когда он попал внутрь и подошел к бесплатному телефону, чтобы позвонить Розенцвейгу, рядом вынырнул другой его коллега, Эрик Миллер, и, прикрывая рукой свою трубку, прошептал:

— Уильямс, что творится? Копы только что сдапали твоего босса, заявляя, что он — это ты!

— Сделай милость, — попросил Бизон. — Помолчи об этом полтора часа. Ты должен это для меня сделать.

— Ничего я тебе не должен, — сказал Миллер. — Но вид у тебя испуганный. Дай

слово, что расскажешь о том, что тут творится мне первому.

— Идет. Ты будешь первым представителем прессы, которому я это расскажу. Не обещаю, что не расскажу еще кое-кому.

— Кому?

— Хорошая попытка.

— Если ты хочешь дозвониться Карпати, Кэмерон, то этодохлый номер. Мы весь вечер пытались пробиться. Сегодня вечером он больше не дает интервью.

— Он вернулся?

— Да, но на связь выходить не желает.

Розенцвейг ответил на звонок Бизона.

— Хаим, это Кэмерон Уильямс. Я могу войти?

Эрик Миллер бросил трубку и подошел поближе.

— Кэмерон! — воскликнул Розенцвейг. — Я не могу утнаться за вами. Сначала вы погибаете, потом оживаете. А сейчас нам только что позвонили, что вы арестованы в вестибюле и что вас будут допрашивать об убийстве в Лондоне.

Бизон не хотел, чтобы Миллер что-нибудь подслушал.

— Хаим, мне нужно действовать быстро. Я буду под фамилией Планк, вы поняли?

— Я скажу об этом Николае и найду способ затащить его к себе в комнату. Идите пока ко мне. — Он назвал Бизону номер.

Бизон поднес палец к губам, чтобы Миллер не начал расспрашивать, но отвязаться от него не смог. Он побрел к лифту, но Эрик

вошел туда вместе с ним. С ними попыталась подняться супружеская пара.

— Простите, ребята, — сказал Бизон. — Машина барахлит.

Пара вышла. Но Миллер остался. Бизон не хотел, чтобы он увидел, на какой этаж они поднимаются, так что подождал, пока дверь захлопнется, затем отключил лифт. Он сгреб Эрика за грудки и припечатал к стенке.

— Послушай, Эрик. Я сказал тебе, что ты узнаешь первым о том, что здесь происходит, но если ты попытаешься сунуть в это дело свой нос или сесть мне на хвост, я из тебя душу выну.

Миллер вырвался из хватки Бизона и расправил одежду.

— Ладно, Уильямс. Спокойно! Расслабься!

— Да, я расслаблюсь, а ты вынюхивать начнешь.

— А у меня работа такая, не забывай.

— У меня тоже, Эрик, но я не сажусь на хвост другим. Я работаю сам.

— Ты берешь интервью у Карпати? Просто скажи — да или нет.

— Нет, я тут с риском для жизни вылавливаю одну кинозвезду.

— Значит, все же Карпати?

— Я этого не говорил.

— Слушай, возьми меня с собой! Я все для тебя сделаю!

— Ты же сам сказал, что сегодня вечером Карпати больше не дает интервью.

— Да, и больше вообще никому не дает, кроме местных или национальных теле- и

радиостудий, так что я никогда до него не доберусь.

— Это твоя проблема.

— Уильямс!

Бизон снова взял Миллера за глотку.

— Я выхожу! — закричал Эрик.

Когда Бизон вышел на ВИП-этаже, он с изумлением увидел, что Миллер каким-то образом опередил его и торопливо представляется охраннику в форме как Стив Планк.

— Мистер Розенцвейг ждет вас, сэр, — сказала охранник.

— Минуточку! — крикнул Бизон, показывая бедж Планка. — Планк — я. Выставьте отсюда этого нарушителя.

Охранник остановил обоих, положив им руки на плечи.

— Вы оба подождите здесь, а я вызову здешнего детектива.

— Да вы просто перезвоните Розенцвейгу, — сказал Бизон, — и вызовите его сюда.

Охранник пожал плечами и набрал номер комнаты на портативной трубке. Миллер наклонился, увидел номер и рванул к комнате. Бизон бросился за ним, невооруженный охранник закричал, по-прежнему стараясь вызвать хоть кого-нибудь по телефону.

Бизон был моложе и в лучшей форме, так что он догнал Миллера и перехватил его в коридоре. От шума жильцы стали открывать двери и выглядывать в коридор.

— Устраивайте ваши разборки где-нибудь в другом месте! — крикнула какая-то женщина.

Бизон рывком поднял Миллера на ноги и заломил ему руку.

— Ты просто шут, Эрик. Ты что, думаешь, что Розенцвейг пустит к себе в комнату чужака?

— Я могу уговорить впустить меня кого угодно, Бизон, и ты сам знаешь, что сделал бы то же самое.

— Проблема в том, что я уже это сделал. А теперь попробуй сделать меня.

Охранник поравнялся с ними.

— Доктор Розенцвейг будет через минуту.

— У меня есть к нему всего один вопрос, — сказал Миллер.

— Нет, — заявил Бизон. Он повернулся к охраннику: — Он не будет задавать вопросов.

— Пусть старик сам решает, — сказал охранник, потом вдруг отступил в сторону, таща за собой Бизона и Миллера, чтобы освободить проход. Мимо них протиснулись четыре человека в темных костюмах, а среди них, вне всякого сомнения, шел сам Николае Карпати.

— Извините, джентльмены, — сказал Карпати. — Простите.

— О, мистер Карпати, то есть президент Карпати! — воскликнул Миллер.

— Да, сэр? — обернулся к нему Карпати. Охранники расплылись в улыбке. — О, здравствуйте, мистер Уильямс, — сказал он, заметив Бизона. — Или лучше сказать — мистер Орешкович? Или мистер Планк?

Нахальный Миллер шагнул вперед.

— Эрик Миллер из «Сиборд мансли».

— Я прекрасно это знаю, мистер Миллер, — сказал Карпати, — но я опаздываю на встречу. Если вы перезвоните мне завтра, я поговорю с вами по телефону. Хорошо?

У Миллера был совершенно уничтоженный вид. Он кивнул и отошел в сторону.

— А я-то думал, что вы Планк! — сказал охранник, вызвав улыбки на лицах всех, кроме Миллера.

— Идемте, Бизон, — сказал Карпати, делая ему знак следовать за собой. Бизон молчал. — Ведь вас так называют, не так ли?

— Да, сэр, — ответил Бизон, уверенный в том, что даже Розенцвейг этого не знает.

* * *

У Рэйфорда кошки на душе скребли из-за Хэтти Дюрхем. Хуже просто быть не могло. Почему он просто не допустил ее на свой рейс? Она все равно ничего бы от него не добилась. А ему было бы легче рассказать ей об истинной причине приглашения на ужин во вторник вечером. А теперь он все испортил.

И как теперь ему подойти к Хлое? Настоящей его целью даже в отношении беседы с Хэтти была попытка достучаться до Хлои. Достаточно ли она уже увидела? Может ли он продолжать надеяться только потому, что

она сама попросила достать новую запись? Он спросил, не хочет ли она отправиться с ним в Нью-Йорк ночным рейсом, но она сказала, что лучше останется дома и начнет искать, где можно продолжить обучение по месту жительства. Он хотел было уговорить ее, но не осмелился.

После того, как она отправилась спать, он позвонил Брюсу Барнсу и рассказал ему о своей неудаче.

— Вы слишком напирали, Рэйфорд, — сказал тот. — Я подумал было, что теперь будет легче рассказывать людям о нашей вере, но натолкнулся на такую же стену.

— Особенно тяжело, когда это твоя дочь.

— Могу представить, — сказал Брюс.

— Нет, не можете, — ответил Рэйфорд. — Но ничего.

* * *

Хаим Розенцвейг жил в прекрасных апартаментах. Охранники остались у двери, Карпати пригласил Розенцвейга и Бизона в небольшую гостиную, где они могли бы приватно пообщаться втроем. Карпати снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку дивана.

— Располагайтесь, джентльмены, — сказал он.

— Я тут не нужен, Николае, — шепнул ему Розенцвейг.

— Что за чушь, доктор! — ответил Карпати. — Вы не против, Бизон?

— Вовсе нет.

— Вы не против, если я буду называть вас Бизоном?

— Нет, сэр, но обычно так меня зовут...

— Люди в редакции, да, я знаю. Они называют вас так, потому что вы не признаете традиций, тенденций и правил, я прав?

— Да, но откуда...

— Бизон, это был самый невероятный день в моей жизни. Меня тут так тепло принимали. И мне кажется, что люди прислушиваются к моим предложениям. Я просто потрясен. Я вернусь домой счастливым и удовлетворенным человеком. Но не так скоро. Меня просили задержаться. Вы знаете об этом?

— Я слышал.

— Разве не замечательно, что все эти различные международные встречи, которые состоятся в Нью-Йорке в течение следующих нескольких недель, посвящены международному сотрудничеству, так меня интересующему?

— Да, замечательно, — сказал Бизон. — Я назначен освещать их.

— Тогда мы лучше узнаем друг друга.

— Я очень жду этого, сэр. Вы очень тронули меня сегодня в ООН.

— Спасибо.

— И доктор Розенцвейг столько рассказывал мне о вас.

— А мне — о вас.

В дверь постучали. Карпати поморщился.

— Я надеялся, что нас не будут тревожить.

Розенцвейг медленно встал, подошел к двери и тихо с кем-то заговорил.

Затем он подошел к Бизону.

— Нам надо дать ему пару минут, Кэмерон, — прошептал он. — Важный телефонный звонок.

— О нет, — сказал Карпати. — Я перезвоню позже. Для меня эта встреча имеет первостепенную...

— Сэр, — сказал Розенцвейг, — прошу прощения... это президент.

— Президент?

— Президент США.

Бизон быстро встал, чтобы выйти вместе с Розенцвейгом, но Карпати настоял, чтобы они остались.

— Я не такая важная шишка, чтобы не разделить эту честь с моим старым другом и новым! Сидите!

Они сели, а он нажал кнопку громкой связи на телефоне.

— Николае Карпати слушает.

— Мистер Карпати, это Фитц. Джеральд Фитцхью.

— Господин президент, для меня большая честь слышать вас.

— Я страшно рад, что вы приехали к нам!

— Я благодарен вам за поздравление с назначением меня президентом, сэр, и за то,

что вы сразу же признали мою администрацию.

— Дружище, то, как вы добрались до президентства, — это ж чудо какое-то! Я сначала не понимал, что происходит, думаю, вы тоже.

— Совершенно верно. Я до сих пор не могу этого осознать до конца.

— Надо же, выбить из седла парня, который уже шесть лет там сидел! А вы и верхом-то еще не ездили! Придется набить мозоли в определенных местах, если вы понимаете, о чем я.

— Да, сэр.

— Слушайте, я к вам вот почему звоню. Я знаю, что вы тут задержитесь дольше, чем предполагали, так что хочу, чтобы вы провели пару вечеров со мной и Вилмой. Сможете?

— В Вашингтоне?

— Да, прямо в Белом доме.

— Это высокая честь.

— Мы пришлем кого-нибудь, чтобы договориться с вашими людьми насчет точного времени, но это должно быть скоро, потому как близится сессия конгресса, и я знаю, что они захотят послушать вас.

Карпати покачал головой, и Бизон подумал, что он просто потрясен.

— Это даже больше чем просто честь, сэр.

— К слову о чудесах — ваша нынешняя речь и вечернее интервью, ну, это что-то с чем-то. Буду рад с вами увидаться.

— Взаимно, сэр.

Бизон был потрясен почти так же, как Карпати и Розенцвейг. Он давно уже утратил почтение перед президентами США, особенно перед этим президентом, который требовал, чтобы его называли Фитц. Он как-то писал статью по теме «Личность года» о Фитцхью — для Бизона то была первая такая статья, для Фитца — вторая. С другой стороны, не каждый день президент звонит в комнату, в которой ты сидишь.

Казалось, Карпати все еще под впечатлением от звонка, но он быстро сменил тему.

— Бизон, я хочу ответить на все ваши вопросы и сделать для вас все, что понадобится. Вы очень понравились Хаиму, и я готов выдать вам маленький секрет — вы назвали бы это сенсацией. Но в первую очередь — вы в большой опасности, друг мой. И я хочу помочь вам чем смогу.

Бизон понятия не имел, как Карпати узнал о его проблемах. Значит, ему не нужно даже торопить его и просить о помощи? Это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Вопрос был в одном — что известно Карпати и что ему нужно знать?

Румын сел и посмотрел ему прямо в глаза. И от этого у Бизона возникло такое ощущение покоя и защищенности, что он выложил ему все начистоту. Все. Даже то, что его друг Дирк намекнул ему о встрече кое-кого со Стонагалом и Тодд-Котраном, и что Бизон предположил, будто это Карпати.

— Да, это был я, — сказал Карпати. — Но позвольте мне прояснить ситуацию. Я понятия не имею ни о каком заговоре. Я никогда даже не слышал о таком. Мистер Стонагал решил, что было бы неплохо, если бы я встретился с кем-нибудь из его коллег и людей, обладающих весом в международных кругах. У меня не сложилось определенного мнения касательно кого-либо из них, и я не обязан никому из них.

Я кое-что скажу вам, мистер Уильямс. Я верю вашему рассказу. Я знаю вас только по вашей работе и отзываю людей, которых я уважаю, таких как доктор Розенцвейг. Но в вашем рассказе есть ощущение правды. Мне сказали, что вас хотят видеть в Лондоне в связи с убийством агента Скотленд-Ярда и что у них есть несколько свидетелей, которые утверждают, будто бы вы отвлекли Томпкинса, установили взрывное устройство и активировали его дистанционно из паба.

— Безумие какое-то.

— Да, конечно, ведь вы все оплакиваете своего друга, так таинственно погибшего.

— Именно так, мистер Карпати. И пытаемся докопаться до сути этого дела.

Розенцвейга снова позвали к двери, и снова он прошептал что-то на ухо Карпати.

— Бизон, идите сюда, — сказал он, вставая и отводя его к окну, подальше от Розенцвейга. — Ваш план пробраться сюда в то время, как вас преследовали, был очень остроумен, но вашего босса опознали, и теперь они зна-

ют, где вы. Они хотят забрать вас в участок и экстрадировать в Англию.

— Если так случится и теория Томпкинса верна, то я покойник, — сказал Бизон.

— Вы уверены, что они убьют вас?

— Они убили Бертон и убили Томпкинса. Я для них более опасен — с моими-то потенциальными читателями.

— Если это заговор, как считаете вы и ваши друзья, то, Кэмерон, если вы напишете об этих людях и раскроете всем их имена, это вас не спасет.

— Я знаю. Возможно, я все равно должен это сделать. Я не вижу иного выхода.

— Я могу уладить это дело ради вас.

У Бизона вдруг закружилась голова. Он как раз этого и хотел, но он опасался, что Карпати не успеет ничего сделать и его отдадут в лапы Тодд-Котрана и Стонагала. Возможно, Карпати куда ближе знаком с этими людьми, чем говорит?

— Сэр, мне нужна ваша помощь. Но в первую очередь я журналист. Меня нельзя купить, и я не иду на сделки.

— Конечно, нет. Я никогда бы не попросил вас о таком. Я устрою новое расследование этих трагедий в Лондоне, чтобы вас оправдали.

— И как вы это сделаете?

— Какое это имеет значение, если все, что вы говорили, правда?

Бизон на мгновение задумался.

— Это правда.

— Конечно.

— Но как вы это сделаете? Вы ведь поддерживаете имидж человека, ни в чем не замешанного, мистер Карпати, человека из ниоткуда. Как вы можете повлиять на то, что произошло в Лондоне?

Карпати вздохнул:

— Бизон, я уже говорил вам, что ваш друг Дирк ошибался насчет заговора. Это так. Я не в одной упряжке с Тодд-Котраном, или Стонагалом или кем-нибудь еще из международных лидеров, с которыми мне выпала честь недавно познакомиться. Однако, все важные решения в международной политике, которые скоро будут приняты, повлияют на них, и мне оказана честь сказать свое слово по этим вопросам.

Бизон спросил Карпати — не против ли он, если они снова сядут. Карпати дал знак Розенцвейгу оставить их на несколько минут.

— Понимаете, — сказал Бизон, когда они остались наедине и сели, — я человек молодой, но, как говорится, «не первый раз замужем». Мне кажется, что я подошел слишком близко к вопросу о том, насколько сильно вы замешаны — ну, положим, не в заговор, но во что-то такое организованное. Я могу сдать себя и спасти свою шкуру или откажусь. И вы сдадите меня Лондону.

Карпати поднял руку и покачал головой.

— Бизон, позвольте мне повторить, что мы говорим о политике и дипломатии, а не о надувательствах и преступлениях.

— Я слушаю.

— Во-первых, — сказал Карпати, — небольшая вводная. Я верю во власть денег. А вы?

— Нет.

— Поверите. Я еще в средней школе стал бизнесменом средней руки. Я учил по ночам языки, много языков, те, которые были мне необходимы, чтобы достичь успеха. Днем я занимался импортом и экспортом и богател. Но по моему мнению, богатство — хлам по сравнению с теми возможностями, которые открывались передо мной. Я должен был узнать их. И знание это мне досталось дорогой ценой. Я занял несколько миллионов в одном европейском банке, затем нашел человека в этом банке, который информировал моего главного конкурента о моих делах. Я потерпел поражение в моей собственной игре, не выполнил обязательств по кредиту. Я боролся. Затем тот же самый банк вытащил меня из беды и уничтожил моего соперника. Я не хотел причинять ему зла, даже и не думал. Просто банк использовал его, чтобы наладить со мной связь.

— А этим банком, случайно, не владел один влиятельный американец?

Карпати пропустил вопрос.

— В течение десяти лет мне пришлось научиться тому, что значат здесь деньги.

— Здесь?

— В банках мира.

— Особенно в банках, которым владеет Джонатан Стонагал.

Карпати по-прежнему не заглатывал наживку.

— Это тот тип капитала, на котором основана власть.

— Это то, против чего я пишу статьи.

— Это то, что спасет вам жизнь.

— Я по-прежнему слушаю вас.

— Такие деньги привлекают внимание. Человек желает получить за них концессию. Он постепенно понимает, что будет разумно позволить другому человеку, более молодому и активному, имеющему свежий взгляд, сменить его.

— Как случилось в Румынии?

— Бизон, не обижайте меня. Прежний президент Румынии сам попросил меня сменить его на посту, и это желание было единодушно поддержано правительством и почти всем населением. Все довольны.

— Прежний президент лишился власти.

— Он живет в роскоши.

Бизон боялся дышать. К чему клонит Карпати? Бизон смотрел на него, не в силах пошевелиться, не в силах отвечать. Карпати продолжал:

— Генеральный секретарь Нгумо возглавляет голодающую страну. Мир созрел для того, чтобы принять мой план по расширению Совета Безопасности до десяти членов. Все вместе это будет работать. Генеральный секретарь должен посвятить свое время проблемам Ботсваны. При правильном стимулировании он это сделает. Он будет счастливым, богатым человеком, возглавляющим богатый и счастливый народ. Но сначала он должен ратифицировать мой план для Со-

вета Безопасности. Представители каждой из десяти сторон будут интересным разнообразным обществом — некоторыми будут нынешние послы, но по большей части это будут новые люди с хорошей финансовой поддержкой и прогрессивными идеями.

— Вы хотите сказать, что станете Генеральным секретарем ООН?

— Я никогда не стал бы искать этого поста, но как я могу отклонить такую честь? Кто может отвернуться от такой громадной ответственности?

— И какое влияние при вас будет иметь каждый из десяти постоянных представителей Совета Безопасности?

— Я буду всего лишь служебным лидером. Вы знакомы с этой концепцией? Когда человек осуществляет лидерство служа, а не диктуя.

— Позвольте сделать безумную догадку, — произнес Бизон. — Тодд-Котран является первым кандидатом на членство в вашем новом Совете Безопасности.

Карпати выпрямился, словно услышал интересную мысль.

— Разве это не было бы интересно? — сказал он. — Он не политик, блестящий финансист, достаточно мудрый и мягкосердечный, обладающий достаточно широким мышлением, чтобы позволить миру перейти на три основные валюты, среди которых не будет его родного фунта стерлингов? Разве мир не выйдет при нем на определенный уровень спокойной жизни?

— Полагаю, да, — сказал Бизон. На сердце у него было тяжело, словно он терял душу у себя же на глазах. — За исключением того, что Тодд-Котран по самые уши увяз в этом таинственном самоубийстве, подрыве машины и прочем.

Карпати улыбнулся.

— Мне кажется, что человек, имеющий власть подобного масштаба, именно сейчас стремился бы сохранить руки чистыми.

— И вы можете в этом помочь?

— Бизон, вы меня переоцениваете. Я говорю только то, что если вы правы, то я могу попробовать остановить откровенно неэтичные и незаконные действия в отношении невинного человека — вас. Я не вижу в этом ничего предосудительного.

* * *

Рэйфорд Стил не мог уснуть. Почему-то снова на него навалились горе и раскаяние по поводу потери жены и сына. Он соскользнул с постели на пол, упал на колени, зарылся лицом в простыни с той стороны, где обычно спала его жена. Он так устал, так издергался, так измучился тревогой за Хлою, что был вынужден изгнать из головы и сердца воспоминания о своей ужасной потере. Он был полностью уверен, что его жена и дочь на небесах, и понимал, что им там лучше, чем когда-либо было здесь.

Рэйфорд понимал, что он получил прощение за насмешки над женой, за то, что никогда не слушал ее, за то, что так долго не обращал внимания на Бога. Он был благодарен за то, что у него есть второй шанс и что теперь у него появились новые друзья и место, где он мог изучать Библию. Но саднящая боль в сердце от этого не утихала, как и желание обнять жену и сына, расцеловать их, сказать, как горячо он их любит. Он молился о том, чтобы утихла его скорбь, но часть его «я» желала ее, нуждалась в том, чтобы она оставалась.

Он почему-то чувствовал, что заслужил эту боль, хотя это было не так. Он начинал понимать Господне всепрощение, и Брюс сказал ему, что ему незачем терзать себя за грех, в котором он уже покался.

Пока Рэйфорд плакал, стоя на коленях, на него накатила новая боль. Он страдал от бессилия повлиять на Хлою. Все его попытки провалились. Он понимал, что прошло всего несколько дней после исчезновения ее матери и брата и даже еще меньше с момента его собственного обращения. Что он еще мог сказать или сделать? Брюс говорил, что надо просто молиться, но он был слеплен из другого теста. Конечно, он будет молиться, но он всегда был человеком действия.

Но теперь каждое действие все более отдаляло ее от него. Он чувствовал, что если он скажет или сделает что-то еще, по его вине она отвернется от Христа раз и навсегда. Рэйфорд никогда не ощущал такого бессилия и отчаяния. Как же он тосковал сейчас

по Ирэн и Рэйми! И с каким отчаянием он думал о Хлое.

Он молча молился, но мука в душе становилась все сильнее, и вопреки всем стараниям он слышал собственные сдавленные рыдания:

— О, Хлоя! Хлоя! Хлоя!

Он горько плакал в темноте, но внезапно его прервали скрип половицы и шаги. Он быстро обернулся и увидел Хлою. Ее силуэт смутно виднелся на пороге в тусклом свете, исходящем из ее комнаты. Он не знал, что она успела услышать.

— С тобой все хорошо, папа? — тихо спросила она.

— Да.

— Тебе кошмар приснился?

— Нет. Извини, что разбудил тебя.

— Я тоже тоскую по ним, — дрожащим голосом сказала она. Рэйфорд обернулся к ней и сел, прислонившись спиной к постели. Протянул к ней руки. Она подошла и села рядом, позволив ему обнять ее.

— Я верю, что однажды увижу их, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она, и в ее голосе не было ни малейшего намека на насмешку. — Я знаю.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Через несколько минут Рэйфорд понял, что Хлоя все-таки слышала его рыдания.

— Не беспокойся за меня, папа, ладно? Скоро все будет.

Что? Она хочет сказать, что ее решение — лишь вопрос времени или что она просто постепенно отходит от горя? Он так отчаянно хотел рассказать ей, что его тревожит, но она и так это знала. Одно ее присутствие успокаивало его, но когда она тихонько ушла в свою комнату, он снова почувствовал себя безнадежно одиноким.

Он не мог уснуть. На цыпочках он спустился вниз и включил новый телевизор, канал Си-эн-эн. Шел странный репортаж из Израиля. На экране огромная толпа перед знаменитой Стеной Плача окружала двух человек, которые что-то кричали.

«Никто не знает этих двоих, — вел репортаж с места событий репортер Си-эн-эн. — Сами они называют друг друга Эли и Моше. Они пришли к Стене Плача еще до рассвета и стали там молиться в стиле, очень напоминающем старых американских евангелистов. Конечно, ортодоксальные евреи подняли шум, обвиняя этих двоих в том, что они оскверняют священное место, заявляя, что Иисус Христос из Нового Завета и есть Мессия, предсказанный в Торе.

Пока никаких беспорядков нет, хотя страсти кипят, и власти внимательно наблюдают за ситуацией. Израильская полиция и военные всегда с неохотой входили в этот район, предоставляя религиозным фанатикам самим решать свои проблемы. Это самая взрывоопасная ситуация на Святой земле с момента уничтожения русских воздушных сил в ходе авианалета, и эту с недавних пор процветающую нацию занимали практически только проблемы внешней угрозы.

Дэн Беннет из Иерусалима для Си-эн-эн».

Если бы не было так поздно, Рэйфорд позвонил бы Брюсу Барнсу. Он сидел, ощущая себя частью семьи верующих, к которым, видимо, принадлежали и эти двое из Иерусалима. Это было именно то, что он недавно узнал, что Иисус и есть ветхозаветный Мессия. Брюс рассказал ему и остальным пред-

ставителям их инициативной группы из Новой Надежды, что вскоре сто сорок четыре тысячи евреев уверуют в Христа и начнут проповедовать Его Слово по всему миру. Может, эти двое были из них?

Ведущая переключилась на национальные новости.

— Нью-Йорк до сих пор гудит после сегодняшних выступлений нового румынского президента Николае Карпати. Этот тридцатитрехлетний лидер привел в восторг прессу на маленькой пресс-конференции нынешним утром, после которой произнес блестящую речь на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, в ходе которой целая толпа, включая представителей прессы, стоя приветствовала его аплодисментами. Как сообщают, он был на фотосессии журнала «Пипл», который хочет разместить его фото на обложке. Он будет первым, кто получит звание самого сексуального мужчины менее чем через год после предыдущего номинанта.

Спутники Карпати заявили, что он уже включил в свой график несколько международных встреч в Нью-Йорке, которые состоятся в течение следующих двух недель. Также сообщают, что президент Фитцхью пригласил его выступить на объединенном заседании конгресса, а также провести вечер в Белом доме.

На пресс-конференции сегодня в полдень президент выразил поддержку новому лидеру.

На экране появилось лицо президента.

— В этот трудный час мировой истории очень важно, чтобы сторонники мира и единства выступили вперед и напомнили нам, что мы являемся частью мирового сообщества. Все, кто за мир, — друг США, а мистер Карпати — друг мира.

Позвольте мне сказать вам следующее — я не помню, чтобы кто-нибудь в ООН или вне этой организации демонстрировал такое знание ее истории, организации и направлений деятельности. Он хорошо сделал свою домашнюю работу, и у него есть план действий. Я слушал его. Я надеюсь, что соответствующие послы и Генеральный секретарь Нгумо тоже. Никто не должен воспринимать свежий взгляд как угрозу. Я уверен, что любой лидер в мире разделяет мои взгляды насчет того, что в этот час нам нужна любая помощь.

Ведущая продолжила:

— Из Нью-Йорка сегодня поздно вечером пришло сообщение, что с репортера «Глобал уикли» были сняты все обвинения и подозрения в убийстве следователя Скотленд-Ярда. Кэмерон Уильямс, обладатель премии, ведущий репортер «Уикли», был объявлен предположительно погибшим при взрыве машины, в котором погиб также следователь Алан Томпкинс, знакомый Уильямса.

Останки Томпкинса были опознаны, также на месте взрыва были найдены удо-

ствоверение личности и паспорт Уильямса. О предполагаемой смерти Уильямса писали газеты всей страны, но он появился в Нью-Йорке сегодня во второй половине дня и был замечен на пресс-конференции ООН после речи Николае Карпати.

Сегодня ранним вечером Уильямса объявили в международный розыск, за ним охотились и Скотленд-Ярд, и Интерпол, чтобы допросить его в связи со взрывом. Но сейчас оба агентства объявили, что с Уильямса сняты все обвинения и что ему повезло выйти из этого происшествия без единой царапины.

Новости спорта. Команды высшей бейсбольной лиги во время весенних тренировок столкнулись с обескураживающей задачей замены нескольких десятков игроков, потерянных в результате исчезновений...

Рэйфорд все еще не мог уснуть. Он сварил себе кофе, затем позвонил по круглосуточной линии, которая отслеживала курс полетов и назначения команд. У него возникла одна идея.

— Скажите, пожалуйста, я все еще могу попросить о назначении в мой рейс до аэропорта Кеннеди в среду Хэтти Дюрхем? — спросил он.

— Посмотрю, что можно сделать, — слышался ответ. — Ой, нет. Вряд ли. Она уже летит в Нью-Йорк. Ваш самолет отправляется в 10 утра, ее — в 8.

Бизон Уильямс вернулся к себе домой после полуночи, получив от Николае Карпати заверения, что все тревоги позади. Карпати позвонил Джонатану Стонагалу, поставил телефон на громкую связь, Стонагал сделал то же самое, среди ночи перезвонил в Лондон и снял с Уильямса все обвинения. Бизон слышал сиплый голос Тодд-Котрана, который дал согласие перезвонить в Скотленд-Ярд и Интерпол.

— Но мой багаж в безопасности? — спросит Тодд-Котран.

— Железно, — ответил Стонагал.

Бизона больше всего тревожило, что Стонагал все же сделал свою грязную работу, хотя бы в этом случае. Бизон с укором смотрел на Карпати, несмотря на облегчение и благодарность.

— Мистер Уильямс, — сказал Карпати, — я был уверен, что Джонатан все уладит, но о подробностях я знаю не больше вас.

— Но это доказывает, что Дирк был прав! Стонагал состоит в заговоре вместе с Тодд-Котраном, и вы об этом знали! И Стонагал пообещал, что багаж будет в безопасности, что бы это ни было!

— Заверяю вас, что я ничего не знал до тех пор, пока вы мне не сказали, Бизон. Я не умею предугадывать.

— Неужели вы и теперь со спокойной совестью позволите Стонагалу помогать вам в

продвижении вашей международной политики?

— Поверьте мне, я разберусь с ними обоими.

— Но ведь их должно быть намного больше! Что вы скажете о тех так называемых влиятельных людях, с которыми вы встречались?

— Бизон, просто будьте уверены, что рядом со мной нет места неискренности и несправедливости. Я разберусь со всеми ними в свое время.

— А до того?

— А что вы предлагаете? Мне кажется, что я не в том положении, чтобы предпринимать что-то прямо сейчас. Мне кажется, они намерены продвигать меня, но пока я не могу сделать ничего, кроме как настучать на них — так, кажется, выражается ваша журналистская братия? И что я смогу сделать, пока не узнаю, насколько широко раскинули они свои щупальца? До недавнего времени вы сами разве первым делом не обратились бы в Скотленд-Ярд?

Бизон с несчастным видом кивнул.

— Я понимаю, о чем вы, но я ненавижу такую ситуацию. Они знают, что ты знаешь, и так далее.

— Но это может сработать в мою пользу. Они будут думать, что я с ними, что мое знание делает меня еще более зависимым от них.

— А разве не так?

— Только временно. Даю вам слово. Я разберусь с ними. А сейчас я очень рад, что мне удалось вытащить вас из очень щекотливого положения.

— Я тоже рад, мистер Карпати. Могу ли я чем-нибудь помочь вам?

Румын улыбнулся:

— Ну, мне нужен пресс-секретарь.

— Боюсь, что вынужден буду отказаться. Я не тот, кто вам нужен.

— Конечно. Я и в мыслях не думал просить об этом именно вас.

— А что вы скажете о человеке, которого встретили в коридоре? — в шутку спросил Бизон.

Карпати снова продемонстрировал свою блестящую память.

— Этот Эрик Миллер?

— Да. Он вам понравится.

— Я уже сказал ему, чтобы он перезвонил завтра. Могу я сказать, что это вы рекомендовали его?

Бизон покачал головой.

— Я пошутил.

Он рассказал Карпати о том, что произошло в вестибюле, в лифте и в коридоре перед тем, как Миллер представился румыну. Николае не был удивлен.

— Я напрягу мозги и посмотрю, не смогу ли найти для вас другого кандидата, — сказал Бизон. — А теперь — вы мне обещали сегодня вечером какую-то сенсацию.

— Верно. Это совершенно новая информация, но она должна оставаться втайне, пока я не смогу претворить этого в жизнь.

— Слушаю.

— Израиль сейчас особенно незащищен, как и был до той самой попытки русского вторжения. На тот раз им повезло, но осталь-

ной мир завидует их богатству. Им нужна защита. ООН может ее предоставить. В обмен на химическую формулу, которая превращает пустыню в цветущий сад, мир с радостью даст им мир. Если остальные нации разоружатся и передадут одну десятую своего оружия ООН, останется только, чтобы ООН подписала мирное соглашение с Израилем. Премьер-министр дал доктору Розенцвейгу полномочия вести переговоры, поскольку он является истинным владельцем формулы. Конечно, они настаивают на гарантии защиты не менее чем на семь лет.

Бизон покачал головой.

— Вы получите Нобелевскую премию, станете человеком года по версии «Таймс» и нашей личностью года.

— Я уж точно к этому не стремлюсь.

Бизон оставил Карпати, веря во все ему сказанное так же глубоко, как когда-либо во что-либо верил. Он увидел человека, которому были безразличны деньги, способные купить любого помельче.

Дома Бизон обнаружил, что ему еще раз звонила Хэтти Дюрхем.

Надо будет ей перезвонить.

* * *

Брюс Барнс собрал инициативную группу на чрезвычайную встречу во вторник в Общинной церкви Новой Надежды, в полдень. Рэйфорд приехал на машине, надеясь,

что не потратит времени зря, и что Хлоя не будет против некоторое время побыть дома одна. Они все время были на пределе с момента взлома.

Брюс усадил всех вокруг стола у себя в кабинете. Для начала он попросил Бога о том, чтобы ему говорить яснее и доходчивее и не слишком увлекаться, а затем все обратились к Откровению.

Глаза Брюса сияли, и его голос был так же страстен и убедителен, как в телефонном разговоре с Рэйфордом. Рэйфорд еще удивился тогда, с чего это он так разволновался. Он спросил Брюса по телефону, но тот настаивал на личной встрече.

— Я не хочу задерживать вас, — сказал он, — но я наткнулся на один важный момент и хочу поделиться с вами. В какой-то мере я хочу предупредить вас, чтобы вы были мудры как змии и просты как голуби¹, как говорится в Библии.

Как вы знаете, я изучал Откровение и некоторые комментарии, касающиеся конца света. Что же, сегодня, роясь в файлах пастора, я наткнулся на одну из его проповедей по этому вопросу. Я читал Библию и книги по этой теме, и вот к какому выводу я пришел.

Брюс снял первый чистый лист с рейки, на которой висели лекционные плакаты, и показал нарисованную им диаграмму времени.

— Я найду время, чтобы подробно растолковать вам все в течение нескольких последующих недель, но мне кажется, как и мно-

¹ Мф. 10:16

гим знатокам до нас, что тот период истории, в котором мы сейчас живем, будет длиться еще семь лет. В течение первых 21 месяца произойдет то, что Библия называет Судом Печатей, или Свитком за семью печатями. Затем последует еще 21-месячный период, во время которого мы услышим глас Семи Труб — снова семь судов. В последние сорок два месяца этих семи лет воздаяния, если мы их переживем, нам предстоят самые суровые испытания, Семь Чаш. Вторая половина этих семи лет называется временем Великой скорби, и если мы его переживем, нас вознаградит явление Христа во Славе.

Лоретта подняла руку.

— Почему вы все время говорите «если мы переживем»? Что это за испытания?

— Они будут становиться все суровее, и если я верно понимаю Библию, переживать их будет все труднее. Если мы умрем, мы окажемся на небесах с Христом и теми, кого любим. Но умирать нам, возможно, придется ужасной смертью. Если мы как-то переживем эти семь страшных лет, особенно вторую их половину, Явление во Славе будет для нас еще более великолепным. Христос вернется, чтобы на тысячу лет воцариться на земле.

— Тысячелетие...

— Именно. Но до этого еще далеко, а мы, возможно, уже стоим на пороге первого 21-месячного периода. И повторю еще раз — если я не ошибаюсь, то Антихрист скоро придет к власти, пообещает людям мир и объединит народы.

— А что плохого в объединении народов? — спросил кто-то. — В такие времена, как сейчас, нам нужно объединяться.

— Ничего плохого в этом нет, за одним исключением: Антихрист — великий лжец, и когда его истинные намерения будут раскрыты, против него начнется восстание. Это приведет к великой войне, возможно, третьей мировой.

— Когда это случится?

— Боюсь, что это будет очень скоро. Нам следует наблюдать за появлением нового мирового лидера.

— Что вы скажете про того молодого человека из Европы, который обрел такую популярность в ООН?

— Он очень впечатлил меня, — сказал Брюс. — Я буду осторожен и стану внимательно изучать все, что он говорит и делает. Он кажется мне чересчур скромным и слишком предается самоуничтожению, чтобы подходить под описание того, кто захватит власть над миром.

— Но мы уже созрели для того, чтобы кто-то это сделал, — сказал один из более старших. — Я уже поймал себя на том, что был бы рад, если бы этот парень стал нашим президентом.

Некоторые закивали.

— Нам надо присмотреться к нему, — сказал Брюс. — Но пока позвольте мне вкратце рассказать кое-что о Свитке за семью печатями из пятого Откровения, и я вас отпускаю. С одной стороны, я не хочу вас пугать, с

другой стороны, все мы знаем, что остались здесь потому, что пренебрегали спасением. Я знаю, что все мы благодарны за второй шанс, но мы должны понимать, что нам не миновать грядущих испытаний.

Брюс объяснил, что четыре печати свитка описываются как четыре всадника — на белом коне, на рыжем коне, на вороном коне и на коне бледном.

— Белый всадник предположительно Антихрист, который объявится в течение одного-трех месяцев и ловко объединит людей, пообещав им мир.

Рыжий конь символизирует войну. Против Антихриста восстанут три правителя с юга, и миллионы погибнут.

— В третьей мировой?

— Я так думаю.

— И это сбудется в течение следующих шести месяцев.

— Боюсь, что так. И сразу за ней — она продлится от трех до шести месяцев, судя по запасам ядерного оружия, — наступят инфляция и голод, как говорит Библия. Это — конь вороной. Богатые станут еще богаче, бедные будут умирать с голоду. Еще миллионы людей погибнут.

— Значит, если мы переживем войну, нам надо запастись провизией?

Брюс кивнул:

— Я бы так и поступил.

— Нам надо сделать это совместно.

— Хорошая идея, потому что дальше будет только хуже. Жестокий голод продлится

недолго — два-три месяца, прежде чем будет снята четвертая печать и появится четвертый всадник на бледном коне — символ смерти. Кроме послевоенного голода землю начнет опустошать мор. До снятия пятой печати, пятого суда печатей, вымрет четверть населения земли.

— Что за суд пятой печати?

— Ну, — начал Брюс, — вам это знакомо, потому что мы уже обсуждали это. Помните, что я рассказывал вам о 144 тысячах евреев-свидетелей, которые будут пытаться проповедовать миру Слово Христово? Многие из обращенных ими, возможно миллионы, будут уничтожены мировым лидером и блудницей — так называется единая мировая религия, отрицающая Христа.

Рэйфорд лихорадочно записывал. Интересно, что бы он сказал об этом безумном разговоре три недели назад. Как он мог такое упустить? Бог пытался предупредить людей, оставив Свое Слово записанным еще столетия назад. Несмотря на все свое образование и сообразительность, Рэйфорд ощущал себя полным дураком. Теперь ему не доставало информации, хотя и становилось ясно, что шансы дожить до явления Христа во Славе для человека очень невысоки.

— Смысл шестой печати, — продолжал Брюс, — в том, что Господь обратит свой гнев против тех, кто убивает его святых. Это проявится в виде глобального землетрясения, настолько разрушительного, что его просто невозможно будет оценить. Оно будет на-

столько ужасным, что люди будут умолять скалы рухнуть на них и прекратить их страдания. — Кое-кто в комнате начал всхлипывать. — Седьмая печать возвещает семь трубных гласов, и произойдет это во второй четверти семилетнего периода.

— Второй период в двадцать один месяц, — уточнил Рэйфорд.

— Верно. Я не хочу углубляться в этот вопрос сегодня вечером, но я предупреждаю вас, что с каждым разом испытания будут становиться все страшнее. Но я хочу дать вам некоторое утешение. Помните, что мы вкратце говорили о двух свидетелях и я сказал, что разберусь в этом повнимательнее? Откровение в главе 11: 3—14 говорит, что Бог пошлет двух особых свидетелей, обладающих сверхъестественными способностями творить чудеса. Они будут пророчествовать тысячу двести шесть дней, будучи облечены во власяницы. Любой, кто попытается причинить им зло, будет уничтожен. Ни капли дождя не упадет за время их пророчествования. Они смогут превращать воду в кровь и насылать мор, если пожелают.

Сатана убьет обоих через три с половиной года, и их тела будут лежать на улице в городе, где Христос принял крестные муки. Люди, которых они мучили, будут радоваться их смерти и не позволят похоронить их тела. Но через три с половиной дня они восстанут из мертвых и вознесутся в небо в облаке на глазах у своих врагов. Тогда Господь нашлет очередное землетрясение, десятая

часть города будет разрушена, и погибнут семь тысяч человек. Остальные устроятся и восславят Господа.

Рэйфорд окинул взглядом кабинет и перешептывающихся людей. Все они видели репортаж о двух безумцах, проповедующих об Иисусе у Стены Плача в Иерусалиме.

— Это они? — спросил кто-то.

— А кем еще они могут быть? — сказал Брюс. — В Иерусалиме со времени исчезновения не было дождя. Эти люди появились из ниоткуда. Они обладают таинственной мощью, подобной мощи Илии и Моисея, да и называют они друг друга Эли и Моше. Это люди даже сейчас проповедуют.

— Свидетели.

— Да, свидетели. Если кто-нибудь из нас до сих пор охвачен страхом и сомнениями, свидетели успокоят их. Я уверен, что они увидят тысячи обращенных, 144 тысячи из которых будут проповедовать миру Христа. Мы на их стороне. И мы должны сделать свое дело.

* * *

Бизон дозвонился до Хэтти Дюрхем по ее домашнему телефону вечером во вторник.

— Значит, вы летите через Нью-Йорк? — спросил он.

— Да, — ответила она. — И мне было бы чертовски приятно увидеть вас и, возможно, встретиться с кое-каким очень важным человеком.

— То есть не со мной?

— Умница, — сказала она. — Вы еще не встречались с Николае Карпати?

— Конечно, встречался.

— Я так и знала! Я только что рассказывала кое-кому, что мне страшно хотелось бы увидеться с этим человеком.

— Ничего не обещаю, но посмотрю, что можно будет сделать. Где мы встретимся?

— Я прилетаю около одиннадцати, и в час дня у меня встреча в «Пан-Континентал Клуб». Но если мы к тому времени не вернемся, то ничего страшного. Я не улечу раньше следующего утра, и тому парню я даже не обещала, что встречу с ним в час.

— Еще один парень? — поинтересовался Бизон. — У вас весь выходной расписан.

— Ничего подобного, — сказала она. — Это пилот, который хочет со мной поговорить на одну тему, а я вовсе не уверена, что хочу слушать его. Если у меня будет время и я успею вернуться — ладно. Но я ничем не связана. Почему бы нам не встретиться в клубе? А там уж подумаем, куда нам захочется пойти?

— Я постараюсь устроить вам встречу с мистером Карпати. Возможно, в его отеле.

* * *

Поздно вечером во вторник Хлоя перемудала и согласилась лететь с отцом в Нью-Йорк.

— Я вижу, что ты еще никак не можешь без меня, — сказала она, улыбаясь и обнимая его. — Здорово, когда ты кому-то нужен.

— Честно говоря, — произнес он, — я собираюсь настаивать на встрече с Хэтти и хотел бы, чтобы ты была при этом.

— Тебя защищать или ее?

— Не смешно. Я оставил ей сообщение с настоятельной просьбой встретиться со мной в «Пан-Континентал Клуб» в аэропорту Кеннеди в час дня. Придет она или нет — не знаю. Как бы то ни было, мы с тобой немного побудем вместе.

— Пап, время вместе — это все, что у нас есть. Я уже было подумала, что надоела тебе.

— Этого никогда не будет, Хлоя.

* * *

Рано утром в среду Бизона вызвали в кабинет Стэнтон Бэйли, издателя «Глобал уикли». За все годы своей блистательной работы и наград Бизон бывал там дважды — один раз, когда отмечали его премию Хэмингуэя за военный репортаж, и второй раз во время рождественского президентского тура, как с завистью это называли сотрудники.

Бизон сначала заглянул в кабинет к Стиву, где Мардж сказала ему, что Стив уже у издателя. Глаза у нее были распухшие и покрасневшие.

— Что случилось? — спросил он.

— Ты же знаешь, что я ничего не могу сказать, — ответила она. — Иди туда, и сам узнаешь.

У Бизона лихорадочно заработало воображение. Он вошел в отделение, где располагались кабинеты руководства. Он не знал, что и Планка туда вызвали. Что это может значить? Может, им влетит сейчас за их проделку в понедельник вечером? Неужели мистер Бэйли каким-то образом прознал о деталях лондонских происшествий и о том, как Бизон сбежал? Он очень надеялся, что разговор закончится до того, как ему надо будет встречаться с Хэтти Дюрхем.

Девушка в приемной показала ему на кабинет издателя, где его секретарша, подняв бровь, показала ему, чтобы он входил.

— Вы даже не представите меня? — пошутил он. Она хмыкнула и вернулась к работе.

Бизон тихонько постучал и осторожно толкнул дверь. Планк сидел спиной к Бизону. Он даже не обернулся. Бэйли не встал, но знаком подозвал Бизона поближе.

— Садись рядом со своим боссом, — сказал Бэйли. Бизон подумал, что издатель интересно построил фразу. Конечно, так оно и было, но Стива обычно называли не так.

Бизон кивнул и сел.

— Привет, Стив.

Стив кивнул, но продолжал смотреть на Бэйли.

— Прежде чем я перейду к делу, — начал Бэйли, — пара слов. С тебя ведь в Лондоне сняли все обвинения, так?

Бизон кивнул:

— Да, сэр. Тут и сомнений никаких быть не должно.

— Ну, быть-то не должно, но тебе повезло. Изящный ход — заставить того, кто за тобой охотится, думать, будто бы он тебя накрыл, но ведь ты и нас заставил поволноваться некоторое время.

— Извините. Боюсь, это было неизбежно.

— Ага, вывернулся, оставив им оружие, которое они могли бы использовать против тебя, если бы захотели тебя прижать.

— Я знаю. Это меня удивило.

— Но ты и об этом позаботился.

— Верно.

— Как?

— Сэр?

— Как мне еще сказать «как», чтобы ты понял? Как ты выпутался? Мы узнали, что против тебя были свидетели.

— Но должно было быть много и тех, кто знал правду. Томпкинс был мне другом. У меня не было причин его убивать, да и средств не было. Я понятия не имею, как сделать бомбу, как ее перевозить и тем более, как взорвать.

— Ты мог заплатить за это другому.

— Но я не заплатил. Я в таких кругах не вращаюсь, а если бы и вращался, я не стал бы убивать Алана.

— Ну, новостные сообщения достаточно расплывчаты, чтобы никого не выставить злодеем. Вроде бы какое-то недопонимание было, не более.

— Так и есть.

— Конечно. Кэмерон, я вызвал тебя утром, поскольку только что принял одно из самых нежелательных заявлений об уходе, какие только видел.

Бизон сидел молча, голова у него шла кругом.

— Стив тут мне сказал, что для тебя это тоже будет новостью, так что позволь тебя просветить. Он увольняется, чтобы сразу же занять пост пресс-секретаря по международным вопросам при Николае Карпати. Он принял предложение, которого мы никогда в жизни не получали, и хотя я не думаю, что это разумно или что это место подходит Стиву, это его выбор и его жизнь. А что ты скажешь по этому поводу?

Бизон не мог сдержаться.

— Мне кажется, что это дурно пахнет. Стив, о чем ты думаешь-то? Ты собираешься уехать в Румынию?

— Моя штаб-квартира будет здесь, Бизон. В «Плаза».

— Мило.

— Еще бы.

— Стив, это не для тебя. Ты не пиарщик.

— Карпати — не обычный политический лидер. И не говори, что в понедельник ты сам не аплодировал стоя.

— Да, но...

— Никаких «но». Такая возможность выпадает раз в жизни. Никаким другим калачом меня не сманили бы с моего местечка.

Бизон покачал головой.

— Поверить не могу. Я знал, что Карпати ищет секретаря, но чтобы...

Стив рассмеялся.

— Скажи правду, Бизон. Ведь сначала он предлагал это место тебе?

— Нет.

— Он, можно сказать, сам мне об этом сообщил.

— Нет, не так. Вообще-то я порекомендовал ему Миллера из «Сиборд».

Планк вздрогнул и бросил взгляд на Бэйли:

— Правда?

— Да, а почему бы и нет? Он больше для этого подходит.

— Бизон, — сказал Стив, — тело Эрика Миллера прошлой ночью выбросило на берег Стейтен-Айленд. Он упал с парома и утонул.

— Ладно, — подытожил Бэйли, — хватит о грустном. Стив рекомендовал, чтобы я назначил на его место тебя.

Бизон еще не пришел в себя после сообщения о Миллере, но услышал предложение Бэйли.

— О, не надо, — сказал он. — Вы же не серьезно?

— Ты не хочешь занять это место? — спросил Бэйли. — Формировать журнал, определять направление работы, продолжать писать заглавные статьи? Да никогда не поверю. Согласно нашему штатному расписанию твое жалованье вырастет вдвое, и если для того, чтобы сказать «да», тебе нужна гарантия этого, то я ее даю.

— Не в этом дело, — сказал Бизон. — Я и для нынешней своей должности слишком молод.

— Ты не уверен, что на новом посту будешь так же хорошо работать?

— Да, но вы подумайте о сотрудниках. Что они скажут?

— Будто я не знаю? — расхохотался Бэйли. — Они считают, что я слишком стар. Они думали, что Стив слишком спокоен. Другие считали, что он слишком напорист. Да посади мы на место главного редактора самого папу римского, они все равно не будут довольны.

— Вот его только не хватало.

— Ты знаешь, о чем я. К делу.

— Я никогда не смогу заменить Стива, сэр. Прошу прощения. Может, народ и жаловался, но они знали, что Стив справедливый человек и на их стороне.

— И ты будешь таким же.

— Но они не дадут мне права на ошибку. Они будут копать под меня и начнут стучать на меня с первого же дня.

— Я этого не допущу. Кстати, Бизон, твое назначение не означает, что тебе постоянно придется торчать за столом в кабинете. Я хочу, чтобы ты согласился и чтоб я мог немедленно объявить об этом.

Бизон пожал плечами и уставился в пол.

— У меня есть день на размышление?

— Двадцать четыре часа. А пока держи рот на замке. Планк, кто еще знает о твоём решении?

— Только Мардж.

— Ей можно доверять. Она никому не скажет. Я три года с ней крутил роман и не волновался, что кто-нибудь об этом узнает.

Стив и Бизон поморщились.

— Что, не знали? — сказал Бэйли.

— Нет, — в один голос ответили они.

— Видите, насколько она надежна? — Он немного подождал. — Да шучу я, ребята. Шучу!

Он все еще смеялся, когда они выходили из кабинета.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Бизон проводил Стива до его кабинета.

— Ты слышал о тех чокнутых у Стены Плача? — сказал Стив.

— Будто меня сейчас это колышет, — буркнул Бизон. — Да, слышал. Нет, не хочу об этом писать. Что еще?

— Это теперь твой кабинет, Бизон. Мардж будет твоей секретаршей.

— Только не думай, чтобы я прям рвался на твое место. Во-первых, мы не можем себе позволить потерять тебя. Ты тут единственный нормальный человек.

— А ты, значит, чокнутый?

— Я больше всех. Ты, видать, хорошо прополоскал ему мозги, раз он готов подложить под свое кресло такую пороховую бочку, как я.

— Под твое.

— Ты думаешь, я приму эту должность.

— Можешь не сомневаться. Я никого другого не предлагал, да и у Бэйли не было подходящих кандидатов.

— Да у него было бы полно кандидатов, объяви он об этом открыто. Кто не пожелал бы получить эту должность?

— Это же такой лакомый кусочек, так почему же ты не хочешь?

— Мне всегда будет казаться, что я сижу не в своем кресле.

— Так закажи себе личное кресло.

— Ты понимаешь, о чем я, Стив. Без тебя все будет не так. Эта работа не для меня.

— Посмотри на это вот под каким углом, Бизон. Если ты не сядешь в это кресло, то неизвестно, кто станет твоим новым боссом. Ты хотел бы работать с кем-нибудь из штата журнала.

— Да, с тобой.

— Поздно. Я завтра уйду. А теперь серьезно — хочешь работать с Хуаном?

— Ты никогда бы не порекомендовал его.

— Я никого не собираюсь рекомендовать, кроме тебя. Не принимаешь предложения — твое дело. Рискни, попробуй поработать под началом того, кто и так тебя уже терпеть не может. Как думаешь, много у тебя после этого будет заданий от редакции?

— Если об меня начнут вытирать ноги, я пригрожу уйти в «Тайм» или куда еще. Бэйли этого не допустит.

— Если ты откажешься от этого повышения, то может и допустить. Отказ от продвижения — не лучший способ строить карьеру.

— Я просто хочу писать статьи.

— Не говори мне, что ты не подумывал о том, что порой мог бы руководить отделом лучше, чем я.

— Да, и не раз.

— Вот тебе шанс.

— Бэйли никогда не поддержит меня, если я начну сам себе брать лучшие задания.

— Сделай это условием своего назначения. Если ему это не понравится, то это будет его решение, а не твое.

Впервые Бизон позволил себе чуть свыкнуться с мыслью о возможности принять пост главного редактора.

— Я до сих пор не могу поверить, что ты уходишь ради того, чтобы занять должность пресс-секретаря, Стив. Даже у Николае Карпати.

— Ты знаешь, какие у него перспективы, Бизон?

— Немного.

— За ним стоит столько власти, влияния и денег, что он возвысится в нашем мире так быстро, что у всех голова кругом пойдет.

— Ты себя слышишь? Ты же вроде журналистом был.

— Я себя слышу, Бизон. Никогда ни один человек не вызывал у меня подобного ощущения. Ни один президент США, ни один

Генсек ООН не мог бы так воздействовать на меня.

— Ты думаешь, что он создан для большего?

— Мир созрел, чтобы упасть в руки Карпати, Бизон. Ты был там в понедельник. Ты видел. Ты слышал. Разве ты встречал когда-нибудь человека, подобного ему?

— Нет.

— И больше не встретишь. По моему мнению, Румыния слишком мала для него. Европа тоже слишком мала для него. Да и ООН тоже.

— И кем же он должен быть, Стив? Властелином мира?

Стив рассмеялся:

— Без титула, но по сути. Невероятнее всего то, что он даже не осознает своих возможностей. Он не ищет власти. В него верят благодаря его интеллекту, силе, страсти.

— Но ты, конечно, знаешь, что за ним стоит Стонагал.

— Естественно. Но благодаря своей харизме он скоро превзойдет Стонагала по своей влиятельности. Стонагал всегда держался в тени, так что массы за ним не пойдут. Когда Николае получит власть, по сути дела, Стонагал окажется в его юрисдикции.

— Это был бы тот еще поворот.

— Это случится быстрее, чем любой из нас сможет себе представить, Бизон.

— Кроме тебя, конечно.

— Именно так мне и кажется. Ты знаешь, что у меня всегда был хороший нюх. Я чую,

что взял след одного из величайших восхождений к власти в истории. Может, даже величайшего. И я помогу ему.

— А что ты скажешь насчет моего чутья, Стив?

Стив поджал губы.

— Кроме твоих статей и репортажей, я больше всего завидую твоему чутью.

— Тогда расслабься. Мое чутье говорит то же, что и твое. И за исключением того, что я никогда не смогу быть ничьим пресс-секретарем, я почти завидую тебе. Ты оказался в совершенно уникальном положении, так что радуйся, что ты на коне.

Стив улыбнулся:

— Мы будем держать связь. Ты всегда будешь иметь допуск ко мне и к Николае.

— О большем не могу даже и мечтать.

По внутренней связи их беседу прервала Мардж, без всякого предупреждения:

— Включи телевизор, Стив, или кто там теперь хозяин.

Стив улыбнулся Бизону и включил телевизор. Си-эн-эн вела прямой репортаж из Иерусалима, где на проповедников у Стены Плача попытались напасть двое неизвестных. С места происшествия вел репортаж Дэн Беннет.

— Это было опасное столкновения для тех, которых многие здесь зовут еретиками-проповедниками. Известно, что одного зовут Эли, а другого — Моше, — говорил Беннет. — Мы знаем их имена только потому, что они так обращаются друг к другу, но мы не

могли найти никого, кто бы знал этих людей. Мы не знаем их фамилий, откуда они родом, есть ли у них семьи или друзья. Они говорят по очереди, — пророчествуют, если пожелаете, — говорят часами и продолжают утверждать, что Иисус Христос и есть Мессия. Они все время утверждают, что охватившая мир неделю назад волна исчезновений, сильно задевшая и Израиль, свидетельствует о том, что Христос забрал на небо Церковь Свою.

Некто спросил их, почему и они не исчезли, если им известно так много. Тот, кого зовут Моше, ответил: «Откуда мы пришли и куда идем, ты не можешь знать». Его товарищ, Эли, процитировал: «В доме Отца Моего обителей много» — похоже, это цитата из Нового Завета, приписываемая Христу.

Стив с Бизоном переглянулись.

— Окруженные религиозными фанатиками в течение всего дня, проповедники в конце концов подверглись нападению со стороны двух молодых людей примерно двадцати с небольшим лет. Это произошло только что. Событие зафиксировали наши видеокамеры. Вы можете видеть двоих нападавших, они стоят в тылу толпы. Оба одеты в длинные плащи с капюшонами, у обоих бороды. Смотрите — выходя из толпы, они достают оружие. У одного автомат «узи», а у второго штык-нож, видимо снятый с израильской армейской винтовки. Человек с ножом бросается вперед первым, показывая свое оружие Моше, который сейчас говорит. Эли, находящийся у него за спиной,

тут же падает на колени и поднимает лицо к небу. Моше замолкает и просто смотрит на человека, который словно спотыкается. Он падает, а человек с «узи» направляет автомат на проповедников и пытается нажать спусковой крючок. Выстрелов не слышно — «узи», видимо, заклинило, и нападающий, похоже, споткнулся о своего напарника. Оба падают на землю. Группа зевак отшатывается назад и бежит прятаться. Но посмотрите, пожалуйста, запись внимательнее, когда мы прокрутим ее еще раз. Человек с автоматом, кажется, падает сам, он не споткнулся.

Пока мы говорим, оба нападающих лежат у ног проповедников, которые продолжают свои речи. Разъяренные зрители требуют помочь нападавшим, и Моше обращается к ним на иврите. Послушаем его, и по ходу дела переведем его слова.

Он говорит: «Люди Сиона, заберите своих мертвых! Уберите от нас этих шакалов, они не имеют власти над нами!»

Несколько человек осторожно выходят из толпы, в то время как израильские солдаты собираются у входа к Стене. Фанатики пытаются их прогнать. Эли начинает говорить:

«Вы, кто помогают павшим, в безопасности, если только вы не выступаете против помазанников Всевышнего». Похоже, что так он называет себя и своего напарника. Упавших переворачивают на спину, и те, кто помогал им, в слезах и с криками пятятся прочь.

«Мертвы! Оба мертвы!» — кричат они, и теперь толпа, похоже, ждет, чтобы солдаты подошли. Они расступаются. Солдаты, естественно, хорошо вооружены. Мы не знаем, попытаются ли они арестовать чужаков, но из того, что мы видели, проповедники не нападали сами и не пытались защищаться от людей, которые сейчас лежат на земле.

Моше снова говорит: «Унесите своих мертвых, но не приближайтесь к нам, так говорит Владыка Воинств!» Он говорит эти слова так властно и звучно, что солдаты быстро проверяют пульс у жертв и уносят обоих нападавших. Мы будем передавать все, что узнаем о тех, кто попытался напасть на проповедников у Стены Плача в Иерусалиме. Пока проповедники продолжают вещать, возглашая: «Иисус из Назарета, рожденный в Вифлееме, царь Иудейский, избранный, повелитель всех народов».

Дэн Беннет для Си-эн-эн, Израиль.

Мардж и еще несколько служащих во время передачи зашли в кабинет Стива.

— Обалдеть просто, — заявил один. — Ничего себе, парочка чокнутых.

— Которая парочка? — сказал Бизон. — Нельзя сказать, чтобы эти проповедники, кто бы они ни были, не предупреждали их.

— Что тут творится? — спросил кто-то еще.

— Я могу только сказать, — ответил Бизон, — что это необъяснимо.

Стив поднял брови.

— Если ты веришь в Непорочное Зачатие, то такое творилось веками.

Бизон встал.

— Мне надо ехать в аэропорт Кеннеди, — сказал он.

— А что ты скажешь насчет работы?

— У меня есть двадцать четыре часа, забыл?

— Ты только до последнего не тяни. Ответишь слишком быстро, сочтут нетерпеливым, затянешь с ответом — сочтут нерешительным.

Бизон знал, что Стив прав. Он собирался принять предложение только для того, чтобы обезопасить себя от других претендентов. Он не хотел, чтобы этот вопрос висел на нем целый день. Бизон был рад отвлечься от проблем, встретившись с Хэтти Дюрхем. Был один только вопрос — узнает ли он ее?

Они ведь встретились при очень драматичных обстоятельствах.

* * *

Рэйфорд и Хлоя прибыли в Нью-Йорк вскоре после полудня в среду и сразу же направились в «Пан-Континентал Клуб», чтобы подождать Хэтти Дюрхем.

— Мне кажется, она не придет, — сказала Хлоя.

— Почему?

— Потому что я на ее месте не пришла бы.

— Но ты, слава богу, не она.

— Ой, брось ее, пап. Ты не лучше ее.

Рэйфорд чувствовал себя ужасно. Хлоя была права. Зачем он плохо думает о Хэтти лишь потому, что временами она немного тупит? Это ведь не раздражало его, когда он просто хотел ее. А теперь только потому, что она неласково разговаривала с ним по телефону и не сказала, придет ли сегодня, он считает ее неприятной и недостойной.

— Я и правда не лучше, — согласился он. — Но почему на ее месте ты не пришла бы?

— Потому что знаю, что у тебя на уме. Ты собираешься ей сказать, что больше не испытываешь к ней никаких чувств, но теперь тебя заботит ее бессмертная душа.

— Ты говоришь об этом, как о какой-то дешевке.

— А почему она должна восхититься тем, что тебя заботит ее душа, когда она думает, что ты интересуешься ею самой?

— В том-то и дело, Хлоя. Она сама никогда не была мне интересна.

— Она-то этого не знает. Ты был такой бдительный и осторожный, она считала, что ты лучше большинства мужчин, которые сразу приударили бы за ней. Я уверена, что ей очень неловко из-за исчезновения нашей мамы и она, наверное, понимает, что тебе сейчас не до новых связей. Но, знаешь ли, она не будет рада, если ты пошлешь ее подалее, как будто она в чем-то виновата.

— Она и виновата, между прочим.

— Нет, пап. Она была свободна и доступна. А ты нет, но ты показывал, что не прочь.

В наши дни это делает тебя законной добычей.

Он покачал головой.

— Может, поэтому я никогда не умел играть в такие игры.

— Я рада за маму, что ты такой.

— Так чего мне, по-твоему, не делать? Не бросать ее так просто или не говорить с ней о Боге?

— Ты уже ее бросил, папа. Она угадала, что ты хочешь ей сказать, и подтвердила это. Вот почему я и говорю — она не придет. Ей все еще больно. Возможно, она взбешена.

— О да, она такая.

— Тогда почему ты думаешь, что она поддастся на твою болтовню о небесах?

— Это не болтовня! Да и разве это не покажет ей, что я теперь искренне забочусь о ней?

Хлоя пошла и заказала себе безалкогольный напиток. Вернувшись, она села рядом с отцом и положила ему руки на плечи.

— Я не хочу показаться всезнайкой, — сказала она. — Я знаю, что ты больше чем вдвое меня старше, но позволь мне просветить тебя насчет того, как мыслят женщины, особенно такие, как Хэтти, ага?

— Я весь внимание.

— У нее есть какие-нибудь религиозные убеждения?

— Не думаю.

— Ты никогда ее не спрашивал? Она не рассказывала сама?

— Да никто из нас не придавал этому особого значения.

— Ты никогда не жаловался ей, как иногда мне, на то, что мама одержима религией?

— По здоровом размышлении — да, говорил. Конечно, я пытался доказать этим, что мы с мамой друг друга не понимаем.

— Но Хэтти сама никогда не высказывала собственного мнения о Боге?

Рэйфорд постарался вспомнить.

— Понимаешь, мне казалось, что она говорила что-то утешительное или, возможно, что-то сочувственное о твоей маме.

— Вот это уже теплее. Даже если она намеревалась разлучить вас, она хотела быть уверенной, что именно ты вбиваешь клин между собой и мамой, а не она.

— Не понял.

— Ладно, я не об этом. Я хочу сказать, что нельзя ждать от человека, который даже в церковь-то не ходит, чтобы он сразу купился на разглагольствования о Боге и всем таком прочем. Мне-то самой с этим трудно разобраться, а ведь я тебя люблю и понимаю, что это самая важная вещь в твоей жизни. Нельзя же ждать, что ее это хоть как-то заинтересует, особенно когда доходит до утешительного приза.

— За что?

— За утрату твоего интереса к ней.

— Но теперь мое отношение к ней чище и искреннее!

— Для тебя это, может быть, и так. Ей же гораздо приятнее была бы возможность заполучить себе человека, который будет ее любить и жить для нее.

— Господь сделает это для нее.

— И для тебя это весьма удобно. Я просто говорю, пап, что она не готова услышать это прямо сейчас.

— А что, если она сейчас придет? Мне что, не говорить с ней об этом?

— Не знаю. Если она покажется, то, возможно, она все еще надеется, что у нее есть шанс. Он есть?

— Нет!

— Тогда ты должен все откровенно ей разъяснить. Только не очень увлекайся и не пытайся впарить ей...

— Перестань говорить о моей вере как о товаре, который пытаюсь продать или сбыть с рук.

— Извини. Я просто пытаюсь показать, как это будет для нее выглядеть.

Рэйфорд понятия не имел, что теперь сказать Хэтти или что теперь предпринять. Он боялся, что его дочь права, и, кроме того, он в какой-то степени начал понимать, что и у нее самой творится в голове. Брюс Барнс говорил ему, что большинство людей слепы и глухи, пока сами не наткнутся на истину, а вот тогда она уже обретает глобальный смысл. Как тут можно было спорить? Ведь так и случилось с ним самим.

* * *

Хэтти бросилась к Бизону, когда тот около одиннадцати приехал в клуб. Его ожидания развеялись мигом, как только первые слова слетели с ее уст:

— Ну, я увижу Николае Карпати?

Хотя Бизон поначалу и пообещал представить ее Николае, он не думал, что это серьезно. Теперь же, после дифирамбов, которые Стив воспевал талантам Карпати, он ощутил заурядное желание спросить, не может ли он представить Карпати одного человека, его фаната. Он позвонил доктору Розенцвейгу.

— Док, мне малость неловко, и, может, вы меня даже пошлете, скажете, что он чересчур занят. Я знаю, что у него полно дел, да и эта девушка не из тех, с кем ему необходимо встречаться.

— Это девушка?

— Да, молодая женщина. Она бортпроводница.

— Вы хотите, чтобы он встретился со стюардессой?

Бизон не знал, что и сказать. Он именно такой реакции и опасался. Пока он мялся, Розенцвейг прикрыл рукой трубку и позвал Карпати.

— Док, нет! Не надо его просить!

Но Розенцвейг уже спросил.

— Николае говорит, что друг его друга — его друг. У него есть несколько минут,

но действительно несколько минут, и прямо сейчас.

Бизон и Хэтти понеслись в отель «Плаза» на такси. Бизон сразу же почувствовал неловкость, а ведь будет еще хуже. Какой бы репутацией как журналист-международник он ни пользовался, перед Карпати и Розенцвейгом она будет подмочена навек. Его будут считать прилипалой, который притащил с собой фанатку, чтобы та могла пожать руку Николае.

Он не мог скрыть своего дискомфорта и, когда они ехали в лифте, выпалил:

— У него всего пара минут, так что мы не должны задерживаться там надолго.

Хэтти посмотрел на него в упор.

— Я умею общаться с VIP-персонами, вы же знаете, — сказала она. — Я часто обслуживала их в полете.

— Это точно.

— Я хочу сказать, если я вас смущаю или...

— Вовсе не так, Хэтти.

— Если вы думаете, будто я не знаю, как себя вести...

— Извините. Я просто подумал о его рабочем расписании.

— Ну, сейчас по графику у него мы, не так ли?

Он вздохнул.

— Ну да.

«Почему, ну почему я всегда вляпываюсь в такое?»

В коридоре Хэтти остановилась у зеркала и проверила макияж. Охранник открыл

дверь, кивнул Бизону и осмотрел Хэтти с ног до головы. Она даже не глянула на него, изогнув шею так, чтобы увидеть Карпати. Из гостиной появился доктор Розенцвейг.

— Кэмерон, — сказал он. — На минуточку.

Бизон извинился и оставил не слишком довольную этим Хэтти. Розенцвейг отвел его в сторонку и прошептал:

— Он спрашивает, не могли бы вы сначала зайти к нему один?

«Ну вот, — подумал Бизон, бросая на Хэтти виноватый взгляд и поднимая палец, чтобы показать, что он ненадолго. — Карпати голову мне оторвет за то, что я отнимаю у него время».

Николае стоял в нескольких футах от телевизора и смотрел репортаж Си-эн-эн. Он стоял, скрестив руки и подперев ладонью подбородок. Он глянул на Бизона и жестом подозвал его. Бизон закрыл за собой дверь, чувствуя себя как на ковре у начальника. Но Николае даже не заметил Хэтти.

— Вы смотрели этот репортаж из Иерусалима? — спросил он. Бизон ответил, что да. — Более странной вещи я никогда не видел.

— А я видел, — сказал Бизон.

— Да?

— Я был в районе Тель-Авива во время русского авианалета.

Карпати не сводил глаз с экрана, пока Си-эн-эн очередной раз прокручивала сцену нападения неудачливых убийц на проповедников.

— Да, — пробормотал он. — Это что-то того же порядка. Нечто необъяснимое. Говорят, оба умерли от сердечного приступа.

— Извините?

— Нападавшие умерли от сердечного приступа.

— Я этого еще не слышал.

— Да. И «узи» не заклинило. Он в отличном рабочем состоянии.

Николае был словно зачарован зрелищем. Он продолжал смотреть на экран, даже разговаривая.

— Мне хотелось бы узнать, что вы скажете о моем новом пресс-секретаре.

— Я просто ошеломлен.

— Я так и подумал. Посмотрите, проповедники даже не прикоснулись ни к одному из них. Что случилось-то? Неужели они просто до смерти испугались?

Вопрос был риторическим. Бизон не знал ответа.

— Хм-хм-хм, — пробурчал Карпати. Менее членораздельной речи Бизон от него еще не слышал. — И правда, странно. Планк ведь несомненно справится со своей работой, вы согласны?

— Конечно. Я надеюсь, вы понимаете, что грабите «Уикли».

— А! Нет, я усилил его позиции. Что может быть лучше, если в нем заправлять будет человек, который мне нужен?

Бизон вздрогнул и вздохнул облегченно, когда Карпати, наконец, оторвал взгляд от экрана.

— Я чувствую себя как Джонатан Стонагал, который ставит нужных ему людей на нужные ему позиции. — Он рассмеялся, и Бизон с радостью понял, что он шутит.

— Вы слышали об Эрике Миллере? — спросил Бизон.

— О вашем приятеле из «Сиборад мансли»? Нет. А что с ним?

— Утонул прошлой ночью.

Карпати ошеломленно уставился на него:

— Да вы что! Ужас какой!

— Послушайте, мистер Карпати...

— Бизон, прошу вас! Зовите меня Николае.

— Я не уверен, что мне это будет удобно. Я просто хотел извиниться за то, что привел с собой эту девушку, чтобы она могла повидаться с вами. Она бортпроводница, и...

— Кто был ничем, тот станет всем, — сказал он, беря Бизона под руку. — Все равны, какое бы положение они ни занимали.

Карпати повел Бизона к двери, настаивая на том, чтобы его представили. Хэтти была смущена и замкнута, хотя хихикнула, когда Карпати чмокнул ее в щечку. Он спросил, как она, как ее семья, как работа. Бизон подумал — не прошел ли он курс Карнеги о том, как приобретать друзей и влиять на людей.

— Кэмерон, — прошептал доктор Розенцвейг. — Вас к телефону.

Бизон вышел в другую комнату. Звонила Мардж.

— Я надеялась застать тебя здесь, — сказала она. — Тебе только что звонила Кэро-

лайн Миллер, вдова Эрика. Она просто в шоке и очень хочет поговорить с тобой.

— Я не могу позвонить ей отсюда. Мардж.

— Ладно, перезвони ей, как только у тебя будет минутка.

— В чем дело?

— Понятия не имею, но она была в полном отчаянии. Запиши ее номер.

Когда Бизон вернулся в комнату, Карпати пожал, а потом поцеловал Хэтти руку.

— Я очарован, — сказал он. — Спасибо, мистер Уильямс. Мисс Дюрхем, я буду счастлив, если наши пути снова пересекутся.

Бизон быстро вывел ее из комнаты и увидел, что она почти растаяла.

— Тот еще парень, ага? — сказал он.

— Он дал мне свой номер! — чуть ли не пищала от радости она.

— Свой номер?

Хэтти показала ему визитку, которую дал ей Николае. На ней он значился как президент Республики Румыния, но адрес был не бухарестский, как можно было бы ожидать. Был указан адрес отеля «Плаза», номер апартаментов, телефонный номер. Бизон онемел. Карпати написал карандашом еще один номер, не в «Плаза», но тоже нью-йоркский. Бизон запомнил его.

— Мы можем пообедать в «Пан-Континентал Клуб», — сказала Хэтти. — Мне совершенно не хочется встречаться с этим пилотом в час дня, но, думаю, я все же приду, чтобы похвастаться знакомством с Николае.

— О, он уже Николае? — выдавил Бизон, все еще никак не отойдя от мысли о визитке Карпати. — Хотите заставить кое-кого ревновать?

— Вроде того, — ответила она.

— Извините, я на секундочку, — сказал он. — Прежде чем мы вернемся, мне надо позвонить.

Хэтти ждала в вестибюле, пока Бизон, нырнув за угол, звонил Кэролайн Миллер. Голос у нее звучал так, словно она проплакала много часов и совсем не спала. Несомненно, так оно и было.

— О, мистер Уильямс, спасибо за звонок.

— Не за что, мэм, я очень вам соболезную. Я...

— Вы помните, мы однажды встречались?

— Извините, миссис Миллер, нет. Напомните, пожалуйста.

— На президентской яхте два года назад.

— Конечно же! Простите.

— Я просто не хотела, чтобы вы думали, будто мы не знакомы. Мистер Уильямс, мой муж звонил мне вчера вечером, прежде чем отправиться к парому. Он сказал, что распутывал одно большое дело в «Плаза» и там наткнулся на вас.

— Верно.

— Он рассказал мне безумную историю о том, как вы с ним подрались или вроде того, пытаюсь получить интервью у того румына, который говорил о...

— Тоже верно. Но ничего серьезного не было, мэм. Мы просто повздорили. Никаких обид.

— Так я и поняла. Но это был наш последний с ним в жизни разговор, и это просто сводит меня с ума. Вы знаете, как холодно было прошлой ночью?

— Насколько помню, было свежо, — сказал Бизон, недоумевая, почему она вдруг так резко сменила тему.

— Холодно, сэр. Слишком холодно, чтобы стоять на пароме, не так ли?

— Да, мэм.

— Но даже если и так, он был хорошим пловцом. Он был чемпионом школы.

— При всем моем уважении, мэм, это же было... сколько там... тридцать лет назад?

— Но он оставался сильным пловцом. Поверьте мне. Я знаю.

— Что вы хотите сказать, миссис Миллер?

— Я не знаю! — рыдая, воскликнула она. — Я просто думала, что вы хоть лучик света сможете пролить. Упал с парома и утонул? Да этого быть не может!

— По-моему, тоже, мэм, и я очень хотел бы вам помочь. Но я не знаю как.

— Я понимаю, — сказала она. — Я просто надеялась.

— Мэм, с вами кто-нибудь есть? В смысле кто-нибудь помогает вам?

— Да, все в порядке. Со мной семья.

— Я не забуду вас.

— Спасибо.

Бизон увидел в отражении в стекле Хэтти. Она терпеливо ждала. Он позвонил одному своему другу из телефонной компании.

— Алекс! Сделай мне одолжение. Сможешь пробить номерок?

— Если никому не расскажешь.

— Ты же знаешь меня!

— Давай.

Бизон продиктовал номер с визитки Карпати, которую тот дал Хэтти. Алекс перезвонил через пару секунд и зачитал информацию с экрана компьютера.

— Нью-Йорк, ООН, административный отдел, кабинет Генерального секретаря, неизвестная частная линия в обход коммутатора и секретаря. Нормально?

— Отлично, Алекс. Я в долгу перед тобой.

Бизон был растерян. Он ничего не понимал. Он выглянул к Хэтти.

— Мне еще минуточку нужно, — сказал он. — Ничего?

— Нормально, если только успеем вернуться к часу дня. Кто знает, сколько этот пилот будет ждать. Он приведет с собой дочь.

Бизон вернулся к телефонам, радуясь, что ему не надо соперничать с Карпати или этим пилотом за внимание Хэтти Дюрхем. Он позвонил Стиву. Ответила Мардж. Он был краток.

— Привет, это я. Мне нужен Планк, немедленно.

— И тебе добрый день, — ответила она и перезвонила Стиву.

— Стив, — быстро сказал он, — твой парень сделал первую ошибку.

— Ты о чем, Бизон?

— Стив, твоим первым поручением будет подготовить заявление о том, что Карпати станет новым Генеральным секретарем?

Молчание.

— Стив? Что дальше?

— Ты хороший репортер, Бизон. Лучший на свете. Как ты это раскопал?

Бизон рассказал ему о визитке.

— Однако! Не похоже на Николае. Не могу представить, чтобы он совершил ошибку. Мне кажется, что он сделал это нарочно.

— Возможно, он считает, что эта Дюрхем слишком глупа, чтобы все понять? — сказал Бизон. — Или думал, что она мне не покажет. Но откуда ему знать, что она не перезвонит ему слишком быстро и не спросит его прямо по тому телефону?

— Если подождет до завтра, Бизон, то все будет в порядке.

— До завтра?

— Не успеешь использовать эту информацию, да? Нас не записывают?

— Стив! Ты с кем разговариваешь-то? Или ты уже работаешь на Карпати? Ты по-прежнему мой босс. Если ты не хочешь, чтобы я что-то раскручивал, просто скажи, и все. Забыл?

— Ладно, я тебе скажу. Пустыня Калахари занимает большую часть территории Ботсваны, откуда родом наш Генеральный секретарь Нгумо. Он возвращается туда

завтра утром как герой, который первым из мировых лидеров получил формулу израильского удобрения.

— И как он это сделал?

— Благодаря своей звездной дипломатии.

— И он не сможет совмещать должности Генерального секретаря ООН и главы Ботсваны в этот поворотный момент в истории его страны, так ведь, Стив?

— А почему бы и не так, если есть человек, так идеально подходящий для этой должности? Мы ведь были там в понедельник, Бизон. Кто будет спорить?

— А ты не будешь?

— Мне кажется, что это просто великолепно.

— Ты будешь идеальным пресс-секретарем, Стив. И я решил согласиться занять твоё место.

— Отлично! Но до завтра ты будешь держать рот на замке, понял?

— Обещаю. Но скажи мне ещё одно.

— Если смогу, Бизон.

— К чему слишком близко подошел Эрик Миллер? Что он вынюхивал?

Голос Стива стал глухим и бесцветным.

— Все что я знаю об Эрике Миллере, — сказал он, — так это то, что он слишком близко подошел к поручням парома, идущего на Стейтен-Айленд.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Сначала Рэйфорд наблюдал за слонявшейся по «Пан-Контитентал Клуб» Хлоей, а затем уставился в окно. Он чувствовал себя занудой. Целыми днями он уговаривал себя не торопиться, не давить на нее. Он понимал ее. Она была похожа на него. Если на нее давить слишком сильно, она уйдет. Она даже сумела уговорить его не наседать на Хэтти Дюрхем, если та появится.

Что с ним такое? Все было не таким, как прежде, да и не будет уже. Если Брюс Барнс прав, то исчезновение народа Господнего было только началом периода самых страшных катаклизмов в мировой истории.

«А я, — думал Рэйфорд, — сижу тут и думаю, как бы мне никого не обидеть. Не “обижать” дочь — а она, того гляди, в ад угодит».

Он чувствовал себя паршиво из-за своих отношений с Хэтти. Он совершил ошибку,

сначала добиваясь ее, а теперь сожалел, что ввел ее в заблуждение. Но он уже не мог деликатничать. Больше всего его пугало то, что, по словам Брюса, в эти дни многие люди поддадутся обману. Кто бы там ни провозглашал мир и единство, этот человек должен быть под подозрением. Мира не будет. Единства не будет. Это начало конца, и после будет только хаос.

А среди хаоса миротворцы и златоусты станут еще сильнее привлекать к себе сердца людей. А тем, кто не желает признавать того, что за исчезновениями стоит Бог, любое другое объяснение успокоит совесть.

Времени на деликатные разговоры и убеждения не осталось. Рэйфорд должен вести людей к Библии, к книгам пророчеств. Он казался себе таким недоучкой в этом вопросе. Он всегда был начитанным эрудитом, но все Откровение, книги Даниила и Иезекииля были для него новыми и странными. Самый ужас был в том, что все это имело смысл. Он теперь всюду носил с собой Библию Ирэн и читал ее, когда была возможность. Пока его второй пилот в перерыве между полетами читал газеты, Рэйфорд открывал Библию.

— Что с тобой? — не раз спрашивали его.

Он без стыда говорил, что находит в Библии ответы на вопросы, которых не находил раньше. И что же? Он слишком щадил своих дочь и подругу.

Рэйфорд глянул на часы. До часа оставалось еще несколько минут. Он перехватил

взгляд Хлои и показал, что сейчас сделает звонок. Он набрал номер Брюса Барнса и высказал ему то, о чем думает.

— Вы правы, Рэйфорд. Я несколько дней такое переживал, беспокоясь, что обо мне подумают люди, не отвернется ли кто от меня. Но теперь ведь это не имеет значения, не так ли?

— Нет. Брюс, мне нужна помощь. Я собираюсь забыть о деликатности, но я боюсь. Если Хлоя посмеется надо мной или отвернется от меня, мне придется заставить ее принять решение. Она должна в точности понимать, что она делает. Ей придется увидеть то, что мы узнали из Библии и придется с этим жить. Для меня этих двух проповедников в Израиле хватило, чтобы окончательно увериться в том, что все идет в точности по написанному.

— Вы смотрели утренний репортаж?

— Краем глаза, здесь, в терминале. Они все время повторяют момент нападения.

— Рэйфорд, подойдите к телевизору немедленно.

— Что?

— Я сейчас положу трубку, Рэй. Посмотрите, что случится с нападавшими и скажите — не подтверждает ли это того, что мы читали о двух свидетелях.

— Брюс...

— Идите, Рэйфорд. И начинайте свою проповедь без сомнений.

Брюс закончил разговаривать. Рэйфорд, несмотря на краткость их знакомства, хорошо

понимал его и потому был скорее заинтригован, чем обижен. Он поспешил к телевизору, где, совершенно потрясенный, просмотрел репортаж о гибели двоих нападавших. Он нашарил в кармане Библию Ирэн и прочел отрывок из Откровения, о котором говорил Брюс. Эти двое в Иерусалиме проповедовали о Христе. На них напали, а они даже не защищались. Нападавшие умерли на месте, а проповедники ничуть не пострадали.

Теперь по каналу Си-эн-эн Рэйфорд смотрел, как толпа собиралась у Стены Плача, чтобы услышать свидетелей. Люди падали на колени, плакали, некоторые падали ниц. И это были те самые люди, которые прежде считали, что проповедники осквернили святое место! А теперь казалось, что они уверовали в то, что говорили свидетели. Или они просто испугались?

Рэйфорд знал, что это не так. Он понимал, что на его глазах сейчас происходит обращение в веру Христову первых из 144 тысяч еврейских миссионеров. Не отрывая взгляда от экрана, он начал молиться в душе.

«Господи, дай мне храбрости, мощи, всего, что необходимо, чтобы стать свидетелем. Я больше не хочу бояться. Я больше не хочу ждать. Я не хочу беспокоиться о том, что обижу кого-нибудь. Дай мне той убедительности, что идет от истины Слова Твоего. Я знаю, что Дух Твой ведет людей, но двигай мной. Я хочу достучаться до Хлои. Я хочу докричаться до Хэтти. Прошу Тебя, Господи, помоги мне».

* * *

Бизон Уильямс ощущал себя раздетым без своей репортерской сумки. Он был в рабочем состоянии только тогда, когда у него под рукой были его мобильник, диктофон и новый ноутбук. Он попросил водителя остановить такси у здания «Глобал уикли», чтобы он мог забрать свою сумку. Хэтти осталась ждать в машине, но сказала ему, что если они не успеют на встречу, то она будет не слишком довольна. Бизон остановился у окна такси.

— Я на минутку, — сказал он. — Мне казалось, что вы не были уверены, что хотите встретиться с этим парнем.

— Ну а теперь хочу. Можете называть это мезью, или мазохизмом, или как хотите, но нечасто удастся сказать капитану, что разговаривала с человеком, которого ему в жизни не встретить лицом к лицу.

— Вы говорите о Николае Карпати или обо мне?

— Очень смешно. К тому же вы знакомы.

— Это капитан того самолета, на котором мы с вами познакомились?

— Да. Теперь поторопитесь!

— Мне, возможно, захочется поговорить с ним.

— Бегом!

Бизон позвонил Мардж из вестибюля.

— Вы не можете поднести мне к лифту мою репортерскую сумку? Меня внизу такси ждет.

— Могу, — сказала она. — Но вас спрашивали Стив и старик.

«Что там еще?» — подумал Бизон. Глянул на часы, пожелал, чтобы лифт летал быстрее. Но такова уж жизнь в небоскребах.

Он выхватил у Мардж сумку, влетел в кабинет Стива и спросил:

— Что случилось? Мне бежать надо!

— Босс хочет нас видеть.

— В чем дело? — спросил Бизон, когда они вышли в коридор.

— Думаю, в Эрике Миллере. Может, еще в чем. Ты же знаешь, что Бэйли вовсе не порадовало мое молниеносное увольнение. Он согласился на твое продвижение только потому, что ты знаешь, что где лежит и планы на две недели вперед.

Когда они оказались в кабинете, Бэйли сразу взял быка за рога.

— Я хочу задать вам двоим пару недвусмысленных вопросов и хочу быстрых и четких ответов. Прямо сейчас волной пойдет информация, и мы должны быть впереди всех по всем пунктам. Первое — Планк, сейчас идут слухи, что Мвангати Нгумо созывает сегодня днем пресс-конференцию, и все думают, что он оставит пост Генерального секретаря ООН.

— Правда? — спросил Планк.

— Не надо мне дурку включать, — прорычал Бэйли. — Не надо быть гением, чтобы понять, что тут происходит. Если он уходит, то ваш парень об этом знает. Вы забыли, что я заведовал нашим африканским отделом,

когда Ботсвана стала членом Европейского Общего рынка с совещательным голосом. За всем этим стоял Джонатан Стонагал, а всем известно, что он один из ангелов Карпати. Связь видите?

Бизон увидел, как Стив побледнел. Бэйли знал куда больше, чем оба они думали. Впервые за много лет он услышал в голосе Стива нервозность, почти панику.

— Я расскажу вам то, что знаю, — сказал он, но Бизон догадывался, что об еще большем он умолчит. — Первым моим поручением на завтра будет подготовить утреннее заявление о том, что мистер Карпати не интересуется этим постом. Он собирается сказать, что у него слишком много революционных идей и что он будет требовать практически единодушного одобрения со стороны нынешних членов Совета Безопасности. Им придется согласиться с его идеями реорганизации и с некоторыми другими вещами.

— Вроде?..

— Я не могу...

Бэйли встал, побагровев.

— Вот что я скажу тебе, Планк. Ты мне нравишься. Я считал тебя суперзвездой. Я нахваливал тебя остальному руководству, когда еще никто не видел в тебе ничего особенного. Ты расхвалил меня этому молоко-сосу, и он вытащил нас из дерьма. Но я платил тебе шестизначную зарплату задолго до того, как ты на самом деле стал ее достоин, потому что знал, что однажды мои затраты

окупятся. Так и вышло. А теперь я говорю тебе — ничто из того, что ты расскажешь, не выйдет из этих стен, так что я не о сотрудничестве прошу.

Вы, сопляки, думаете, что раз я через пару-тройку лет уйду на вольный выпас, то у меня уже не осталось связей, да и нюх я потерял. Ну так вот, знайте, что мой телефон раскалился от звонков с тех пор, как вы отсюда утром ушли, и я нутром чую, что надвигается что-то масштабное. Итак, что именно?

— Кто звонил вам, сэр? — спросил Планк.

— Ну, в первую очередь один парень, который знаком с вице-президентом Румынии. Там поговаривают, что того просили приготовиться выполнять ежедневную президентскую рутину в течение неопределенного времени. Он не станет президентом, потому что президент у них есть, но это говорит мне о том, что Карпати зависнет тут надолго.

Затем один мой знакомый по Африке позвонил и сообщил, что Нгумо нашел какой-то обходной путь к израильской формуле, но он в душе не рад, что для этого ему придется уступить пост Генерального секретаря ООН. Он собирается это сделать, но если что-то пойдет не так, как было обещано, будут проблемы.

И вдобавок я получил звонок от издателя «Сиборд мансли», который хотел поговорить со мной насчет того, что ты, Кэмерон, и тот утонувший прошлой ночью тип разрабатывали одну и ту же линию относительно

Карпати и не ждать ли мне, что и ты таинственным образом утонешь. Я сказал ему, что, насколько мне известно, ты работал над главной статьей номера о Карпати и что мы собирались высказаться о нем положительно. Он ответил, что его парень собирался преподнести это под несколько другим углом — ну, сам понимаешь, когда все кричат «ура», кто-то должен крикнуть и «долой». Миллер работал над статьей о том, что может стоять за исчезновениями, которая, насколько я знаю, должна была выйти через пару номеров. Как это связано с Карпати и почему это может бросить пятно на его имя, я не знаю. Что скажете?

Бизон покачал головой.

— Мне это кажется совершенно не связанными друг с другом эпизодами. Я спрашивал Карпати о том, что он думает по поводу исчезновений, и его ответ слышали все. Я не знаю, что там раскапывал Миллер, и уверен, что он никоим образом не связывал Карпати с исчезновениями.

Бэйли сел.

— Честно говоря, когда я первый раз получил звонок от того типа из «Сиборд», я подумал, что он хочет сослаться на тебя, Кэмерон. Я подумал, что если за неделю потеряю двух курочек, несущих золотые яйца, то мне пора в отставку. Так что давай покончим с этим делом прежде, чем я вытрясу из Планка все, что он знает.

— С каким таким делом? — спросил Бизон.

— Ты собираешься уходить?

— Нет.

— Принимаешь повышение?

— Да.

— Хорошо. Теперь разберемся с тобой, Стив. Что еще собирается продавить Карпати перед тем, как займет пост Генерального секретаря ООН? — Стив замялся. Вид у него был такой, словно он раздумывает, рассказать ли обо всем, что он знает или нет. — Напоминаю — ты мне обязан, — сказал Бэйли. — Сейчас я не намерен использовать эту информацию. Я просто хочу знать. Мы с Кэмероном должны решить, о чем писать в первую очередь. Я намерен его припахать к теме, которая больше всего меня интересует, — к исчезновениям, о том, что стоит за ними. Иногда мне кажется, что мы чересчур увлекаемся новостями и совсем забываем о том, что обычные люди напуганы до смерти и хотят хоть какого-то объяснения. Стив, ты можешь мне доверять. Я уже сказал, что никому не расскажу и никоим образом тебя не подставляю. Чего хочет Карпати? Займет ли он этот пост?

Стив поджал губы и неохотно заговорил:

— Он хочет реорганизовать Совет Безопасности, в который должны войти определенные люди.

— Вроде Тодд-Котрана от Англии? — спросил Бизон.

— Вероятно, временно. Ему не особенно нравится быть с ним связанным, как ты сам знаешь.

Бизон вдруг понял, что Стиву известно все.

— И?.. — продолжал нажимать Бэйли.

— Он хочет, чтобы Нгумо лично настоял на том, чтобы именно Карпати сменил его при поддержке абсолютного большинства представителей. И еще два момента. Честно говоря, я не думаю, что ему это удастся. В военном отношении он хочет, чтобы все нации — члены ООН разоружились, уничтожив девяносто процентов своих вооружений, и передали остальные десять процентов ООН.

— В целях поддержания мира, — сказал Бэйли. — Наивно, но логично. Ты прав, это ему вряд ли удастся. Что еще?

— Возможно, самый противоречивый и маловероятный момент. Одна организация материально-технического обеспечения невероятна, стоимость, все такое...

— Что?

— Он хочет перевести штаб-квартиру ООН.

— Перевести?

Стив кивнул.

— Куда?

— Звучит глупо.

— В наши дни все звучит глупо, — отрезал Бэйли.

— Он хочет перевести ее в Вавилон.

— Ты шутишь?

— Он, не я.

— Я слышал, что этот город восстанавливают уже много десятилетий. Миллионы

долларов вложены в этот, как его там, Новый Вавилон?

— Миллиарды.

— Думаешь, кто-нибудь на это согласится?

— Зависит от того, насколько им нужен Карпати, — хихикнул Стив. — Он сегодня выступает в «Ночном эфире».

— Он станет еще популярнее!

— Как раз сейчас он встречается с главами международных групп, которые съехались в Нью-Йорк на конференцию по объединению.

— И чего он хочет от них?

— Мы ведь по-прежнему ведем конфиденциальный разговор. Верно? — спросил Стив.

— Конечно.

— Он просит о резолюциях, которые поддержат некоторые из его идей. Семилетний мирный договор с Израилем в обмен на формулу удобрения, преобразующего пустыню. Перенос штаб-квартиры ООН в Новый Вавилон. Установление единой мировой религии, вероятно, со штаб-квартирой в Италии.

— С евреями у него это не пройдет.

— Евреи — единственное исключение. Он собирается помочь им восстановить Храм за семь лет перемирия. Он уверен, что они заслуживают особого соглашения.

— Так оно и есть, — сказал Бэйли. — Этот парень просто гений. Я никогда прежде не видел никого с такими революционными идеями, к тому же чтобы он действовал так быстро.

— А вам этот парень не кажется ненадежным? — спросил Бизон. — Мне сдается, что те, кто становятся слишком близкими к нему, погибают.

— Ненадежным? — переспросил Бэйли. — Ну, мне он кажется немного наивным, и я очень удивлюсь, если он получит все, чего хочет. Но он политик. Он не желает ставить ультиматум и примет пост Генсека, даже если не достигнет всего, чего хотел. Похоже, он сумеет спихнуть Нгумо, но мне кажется, что он думает об интересах Ботсваны. Карпати будет лучшим боссом ООН. И он прав. Если в Ботсване произойдет то же, что и в Израиле, то Нгумо необходимо быть на родине и следить за распределением благ. Ненадежен? Нет. Он меня поражает не меньше, чем вас обоих. Он именно тот, кто нам сейчас нужен. Во время кризиса самое время для объединения и единодушия.

— А Эрик Миллер?

— Мне кажется, что из этого происхождения делают слишком далеко идущие выводы. Мы не знаем, была ли его смерть просто несчастным случаем, а его стычка с тобой и Карпати — всего лишь совпадение. В любом случае Карпати ведь не знал, чем занимается Миллер, не так ли?

— Про крайней мере, я этого не знаю, — сказал Бизон, заметив, что Стив промолчал.

Во внутренней связи вмешалась Мардж.

— У Кэмерона срочное сообщение от Хэтти Дюрхэм. Она говорит, что больше не может ждать.

— О нет, — сказал Бизон. — Мардж, извинись за меня, ради бога. Скажи, что я никак не могу уйти и что я свяжусь или встречу с ней позже.

Бэйли неодобрительно посмотрел на него.

— Значит, вот чем ты занимаешься в рабочее время, Кэмерон?

— Вообще-то я представил ее сегодня утром Карпати, а она обещала меня сегодня познакомить с капитаном экипажа самолета — это нужно для статьи о том, что люди думают об исчезновениях.

— Не буду скрывать, Кэмерон, — сказал Бэйли. — В следующем номере даем большую статью о Карпати, затем уже будем рассказывать о теориях насчет исчезновений. На мой взгляд, это будет самая громкая статья из всех, которые мы делали за всю нашу историю. Думаю, тут мы побьем даже «Тайм» и всех остальных. Кстати, твои материалы мне понравились. Не знаю, сумеем ли мы сказать что-нибудь особенно новое или необычное о Карпати, но, так или иначе, выложим все, что у нас есть. Кстати, мне нравится мысль о том, что именно ты будешь писать статью насчет всех этих теорий исчезновений. У тебя ведь наверняка есть и своя?

— Если бы, — ответил Бизон. — Я в полном неведении, как и прочие. Но я выяснил, что уж если у человека есть своя теория, то он верит в нее бесповоротно.

— Что же, у меня есть своя теория, — сказал Бэйли. — И просто невероятно, до

чего же она совпадает с теориями Карпати, Розенцвейга и прочих. У меня есть родственники, которые верят в эту фигню насчет пришельцев. Мой дядя верит, что это Иисус, но при этом считает, что его самого Иисус оставил. Ха! Я лично уверен, что у этого феномена вполне естественные причины. Просто все наши высокотехнологичные штуки каким-то образом вошли во взаимодействие с силами природы и что мы сами себе голову морочим. Ладно, продолжай, Кэмерон. Ты-то что об этом думаешь?

— Да я, как никто, подхожу для написания этой статьи, — сказал он. — Ничего не думаю.

— А что люди говорят?

— Да как всегда. Один доктор в аэропорту О'Хара сказал мне, что уверен, что это Восхищение. Другие говорили то же самое. Вы знали главу нашего бюро в Чикаго...

— Люсинду Вашингтон? Кстати, ты обязан найти ей замену. Тебе придется поехать туда, ознакомиться с ситуацией, с людьми. Ладно, что ты говорил?

— Ее сын верит, что она и остальная семья попали на небеса.

— А он-то как тут остался?

— Я не уверен, — начал Бизон, — но вроде одни христиане лучше других, как-то так. Вот в этом я хочу разобраться прежде, чем закончу с этой теорией. Та стюардесса, которая только что мне звонила, — не знаю уж, что она думает, но она сказала, будто бы у капитана, с которым она сегодня встречается, есть на этот счет идея.

— Капитан-летчик, — повторил Бэйли. — Это может быть интересно. Если только его теория отличается от остальных псевдонаучных. Ладно, действуй. Стив, мы собираемся сегодня сообщить об этом. Удачи тебе, не бойся — ничего из того, что ты сказал здесь, в нашем журнале опубликовано не будет, если только мы не получим эту информацию из других источников. Согласен, Уильямс?

— Да, сэр, — ответил Бизон.

У Стива был не столь уверенный вид.

Бизон бросился к лифту и запросил по телефону информацию о номере «Пан-Континентал Клуб». Он попросил позвать Хэтти, но когда ее не смогли найти, он решил, что она еще не доехала или вышла вместе со своим приятелем-пилотом. Он оставил ей сообщение, чтобы она перезвонила ему на сотовый, а затем пошел к такси, как раз подъехавшему в этот момент.

Мысли неслись хороводом у него в голове. Он был согласен со Стэнтоном Бэйли, что за этими исчезновениями стояло что-то глобальное, но также у него в душе зародились сомнения насчет Карпати. Возможно, он был не прав. Возможно, ему следовало сосредоточиться на Джонатане Стонагале. Карпати должен сообщать, что его возвышение дает Стонагалу возможность не слишком честным образом разделаться со своими конкурентами. Но Карпати клятвенно пообещал, что разберется и со Стонагалом, и с Тодд-Котраном, прекрасно понимая, что они творят незаконные дела.

Снимает ли это вину с Карпати? Бизон очень на это надеялся. Он никогда в жизни не хотел верить никому так сильно, как этому человеку. За прошедшие с момента исчезновений дни у него не было ни минутки подумать об этом самому. Потеря невестки, племянника и племянницы почти постоянно лежала камнем у него на сердце, и иногда у него возникала мысль — а вдруг это и правда что-то вроде Восхищения? Если уж кто-то из его круга и был достоин того, чтобы попасть на небеса, так это они.

Но ведь он понимал, что это чушь, разве не так? Он же окончил университет из Лиги Плюща. Он оставил церковь, когда вырвался из-под семейного гнета, чуть не доведшего его до безумия в юности. Он никогда не считал себя религиозным человеком — ну, так, по случаю молился о помощи или спасении. Его жизнь строилась на достижениях, энтузиазме и — он не мог этого отрицать — всеобщем внимании к собственной персоне. Ему нравился статус, который давал ему ставить подпись под заголовками главных статей номера, статус, заслуженный благодаря его стилю, его мыслям, которые он излагал в журнале национального масштаба. Но все равно в его жизни было какое-то одиночество, особенно теперь, когда ушел Стив. Бизон встречался с девушками и даже пару раз хотел было завязать серьезные отношения, но женщины, желавшие стабильности, всегда считали его слишком ветреным.

С момента того откровенно сверхъестественного события, свидетелем которого он стал в Израиле во время уничтожения русской авиации, он понял, что мир изменился. Он никогда уже не станет прежним. Он не верил в космических пришельцев, и раз уж исчезновения можно было в полной мере приписать какому-то невероятному воздействию космической энергии, то кто или что стоит за этим? Инцидент у Стены Плача стал еще одним необъяснимым событием.

Бизон поймал себя на том, что вопрос «кто и почему?» интересует его гораздо больше, чем возвышение Николае Карпати. Бизон был настолько очарован этим человеком, что, несмотря ни на что, надеялся, что он не окажется ловким политиканом. Он был лучшим из политиков, которых когда-либо встречал Бизон, но возможно ли, чтобы смерть Дирка, Алана, Эрика и неприятности Бизона совершенно никак не были с ним связаны?

Он надеялся на это. Он хотел верить, что раз в поколение может появиться человек, который сможет стать надеждой всего мира. Вдруг Карпати станет новым Линкольном, Рузвельтом или олицетворением Камелота, каким был для некоторых Кеннеди?

Повинуясь непонятному порыву, пока такси ползло в жутко плотном потоке до аэропорта Кеннеди, Бизон подключил модем своего ноутбука к мобильнику и вызвал на экране ленту новостей. Он быстро нашел все главные статьи Эрика Миллера

за последние две недели и, не веря глазам своим, увидел, что тот писал о восстановлении и перестройке Вавилона. Серия статей шла под заголовком «Новый Вавилон, последняя мечта Стонагала». Быстро просмотрев статьи, он увидел, что финансирование осуществлялось посредством мировой сети банков Стонагала. И конечно же, тут приводилась приписываемая Стонагалу цитата: «Это просто совпадение. Я понятия не имею о том, что финансирование идет через различные наши отделения».

Бизон понял, что главное — не в отношениях Карпати с Мвангати Нгумо, или Израилем, или даже Советом Безопасности. На взгляд Бизона, главная проверка — что он сделает с Джонатаном Стонагалом как только станет Генеральным секретарем ООН?

Поскольку, если все члены ООН согласятся на условия Карпати, завтра тот станет самым могущественным из мировых лидеров, он сможет воплотить свои желания вооруженной рукой, если все члены ООН разоружатся, а влияние ООН усилится. Мир должен отчаянно нуждаться в лидере, которому он мог бы всецело доверять, чтобы согласиться на такие преобразования. И единственным лидером, достойным такого венца, сможет стать тот, кто будет абсолютно нетерпим к любым закулисным махинациям людей, подобных Джонатану Стонагалу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Рэйфорд и Хлоя Стил прождали до половины второго, затем решили поехать в отель. По пути к выходу из «Пан-Континентал Клуб» Рэйфорд задержался, чтобы оставить сообщение для Хэтти на случай, если та вдруг появится.

— Мы только что получили еще одно сообщение для нее, — сказала девушка у стойки. — Секретарша мистера Кэмерона Уильямса передала, что мистер Уильямс перехватит ее здесь, если она позвонит ему, что на месте.

— И когда вы получили это сообщение? — спросил Рэйфорд.

— Сразу после часа дня.

— Наверное, мы еще несколько минут подождем.

Рэйфорд и Хлоя сидели у входа, когда в клуб вбежала Хэтти. Рэйфорд улыбнулся ей,

но она тут же замедлила шаг и сделала вид, будто бы случайно наткнулась на них.

— Ой, привет, — сказала она, показывая свое удостоверение у стойки и получая сообщение. Рэйфорд позволил ей вести свою игру. Он заслужил такое отношение.

— Зря я пришла, — сказала она, когда он представил ее Хлое. — Но раз уж я пришла, я должна отзвониться. Тому самому журналисту, о котором я вам говорила. Сегодня утром он познакомил меня с Николае Карпати.

— Шутите!

Хэтти улыбнулась и кивнула.

— А мистер Карпати дал мне вот эту визитку. А вы знаете, что его скоро назовут самым сексуальным мужчиной в мире по версии журнала «Пипл»?

— Да, я об этом слушал. Это впечатляет. Нынче у вас удачное утро, не правда ли? А как поживает мистер Уильямс?

— Отлично, но он ужасно занят. Мне надо ему перезвонить, извините.

* * *

Бизон уже поднимался по эскалатору в терминале, когда зазвонил его мобильник.

— Ну, привет, — сказала Хэтти.

— Извините меня, мисс Дюрхем.

— Ой, ладно, — сказала она. — Человек, который бросает меня посреди Манхэттена в дорогом такси, может называть меня просто по имени. Я настаиваю.

— А я настаиваю на том, чтобы расплатиться за это такси.

— Да нет, я шучу, Бизон. Я иду на встречу с этим капитаном и его дочкой, так что ваше присутствие там не обязательно.

— Вообще-то я уже пришел.

— О!

— Все в порядке. У меня полно дел. Приятно было встретиться с вами снова, так что когда снова будете в Нью-Йорке...

— Бизон, я не хочу, чтобы вы чувствовали себя обязанным развлекать меня.

— Я и не чувствую.

— Врете. Вы приятный парень, но понятно, что мы разные люди. Спасибо, что встретились со мной. И в особенности — за знакомство с мистером Карпати.

— Хэтти, я хочу попросить вас об одолжении. Вы не могли бы представить меня этому капитану? Мне хотелось бы взять у него интервью. Он останется здесь до завтра?

— Я спрошу его. В любом случае вам следует познакомиться с его дочерью. Она просто куколка.

— Может, я и у нее возьму интервью.

— Хороший способ познакомиться.

— Спросите его, пожалуйста, Хэтти.

* * *

Рэйфорд не знал, назначено ли вечером у Хэтти свидание с Бизоном Уильямсом. Лучшее всего было бы пригласить ее поужинать

с ним и Хлоей в отеле. Сейчас она подзывала его к платному телефону.

— Рэйфорд, Бизон Уильямс хочет с вами встретиться. Он пишет статью и хочет взять у вас интервью.

— У меня? Правда? — удивился он. — А о чем?

— Не знаю. Я не спрашивала. Наверное, о полете во время исчезновений. Вы ведь были в воздухе, когда это случилось.

— Скажите ему, что я обязательно с ним встречусь. Кстати, почему бы вам не пригласить его поужинать вместе с нами троими, если вы свободны? — Хэтти уставилась на Рэйфорда, словно он пытался во что-то ее вовлечь. — Давайте, Хэтти. Мы с вами поговорим, а затем все вместе пойдем поужинаем в «Карлайле».

Она повернулась к телефону и передала Бизону слова капитана.

— Где вы сейчас? — спросила она. Помолчала. — Не может быть! — Хэтти выглянула за угол, засмеялась и помахала рукой. Прикрыв трубку, она повернулась к Рэйфорду: — Вон он, говорит по мобильнику!

— Так разъединяйтесь и представьте нас, — сказал Рэйфорд. Хэтти и Бизон разъединили связь, и Бизон, подойдя, сунул телефон в карман.

— Он с нами, — сказал Рэйфорд женщине у стойки. Он пожал Бизону руку. — Значит, вы тот самый журналист из «Глобал уикли», который летел моим рейсом?

— Он самый, — сказал Бизон.

— О чем вы хотите меня расспросить?

— Что вы думаете об этих исчезновениях. Я пишу главную статью номера о теориях исчезновений, и мне кажется, что ваше мнение как профессионала будет интересным, к тому же, вы оказались в самом центре событий.

«Какая возможность!» — подумал Рэйфорд.

— С удовольствием расскажу, — ответил он. — Не хотите ли поужинать с нами?

— Еще бы! — ответил Бизон. — А это ваша дочь?

* * *

Бизон был потрясен. Он влюбился в имя Хлои, ему нравились ее глаза, ее улыбка. Она посмотрела прямо ему в глаза и крепко пожала ему руку — ему нравилось крепкое женское рукопожатие. Некоторые женщины почему-то считали, что очень по-женски подавать вялую руку. «Какая красивая девушка!» — думал он. Его так и подмывало сказать капитану Стиллу, что уже завтра он будет не просто журналистом, а главным редактором. Но он побоялся, что это будет выглядеть как похвальба, а не как жалоба на судьбу, так что решил помолчать.

— Послушайте, — сказала Хэтти ему, — нам с капитаном надо поговорить пару минут с глазу на глаз, так почему бы вам двоим не познакомиться, а мы подойдем попозже? У вас есть время, Бизон?

«Теперь есть», — подумал он.

— Конечно, — ответил он вслух, глядя на Хлою и ее отца. — Вы не против?

Капитан замялся было, но его дочь выжидательно посмотрела на отца. Она уже была достаточно взрослой, чтобы самой принимать решения, но она явно не хотела осложнять отцу жизнь.

— Все нормально, — запинаясь, ответил капитан Стил. — Мы сейчас вернемся.

— Я сейчас припрячу свою сумку, и мы немного прогуляемся по терминалу, — сказал Бизон. — Если, конечно, вы не против, Хлоя.

Она улыбнулась и кивнула.

Давно уже Бизон не чувствовал неловкости и робости в присутствии девушки. Он не знал, куда глаза девать, когда они шли и разговаривали, не знал, куда руки спрятать. В карманы сунуть или пусть так висят? Или размахивать ими? Не хочет ли она сесть, или люди из-за витрины магазина будут смотреть на них?

Он попросил ее рассказать о себе, когда она поступила в колледж, что ее интересует. Она рассказала ему о своих матери и брате. Он посочувствовал ей. Бизона поразило, насколько она была умна, как четко формулировала мысли и как зрело рассуждала. Это была девушка, которой он мог бы заинтересоваться, но ведь она была по меньшей мере на десять лет моложе его.

Она хотела узнать о его жизни и карьере. Он рассказал ей обо всем, что она спрашивала и даже чуть больше. Только когда она спросила, не потерял ли он кого-нибудь во время

исчезновений, он рассказал о своей семье в Тусоне и своих друзьях в Англии. Естественно, он не сказал ни слова о том, как с этим были связаны Стонагал и Тодд-Котран.

Когда разговор затих, Хлоя перехватила его взгляд, и он отвернулся. Когда он снова посмотрел на нее, они встретились глазами. Оба робко улыбнулись. «Сумасшествие какое-то», — подумал он. Он страшно хотел узнать, нет ли у нее парня, но не был готов спросить ее.

Ее вопросы были по большей части из тех, которые молодой человек мог бы задать прожженному ветерану о его карьере. Она завидовала его путешествиям, его опыту. Он добродушно отмахнулся, заверив ее, что она очень быстро устала бы от такой жизни.

— А вы были женаты? — спросила она.

Он был рад ее вопросу. Он с радостью общился ей, что нет, не был и даже серьезно не думал об этом.

— А вы? — спросил он, чувствуя, что теперь пошла игра в открытую. — А вы сколько раз были замужем?

Она рассмеялась.

— У меня был только один парень. Я была первокурсницей, он — старшекурсник. Я думала, что это любовь, но когда он закончил колледж, я больше ничего о нем не слышала.

— Буквально?

— Он отправился в какую-то поездку по Европе, прислал мне оттуда дешевенький сувенирчик, на этом все и кончилось. Сейчас он женат.

— Много потерял.

— Спасибо.

Бизон немного осмелел.

— Он что, слепой был? — Она не ответила. Бизон мысленно дал себе подзатыльник и попытался исправить ситуацию. — Некоторые парни просто не понимают своего счастья.

Она по-прежнему молчала, и он ощутил себя полным идиотом.

«И как только мне удавалось достигать успеха в определенных вещах, когда в остальном я веду себя как слон в посудной лавке?» — подумал он.

Она остановилась перед магазинчиком со свежей выпечкой.

— Как вы относитесь к кренделям?

— Неужели я к ним отношусь?

— И почему я догадалась, что вы ответите именно так? — сказала она. — Купите мне кренделек, и пусть эта бородастая шутка умрет естественной смертью.

— От старости, — добавил он.

— Вот это действительно смешно.

* * *

Рэйфорд, как никогда, был откровенен, прям и серьезен с Хэтти. Он сидели друг напротив друга в пухлых креслах в углу большой шумной комнаты, где никто не мог их подслушать.

— Хэтти, — говорил он, — я не собираюсь спорить с вами и даже беседовать. Есть вещи, которые я должен вам сказать, и я хочу, чтобы вы выслушали меня.

— А я ничего не должна говорить? Ведь могут быть вещи, о которых я захочу кое-что узнать.

— Конечно, я позволю вам сказать все, что вы захотите, но сначала буду говорить я, и я не хочу, чтобы получился диалог. Я должен снять камень с души, и я хочу, чтобы вы увидели картину полностью, прежде чем ответите, хорошо?

Она пожала плечами:

— Разве у меня есть выбор?

— Был, Хэтти. Вы не были обязаны приходить.

— Я и не хотела. Я сказала вам об этом, но вы оставили сообщение, в котором умоляли меня прийти.

Рэйфорд пал духом.

— Именно этого я и не хотел, — сказал он. — Как мне извиниться, когда вы только и хотите говорить о том, почему вы здесь?

— Вы хотите извиниться, Рэйфорд? Не стану вам в этом мешать.

Она была полна сарказма, но он все же сумел привлечь ее внимание.

— Да, хочу. Так вы позволите мне?

Она кивнула.

— Я хочу через это пройти, внести ясность, получить все, что должен, а затем рассказать вам о том, на что намекал по телефону.

— О том, что вы выяснили по поводу всех этих исчезновений.

Он поднял руку:

— Не забегайте вперед.

— Извините, — сказала она, поднося ладонку ко рту. — Но почему бы вам просто не дать мне выслушать ваши ответы Бизону сегодня вечером? — Рэйфорд округлил глаза. — Да я просто спросила, — сказала она. — Просто предлагаю, чтобы вам не повторяться.

— Спасибо, — ответил он, — но я скажу вам, почему я этого не хочу. Это слишком важное и личное, так что я должен рассказать вам об этом наедине. И я вовсе не против говорить об этом снова и снова, и если моя догадка верна, вы не будете против послушать об этом еще раз.

Хэтти подняла брови, словно говоря, что будет удивлена, если так, но все же сказала:

— Говорите. Я больше не стану вас перебивать.

Рэйфорд подался вперед, оперся локтями на колени и заговорил:

— Хэтти, я очень виноват перед вами и прошу у вас прощения. Мы были друзьями. Мне было приятно ваше общество. Мне нравилось быть с вами, вместе проводить время. Я считал вас красивой и восхитительной, и, как мне кажется, вы знали, что я хотел развивать с вами отношения.

Она с удивлением глянула на него, но Рэйфорд подумал, что, если бы он не попросил ее не перебивать его, она ответила бы ему, что он слишком уж сдержанно выражал свой интерес к ней. Он продолжил:

— Возможно, единственным препятствием послужило то, что я не имел опыта в таких делах. Но это был всего лишь вопрос времени. Если бы я понял, что вы тоже не прочь, я бы точно в конце концов сделал бы какую-нибудь глупость.

Она сдвинула брови и обиженно посмотрела на него.

— Да, — сказал он. — Это было бы глупостью. Я был женат. Пусть брак мой не был счастливым и удачным, но это моя вина. Но все же я давал жене брачный обет, у меня были перед ней обязательства, так что, как бы меня ни тянуло к вам, это было бы неправильно.

По ее виду он понял, что она не согласна с ним.

— Как бы то ни было, это я сбивал вас с пути. Я не был полностью с вами честен. Но теперь я должен сказать вам, что я рад, что не наделал... глупостей. Я в любом случае был бы не прав перед вами. Я знаю, что не мне вас судить и ваша мораль — это ваше дело. Но у нас не было бы будущего. Не потому, что у нас такая разница в возрасте, а потому, что меня тянуло к вам только физически. Вы вправе ненавидеть меня за это, да и я стыжусь этого. Я не любил вас. Согласитесь, что для вас это была бы не жизнь.

Она кивнула. Лицо ее помрачнело. Он улыбнулся.

— Позволяю вам на время нарушить молчание, — сказал он. — Мне нужно знать, что вы по крайней мере простили меня.

— Иногда я сомневаюсь, что честность — лучшая политика, — произнесла она. — Я бы смирилась со всем этим, если бы вы просто сказали, что после исчезновения вашей жены вы почувствовали себя виноватым за то, что мы делали. Я понимаю, что мы еще ни до чего не дошли, но это было бы не так жестоко.

— Да, это было бы мягче, но нечестно, Хэтти. Я был бы белым и пушистым, и вы не стали бы обижаться на меня, но я просто больше не могу притворяться. Я слишком долго притворялся.

— А теперь вы честны?

— До такой степени, что вам противно, — сказал он. Она снова кивнула. — Зачем я это делаю? Все хотят нравиться. Я бы мог свалить вину на свою жену, на что угодно. Но я не хочу врать самому себе. Когда перейду к разговору о вещах куда более важных, я не хочу, чтобы вы думали, будто я пытаюсь вас убедить по каким-то скрытым мотивам.

У Хэтти задрожали губы. Она сжала их и опустила взгляд. По ее щеке сбежала слезинка. Рэйфорд едва удержался от того, чтобы обнять ее. Хотя в этом не было бы ничего плотского, он не мог себе позволить, чтобы его поняли неверно.

— Хэтти, — сказал он, — мне очень жаль. Простите меня.

Она кивнула. Говорить она не могла. Она пыталась что-то произнести, но никак не могла взять себя в руки.

— Теперь, — продолжил Рэйфорд, — я должен каким-то образом убедить вас, что вы мне дороги как друг и как человек.

Хэтти подняла обе руки, стараясь не расплакаться. Она замотала головой, словно еще не была готова.

— Не надо, — наконец, сумела проговорить она. — Не сейчас.

— Хэтти, я должен.

— Пожалуйста, дайте мне минутку.

— Конечно. Только не бегите от меня прямо сейчас, — попросил он. — Я был бы плохим другом, если бы не рассказал вам о том, что открыл, узнал, что я обнаруживаю каждый день.

Хэтти закрыла лицо руками и заплакала.

— Я не хотела, — прорыдала она. — Я не хотела доставлять вам такого удовольствия.

Рэйфорд заговорил как можно ласковее.

— Теперь вы хотите обидеть меня, — сказал он. — Если вы ничего другого не вынесли из нашего разговора, то знайте, мне от ваших слез нет никакой радости. Каждая из них мне как нож острый. Это моя вина. Это я был не прав.

— Дайте мне минутку, — взмолилась она и убежала.

Рэйфорд нашарил в кармане Библию Ирэн и быстро просмотрел несколько страниц. Он решил, что не стоит разговаривать с Хэтти с открытой Библией в руках. Он не желал смущать ее или запугивать, несмотря на всю свою новообетенную решительность.

* * *

— Теория исчезновений, которой придерживается мой папа, покажется вам интересной, — сказала Хлоя.

— Неужели? — ответил Бизон. Она кивнула, и он заметил мазок шоколада в уголке ее рта. — Позвольте, — сказал он, протянув руку. Она подняла подбородок, и он стер шоколад большим пальцем. И что теперь? Вытереть палец о платок? Он инстинктивно сунул его в рот.

— Ни фиги себе! — воскликнула она. — А если у меня какая-нибудь ползучая зараза?

— Значит, теперь мы оба ее подцепили, — сказал он, и они оба рассмеялись. Бизон поймал себя на том, что краснеет — такого с ним уже много лет не было, так что он поспешил сменить тему разговора. — Вы заговорили о теории вашего отца, но, возможно, вы с ней не согласны? Вы в этом расходитесь?

— Он так думает, потому что я с ним спорю и ему со мной тяжело. Но я просто не хочу легко поддаваться, но если говорить честно, то наши теории очень близки. Понимаете, он считает...

Бизон поднял руку:

— Извините, не рассказывайте. Я хочу услышать ее с чистого листа от него самого, записать на пленку.

— Ой. Извините меня.

— Нет, все в порядке. Я не хотел обижать вас, но таков мой стиль работы. Но я буду

рад выслушать и вашу теорию. Мы хотели бы выслушать и студентов, но вряд ли мы используем в статье мнения людей из одной и той же семьи. Конечно, вы только что сказали мне, что вы во многом согласны с вашим отцом, так что лучше я подожду и выслушаю вас обоих одновременно.

Хлоя замолчала, лицо ее стало серьезным.

— Простите, Хлоя, но я не хотел сказать, что ваша личная теория мне неинтересна.

— Я не от этого, — сказала она. — Просто вы вроде как ставите меня на место.

— Ставлю вас на место?

— Как студенточку.

— Ой, неужели я, нет! Извините. Я должен был сообразить. Студентье — не дети, я не как с ребенком с вами разговариваю, хотя вы намного моложе меня.

— Студентье? Давно не слышала этого словечка.

— Ну вот, я и выдал свой возраст.

— А сколько вам лет, Бизон?

— Тридцать с половиной, будет тридцать один, — сказал он, подмигнув.

— Я спросила — сколько вам лет! — проорала Хлоя, словно говорила с глухим стариком.

Бизон расхохотался.

— Я бы купил еще одно пирожное, малышка, но не хочу портить тебе аппетит.

— Да уж, не надо. Мой папа любит хорошую еду, и вечером он ее закажет. Так что оставьте местечко.

— Конечно, Хлоя.

— Могу я вам сказать одну вещь, только не считайте меня странной, ладно? — спросила она.

— Поздно, — сказал он.

Она нахмурилась и ткнула его локтем.

— Я просто хотела сказать, что мне нравится, как вы произносите мое имя.

— А как его еще можно произнести? — спросил он.

— Ой, да можно. Даже мои друзья проглатывают последнюю гласную, и в результате это звучит как Хлой.

— Хлоя, — повторил он.

— Да, — сказала она. — Вот так. Долгое «о» и «я» в конце.

— Мне нравится ваше имя. — Он снова заговорил хриплым старческим голосом. — Так зовут молоденькую девочку. Сколько тебе лет, малышка?

— Двадцать с половиной, скоро двадцать один будет.

— Ой ты, боже мой! — воскликнул он, все еще не выходя из образа. — Я связался с малолеткой!

По дороге в «Пан-Континентал Клуб» Хлоя сказала:

— Если вы обещаете не напоминать мне о моем возрасте, я забуду о вашем.

— Идет, — заверил он с улыбкой. — Вы кажетесь гораздо старше.

— Я сочту это за комплимент, — ответила она с застенчивой улыбкой, словно не была уверена в том, что он говорит серьезно.

— О, пожалуйста, — сказал он. — Мало кто в вашем возрасте настолько начитан и так четко умеет выражать свои мысли, как вы.

— Тогда это точно комплимент, — сказала она.

— Вы быстро схватываете.

— Вы правда брали интервью у Николае Карпати?

Он кивнул.

— Мы почти приятели.

— Вы не шутите?

— Ну, не совсем. Но мы ладили.

— Расскажите мне о нем.

И Бизон рассказал.

* * *

Немного освежившись, Хэтти вернулась, но глаза у нее все еще были припухшими. Она снова села так, словно ожидала наказания. Рэйфорд снова повторил, что извинялся от всего сердца, и она ответила:

— Давайте больше не будем об этом, ладно?

— Мне нужно знать, что вы простили меня, — сказал он.

— Вы словно помешались на этом, Рэйфорд. Вам станет от этого легче на душе?

— Думаю, да, — сказал он. — Но в первую очередь это даст мне понять, что вы верите в мою искренность.

— Верю, — заявила она. — От этого мне, конечно, не легче, но если вам от этого станет лучше, то да, я верю в то, что вы искренни. И я не держу на вас обиды, стало быть, наверное, прощаю.

— Я пойму как пойму, — сказал он. — Теперь я хочу быть предельно честным с вами.

— О господи, что-то еще? Или вы собираетесь просветить меня насчет того, что случилось на прошлой неделе?

— Да, но должен вам сказать, что Хлоя меня отговаривала рассказывать вам об этом прямо сейчас.

— В смысле в этом же самом разговоре, хотите вы сказать?

— Верно.

— Умная девушка, — признала она. — Мы пойдем друг друга.

— Ну, у вас не такая большая разница в возрасте.

— Не надо было этого говорить, Рэйфорд. Если вы собираетесь давить на то, что я типа не сильно старше вашей дочери, то надо было сразу с этого и начинать.

— Это могло быть только в том случае, если бы я усыновил вас в пятнадцать лет, — ответил Рэйфорд. — Как бы то ни было, Хлоя уверена, что сейчас вы не в настроении для такого разговора.

— А почему? От меня требуется какая-то реакция? Я должна поверить в вашу идею или что?

— Я надеюсь на это, но нет, не требуется. Если вы не сможете воспринять это сразу, я

пойму. Но я надеюсь, что вы поймете срочность всего, что я скажу.

Рэйфорд чувствовал, что говорит как Брюс Барнс в день их встречи. Он был полон страсти и убедительности и, говоря, ощущал в душе, что его молитвы об отваге и помощи услышаны. Он рассказывал Хэтти об истории своих взаимоотношений с Богом, о том, что вырос в религиозной семье, о том, как они с Ирэн во время их брака посещали различные церкви. Он даже рассказал об одержимости Ирэн идеей о скором конце света и о том, что именно это заставило его подумать о связях на стороне.

По взгляду Хэтти он видел, что она понимает, к чему он клонит — к тому, что теперь он согласен с Ирэн во всем. Хэтти сидела неподвижно, пока он рассказывал о том, как утром после приземления в аэропорт О'Хара знал, что найдет дома.

Он рассказал ей о том, как позвонил в церковь, как встретился с Брюсом, о пленке, об их чтениях, о пророчествах из Библии, о тех израильских пророках, которые явно были теми самыми свидетелями, о которых говорилось в Откровении.

Рэйфорд рассказал ей о том, как он молился вслед за пастором с видеозаписи, о том, что он ощущает себя ответственным за Хлою, о том, как он хотел найти Бога. Хэтти не сводила с него взгляда. Ничто в выражении ее лица и в ее позе не давало ему надежды, но он все равно продолжал говорить. Он не просил ее молиться с ним. Он просто ска-

зал, что больше не намерен стесняться того, во что верит.

— В конце концов, поймите, что человек, который искренне все это принимает, должен рассказать об этом другим людям. Иначе он не настоящий друг.

Хэтти даже не кивнула в ответ на эти слова.

После почти получасового разговора он выложил ей все и закончил словами:

— Хэтти, я хочу, чтобы вы об этом подумали, разобрались в этом, посмотрели пленку, поговорили с Брюсом, если захотите. Я не могу заставить вас поверить. Все, что я могу, — это сказать вам, что я пришел к пониманию правды. Вы мне небезразличны, и я не хочу, чтобы все прошло мимо вас лишь потому, что никто вам ничего не рассказал.

Наконец, Хэтти выпрямилась и вздохнула:

— Что же, все это мило, Рэйфорд. Действительно мило. Я ценю, что вы поделились со мной. Все это слишком странно и непривычно, потому что я не знала, что подобное есть в Библии. Моя семья посещала церковь, когда я была еще ребенком, в основном по выходным и праздникам, но никогда я ничего подобного не слышала. Да, я подумаю об этом. Похоже, что придется. Когда слышишь такое, это трудно укладывается в голове. Это то, о чем вы собираетесь рассказать Бизону Уильямсу за ужином?

— Слово в слово.

Она хмыкнула:

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

— Я очень удивлюсь, если хоть что-то из этого будет опубликовано в его журнале.

— Возможно, и будет наряду с теориями о космических пришельцах, отравляющих газах и лучах смерти, — сказал Рэйфорд.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Когда Бизон и Хлоя снова встретились с Хэтти и отцом Хлои, было заметно, что Хэтти плакала. Бизон не считал себя настолько близким знакомым, чтобы спрашивать, в чем дело, а она не давала повода.

Бизон был рад возможности взять интервью у Рэйфорда Стила, но чувства его были в смятении. Реакция капитана, который вел самолет, на борту которого он был пассажиром во время исчезновений, добавит драматизма его статье. Но, кроме того, ему хотелось побыть в обществе Хлои. Бизон решил съездить в офис, потом домой переодеться, чтобы встретиться с ними в «Карлайле». Пока он был в кабинете, ему позвонил Стэнтон Бэйли и спросил, как скоро он может отправиться в Чикаго, чтобы найти замену Люсинде Вашингтон.

— Скоро, но я не хочу пропустить развитие ситуации в ООН.

— Все, что случится завтра утром, ты уже знаешь от Планка, — заявил Бэйли. — Я получил известия, что дело уже пошло. Планк завтра утром принимает свою новую должность, отрицает заинтересованность Карпати, повторяет, чего он потребует, и все мы сидим и ждем, попадется ли кто-нибудь на крючок.

— Если бы, — сказал Бизон, надеясь, что Карпати можно доверять. Ему не терпелось увидеть, что он сделает с Тодд-Котраном и Стонагалом.

— Вот и я надеюсь, — произнес Бэйли. — Но каковы шансы? Этот человек как раз для таких времен, но мировое разоружение и планы реорганизации чересчур амбициозны. Такого никогда не случится.

— Я понимаю, но если бы решение было за вами, разве бы вы не согласились?

— Да, — сказал Бэйли, вздохнув. — Наверное, да. Я так устал от войн и жестокости. Я бы даже проголосовал за перенос ООН в Новый Вавилон.

— Возможно, представители ООН окажутся достаточно сообразительными, чтобы понять, что мир готов принять Карпати, — ответил Бизон.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — согласился Бэйли. — Не ставь все на кон, когда шансы против тебя.

Бизон сказал своему новому шефу, что утром летит в Чикаго и вернется в Нью-Йорк к ночи воскресенья.

— Я разнюхаю обстановку, найду, на кого в Чикаго можно положиться и надо ли нам будет искать человека со стороны.

— Я бы предпочел своего человека, но согласно моему стилю я предоставляю решение тебе.

Бизон позвонил в «Пан-Континентал Эйрланз», зная, что рейс Рэйфорда Стила отправляется в восемь утра на следующий день. Он сказал клерку в окне заказа билетов, что его спутницей в полете будет Хлоя Стил.

— Да, — сказала она. — Мисс Стил летит бесплатно первым классом. Рядом с ней есть свободное кресло. Вы тоже гость экипажа?

— Нет.

Он заказал дешевое место и вписал его в журнал, затем доплатил за место рядом с Хлоей. В тот вечер он ничего не скажет ей о полете в Чикаго.

Бизон уже сто лет как не завязывал галстука, но это был, в конце концов, ресторан при «Карлайле». Он не пойдет туда без галстука. К счастью, их провели к отдельному столику в отгороженной части комнаты, где он смог пристроить свою сумку без того, чтобы показаться бестактным. Его соседи по столику решили, что сумка ему нужна для техники, не зная, что он туда положил еще и смену белья.

Хлоя просто сияла и казалась на пять лет старше в своем шикарном вечернем платье. Было понятно, что они с Хэтти провели вторую половину дня в салоне красоты.

* * *

Рэйфорд думал, что нынче вечером его дочь выглядит просто сногшибательно. Любопытно, что думает о ней этот журналист. Нет, Уильямс явно староват для нее.

Рэйфорд вздремнул пару часов перед ужином, затем помолился о том, чтобы его не покинули те смелость и ясность, которые были дарованы ему во время разговора с Хэтти. Он понятия не имел, что она думает насчет их разговора, кроме того, что с его стороны было «очень мило» рассказать ей обо всем. Он даже не был уверен, издевается ли она или снисходительно констатирует факт. Он мог только надеяться, что ему удалось до нее достучаться. Наверное, хорошо, что она провела некоторое время с Хлоей. Рэйфорд надеялся, что Хлоя не настолько ошкетинилась и закрылась, чтобы вместе с Хэтти настроиться против него.

В ресторане Уильямс не сводил глаз с Хлои, игнорируя Хэтти. Рэйфорд считал это неделикатным, но Хэтти, похоже, было все равно. Возможно, она строит какие-то шашни у него за спиной. Рэйфорд нарочно не делал нынешним вечером Хэтти комплиментов. Она была ошеломляюще хороша, как и всегда, но больше по этой дорожке он ходить не собирался.

Во время ужина Рэйфорд поддерживал легкий разговор. Бизон попросил его сказать, когда он будет готов к интервью. После

десерта Рэйфорд подозвал официанта и негромко сказал ему:

— Мы хотели бы провести тут еще часок с небольшим, если можно.

— Сэр, у нас большая очередь заказов на столики...

— Я не хочу, чтобы вы понесли убытки от нашего столика, — сказал Рэйфорд, вкладывая в ладонь официанта крупную купюру, — так что дайте нам пинка, когда станет необходимо.

Официант сунул купюру в карман.

— Уверен, что вас никто не потревожит, — заверил он.

И в этот вечер вода в их стаканах не переводилась.

Рэйфорд с удовольствием ответил на первые вопросы Уильямса о его работе, о том, где он учился, где родился и как рос, но ему не терпелось перейти к своей новой жизненной миссии. И наконец, последовал нужный вопрос.

* * *

Бизон пытался сосредоточиться на ответах капитана, но ловил себя на том, что по ходу дела пытается оказать впечатление на Хлою. Все в его профессии знали, что он один из лучших в мире в смысле интервью. Это и способность быстро разбираться в теме и представлять ее в виде хорошо читаемой,

увлекательной статьи сделало его тем, кто он был.

Бизон быстро покончил с предварительными вопросами. Собеседник ему понравился. Стил был честен, открыт, умен и четко излагал мысли. Бизон понял, что Хлоя многое взяла от отца.

— Я готов, — сказал он, — узнать ваше мнение по поводу всего, что случилось во время того зловещего полета в Лондон. У вас есть какая-нибудь теория?

Капитан чуть помедлил и улыбнулся, словно собираясь с мыслями.

— У меня есть больше чем теория, — заверил он. — То, что я вам скажу, может показаться сущим безумием в устах такого техника, как я, но я уверен, что нашел истину и точно знаю, что произошло.

Бизон подумал, что в журнале это будет читаться очень здорово.

— Я высоко ставлю людей, которые умеют себя ценить, — сказал он. — У вас есть шанс поведать обо всем миру.

Хлоя в этот момент тронула Бизона за рукав и спросила, не будет ли он против, если она на время их покинет.

— Я с тобой, — сказала Хэтти.

Бизон улыбнулся, глядя им вслед.

— Как это понимать? — спросил он. — Заговор? Так и предполагалось, что они оставят нас наедине или они все это уже слышали прежде и больше не хотят кушать эту булочку?

* * *

Рэйфорд пал духом — настолько, что почти кипел от гнева. Второй раз за несколько часов Хлоя ускользала от него в самый критический момент.

— Уверяю вас, это не так, — сказал он, пытаясь изобразить улыбку.

Он не мог ждать их возвращения. Вопрос был задан, он был готов отвечать, и потому он очертя голову шагнул в пропасть и начал говорить то, за что его наверняка сочли бы сумасшедшим. Как и при разговоре с Хэтти, он вкратце очертил скудную и неровную историю своих взаимоотношений с Богом и меньше чем за полтора часа обрисовал Бизону сложившуюся ситуацию, не упустив ни одного важного нюанса. В какой-то момент вернулись женщины.

* * *

Бизон сидел, не перебивая рассказ, пока этот самый здравомыслящий и серьезный профессионал спокойно излагал теорию, которая всего три недели назад показалась бы Бизону абсурдной. Он слышал уже такое в церкви и от друзей, но этот человек цитировал главы и стихи из Библии, подтверждая свои слова. Да и эти двое проповедников в Иерусалиме — разве они не были теми двумя

свидетелями, о которых говорилось в Откровении? Бизон был потрясен. Наконец, он вмешался в разговор.

— Как интересно, — сказал он. — Вы слышали последние новости? — Бизон рассказал ему о том, что видел по Си-эн-эн, когда на несколько минут заскочил к себе домой. — Тысячи людей идут к Стене Плача, это что-то вроде паломничества. Очередь растянулась на много миль, они пытаются пройти к ней и услышать проповедь. Многие обратились и уже проповедуют сами. Власти не в силах остановить их, невзирая на протесты ортодоксальных евреев. Все, кто пытается выступить против проповедников, падает без чувств, или его разбивает паралич, и многие из бывшей ортодоксальной охраны присоединились к проповедующим.

— Потрясающе, — сказал пилот. — Но еще поразительнее, что это было предсказано в Библии.

Бизон пытался держать себя в руках. Он не был уверен в том, что слышал, но Стил был убедителен. Возможно, этот человек просто увязывал библейские пророчества со всем, что происходило в Израиле, но ведь больше ни у кого не было объяснений. То, что зачитал ему Стил из Откровения, казалось ясным. Может, он ошибался. Может, это вообще была белиберда. Но пока только эта теория внятно объясняла все происходящее. Иначе почему у Бизона мороз по коже пошел?

Бизон неотрывно смотрел на капитана Стила. Кровь билась в висках. Он не мог пошевелиться. Он был уверен, что женщины слышат, как стучит его сердце. Неужели все это возможно? Неужели правда? Неужели он стал свидетелем Божьего вмешательства при разгроме российских авиационных сил? Что делать? Покачать головой и оставить все как есть? «Переспать» с этой идеей и утром снова прийти в себя? Поговорить с Бэйли или Планком, чтобы те вправили ему мозги и стряхнуть с себя это наваждение?

Нет. Что-то было во всем этом и требовало внимания. Он хотел поверить в нечто, связывающее все события вместе и придающее им смысл. Но Бизон также хотел верить и Николае Карпати. Возможно, для Бизона настали страшные времена, когда он будет подпадать под обаяние людей, умеющих оказывать влияние. Это не было похоже на него, но кто же остается сам собой в эти дни? Кто вообще может оставаться сам собой в такие времена?

Бизон не хотел подводить под теорию логического объяснения, не желал отмахиваться от нее. Он хотел спросить Рэйфорда Стила о своих собственных невестке, племяннице и племяннике. Но это был бы слишком личный вопрос, это не относилось бы к статье, над которой он работал. Он сейчас не занимался поиском личной истины. Он просто собирал факты, чтобы составить из них более обширную картину.

Бизон даже помыслить не мог, чтобы выбрать из всех теорий ту, что больше всего ему понравится, и подать как позицию «Глобал уикли». Он должен был собрать все теории — от самых убедительных до самых причудливых. Читатели добавят в рубрике «Письма читателей» свои мнения на этот счет или сделают выводы, основанные на достоверности источников. Этот легчик, если только Бизон не выставит его полным безумцем, будет выглядеть убедительно и основательно.

Впервые на своей памяти Бизон Уильямс не знал, что сказать.

* * *

Рэйфорд был уверен, что ему не удалось убедить Бизона. Он только надеялся, что у журналиста хватит мозгов, чтобы понять его позицию, процитировать его правильно и представить его мнение так, чтобы читатели могли понять, что такое быть христианином. Понятно, что сам Уильямс убеждениям не поддавался. Если бы Рэйфорда спросили, он бы сказал, что Уильямс пытается спрятать ухмылку или настолько изумлен или ошарашен, что просто не знает, как реагировать.

Рэйфорд напомнил себе, что его главная цель — достучаться до Хлои и лишь потом, возможно, как-то повлиять на читающую публику, если, конечно, его интервью вообще

будет опубликовано. Если Кэмерон Уильямс считает, что Рэйфорд совсем не от мира сего, он просто может уйти, оставив его со всеми абсурдными мыслями.

* * *

Бизон был слишком неуверен в себе, чтобы как-то вразумительно отреагировать. У него все еще бегали мурашки по спине, но он взмок от пота. Что с ним творится? Ему удалось, наконец, выдавить из себя полушепотом:

— Благодарю вас за то, что уделили мне время, и за ужин. Я свяжусь с вами прежде, чем использовать любой из ваших ответов.

Конечно, это была чушь. Он сказал это, только чтобы дать себе повод еще раз связаться с этим летчиком. У него была куча личных вопросов по этому поводу, но он никогда не позволял людям, у которых он брал интервью, заранее видеть те выдержки из своих ответов, которые пойдут в статью. Он надеялся на свой диктофон и свою память, и его никогда не обвиняли в неточном цитировании.

Бизон обернулся, чтобы посмотреть на капитана, и увидел, как странное выражение промелькнуло на его лице. Разочарование? Да. Затем смирение.

Внезапно Бизон вспомнил, с кем он имеет дело. С интеллигентным, образованным

человеком. Наверняка он прекрасно знает, что репортер никогда не сверяется с тем, у кого берет интервью. Скорее всего, он решил, что это обычная журналистская отмазка, чтобы уйти.

«Сел в лужу, как новичок, — укорил себя Бизон. — Ты только что недооценил свой источник информации».

Бизон как раз убирал свое оборудование, когда увидел, что Хлоя плачет, по лицу ее бежали слезы. Что случилось с этими женщинами? Хэтти Дюрхем плакала сегодня днем после разговора с капитаном. Теперь Хлоя.

Что произошло с Хлоей, он, по крайней мере, понять мог. Если она плакала потому, что ее тронули искренность и серьезность отца, то это понятно. У самого Бизона ком в горле стоял, и впервые с того момента, когда он, сраженный ужасом во время русского авианалета на Израиль, лежал ничком во прахе, ему захотелось забиться куда-нибудь в угол и заплакать.

— Могу ли я задать вам еще один вопрос, уже не для записи? — сказал он. — Могу я спросить, о чем вы с Хэтти разговаривали сегодня днем в клубе?

— Бизон! — взвизгнула Хэтти. — Это не ваше...

— Если вы не хотите рассказывать, я пойму, — ответил Бизон. — Я просто любопытствовал.

— Ну, это слишком личное, — сказал капитан.

— Честный ответ.

— Но, Хэтти, я не вижу ничего страшного, если скажу, что в остальном разговор шел о том же самом, что и сейчас. Да?

Она пожала плечами.

— Опять же не для записи, Хэтти, — спросил Бизон. — Вы не против, если я спрошу вас, что вы обо всем этом думаете?

— А почему же не для записи? — отрезала Хэтти. — Мнение капитана интересно, а бортпроводницы — нет, что ли?

— Я включу диктофон, если вы хотите, — сказал он. — Я не знал, что вы не против, чтобы и ваш ответ был записан.

— Я не против, — заявила она. — Я даже хотела, чтобы меня спросили.

— И вы не против сказать, что вы думаете...

— Нет, я скажу вам. Я думаю, что Рэйфорд говорил искренне и вдумчиво. Правда это или нет — я не знаю. Это все выше моего понимания и совершенно ново для меня. Но я уверена, что он в это верит. Правильно это или нет с учетом всего, что он пережил, — не знаю. Возможно, он проникся этой теорией из-за потери семьи.

Бизон кивнул, чувствуя, что он куда ближе к принятию теории Рэйфорда, чем Хэтти. Он посмотрел на Хлою, надеясь, что она взяла себя в руки, и он сможет разговорить ее. Но она все еще промокала глаза платком.

— Пожалуйста, не сейчас, — попросила она.

* * *

Рэйфорд не был удивлен ответом Хэтти, но Хлоя его глубоко разочаровала. Он был уверен, что она не хочет расстраивать его, указывая, насколько странно звучит его речь. Следует быть за это благодарным, подумал он. По крайней мере, она щадит его чувства. Наверное, и ему нужно быть деликатнее с ней, но он уже решил, что больше не может деликатничать. Он собирался бороться за веру вместе с ней, пока она не примет решение. Однако было ясно, что на сегодня она наслушалась достаточно. Больше он на нее давить не станет. Он надеялся только, что все же сумеет заснуть, несмотря на свои терзания по ее поводу. Он слишком любил ее.

— Мистер Уильямс, — сказал он, вставая и протягивая руку, — приятно было пообщаться с вами. Пастор из Илинойса, о котором я вам рассказывал, и правда гораздо больше разбирается во всем этом и куда больше меня знает об Антихристе и прочем. Мне кажется, вам стоит позвонить ему, если вы хотите узнать побольше. Брюс Барнс, Общинная церковь Новой Надежды, Маунт-Проспект.

— Я запомню, — сказал Бизон.

Рэйфорд был уверен, что Бизон просто хочет казаться вежливым.

* * *

Наверное, очень хорошо было бы поговорить с Барнсом, думал Бизон. Возможно, он выкроит время, когда на следующий день будет в Чикаго. Так он и свой интерес удовлетворит, и не спутает личное с профессиональным.

Все четверо спустились в вестибюль.

— Я хочу пожелать всем спокойной ночи, — сказала Хэтти. — У меня завтра ранний рейс. — Она поблагодарила Рэйфорда за ужин, что-то шепнула на ушко Хлое — похоже, та ей не ответила — и поблагодарила Бизона за гостеприимство нынче утром. — Я теперь запросто могу позвонить мистеру Карпати в любой день, — сказала она.

Бизон еле удерживался от того, чтобы рассказать ей о ближайшем будущем Карпати. Он сомневался, что у этого человека найдется для нее время.

Казалось, Хлоя разрывается между желанием пойти следом за Хэтти к лифтам и остаться, чтобы сказать Бизону пару слов. Он был просто потрясен, когда она сказала отцу:

— Папа, оставь нас на минутку, ладно? Я сейчас буду.

Бизону польстило, что Хлоя задержалась, чтобы лично с ним попрощаться, но она все еще была в растрепанных чувствах. Голос у нее дрожал, когда она официальным тоном

поблагодарила его за приятную компанию днем. Он попытался продолжить разговор.

— Ваш отец — очень интересный человек, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она. — Особенно в последнее время.

— Я понимаю, почему вы во многом согласны с ним.

— Понимаете?

— Конечно! Мне самому много о чем надо подумать. Ему ведь наверняка порой трудно с вами приходилось?

— Обычно. Но больше я такого не устраиваю.

— Почему нет?

— Вы же видите, как много это для него значит.

Бизон кивнул. Казалось, что она снова на грани срыва. Он взял ее за руку.

— Мне было очень приятно провести время с вами, — сказал он.

Она хмыкнула, словно смущенная своими мыслями.

— Что? — спросил он.

— Да ничего. Просто глупость.

— Нет, что все-таки? Мы оба сегодня достаточно нагупили.

— Ну, я себя по-идиотски чувствую, — призналась она. — Только что познакомились, а мне не хочется с вами расставаться. Если будете в Чикаго, позвоните.

— Обещаю, — сказал Бизон. — Не могу сказать когда, но, скажем, это будет гораздо раньше, чем вы думаете.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Бизону плохо спалось. Отчасти из-за возбуждения после утреннего сюрприза. Он надеялся, что и Хлое тоже понравилось. Голова кружилась от вопросов. Если все это правда, если все, что постулировал Рэйфорд Стил, это истина, — а Бизон инстинктивно знал, что если тут есть хоть крупица истины, то и все остальное тоже истина, — то почему Бизону потребовалась целая жизнь, чтобы понять это? Неужели он все время ее искал, сам того не осознавая?

И все же даже капитан Стил — дисциплинированный летчик с аналитическим складом ума — упустил эту истину, а ведь Стил считался поборником, ревнителем веры, почти фанатиком в своем собственном доме. Бизон был настолько взбудоражен, что даже встал с постели и начал расхаживать по комнате. Странно, но он не был встревожен и

не чувствовал себя ничтожеством. Просто слишком многое свалилось на голову. Всего несколько дней назад все это показалось бы ему полной чушью, но теперь, впервые после тех событий в Израиле, он не мог абстрагироваться от того, о чем собирался писать.

Нападение на Святую землю стало водоразделом в его жизни. Он осознал собственную смертность и был вынужден признать, что нечто сверхъестественное — да, что-то высшее, идущее непосредственно от Всемогущего Бога явилось над этими пыльными холмами в виде огня небесного. И он не сомневался впервые в жизни в том, что необъяснимое нельзя разъяснить и научно оценить с точки зрения Лиги Плюща.

Бизон всегда гордился тем, что стоял над стадом, включая в свои статьи человеческий фактор, повседневность, в то время как другие старались не показывать такой уязвимости. Это позволяло читателям отождествить себя с ним, ощутить вкус и запах того, что было важным для него самого. Но все же он был способен даже после того, как смерть прошла мимо, коснувшись его, рассказать читателю об этом, не выдавая собственного глубокого страха перед осознанием существования Бога. Но теперь такое стало невозможным. Как он мог рассказывать о самом важном событии в своей жизни, том, что наиболее глубоко затронуло его душу, не открыв подсознательно своих личных тревог?

Он понял за несколько часов, что переходит границу дозволенного. Он еще не был готов молиться, пытаться говорить с Богом,

на которого так долго не обращал внимания. Он не молился, даже когда убедился в существовании Бога в ту ночь в Израиле. Что случилось с ним? Все люди в мире, как минимум те, кто был интеллектуально честен с самим собой, должны были после той ночи признать существование Бога. Невероятные совпадения случались и прежде, но вот это шло вразрез со всякой логикой.

Победа над мощными силами русских была просто невероятной, конечно же. Но история Израиля была полна таких легенд. Но все же — не защищаться и не понести никакого урона? Это было сверх всякого понимания, если не считать прямого вмешательства Бога.

Но почему, удивлялся Бизон, это не оказало большего влияния на анализ его собственных воспоминаний? В темноте и одиночестве он пришел к болезненному пониманию того, что он давно разложил по полочкам самые основные человеческие нужды и счел это делом неважным. И как это характеризовало его? Какая же он жалкая неразумная тварь, раз даже откровенное чудо — а иначе этого никак не назовешь — не согрело его сердца и не заставило принять Бога?

Всего несколько месяцев спустя миллионы людей исчезли с лица земли. Десятки людей пропали из того самого самолета, в котором он сам летел. Чего еще ему надо? Ему уже и так казалось, что он попал в какой-то научно-фантастический триллер. Он, не задаваясь вопросами, пережил самое

катастрофическое событие в мировой истории. Бизон осознал, что ни секунды не думал об этом в течение последних двух недель. Даже не будь он свидетелем личных людских трагедий, он уж мог бы выработать какой-то взгляд на то, почему Вселенная летит с катушек.

Он хотел встретиться с Брюсом Барнсом, даже не прикрываясь предлогом интервью для статьи. Сейчас им руководила личная заинтересованность, он жаждал удовлетворить свои самые глубинные нужды. Столько лет он отрицал идею личного Бога или необходимости в Боге — если Он вообще существовал. Чтобы привыкнуть к этой идее, требовалось время. Капитан Стил говорил о том, что безгрешных нет. Тут Бизон был реалистом. Он знал, что его жизнь никогда не подходила под стандарты учителя воскресной школы, но он всегда надеялся, что если он однажды встретится с Богом, то доброе в нем перевесит дурное и, в общем, он будет не хуже, а то и лучше любого другого. Как-то так.

Теперь же, если верить Рэйфорду Стилу и его цитатам из Библии, было все равно, насколько Бизон был лучше других. Одна древняя фраза поразила его и теперь эхом звучала у него в голове. *Нет ни одного праведника, ни единого.* Ну да, он никогда не считал себя праведником. Может ли он подняться на ступень выше и признать, что ему необходим Бог, прощение, Христос?

Возможно ли это? Неужели он стоит на точке излома и вот-вот станет новообращен-

ным христианином? У него почти камень с души упал, когда Рэйфорд Стил употребил это слово. Бизон читал и даже писал о таких людях, но даже на своем уровне мирского знания он никогда не понимал этой фразы. Он всегда считал слово «новообращенный» чем-то вроде «крайне правого» или «фундаменталиста». Теперь, если он намерен сделать шаг, о котором никогда и не думал, если он не в силах каким-либо образом убедить себя в нелепости истины, которую он уже не может отрицать, он должен взять на себя также и следующую задачу: рассказать миру о том, что на самом деле означает этот расплывчатый термин.

В конце концов Бизон задремал на кушетке в гостиной, несмотря на то что под самым носом ярко горел зажженный ночник. Он крепко проспал пару часов, но проснулся как раз вовремя, чтобы ехать в аэропорт. Перспектива сделать Хлое сюрприз и полететь с ней вызвала у него прилив адреналина, который помог ему преодолеть свою усталость. Но еще заманчивее была перспектива того, что в Чикаго его ждал человек, способный дать ответы на вопросы, человек, которому он заранее верил потому, что его порекомендовал пилот, который с полным осознанием дела излагал свою правду. Забавно будет однажды открыть Рэйфорду Стилу, как это в целом безобидное интервью повлияло на него. Но Бизон думал, что Стил уже об этом догадался. Именно потому, наверное, Стил и говорил с такой страстью.

* * *

Рэйфорд не сомневался, что все происходящее предвещало период Скорбей, предсказанный в Библии, и теперь его мучил лишь один вопрос — а будет ли в этом хоть что-то хорошее? Похоже, Брюс считал, что нет, разве что к ним, возможно, примкнут новообращенные. Пока в этом Рэйфорда терпел сплошное фиаско. Хотя он и считал, что это Бог дал ему слова и отвагу для того, чтобы их произнести, он чувствовал, что сделал что-то неправильное в разговоре с Хэтти. Возможно, она и была права. Возможно, он и правда думал о собственных интересах. Ей показалось, что он просто пытается избавиться от груза вины. Но он знал, как обстоят дела на самом деле. Перед Богом он считал свои намерения чистыми. И все же он не пытался убедить Хэтти верить больше, чем верил он сам. Что хорошего из этого вышло бы? Если он будет верить, а она нет, ей придется признать, что он верит в фальшивку или игнорирует правду. То, о чем он ей рассказал, не оставляло другого выбора.

И как он вел себя во время разговора с Кэмероном Уильямсом! В тот момент Рэйфорд ощущал себя разумным, спокойным, рациональным. Он понимал, что выдвигает революционную идею, говорит ошеломляющие вещи, но он чувствовал, что Бог дал ему способность говорить ясно. Но если он не смог достичь большего результата с репортером,

кроме как вызвать вежливое внимание к себе, то какой из него свидетель? В глубине души Рэйфорд хотел большего эффекта. Он понимал, что до того тратил жизнь впустую и что у него осталось очень мало времени, чтобы наверстать упущенное. Он был бесконечно благодарен за свое спасение, но теперь он желал поделиться им, привести как можно больше людей к Христу. Интервью журналу предоставляло для этого невероятную возможность, но в глубине души он чувствовал, что все прошло не так гладко. Стоит ли молиться об еще одном шансе? Рэйфорд был уверен, что видел Кэмерона Уильямса в последний раз. Он не позвонит Брюсу Барнсу, и слова Рэйфорда Стила никогда не будут опубликованы на страницах «Глобал уикли».

Пока Рэйфорд принимал душ, брился и одевался, он слышал, как собиралась Хлоя. Она явно чувствовала себя не в своей тарелке после вчерашнего вечера, возможно, она даже извинялась перед мистером Уильямсом за нелепую болтовню своего отца. В конце концов она потом постучалась к нему в дверь, вошла и пожелала доброй ночи. Это ведь хоть что-то, не так ли?

Каждый раз, думая о Хлое, Рэйфорд чувствовал, как сжимается сердце, ощущал великую пустоту в душе и горечь. Остальные свои неудачи, если придется, он переживет, но у него сами собой подгибались колени, когда он молча молился за Хлою. «Я не могу потерять ее», — думал он, готовый пожертвовать

ради нее собственным спасением, если понадобится.

И в этом порыве самопожертвования он ощутил, что Бог говорит с ним, внушая ему, что именно такую ношу должен взять на себя тот, кто хочет завоевать сердца людей, повести их к Христу. Так вел себя сам Иисус, готовый принять на себя кару за мужчин и женщин, чтобы те могли обрести жизнь вечную.

Рэйфорд заново укрепился духом, молясь за Хлою, продолжая сражаться с ноющим страхом поражения.

— Господи, мне нужна поддержка, — выдохнул он. — Я должен знать, что не оттолкнул ее навсегда.

Она пожелала ему доброй ночи, но ведь он слышал, как она плакала в постели.

Он вышел уже в форме и улыбнулся ей. Она стояла у дверей, одетая в дорогу.

— Готова, малышка? — несмело спросил он.

Она кивнула и изобразила улыбку, а затем бросилась к нему и крепко обняла его, прижавшись щекой к его груди. Она не сразу отпустила его.

«Спасибо Тебе», — молча поблагодарил он, не зная, нужно ли ему что-то говорить ей. Пора ли? Осмелится ли он прямо сейчас убеждать ее?

И снова в сердце он ощутил присутствие Бога, словно Он говорил напрямую с его душой.

Терпение. Оставь ее. Оставь.

Хранить молчание оказалось невероятно тяжело. Хлоя тоже молчала. Они съели легкий завтрак и отправились в аэропорт Кеннеди.

Хлоя оказалась первым пассажиром на борту.

— Я постараюсь вернуться и побыть с тобой, — сказал он, уходя в кабину.

— Если не сможешь — ничего страшного, — успокоила его она. — Я пойму.

* * *

Бизон подождал, пока остальные пассажиры не зайдут в самолет. Когда он подошел к своему креслу рядом с Хлоей, она сидела, повернувшись всем телом к иллюминатору, скрестив руки и подперев ладонью подбородок. Были ли ее глаза открыты, Бизон не мог сказать. Он подумал, что когда сядет рядом, она обернется, и не смог подавить улыбку, предвкушая ее удивление и почти не тревожась, что она может не так сильно обрадоваться, как он надеялся.

Он сел и стал ждать, но она не обернулась к нему. Может, она заснула? Или куда-то смотрит? Задумалась? Молится? А вдруг она плачет? Бизон надеялся, что нет. Она ему была уже слишком небезразлична, чтобы не думать о том, не плохо ли ей.

И тут у него возникла проблема. Пока он внимательно наблюдал, не повернется ли

Хлоя так, чтобы заметить его краем глаза, его вдруг охватила страшная усталость. Его мускулы заныли, глаза начали слипаться, голова стала тяжелой, словно свинец. Нет уж, он не заснет, и она не увидит его дрыхнущим рядом с собой.

Он жестом подозвал бортпроводницу.

— Пожалуйста, кока-колу, — прошептал он. Небольшое впрыскивание кофеина в кровь поможет ему бодрствовать чуть дольше.

Когда Хлоя не повернулась даже посмотреть на инструкции по безопасности, Бизон забеспокоился. Но он все еще не хотел выдавать свое присутствие. Он хотел, чтобы она обнаружила его как бы случайно. И потому он стал ждать.

Наверное, она устала сидеть в прежней позе, потому что потянулась и ногой зацепила свою дорожную сумку под сиденье перед ней. Она сделала последний глоток сока и поставила его на маленький поднос между ними. Ее взгляд скользнул по его кожаным ботинкам, в которых он был вчера. Она подняла взгляд к его лицу, на котором сияла улыбка.

Он даже не ожидал такой реакции. Она сложила руки и прижала их ко рту, глаза ее наполнились слезами. Затем она схватила его руку обеими руками.

— Бизон, — прошептала она, — о, Бизон!

— Я тоже очень рад вас видеть, — признался он.

Хлоя быстро одернула руки, словно опомнилась.

— Не хотела вести себя как школьница, — сказала она, — но с вами бывало так, чтобы вы получали прямой ответ на свою молитву?

Бизон внимательно посмотрел на нее:

— Я думал, что у вас в семье молится только ваш отец.

— Да, — ответила она, — но я впервые за много лет помолилась — и Бог ответил!

— Вы молились, чтобы с вами рядом оказался я?

— О нет, я и не подумала бы просить о невозможном. А как вы это провернули, Бизон?

Он рассказал:

— Это было нетрудно после того, как я узнал время отлета. Я сказал, что лечу с вами, и легко получил соседнее место.

— Но зачем? Куда вы летите?

— Вы не знаете, куда летит этот самолет? Я надеюсь, что в Сан-Хосе.

Она рассмеялась.

— Но, Хлоя, вы не закончили свой рассказ. Мне никогда еще не отвечали на мою молитву.

— Это долгая история.

— Мне кажется, время у нас есть.

Она снова взяла его за руку.

— Бизон, это слишком необычно. Мне давно уже никто никогда не делал таких приятных подарков.

— Вы сказали, что вам будет меня не хватать, но я сделал это не только для вас. У меня дела в Чикаго.

Она хихикнула и продолжила:

— Я не о вас, Бизон, хотя это очень приятно. Я сказала, что Бог сделал мне приятный подарок.

Бизон не мог скрыть своего конфуза.

И она рассказала ему свою историю.

— Вы, наверное, заметили, что вчера вечером я была не в своей тарелке. Я была очень тронута рассказом папы. То есть я уже все это слышала. Но вдруг в этом оказалось столько любви, столько интереса к людям. Правда ведь, видно, как это важно для него и как серьезно он об этом говорил?

— Да кому же не видно?

— Если бы я этого не знала, Бизон, я бы подумала, что он просто пытается убедить лично вас, а не то что отвечает на ваши вопросы.

— Я не так уверен, что он не пытался меня убедить.

— Вы обиделись?

— Да вовсе нет, Хлоя. Честно говоря, он сумел меня зацепить.

Хлоя замолчала и покачала головой. Когда она, наконец, заговорила, она почти шептала, и Бизону пришлось наклониться к ней. Ему нравился ее голос.

— Бизон, — сказала она, — он звал меня. И я говорю не об отце.

— Это слишком необычно, — ответил он. — Я половину ночи думал об этом.

— Значит, нам обоим недолго осталось ждать, не так ли? — сказала она.

Бизон не ответил, хотя и понимал, о чем она.

— А когда будет ответ на мою молитву? — подтолкнул ее он.

— О да. Я сидела, слушала, как отец изливает вам свои мысли, и тут вдруг я поняла, почему он захотел, чтобы я была с ним, когда он будет говорить о том же самом с Хэтти. Сначала у него было столько проблем со мной, что он просто отшатнулся от меня, а теперь, когда он знает все по-настоящему и ему необходимо убедить меня, он боится напрямую поговорить со мной. Он хотел достучаться до меня опосредованно. И ему удалось. Я не знаю, с чего и как он начал — мы с Хэтти были в туалете, но я слышала это раньше. Но когда я вернулась, я была просто ошеломлена.

Не то чтобы я услышала что-то новое. Новым это было для меня из уст Брюса Барнса, и еще когда смотрела ту запись, но мой отец был еще настойчивее и увереннее в себе. Бизон, я не вижу другого объяснения появлению тех двоих людей в Иерусалиме, они могут быть только теми самыми проповедниками, о которых говорит Библия.

Бизон кивнул.

— И вот, папа и Бог достучались до меня, но я еще не была готова. Я плакала, потому что слишком люблю его и потому что все это — правда. Все это правда, Бизон, вы понимаете?

— Думаю, да, Хлоя.

— Но я все равно еще не могу говорить с отцом об этом. Я всегда была так чертовски независима. Я знаю, что я разочаровывала его, возможно, доводила до отчаяния, и

я могла только плакать. Мне надо было подумать, попытаться молиться, что-нибудь такое... От Хэтти помощи не было. Она не приняла этого и, наверное, никогда не примет. Ее беспокоит только самое обыденное — например, как бы свести нас с вами.

Бизон улыбнулся и попытался изобразить обиду.

— И это — обыденное?

— Ну, по сравнению с тем, о чем мы только что говорили, — да.

— Пожалуй, тут я с вами соглашусь, — сказал Бизон.

Она рассмеялась:

— Значит, я знаю, что папа волновался потому, что я поговорила с вами наедине — сколько там? Три минуты или вроде — прежде, чем подняться наверх?

— Даже меньше.

— Когда я поднялась в наш номер, он уже лежал в постели. Я пожелала ему доброй ночи, только чтобы удостовериться, что он все еще разговаривает со мной. Он ответил мне. А затем я бросилась прочь, не в силах сделать последний шаг. Я расплакалась из-за того, что отец так волнуется за меня и так меня любит.

— Наверное, я в это время тоже не спал, — сказал Бизон.

— Но, — продолжила Хлоя, — это так не похоже на меня. Хотя я и в себе, в смысле это я, я сама. Вы меня понимаете?

Бизон кивнул.

— Я тоже через такое прошел.

— Я поверила, — сказала она, — но я все еще сопротивляюсь. Я ведь интеллектуалка. У меня есть друзья с критическим складом ума. Кто в это поверит? Кто подумает, что я не спятила?

— Поверьте, я понимаю вас, — сказал Бизон, изумленный сходством их переживаний.

— В общем, я была потрясена, — сказала она. — Я не знала, куда податься. Я пыталась приободрить отца, чтобы он не отдалялся так от меня, я знаю, что он видел, как мне плохо, но не понимал, насколько я к нему близка. Я села на этот самолет, желая уединения, простите за всю эту психоделическую болтовню, и задумалась о том, ответит ли Бог на молитву того, кто еще... ну... прежде, чем вы...

— Станете новообращенным христианином, — предположил Бизон.

— Точно! Я не понимаю, почему мне так трудно это сказать. Может, кто-нибудь более мудрый разъяснит мне, но я взмолилась — и, мне кажется, Бог мне ответил. Скажите, Бизон, ведь вы такой рассудочный человек. Если Бог есть и все это — правда, ведь Он же хочет, чтобы мы поняли? В смысле Бог не сделал бы это таким трудным и Он не хочет или, скорее, не может игнорировать отчаянную молитву? Может такое быть?

— Не знаю. Вряд ли.

— Ладно, я так думаю. Я считаю, что это была хорошая проверка, очень обоснованное

испытание, и я оказалась не безнадёжной. Я уверена, что Бог ответил мне.

— И ответом оказался я.

— И ответом оказались вы.

— Хлоя, о чем же вы молились?

— О, сама молитва была так, несущественной, пока я не получила ответа. Я просто сказала Богу, что мне нужно что-то еще. Мне было плохо оттого, что все, что я услышала и узнала от отца, оказалось недостаточным. Я просто искренне взмолилась и сказала, что я была бы очень благодарна, если бы Бог показал, что Ему не все равно, что Он знает, через что я прошла, что Он хочет, чтобы я знала, что Он — здесь.

Бизон ощутил странное чувство — он словно бы пытался заговорить, но голос его был настолько сиплым, что он не мог выговорить ни слова. Он прижал ладонь ко рту, чтобы взять себя в руки. Хлоя уставилась на него.

— И вы ощутили, что я — ответ на вашу молитву? — сказал он наконец.

— Никаких сомнений. Понимаете, как я и сказала, я даже и не думала молиться о том, чтобы вы оказались рядом со мной в самый важный день моей жизни. Я даже не думала, что снова вас увижу. Но Бог словно знал лучше меня, что я никого не была бы так рада увидеть, как вас.

Бизон был очень тронут, даже выразить не мог как. Он ведь мог бы полететь тем же рейсом, что и Хэтти, или десятком других

утренних рейсов в Чикаго. Бизон посмотрел на нее:

— И что вы собираетесь теперь делать, Хлоя? Мне кажется, что Бог поддался на ваш шантаж. Ну, не совсем шантаж, но вы попросили — и Он дал. Словно вы потребовали чего-то в ответ.

— У меня не было выбора, — согласилась она. — Не то чтобы я хотела ответа. Как я поняла из речей Брюса Барнса, папиных разговоров, той записи, не обязательно, чтобы кто-то провел вас через все это, и вам не надо для этого быть в церкви, или что-то вроде. Я могу молиться об этом так же, как я молилась о знаке.

— Ваш отец откровенно сказал об этом вчера вечером.

— Вы хотите присоединиться ко мне? — спросила она.

Бизон замялся:

— Не принимайте близко к сердцу, Хлоя, но я еще не готов.

— А чего вам еще нужно?.. Ой, извините, Бизон. Я поступаю точно так же, как папа в тот день, когда он стал христианином. Он едва мог помочь сам себе, и я так ужасно вела себя по отношению к нему.

— На меня не надо давить, — сказал Бизон. — Как и вы, я чувствую, что стою на пороге. Но я человек очень осторожный, потому я намерен поговорить с этим самым Брюсом Барнсом сегодня. Но, однако, я должен вам сказать, что мои последние сомнения едва ли устоят перед тем, что случилось с вами.

— Понимаете, Бизон, — сказала Хлоя, — я обещаю, что это будет последним, что я скажу об этом, но я думаю так же, как и мой отец. Я потому так стремлюсь рассказать вам об этом, потому, что никогда не знаешь, что случится в следующий момент.

— Я понимаю, — успокоил ее он. — Я надеюсь, что этот самолет не разобьется, поскольку мне надо поговорить с Барнсом, но в ваших словах есть смысл.

Хлоя повернулась и посмотрела через плечо.

— Позади два свободных кресла, — сказала она. Она остановила проходящую мимо бортпроводницу. — Я могу через вас передать сообщение для папы?

— Конечно. Капитану или первому помощнику?

— Капитану. Пожалуйста, скажите ему, что у его дочери есть для него очень приятные новости.

— Очень приятные новости, — повторила стюардесса.

* * *

Рэйфорд сам вел самолет, чтобы отвлечься, когда его старшая бортпроводница передала ему сообщение. Он понятия не имел, что это значит, но в последнее время проявлять инициативу в общении было так непохоже на Хлою, что это его заинтриговало.

Он попросил своего второго пилота подменить его. Рэйфорд отстегнул ремень и, выйдя наружу, с удивлением увидел Кэмерона Уильямса. Он надеялся, что новостью Хлои был не Кэмерон Уильямс. Хотя приятно было думать, что этот человек выполнит свое обещание поговорить с Брюсом Барнсом, Рэйфорд также надеялся, что Хлоя не намеревается сейчас сообщить ему о каком-нибудь опрометчивом внезапном романе с этим парнем.

Он пожал руку журналисту и выразил свое приятное, но все же настороженное удивление. Хлоя обняла его за шею обеими руками и осторожно притянула его к себе, чтобы прошептать ему на ухо:

— Папа, мы не могли бы посидеть пару минут наедине, чтобы я могла кое-что тебе сказать?

* * *

Поначалу Бизон увидел в глазах капитана Стила разочарование. Он собирался было рассказать пилоту, почему он рад, что летит в Чикаго. Сидеть рядом с Хлоей было всего лишь бонусом. Он украдкой посматривал назад, на Стила с Хлоей, увлеченных разговором. Затем они вдруг стали вместе молиться. Бизон подумал — а нет ли каких-нибудь запретов на такое на борту? Он понимал, что Рэйфорд не может общаться с ней долго.

Через несколько минут Хлоя вышла в проход между креслами, Рэйфорд встал и

обнял ее. Обоих переполняли чувства. Пара средних лет, сидевшая напротив, выглядывала в проход, подняв брови. Капитан заметил это, выпрямился и пошел к кабине.

— Это моя дочь, — неуклюже сказал он, показывая на Хлою, которая улыбалась сквозь слезы. — Это моя дочь.

Пара переглянулась, и женщина сказала:

— А я — королева английская.

Бизон громко рассмеялся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Бизон позвонил в Общинную церковь Новой Надежды, чтобы договориться о встрече с Брюсом Барнсом на ранний вечер. Большую часть дня он провел в чикагском бюро «Глобал уикли». Новость о том, что он становится их начальником, уже облетела отдел, и его холодно приветствовала бывшая помощница Люсинды Вашингтон, молодая женщина в удобных туфлях. Она безапелляционно заявила ему:

— Планк не поставил никого на место Люсинды, потому я решила, что это место займу я.

Одно ее поведение и самоуверенность заставили Бизона сказать:

— Вряд ли, но вы будете первой, кто узнает о новом назначении. Пока я не собираюсь производить перестановок в штате.

Остальные сотрудники все еще оплакивали Люсинду, и, казалось, они радовались приезду Бизона. Стив Планк вряд ли приезжал в Чикаго и точно не бывал там с момента исчезновения Люсинды.

Бизон расположился в ее бывшем кабинете, расспросил ведущих сотрудников, вызывая их к себе с интервалом в двадцать минут. Он также рассказал каждому о своем редакционном задании и спросил, что лично они думают об исчезновениях. Последним вопросом, который он задавал каждому из них, был следующий:

— Как вы думаете, где сейчас находится Люсинда Вашингтон?

Более половины попросили не публиковать их ответов, но в целом это были вариации на тему: «Если рай существует, то она сейчас там».

Ближе к концу рабочего дня Бизону сказали, что Си-эн-эн в прямом эфире передают какую-то важную новость из ООН. Он пригласил сотрудников в офис, и они вместе стали смотреть трансляцию.

— В процессе самых впечатляющих и далекоидущих преобразований в истории этой международной организации, — говорилось в репортаже, — румынский президент Николае Карпати, хотя он и противился этому, был практически единогласно выдвинут на должность Генерального секретаря ООН. Карпати, который настаивал на коренных изменениях в направлении деятельности и полномочиях ООН, после попытки вежли-

во отказаться от этого поста в конце концов всего несколько мгновений назад стал Генеральным секретарем ООН.

Как заявил сегодня утром его пресс-секретарь и представитель Стив Планк, бывший главный редактор «Глобал уикли», Карпати не был заинтересован в этой должности и перечислил тысячи требований, на которых настаивал бы румын прежде, чем вообще помыслить о таком. Планк сказал, что предложение по выдвижению на эту должность Карпати исходило от бывшего Генерального секретаря, Мвангати Нгумо из Ботсваны. Мы спросили у Нгумо, почему он уходит.

На экране появилось лицо Нгумо. Он прятал взгляд, тщательно скрывая свои чувства.

— Я давно уже понимал, что, разрываясь между обязательствами перед своей страной и ООН я не могу выполнять полноценно ни той, ни другой роли. Мне пришлось сделать выбор, и я понял, что прежде всего я — тсвана¹. Теперь у нас есть возможность стать процветающей нацией благодаря щедрости наших израильских друзей. Так что время настало, и для этого времени нужен новый человек. Я буду во всем сотрудничать с ним.

— Скажите, сэр, а вы уступили бы эту должность, если бы мистер Карпати отказался?

¹ Тсвана — народ группы банту, занимающий территорию в верхнем течении р. Лимпопо в Ботсване, а также проживающий на территории ЮАР.

Нгумо замялся.

— Да, — сказал он. — Я ушел бы. Возможно, не сегодня и не с такой уверенностью в дальнейшей судьбе ООН, но — да, в конце концов, я ушел бы.

Репортер Си-эн-эн продолжал:

— Это лишь вопрос времени. Все требования, которые выдвинул Карпати на пресс-конференции сегодня рано утром, были официально поставлены на голосование и ратифицированы Советом Безопасности. В течение года штаб-квартира ООН будет перенесена в Новый Вавилон. Состав Совета Безопасности будет в течение месяца расширен до десяти постоянных членов. Утром в понедельник предполагается пресс-конференция, в ходе которой Карпати представит несколько выбранных лично им кандидатов в Совет Безопасности.

Конечно, нет гарантий, что даже нации — члены ООН единодушно согласятся на предложение уничтожить девяносто процентов своего вооружения и передать десять оставшихся ООН. Но несколько послов уже выразили свою уверенность в «создании и вооружении международных миротворческих сил под управлением решительного пацифиста и активиста разоружения». Сам Карпати утверждает: «ООН не понадобится военная мощь, если больше ни у кого не будет ни армии, ни оружия, и я предвижу день, когда разоружится и ООН».

Также сегодня будет подписан пакт о границах и семилетнем мире между стра-

нами — членами ООН и Израилем. В обмен Израиль выборочно даст странам ООН право использовать формулу удобрения, разработанную нобелевским лауреатом доктором Хаимом Розенцвейгом, которая превращает пески пустыни в цветущий сад, и которая сделала Израиль главным мировым экспортером.

Бизон неотрывно смотрел на экран, с которого Розенцвейг возбужденно выражал свою безоговорочную поддержку Карпати. Также в новостях сообщалось, что Карпати попросил несколько международных групп, уже съехавшихся в Нью-Йорк на предстоящие встречи, собраться в конце недели вместе, чтобы выдвинуть совместные предложения, сформулировать резолюции и приглашения.

— Я побуждаю их действовать как можно быстрее в направлении всеобщего мира и мирового единства.

Репортер спросил Карпати насчет того, в чем состоит его план создания единой мировой религии и впоследствии единого мирового правительства. Последовал ответ:

— Я не могу придумать более воодушевляющего примера, чем сотрудничество всех мировых религий. Нет ничего хуже, чем разногласия и соперничество между группами тех, чья миссия — нести любовь. Каждый приверженец чистой религии должен радоваться такой возможности. Дни ненависти миновали. Те, кто любит человечество, объединяются.

Диктор Си-эн-эн продолжал:

— Среди прочих сегодняшних событий следует отметить слухи об организации групп, поддерживающих создание мирового правительства. Мы спросили Карпати, не хочет ли он занять позицию лидера в этой организации.

Карпати посмотрел прямо в камеру своими влажными глазами и глубоким голосом произнес:

— Я потрясен тем, что меня попросили занять пост Генерального секретаря ООН. Больше я ни к чему не стремлюсь. Хотя идея единого мирового правительства очень мне нравится, я могу ответить только то, что есть много гораздо более достойных кандидатов на эту должность. Поскольку для меня честь служить людям всем, чем я могу, и поскольку я не вижу себя в роли такого лидера, я предоставляю все ресурсы ООН в помощь, если меня об этом попросят.

«Мягко стелет», — подумал Бизон. У него голова шла кругом. Пока комментаторы и мировые лидеры рассыпались в похвалах единой мировой валюте, единому языку и даже щедрости Карпати, который выразил свою поддержку восстановлению Храма в Израиле, штат чикагского бюро «Глобал уик-ли» уже был склонен разойтись по местам.

— Впервые за много лет я без пессимизма смотрю на будущее общества, — сказал один репортер.

— Я в первый раз после исчезновений улыбался, — добавил другой. — Мы должны

объективно рассматривать события и быть циниками, но как такое может не прийтись по душе? На осуществление всего этого понадобится много лет, но, в конце концов, когда-нибудь мы все же увидим мир во всем мире. Ни тебе оружия, ни войн, ни спора о границах, ни языкового или религиозного фанатизма. Ха! Да кто бы мог поверить, что такое вообще когда-нибудь случится?

Бизону позвонил Стив Планк.

— Ты следишь за тем, что происходит? — сказал Планк.

— А кто не следит-то?

— Правда, потрясающе?

— Крышу сносит.

— Слушай, Карпати хочет, чтобы ты был здесь утром в понедельник.

— Зачем?

— Ты ему понравился, парень. Не отказывайся. Перед пресс-конференцией он намерен встретиться со своими главными помощниками и десятью делегатами постоянного Совета Безопасности.

— И он хочет, чтобы я там был?

— Ага. Догадайся, кто среди этих самых главных помощников.

— Просвети уж.

— Ну, один же очевиден.

— Стонагал.

— Конечно.

— И Тодд-Котран. Как понимаю, он становится новым представителем от Великобритании?

— Может, и нет, — сказал Стив. — Там есть еще один британец. Я не знаю его имени,

но он тоже входит в международную финансовую группировку, которой руководит Стонагал.

— Думаешь, Карпати попросил Стонагала держать еще кого-нибудь про запас, если он выгонит Тодд-Котрана?

— Возможно, но никто ничего не говорил Стонагалу.

— Даже Карпати?

— Особенно Карпати. Он знает, кто его сделал. Но он человек честный и искренний, Бизон. Николае не будет делать ничего противозаконного, или тайного, или даже чересчур завязанного на политику. Он чист. Чист как свежий снег. Ну как, сможешь?

— Думаю, надо будет. Сколько там будет представителей прессы?

— А теперь сядь. Сел? Ты один.

— Шутишь.

— Я серьезно. Ты нравишься ему, Бизон.

— В чем подвох?

— Да нет тут никакого подвоха. Он ничего не просит, даже не просит благосклонного репортажа. Он знает, что ты будешь объективен и честен. А пресса получит полный отчет на последующей конференции.

— Такого случая я упустить не могу, — сказал Бизон, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— В чем дело, Бизон? Это же история! Это же путь к тому миропорядку, которого мы всегда хотели и на который надеялись!

— Надеюсь, что ты прав.

— Я прав. Кстати, Карпати хочет кое-чего еще.

— Значит, подвох все же есть.

— Нет, ничего подобного! Если не можешь, то не можешь. Тебя все равно ждут в понедельник утром. Но он снова хочет увидеть твою подружку-стюардессу.

— Стив, их так больше не называют. Она бортпроводница.

— Да хоть горшком назови. Приведи ее с собой, если сможешь.

— А почему он сам ее не попросит? Я что, сутенер, что ли?

— Да брось, Бизон. Все не так. Одинокий мужчина на таком посту? Он не может выскакивать на свидания. Ты же их представил друг друга, помнишь? Он доверяет тебе.

«А как иначе, — подумал Бизон, — если приглашает меня на эту большую предпресс-конференцию».

— Я ее спрошу, — сказал он. — Но ничего не обещаю.

— Не разочаровывай меня, дружище.

* * *

Рэйфорд Стил был счастлив, как в тот день, когда решил обратиться к Христу. Видеть улыбку Хлои, видеть, как она жадно читает Библию Ирэн, молиться вместе с ней и говорить обо всем, что угодно, — о таком он и мечтать не мог.

— Мы должны сделать одну вещь, — сказал он. — Надо, чтобы у тебя была собственная Библия. Иначе ты эту до дыр зачитаешь.

— Я хочу присоединиться к вашей инициативной группе, — сказала она. — Первым делом я хочу услышать все это от Брюса. Единственное, что меня беспокоит, так это то, что дела в дальнейшем пойдут хуже.

Поздно днем они подъехали к Брюсу, который подтвердил опасения Хлои.

— Мы страшно рады принять тебя в нашу семью, — сказал он, — но ты права. Народ Божий стоит на пороге темных времен. Как и все. Я думал и молился за то, что нам предстоит сделать как церкви в период до Явления во Славе.

Хлоя пожелала узнать об этом все, потому Брюс на примере цитат из Библии объяснил ей, почему они верят в то, что Христос придет по окончании семи лет, в конце времени Скорбей.

— Большинство христиан погибнут мученической смертью, погибнут на войне, умрут от голода, чумы и землетрясений, — сказал он.

Хлоя улыбнулась.

— Забавно, — сказала она, — но, наверное, мне следовало подумать об этом прежде, чем подписаться под это дело. Сложно вам будет убеждать людей встать на вашу сторону с этой вашей вербовочной брошюрой.

Брюс поморщился:

— Да, но альтернатива еще хуже. Первый шанс мы все упустили. Мы бы могли прямо

сейчас оказаться на небесах, прислушайся мы к словам тех, кого любили. Я не хотел бы умереть ужасной смертью в этот период, но лучше это, чем быть среди оставленных Богом. Кроме того, смерть грозит всем. Единственная разница — у нас есть еще один путь к смерти, а у них нет.

— Путь мученика.

— Да.

Рэйфорд сидел и слушал, осознавая, как этот мир изменился за столь краткое время. Совсем недавно он был уважаемым пилотом, асом своей профессии, он жил двойной жизнью, он был лишь оболочкой человека. А теперь он ведет тайный разговор в местной церкви со своей дочерью и молодым пастором, пытаясь решить, как же им пережить семь лет испытаний, которые последуют за Восхищением.

— У нас есть инициативная группа, — сказал Брюс. — Хлоя, если ты серьезно готова полностью посвятить себя этому делу, то мы будем тебе рады.

— А разве есть выбор? — поинтересовалась она. — Если все, что вы говорите, — правда, то времени на шутки нет.

— Ты права. Но я также подумал о более тесной группе внутри инициативной. Я ищу людей выдающейся отваги и разума. Я не хочу принижать преданность остальных членов нашей церкви, особенно тех, кто входит в инициативную группу. Но некоторые из них люди робкие, пожилые, немощные. Я молюсь о внутреннем круге людей,

которые готовы сделать большее, чем просто выжить.

— К чему вы клоните? — спросил Рэйфорд. — Вы хотите не просто защищаться?

— Что-то вроде. Одно дело — прятаться здесь, изучать материалы, анализировать, что происходит, чтобы не поддаться обману. Хорошо, конечно, молиться за свидетелей, появившихся в Израиле, хорошо осознавать, что во всем мире есть другие анклавные верующих. Но неужели вы в душе хотя бы немного не хотите броситься в бой?

Рэйфорд был заинтригован, но не уверен. Хлоя оказалась более решительной.

— Это повод, — сказала она. — Есть не только то, за что можно умереть, но и то, ради чего следует жить!

— Да!

— Группа, команда, отряд, — сказала Хлоя.

— Ну вот тебе. Отряд.

Глаза Хлои возбужденно сверкали. Рэйфорду нравился ее юношеский задор, ее жажда встать за дело, которое всего несколько часов было для нее чуждым.

— А как вы называете это период?

— Время Скорбей, — сказал Брюс.

— Ну, вот пусть ваша группа внутри группы, этикие зеленые береты, так и называется — Отряд Скорби.

— Отряд Скорби, — проговорил Брюс, глядя на Рэйфорда. Он встал и начал что-то чертить на своем лекционном плакате. — Мне это нравится. Вы не обманывайтесь,

это не развлечение. Это самое опасное дело в мировой истории, за которое только может взяться человек. Мы будем учиться, готовиться, говорить. Когда станет понятно, кто Антихрист, лжепророк, зло, лживая религия, нам придется выступить против них. На нас будут охотиться. Христианам придется скрываться в катакомбах, где они с Библией переживут все, кроме землетрясений и войн, но для нас угроза будет со всех сторон.

Настанут времена, Хлоя, когда сторонники Антихриста будут вынуждены носить на себе знак зверя. Есть много теорий по поводу того, как это может выглядеть — в виде татуировки, клейма на лбу, которое можно будет обнаружить в инфракрасном свете. Понятно, что мы будем отказываться носить этот знак. Это непокорство само по себе будет знаком. Мы будем обнажены, лишены защиты, которую дает принадлежность к большинству. Ты все еще не передумала вступать в Отряд Скорби?

Рэйфорд кивнул и улыбнулся, услышав твердый ответ дочери:

— Я не упущу такой возможности.

* * *

Через пару часов после ухода Стилов Бизон Уильямс припарковал взятую напрокат машину перед Общинной церковью Новой Надежды в Маунт-Проспект, Иллинойс.

У него был ощущение надвигающегося рока и какого-то страха. Каким окажется этот самый Брюс Барнс? На кого он будет похож? Сумеет ли он с первого взгляда распознать нехристианина?

Бизон сидел в машине, положив голову на руки. Он знал, что у него слишком аналитический ум, чтобы делать скоропалительные выводы. Даже когда много лет назад он покинул дом, чтобы получить образование и стать журналистом, этот свой шаг он обдумывал несколько лет. Для его семьи это было как гром среди ясного неба, но для молодого Кэмерона это был просто логически обусловленный очередной шаг, часть его далекоидущего плана.

Но то, куда сейчас занесло Бизона, не входило ни в один из его планов. Ничего из того, что случилось после злополучного полета в Хитроу, не встраивалось в его заранее продуманную схему. Он всегда любил интуитивные решения, но пропускал их сквозь сито логики, рассматривал с точки зрения упорядоченности. Огненная буря в Израиле потрясла его, но даже тогда он действовал с точки зрения здравого смысла. У него были карьера, положение, должность. Он был в Израиле по заданию, и хотя он не ожидал, что в один миг станет военным корреспондентом, он был подготовлен к этому всем распорядком своей жизни.

Однако ничто не подготовило его к исчезновению или насильственной смерти его друзей. Хотя он и был готов к повышению

по службе, это тоже не входило в его планы. Теперь работа над теоретической статьей открыла ему такую пылающую бездну в его собственной душе, о которой он и не подозревал. Он чувствовал себя одиноким, беззащитным, и все же встреча с этим самым Брюсом Барнсом была его идеей. Да, предложил это сделать летчик. Но Бизон мог спокойно пропустить его слова мимо ушей. Он затеял эту поездку не для того, чтобы провести пару лишних часов с прекрасной Хлоей, да и чикагское бюро могло подождать. Он знал, что приехал сюда ради этой встречи. Бизон смертельно устал. Он направился к церкви.

То, что Брюс Барнс оказался примерно одних лет с Бизоном, стало для того приятным сюрпризом. Он казался умным и серьезным, он обладал той же убедительностью и страстностью, как и Рэйфорд Стил. Он казался довольно безобидным человеком, современным, ясно мыслящим и знающим свое дело. Он встретился с молодым пастором в его скромном кабинете.

— Ваши друзья, Стили, сказали мне, что вы можете позвонить, — начал Барнс.

Бизон был поражен его честностью. В кругах, в которых вращался Бизон, он придержал бы эту информацию для себя. Но он понимал, что пастору незачем юлить. Ему нечего было скрывать. По сути дела, Бизон искал информацию, а Брюс был рад ею поделиться.

— Я хочу вам сказать сразу, — продолжил Брюс, — что я знаю о вашей работе и

уважаю ваш талант. Но, говоря откровенно, у меня больше нет времени на шутки и болтовню, которой обычно характеризуется моя работа. Мы живем в опасные времена. У меня есть послание и ответ для тех, кто искренне ищет. Я всем говорю заранее, что не буду извиняться за то, что собираюсь сказать. Если вы способны смириться с этим основным условием, то тогда я весь ваш.

— Хорошо, сэр, — сказал Бизон, ошеломленный эмоциональностью и смирением, которые услышал в собственном голосе, — я ценю это. Я не знаю, сколько времени мне понадобится, поскольку я тут не по работе. Возможно, было бы разумно вставить в статью мнение пастора, но читатели и сами могут догадаться о том, что думает пастор, особенно по ответам тех людей, которых я цитирую в статье.

— Таких, как капитан Стил.

Бизон кивнул.

— Я тут по своему делу, и, должен вам сказать откровенно, я не знаю, что об этом думать. Не так давно ноги бы моей в этом месте не было, я вообще представить не мог, что из церковных стен может явиться что-нибудь достойное внимания. Я понимаю, что это не слишком хорошо с моей стороны как журналиста, но пока вы будете со мной честны, буду честен и я. Капитан Стил произвел на меня большое впечатление. Он умный, мыслящий человек — и он верит. Вы тоже кажетесь умным человеком, и я... не знаю. Я слушаю, вот и все.

Брюс начал с того, что рассказал Бизону историю своей жизни — о том, как вырос в христианской семье, учился в Библейском колледже, женился на христианке, стал пастором, и все прочее. Он подчеркнул, что знал историю Христа, знал о прощении и отношениях человека с Богом.

— Я думал, что взял лучшее от обоих миров. Но Писание говорит четко — нельзя служить двум господам. Нельзя идти сразу двумя дорогами. И я открыл, что истинный путь — самый тяжелый. — Он рассказал о том, как потерял семью и друзей, всех, кто был ему дорог. Он заплакал по ходу рассказа. — Боль настолько свежа, словно все случилось только что.

Затем Брюс, как и Рэйфорд, обрисовал план спасения от начала до конца. Бизон начал нервничать, волноваться. Ему нужно было прерваться. Он перебил Боюса и спросил, не хочет ли он узнать кое-что о нем.

— Конечно, — ответил Брюс.

Бизон рассказал о том, что случилось с ним, сосредоточившись в первую очередь на русско-израильском конфликте, имевшем место примерно четырнадцать месяцев назад.

— Вижу, — сказал, в конце концов, Брюс, — что Бог пытался привлечь ваше внимание.

— Ну, так Ему удалось, — заверил Бизон. — Я просто хочу предупредить вас, что нелегко поддаюсь убеждениям. Все это интересно и звучит более правдоподобно, чем

прежде, но просто я не могу вот так, очертя голову.

— Никто не может заставить вас или принудить, мистер Уильямс, но я должен еще раз повторить, что мы живем в опасные времена. Мы не знаем, сколько времени осталось нам на раздумье.

— Вы говорите прямо как Хлоя Стил.

— А она — как ее отец, — улыбнулся Брюс.

— А он, смею предположить, говорит с ваших слов. Я понимаю, почему вы все считаете это дело срочным, но как говорится...

— Я понимаю, — ответил Брюс. — Если у вас сейчас есть немного времени, то позвольте мне подойти с другой стороны. Я знаю, что вы человек умный, так что вы могли бы сами получить всю нужную вам информацию прежде, чем уехать отсюда.

Бизон выдохнул. Он боялся, что Брюс начнет обсуждать вопрос, заставляя его произносить ту молитву, о которой ему говорили Рэйфорд Стил и Хлоя. Он принимал, что без этого нельзя, что это будет знаком общения и началом его взаимоотношений с Богом — с Тем, с кем он никогда прежде, по сути дела, не говорил. Но он не был готов. По крайней мере, он так не думал. И заставить его не сможет никто.

— Мне не надо возвращаться в Нью-Йорк раньше утра понедельника, — сказал он, — так что сегодня вечером я готов вам уделить столько времени, сколько вам понадобится.

— Я не хочу говорить мрачно, мистер Уильямс, но больше у меня нет обязательств перед семьей. Завтра у меня встреча с инициативной группой и служба в субботу. Приглашаю вас посетить ее. Но мне хватит сил говорить с вами до полуночи, если вам нужно.

— Тогда я весь ваш.

Следующие несколько часов Брюс давал Бизону краткий курс информации по пророчествам и концу света. Бизон услышал многое насчет Восхищения и двух пророков-свидетелей, узнал кое-что об Антихристе. Но когда Брюс дошел до грядущего возникновения единой мировой религии, лживого так называемого миротворца, который развяжет кровавую войну, до Антихриста, который разделит мир на десять царств, у Бизона кровь застыла в жилах. Он замолк, больше не засыпал Брюса вопросами или комментариями. Он быстро, как мог, набрасывал заметки.

Осмелится ли он сказать этому скромному человеку, что считает Николае Карпати как раз тем человеком, о котором говорится в Писании? Не может ли все это быть только совпадением? У него задрожали руки, когда Брюс заговорил о семи годах мира между Антихристом и Израилем, о восстановлении Храма и даже о том, что центром нового миропорядка станет Вавилон.

Когда наступила полночь, наступили и пределы силам Бизона. Он ощущал в душе жуткий страх. Брюс Барнс не мог ничего знать

о планах Николае Карпати прежде, чем о них объявили днем в новостях. С одной стороны, он подумал было обвинить Брюса в том, что все его речи основаны на репортажах Си-эн-эн, но даже если и так, ведь в Библии все было написано черным по белому.

— Вы смотрели сегодня новости? — спросил Бизон.

— Сегодня нет, — сказал Брюс. — Я с полудня был на встрече и кое-что мимоходом узнал прямо перед вашим приездом.

Бизон рассказал ему о том, что произошло в ООН. Брюс побледнел.

— Так вот почему мы все слышали эти щелчки автоответчика, — сказал Брюс. — Я отключил сигнал, так что только по щелчку автоответчика можно было понять, что был звонок. Люди звонили мне, чтобы сообщить об этом. И много звонили. Мы разговаривали о том, что говорит о возможном будущем Библия, а когда это будущее настало, люди стали звонить.

— Вы считаете, что Карпати и есть Антихрист?

— Не вижу, как можно сделать иной вывод.

— Но я на самом деле верю в этого парня.

— А почему нет? Большинство из нас ему верит. Скромный, заинтересованный в благополучии людей, лишенный амбиций, не ищущий лидерства или власти. Но Антихрист — лжец. И у него есть власть над умами людей. Он может заставить людей принять ложь за правду.

Бизон рассказал Брюсу о приглашении на встречу перед пресс-конференцией.

— Вы не должны идти, — сказал Брюс.

— Я не могу не пойти, — ответил Бизон. — Такой шанс выпадает раз в жизни.

— Мне жаль, — сказал Брюс. — Я не вправе вам приказывать, но позвольте мне просить вас, предупредить вас о том, что случится дальше. Антихрист укрепит свою власть демонстрацией силы.

— Он уже сделал это.

— Да, но похоже, что до воплощения в жизнь всех этих далекоидущих соглашений пройдут месяцы или даже годы. Но теперь он должен показать силу. Что такого он может сделать, чтобы укрепить свое положение так, чтобы никто не посмел выступить против него?

— Я не знаю.

— У него несомненно есть какие-то собственные мотивы желать вашего присутствия там.

— Ему нет от меня толку.

— Будет, если он сумеет вами управлять.

— Но он же не управляет мной.

— Если он то самое зло, о котором говорится в Библии, то он мало чего не в силах сделать. Я прошу вас не ходить туда без защиты.

— Телохранителя?

— Как минимум. Но если Карпати — Антихрист, разве вы хотите встретиться с ним в одиночку, без Бога?

Бизон был потрясен. Этот разговор и так был чересчур необычным даже в том,

что Брюс не пытался никоим образом воздействовать на Бизона, чтобы обратить его. Несомненно, вопрос был искренним и логичным, но Бизон почувствовал, что на него давят.

— Я понимаю, о чем вы, — медленно проговорил он, — но я не хочу думать, что меня загипнотизируют или что там еще.

— Мистер Уильямс, делайте то, что должны, но я прошу вас — если вы пойдете на эту встречу без Бога в сердце, вы окажетесь в смертельной опасности, и под угрозой будет ваша душа.

Он рассказал Бизону о своем разговоре со Стилами и о том, как они совместно пришли к идее Отряда Скорби.

— Это отряд серьезно настроенных людей, готовых отважно выступить против Антихриста. Я просто не ожидал, что он откроется так быстро.

Отряд Скорби — это название задело какую-то струну глубоко в душе Бизона. Он мысленно вернулся к тем временам, когда он только начинал свою карьеру журналиста, когда он верил, что может изменить мир. Он мог не спать всю ночь, обсуждая с коллегами, как им набраться мужества и дерзости, чтобы противостоять тирании, правительству, фанатизму. С годами и по мере карьерного роста он утратил этот пыл и живость. Он по-прежнему хотел делать правильные вещи, но он утратил ощущение «один за всех и все за одного», когда его талант и слава начали обгонять способности его коллег.

Идеалист и бунтарь, живший в его душе, стремился к этим идеям, но он взял себя в руки прежде, чем дать уговорить себя стать христианином просто для того, чтобы присоединиться к маленькому восхитительному клубу верующих.

— Как думаете, мне можно присутствовать на встрече вашей инициативной группы завтра утром? — спросил Бизон.

— Боюсь, нет, — ответил Брюс. — Я думаю, что это было бы вам интересно, и лично я уверен, что это помогло бы убедить вас, но завтра мы встречаемся только в составе группы лидеров. Честно говоря, я завтра буду говорить с ними о том, что мы с вами обсуждали сегодня ночью, так что для вас все равно это было бы повторением пройденного.

— А в церкви в воскресенье?

— Я буду очень вам рад, но, должен сказать, говорить я буду о том же самом, о чем говорю каждое воскресенье. Вы слышали все это от Рэя Стила и от меня. Если повторение пойдет вам на пользу, то приходите и посмотрите, сколько взыскующих и сколько нашедших придет сюда. Если будет так же, как последние два воскресенья, то придется стоять.

Бизон встал и потянулся. Он задержался у Брюса сильно за полночь, потому извинился.

— Да не за что, — ответил Брюс. — Это моя работа.

— Вы не знаете, где бы мне достать Библию?

— Я могу ее вам дать, — сказал Брюс.

* * *

На другой день инициативная группа с радостью и ликованием приняла в свой круг нового члена, Хлою Стил. Большую часть дня они провели, анализируя новости и пытаясь определить сходство Николае Карпати и Антихриста. Никто не мог привести аргументов против.

Брюс рассказал им о Кэмероне Уильямсе, не упоминая ни его имени, ни связи с Рэйфордом и Хлоей. Хлоя молча плакала, пока все они молились за спасение его и его души.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Бизон провел субботу в пустом кабинете чикагского бюро «Глобал уикли», где принялся писать статью о теориях, объяснявших исчезновения. В голове все кружили и кружили мысли, заставляя думать о Карпати и о том, как бы написать о том, что этот человек кажется точной копией Антихриста из библейского пророчества. К счастью, он мог подождать с этим до утра понедельника.

Где-то ближе к обеду Бизон позвонил Стиву Планку в отель «Плаза» в Нью-Йорк.

— Я буду утром в понедельник, — сказал он, — но Хэтти Дюрхем я с собой не беру.

— Почему нет? Это же такая небольшая дружеская просьба.

— Твоя?

— Ника.

— Значит, теперь он Ник? Ладно, мы с ним не настолько близки для такой фамильярности,

и я не снабжаю женщинами даже самых близких друзей.

— Даже меня?

— Если бы я знал, что ты обойдешься с ней с должным уважением, Стив, я бы познакомил тебя с Хэтти.

— Ты правда не хочешь сделать это для Карпати?

— Нет. Что теперь? Приглашение отменяется?

— Я не собираюсь ему говорить.

— А как ты объяснишь ее отсутствие?

— Я сам ее попрошу, Бизон, ханжа ты этакий.

Бизон не стал говорить, что предупредит Хэтти, чтобы она не ходила. Он спросил Стива, не сможет ли Карпати дать ему еще одно эксклюзивное интервью прежде, чем он начнет писать о нем заглавную статью.

— Я посмотрю, что можно сделать, но ты ведь даже маленькую услугу ему не захотел оказать, а сам просишь одолжения?

— Ты же сам сказал, что я ему нравлюсь. Ты знаешь, что я собираюсь написать о нем статью. Ему же это нужно.

— Если ты вчера смотрел ящик, то ты знаешь, что ему ничего не нужно. Это он нам нужен.

— Да неужели? А ты не натыкался ни на одну теорию, которая связывает его с концом света, описанным в Библии?

Стив Планк не ответил.

— Стив?

— Я слушаю.

— Ну, так было или нет? Не встречал никого, кто считает, что он тютелька в тютельку подходит под описание одного злодея из Откровения? Как он ответит на это, если я спрошу?

Стив по-прежнему молчал.

— Не играй со мной, Стив. Я не говорю, что я так думаю или так считает кто-то, кто все знает, и что вообще кому-то есть дело до этого. Я пишу статью о том, что стоит за исчезновениями, и ты знаешь, что мне приходится рассматривать все религиозные концепции. Никто никогда не находил здесь параллелей?

Когда Стив и на сей раз промолчал, Бизон просто посмотрел на часы и решил, что дождется ответа. Прошло секунд двадцать напряженного молчания, и Стив негромко заговорил.

— Бизон, у меня есть ответ. Всего два слова. Ты готов услышать?

— Готов.

— Стейтен-Айленд.

— Ты хочешь мне сказать, что?..

— Не называй имен, Бизон! Везде есть уши.

— Значит, ты мне угрожаешь...

— Я не угрожаю. Я предостерегаю. Можно сказать, предупреждаю тебя.

— Позволь мне напомнить тебе, Стив, что я не очень пуглив. Ты должен это помнить с давних времен, когда мы работали вместе и ты говорил, что я самая упорная гончая, которую ты когда-либо пускал по следу?

— Не возьми неверный след, Бизон.

— Тогда позволь спросить тебя вот о чем, Стив.

— Осторожнее, пожалуйста.

— Хочешь поговорить со мной по другой линии?

— Нет, Бизон, я просто хочу, чтобы ты был осторожнее в выборе слов. И я тоже.

Бизон начал быстро записывать в желтом блокнотике.

— Что же, достаточно честно, — сказал он, записывая: «Карпати или Стонагал виновны в смерти Эрика Миллера?». — Я хочу узнать вот что: если ты считаешь, что мне надо держаться подальше от паромов, так это потому, что наш парень стоит у штурвала или мне надо опасаться того, кто снабжает его топливом?

— Последнее, — тут же ответил Стив.

Бизон обвел кружком имя Стонагала.

— Значит, ты считаешь, что рулевой не знает о том, что от его имени делает заправщик?

— Верно.

— Значит, если кто-то подбирается слишком близко к рулевому, то его надо прикрывать и он не должен об этом знать?

— Верно.

— Но если он узнает об этом?

— Он разберется с этим.

— Это я намерен вскорости увидеть.

— Тут я ничего сказать не могу.

— Ты можешь мне сказать, на кого на самом деле работаешь?

— Я работаю на того, на кого, как тебе кажется, я работаю.

Что это могло означать? Карпати или Стонагал? Как он мог сказать это Бизону напрямую из отеля «Плаза», где везде могли стоять «жучки»?

— Ты работаешь на румынского бизнесмена?

— Конечно.

Бизон чуть не дал себе по лбу. Это мог быть и Карпати и Стонагал.

— Правда? — сказал он, надеясь на большее.

— Мой босс горами движет, не так ли? — заявил Стив.

— Это уж точно, — ответил Бизон, обводя кружком имя «Карпати». — Наверняка ты доволен всем, что происходит в эти дни.

— Я доволен.

Бизон написал: «Карпати. Конец света. Антихрист?»

— И ты откровенно говоришь мне, что другой вопрос, который я поднял, не просто опасен, но еще и откровенная утка.

— Полная чушь собачья.

— И я не должен даже пытаться связывать с ним эту тему, несмотря на тот факт, что я журналист, который рассматривает все варианты и задает неудобные вопросы?

— Если бы я думал, что вообще такое затронешь, я бы не стал просить тебя брать интервью или писать эту статью.

— Парень, быстро же ты стал членом корпорации.

* * *

После встречи инициативной группы Рэйфорд Стил переговорил с глазу на глаз с Брюсом Барнсом, который рассказал ему о встрече с Бизоном.

— Я не могу обсуждать личных вопросов, — сказал Брюс, — но лишь одно не дает мне окончательно убедиться в том, что этот самый Карпати и есть Антихрист. Я не могу все это увязать географически. Почти все уважаемые мной исследователи, которые писали о конце света, верили, что Антихрист будет родом из какой-то западноевропейской страны — возможно, Греции, Италии или Турции.

Рэйфорд не знал, что на это ответить.

— Понимаете, Карпати не похож на руны. Разве они по большей части не брюнеты?

— Да. Позвольте мне позвонить мистеру Уильямсу, он оставил мне номер. Интересно, что еще он знает о Карпати.

Брюс набрал номер, и Бизон ответил.

— Рядом со мной Рэй Стил.

— Передавайте ему привет, — сказал Бизон.

— Мы тут как раз кое-что анализируем, — сказал Брюс, — и наткнулись тут на одно препятствие. — Он рассказал Бизону о том, что они обнаружили, и попросил о большей информации.

— Ну, он родом из одного городка, одного из крупных университетских городков, Клужа, и...

— Да? Я думал, что он из горного региона, судя по его фамилии. Понимаете ли.

— Фамилии? — повторил Бизон, чертя закорючки в блокноте.

— Ну да, он носит фамилию в честь Карпатских гор. А разве это имя что-то еще может означать?

Бизон выпрямился, и тут до него дошло. Стив пытался сказать ему, что он работает на Стонагала, а не Карпати! И конечно, все представители ООН будут чувствовать себя обязанными Стонагалу, поскольку именно он представил их Карпати! Возможно, это Стонагал — Антихрист? Откуда он-то ведет свой род?

— Так, — сказал Бизон, пытаясь сосредоточиться, — возможно, он и получил имя в честь гор, но родился он в Клуже, и его родословная восходит к римлянам. Оттуда его светлые волосы и голубые глаза.

Брюс поблагодарил его и спросил, придет ли Бизон в церковь на следующий день. Рэй подумал, что Бизон говорил как-то рассеянно и бессвязно.

— Я не исключаю этого, — сказал Бизон.

* * *

«Да, — думал Бизон, кладя трубку. — Я завтра там буду». Ему нужна была информация, вся, до мельчайших подробностей, прежде, чем отправиться в Нью-Йорк и написать статью, которая будет ему стоить

карьеры и, возможно, жизни. Он не знал правды, но он никогда не боялся посмотреть ей в лицо, не побоится и сейчас. Он позвонил Хэтти Дюрхэм.

— Хэтти, — сказал он, — вам скоро позвонят и пригласят в Нью-Йорк.

— Уже.

— Они хотели, чтобы это сделал я, но я сказал, чтобы сами позвонили.

— Они и позвонили.

— Они хотят, чтобы вы еще раз увиделись с Карпати и, если вы свободны, составили ему компанию на следующую неделю.

— Я знаю, и я это сделаю.

— Я советую вам этого не делать.

Она рассмеялась:

— Ага, я прямо сейчас откажусь от свидания с самым влиятельным человеком в мире? Вряд ли.

— Я бы вам посоветовал как раз так и поступить.

— И зачем?

— Потому что вы мне кажетесь не из таких девушек.

— Ну, во-первых, я не девушка. Я почти ваша ровесница, и я не нуждаюсь ни в опекуне, ни в охраннике.

— Я говорю с вами как друг.

— Вы мне не друг, Бизон. Я же вижу, что не нравлюсь вам. Я пыталась отбить вас у дочери Стила, но даже не уверена, что вам хватило мозгов это понять.

— Хэтти. Возможно, я вас не знаю. Но мне кажется, что вы не из тех, кто заигрывает с незнакомыми людьми.

— Незнакомый человек пытается учить меня жить?

— Хорошо, значит, вы из таких? Не передав вам этого приглашения, я защищал вас от того, что вам нравится?

— Будьте уверены.

— Я могу вас переубедить?

— И не пытайтесь! — отрезала она и бросила трубку.

Бизон покачал головой и откинулся на спинку кресла, держа перед собой блокнот.

«Мой босс горами движет, так сказал Стив. Карпаты — горы. Стонагал главный двигатель, который стоит у него за спиной. Стив считает, что он и правда глубоко в этом замешан. Он не единственный пресс-секретарь человека, которого Хэтти Дюрхэм по праву называет самым влиятельным во всем мире, но на самом деле Стив в союзе с тем, кто стоит за ним».

Бизон подумал, что бы на этот счет сказали Рэйфорд и Хлоя, узнай они, что Хэтти приглашена в Нью-Йорк, чтобы составить Карпати компанию на несколько дней. В конце концов, он решил, что это не его дело и не их тоже.

* * *

Рэйфорд и Хлоя ждали Бизона на следующее утро до последней минуты, но больше они не могли держать для него место, когда

заполнились и храм, и хоры. Когда Брюс начал говорить, Хлоя ткнула отца в бок и показана на окно, на дорожку к двери. Там, в небольшой толпе, слушая громкоговоритель, стоял Бизон. Рэйфорд торжественно поднял кулак и сказал Хлое:

— Интересно, о чем ты собираешься молиться нынче утром?

Брюс показал людям видео прежнего пастора, снова рассказал о своей жизни, кратко изложил пророчества, призвал людей принять Христа, затем снова освободил микрофон, чтобы каждый мог высказаться. И как две недели назад, к микрофону выстроилась очередь из тех, кто хотел рассказать, как в конце концов уверовал в Христа. Закончилось это далеко за полдень.

Хлоя сказала отцу, что хочет быть первой, как и он тогда, но когда она пробились к микрофону из последнего ряда с хоров, она оказалась в самом хвосте очереди. Она рассказала о своей истории, не упустив и того знака, который, как она считала, был послан ей Богом, — о друге, который вдруг оказался рядом с ней, когда они летели домой. Рэйфорд знал, что она не может видеть Бизона в толпе, да и Рэйфорд тоже его не видел.

Когда встреча была окончена, Рэйфорд и Хлоя пошли наружу, чтобы найти Бизона, но он уже ушел. Они отправились на ленч вместе с Брюсом, а когда вернулись домой, она нашла записку от Бизона на двери.

«Не подумайте, что я не хотел с вами попрощаться. Я и не прощаюсь. Я вернусь еще

по организационным делам и, возможно, чтобы увидеть вас, если вы позволите. Мне надо много о чем подумать, как вы понимаете и, честно говоря, я не хочу, чтобы мне мешали мысли о вас. А я буду думать о вас. Вы очаровательны, Хлоя, и меня до слез тронула ваша история. Вы и прежде мне об этом рассказывали, но услышать это в таком месте и при таких обстоятельствах, как нынешним утром, — это потрясающе.

Сделайте для меня, пожалуйста, то, о чем я никого прежде не просил. Помолитесь за меня. Я скоро перезвоню вам или увижусь с вами. Обещаю. *Бизон*».

* * *

Бизон ощущал себя более одиноким, чем когда-либо при возвращении домой. Он сидел в кресле в набитом салоне самолета, но ни одного человека он не знал. Он прочел несколько разделов Библии, специально отмеченных для него Брюсом. Женщина, сидевшая рядом с ним, заинтересовалась, задала ему несколько вопросов. Он ответил так, чтобы она поняла: он не в настроении разговаривать. Он не хотел грубить, но и не хотел никого сбивать с толку — со своими-то ограниченными знаниями.

В ту ночь ему плохо спалось, но он все равно решил не вставать. Утром он стал собираться на встречу, от которой ему советовали

держаться подальше. Брюс Барнс был уверен, что Николае Карпати — Антихрист, и Бизон прекрасно понимал, что существует реальная опасность, что его могут зомбировать, промыть ему мозги, загипнотизировать — или того хуже.

Утром, устало принимая душ и одеваясь, Бизон думал, что прошел долгий путь и уже не считает религиозных людей чем-то вроде неформалов. Он прошел от снисходительного удивления их верой в то, что их любимые на небесах, к уверенности, что собственными глазами видит воплощение всего, что было предсказано в Библии. Он уже не спрашивал себя и не сомневался. Нет другого объяснения появлению двоих свидетелей в Иерусалиме.

И исчезновениям.

И продолжение всего этого — Антихрист, который обманет столько... что же, Бизон больше не сомневался, что это сказано в буквальном смысле. Это правда. Он давно уже оставил сомнения. Он уже дозрел до того, что пытался решить, кто из двоих Антихрист — Карпати или Стонагал. Бизон все же склонялся к кандидатуре Стонагала.

Он повесил сумку на плечо, едва удерживаясь от соблазна взять пистолет из тумбочки у кровати, но понял, что не сможет пронести его сквозь рамку металлодетектора. К тому же он чувствовал, что ему понадобится не такая защита. Ему нужно было сохранить свой разум и душу.

По дороге к зданию ООН он терзался мучительными раздумьями. «Должен ли я молиться? — спрашивал он себя. — Должен ли я произносить молитву так же, как люди говорят друг другу «доброе утро»? Буду ли я это делать для того, чтобы оградить себя от всяких вуду и всякой порчи?» Он решил, что уверовать — не значит завести себе оберег на удачу. Навряд ли Бог действует таким путем. И если можно верить Брюсу Барнсу, в нынешние времена верующим нет защиты, как и всем прочим. Огромное количество народу погибнет в последующие семь лет, христиан и нехристиан. Вопрос был в другом: где они окажутся после этого?

Единственная причина пойти на договор с Богом, думал он, — это то, что истинно верующий может быть прощен и станет Божьим человеком. Бог сделался для Бизона большим, чем сила природы или даже творец чудес, ибо Бог был в небесах Израиля в ту ночь. Разве не логично, что, сотворив человека, Бог пожелал бы общаться с ним, держать с ним связь?

Бизон прошел в здание ООН сквозь орды репортеров, уже готовящихся к пресс-конференции. Лимузины извергали ВИП-персон, за полицейским ограждением стояли толпы людей. В толпе у дверей Бизон увидел Стэнтона Бэйли.

— Что вы здесь делаете? — спросил Бизон, осознав, что за пять лет работы в «Глобал» ни разу не видел Бэйли вне здания.

— Пользуюсь служебным положением, чтобы попасть на пресс-конференцию. Я горжусь тем, что тебя приглашают на предварительную встречу. Постарайся запомнить все. Спасибо за то, что прислал первый набросок статьи по теориям исчезновения. Я знаю, что тебе еще много что надо сделать, но старт у тебя просто обалденный. Ты будешь победителем.

— Спасибо, — ответил Бизон, и Бэйли поднял большой палец. Бизон подумал, что месяц назад ему пришлось бы бороться со смехом при виде стареющего плейбоя и что он непременно рассказал бы своим коллегам, на какого идиота он работает. Теперь он странным образом был благодарен ему за ободрение. Бэйли понятия не имел о том, что творилось в душе Бизона.

* * *

Хлоя Стил рассказала отцу о своих намерениях в конце концов пойти в понедельник утром на занятия в местном колледже.

— И я подумала, — сказала она, — что попытаюсь встретиться с Хэтти за ленчем.

— Я думал, она тебе безразлична, — сказал Рэйфорд.

— Так и есть, но это не оправдание. Она ведь даже не знает, что случилось со мной. Она не отвечает на телефонные звонки. Ты не знаешь, какое у нее расписание?

— Нет, но мне надо проверить собственное. Я посмотрю, не летит ли она сегодня.

Рэйфорду ответили, что Хэтти не просто не летит сегодня, она взяла отпуск на тридцать дней.

— Странно, — сказал он Хлое. — Возможно, она уехала к своей семье на Запад.

— А может, она просто решила отдохнуть, — сказала Хлоя. — Я позвоню ей позже, по дороге. Что ты делаешь сегодня?

— Я обещал Брюсу прийти и посмотреть с ним пресс-конференцию Карпати сегодня утром.

— Это когда?

— В десять по нашему времени.

— Хорошо, если не найду Хэтти до ленча, возможно, приеду туда.

— Позвони нам в любом случае, кис, и мы подождем тебя.

* * *

Удостоверение личности Бизона ждало его на информационной стойке в вестибюле здания ООН. Его провели в отдельный конференц-зал в стороне от апартаментов, в которые уже переехал Николае Карпати. Бизон пришел по меньшей мере на двадцать минут раньше, но когда он вышел из лифта, то сразу очутился в толпе, в которой не увидел ни одного знакомого лица. Он прошел по длинному коридору из стекла и стали к комнате,

где уже собрались десять представителей постоянных членов Совета Безопасности, несколько помощников и советников нового Генерального секретаря, включая Розенцвейга, Стонагала и еще нескольких членов его интернационального братства финансовых чудотворцев, Стив и, конечно, сам Карпати.

Бизон всегда был энергичен и самоуверен. Все всегда отмечали, как решительно он шел к цели. Сейчас походка его была медленной и неуверенной, и с каждым шагом ощущение опасности нарастало. Светильники вроде бы потускнели, стены сдвинулись. Пульс участился от недоброго предчувствия.

Цепкий страх напомнил ему об Израиле, когда он был уверен, что вот-вот погибнет. Он погибнет? Он не мог представить себе физической опасности, но совершенно ясно, что все, кто становился на пути Карпати или Стонагала, у которого были планы на Карпати, мертвы. Будет ли он следующим в череде трупов — от румынского соперника по бизнесу Карпати до Дирка Бертона, Алана Томпкинса и Эрика Миллера?

Нет, он боялся не за свое тело. По крайней мере, не сейчас и не здесь. Чем ближе он подходил к конференц-залу, тем сильнее сгущалось зло, словно оно воплощалось в этом месте. Бизон поймал себя на том, что почти неосознанно начал молиться.

«Господи, будь со мной. Защити меня».

Облегчения он не испытал. От мыслей о Боге ощущение зла стало еще сильнее. Он

остановился в десяти шагах перед открытой дверью, и хотя он слышал оттуда смех и болтовню, он был почти парализован атмосферой тьмы. Он хотел бы оказаться где угодно, только не здесь, и все же он понимал, что не может отступить. В этой комнате соберутся лидеры нового мира, и любой здравомыслящий человек отдаст все, что угодно, за возможность оказаться там.

Бизон осознал, что на самом деле он хотел бы, чтобы все было уже позади. Он бы хотел, чтобы все кончилось — представление новых людей, краткая речь об их обязательствах, или что там еще, и чтобы он уже писал обо всем этом.

Он попытался заставить себя войти в дверь, закрыв свои мысли. Снова он воззвал к Богу, чувствуя себя трусом — так обычно молятся в окопах. Он игнорировал Бога большую часть своей жизни, а теперь, в темнейшие часы страданий своей души, он буквально пал на колени.

И все же он не принадлежал Богу. Еще нет. Он понимал это. Бог ответил на молитву Хлои о знаке до того, как она заключила с Ним духовный союз. Почему бы Ему не ответить на мольбу Бизона о спокойствии и мире?

Бизон не мог сделать шага, пока его не заметил Стив Планк.

— Бизон! Мы сейчас начинаем. Давай заходи!

Но Бизон был почти в панике.

— Стив, мне надо в туалет сбежать. Есть у меня пара минут?

Стив глянул на часы:

— Пять минут. И когда вернешься, садись сюда.

Стив показал на кресло на углу поставленных квадратом столов. Журналист в Бизоне обрадовался. Чрезвычайно выгодная точка. Он пробежал глазами таблички с именами перед каждым креслом. Его место было прямо напротив главного стола, за которым Карпати будет сидеть рядом со Стонагалом... или это Стонагал решал, кто рядом с кем сидит? С другой стороны от Карпати стояла табличка с наскоро написанными словами «Личный помощник».

— Это ты? — спросил Бизон.

— Нет. — Стив показал на угол напротив кресла Бизона.

— А Тодд-Котран здесь? — спросил Бизон.

— Конечно. Вон тот, в светло-сером костюме.

У британца был довольно неприметный вид. Но прямо за ним стояли оба — Стонагал в темно-сером и Карпати. Он был великолепен в своем черном костюме с белой рубашкой и серо-голубым галстуком с золотой булавкой. Бизон вздрогнул, увидев его, но Карпати одарил его улыбкой и знаком по-манил к себе. Бизон показал, что будет через минуту.

— Теперь у тебя только четыре минуты, — сказал Стив. — Давай.

Бизон положил свою сумку в углу рядом с крупным седовласым охранником, помахал рукой старому знакомому Хаиму Розенцвейгу и побрел в туалет. Он выставил наружу ведро уборщика и запер дверь. Бизон прижался к ней спиной и опустил голову на грудь, припомнив совет Брюса — говорить с Богом так же, как он мог бы говорить с другом.

— Господи, — сказал он. — Ты нужен мне, и не только во время этой встречи.

И, взмолившись, он поверил. Это был не эксперимент, не нерешительная попытка. Бизон знал, что говорит с самим Богом. Он признался, что ему нужен Бог, признался, что понимает, что он потерян и грешен, как и прочие. Он молился не теми словами, о которых говорили другие, но когда он закончил, он высказал то же, что и они, и союз был заключен. Бизон был не из тех, кто легко поддается убеждению. Но он твердо знал, что не повернет назад.

Бизон направился в конференц-зал, на сей раз быстрее — но, как ни странно, с меньшей самоуверенностью. На сей раз он не молился об отваге и мире. Он молился о собственной душе. Он не знал, что должен ощутить, но не ожидал, что чувство опасности останется.

Однако он не стал медлить. Когда он вошел, все уже сидели на своих местах — Карпати, Стонагал, Тодд-Котран, Розенцвейг, Стив, финансовые руководители и послы. И еще один человек, которого Бизон не ожидал тут увидеть, — Хэтти Дюрхем. Он

обалдело смотрел на нее, когда та садилась рядом с Карпати в кресло его личного помощника. Она подмигнула ему, но он не ответил. Он поспешил к своей сумке, кивнул охраннику, и взял с собой только блокнот.

Хотя после того, как Бизон принял решение, никакого нового ощущения к нему не пришло, его чувство того, что здесь и сейчас что-то происходит, все усиливалось. Он не сомневался, что библейский Антихрист сейчас находится в этой комнате. И несмотря на все, что он знал о Стонагале и том, что этот человек устроил в Англии, несмотря на нехорошие ощущения, исходившие от этого полного самодовольства типа, Бизон ощутил нечто более глубокое, истинное, черное в Карпати, когда тот занял свое место. Николае подождал, пока все рассядутся, затем встал, изображая величавость.

— Господа... и дама, — начал он. — Это важный момент. Через несколько минут мы пригласим прессу и представим ей тех из вас, кому будет поручено вести новый мир к золотому веку. Мировое сообщество объединилось, и перед нами стоит великая задача и раскрываются величайшие возможности, которые когда-либо предоставлялись человечеству.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Николае Карпати встал и вышел из-за стола. Он подошел к каждому из приглашенных, называл каждого по имени и просил встать, пожимал ему руку и целовал в обе щеки. Он пропустил Хэтти и начал с нового представителя Великобритании.

— Мистер Тодд-Котран, — сказал он, — вы будете представлены как посол Великой Британии, которая ныне включает в себя большинство стран Восточной и Западной Европы. Добро пожаловать в нашу команду. Даю вам все права и привилегии, которые полагаются вам по вашему новому статусу. Желаю вам продемонстрировать мне и вашим подчиненным ваши знания и разум, которые помогли вам занять эту должность.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Тодд-Котран и сел. Карпати двинулся дальше. Тодд-Котран был потрясен, как и многие

другие, когда Николае повторил ту же самую речь и произнес тот же самый титул — посол Великой Британии, — обращаясь к сидевшему рядом с ним британскому финансисту. Тодд-Котран сдержанно улыбнулся. Было очевидно, что Карпати просто оговорился, ему следовало назвать этого человека одним из своих финансовых советников. Но Бизон не помнил, чтобы Карпати хоть когда-нибудь сделал ошибку.

Карпати обошел все поставленные квадратом столы, всех присутствующих одного за другим, повторяя те же самые слова каждому, но вставляя соответствующее имя и титул. Рутинa только немного менялась в отношении его личных помощников и советников.

Дойдя до Бизона, Карпати вроде как замялся. Бизон не сразу поднялся, словно не был уверен, что и он включен в круг тех, кого приветствовал Карпати. Но теплая улыбка Карпати побуждала его встать. Бизона чуть пошатывало, он пытался удержать ручку и блокнот в дрожащих руках, стоя перед артистичным Карпати. Рукопожатие Николае был крепким и сильным, и он не выпускал его руки, повторяя все те же слова. Он смотрел прямо в глаза Бизону и говорил спокойно и властно.

— Мистер Уильямс, — сказал он. — Добро пожаловать в нашу команду. Даю вам все права и привилегии, которые полагаются вам по вашему новому статусу...

Что такое? Это было не то, чего ожидал Бизон, но это было так торжественно, так лестно. Он не был членом команды, у него нет никаких прав и привилегий! Он еле заметно покачал головой, чтобы показать Карпати, что тот снова ошибся, спутал Бизона с кем-то еще. Но Николае чуть заметно кивнул, еще глубже заглядывая в глаза Бизона.

— Желаю вам продемонстрировать мне и вашим подчиненным ваши знания и разум, которые помогли вам занять эту должность.

Бизону захотелось вытянуться во весь рост, поблагодарить своего руководителя, вождя за такую честь. Но нет! Это неправильно! Он не работает на Карпати! Он — независимый журналист, он ничей не сторонник, не последователь и уж точно никому не служит. Он еле устоял перед соблазном ответить «спасибо, сэр», как все остальные. Он ощущал и видел зло в этом человеке, и он мог только всеми силами удерживаться от того, чтобы не показать на него пальцем и закричать — вот Антихрист! Он почти слышал, как кричит эти слова, показывая на Карпати.

Николае продолжал пристально смотреть на него, не выпуская его руки. После неловкого молчания тот услышал смешки, и Карпати сказал:

— Добро пожаловать, мой немножечко ошеломленный и онемевший друг.

Прочие рассмеялись и устроили Карпати овацию, когда тот поцеловал Бизона, но Бизон не улыбался. Он даже не поблагодарил

Генерального секретаря. Желчь подступала к горлу.

Когда Карпати двинулся дальше, Бизон осознал, что только что пережил. Не принадлежи он Богу, он угодил бы в сеть обмана этого человека. Он видел это по лицам других. Они были все себя от счастья за оказанную им честь быть принятыми в этот ближний круг. Даже Хаим Розенцвейг. Хэтти просто таяла в присутствии Карпати.

Брюс Барнс умолял Бизона не ходить на эту встречу, и теперь Бизон понимал почему. Приди он сюда неподготовленным, если бы за него не молились Брюс, Хлоя и, возможно, капитан Стил, то кто знает, успел бы он принять решение и предать себя Христу, чтобы суметь устоять перед соблазном власти?

Карпати теперь перешел к Стиву, которого просто распирало от гордости. Постепенно Николае обошел всех в комнате, кроме охранника, Хэтти и Джонатана Стонагала. Он вернулся на свое место и обратился к Хэтти.

— Мисс Дюрхэм, — сказал он, беря ее ладонь обеими руками, — я хочу представить вас как свою личную помощницу. Ради этого вы оставили звездную карьеру в авиаиндустрии. Добро пожаловать в нашу команду. Даю вам все права и привилегии, которые полагаются вам по вашему новому статусу. Желаю вам продемонстрировать мне и вашим подчиненным ваши знания и разум, которые помогли вам занять эту должность.

Бизон пытался перехватить взгляд Хэтти, качая головой, но она не видела никого,

кроме своего нового босса. Было ли это следствием ошибки Бизона? Он ведь первым представил ей Карпати. Можно ли еще достучаться до нее? Подпустят ли его к ней? Он окинул взглядом комнату. Все с благосклонными улыбками смотрели на Хэтти, когда та прошептала слова благодарности и снова села.

Карпати театрально повернулся к Джонатану Стонагалу. Тот всезнающе улыбнулся и царственно выпрямился.

— С чего мне начать, Джонатан, дружок мой? — сказал Карпати. Стонагал с благодарностью склонил голову, и остальные зашептались, одобряя присутствие этого человека в этой комнате. Карпати взял руку Стонагала и начал официальным тоном: — Мистер Стонагал, вы значите для меня больше, чем любой человек на Земле. — Стонагал поднял глаза и улыбнулся, встретившись взглядом с Карпати. — Добро пожаловать в нашу команду. Даю вам все права и привилегии, которые полагаются вам по вашему новому статусу.

Стонагал поморщился — ему явно не нравилось, что его считают только одним из членов команды, что его приветствует тот самый человек, которым он манипулировал, выводя его в президенты Румынии, а теперь и в Генеральные секретари ООН. Улыбка его застыла, затем исчезла, когда Карпати продолжил: — Желаю вам продемонстрировать мне и вашим подчиненным ваши знания и разум, которые помогли вам занять эту должность.

Вместо того чтобы поблагодарить Карпати, Стонагал вырвал руку и злобно посмотрел на молодого человека. Карпати продолжал смотреть ему прямо в глаза и говорить спокойным, дружеским тоном:

— Мистер Стонагал, вы можете сесть.

— Не сяду! — воскликнул Стонагал.

— Сэр, я же просто чуточку пошутил, потому что знал, что вы поймете.

Стонагал побагровел, явно злясь на свою реакцию.

— Простите, Николае, — сказал он, изображая улыбку, но явно оскорбленный тем, что его заставили участвовать в дурацком представлении.

— Прощу, друг мой, — произнес Карпати. — Пожалуйста, сядьте. Господа, дама, у нас только несколько минут до встречи с прессой.

Бизон не сводил взгляда со Стонагала, который просто кипел от злобы.

— Я хотел бы всем вам показать один маленький наглядный пример взаимоотношения лидера и подчиненного, так скажем, субординации. Мистер Скотт М. Оттернес, подойдите, пожалуйста. — Охранник в углу вздрогнул от удивления и поспешно подошел к Карпати. — Одним из моих методов управления является наблюдательность в сочетании с обширной памятью, — начал Карпати.

Бизон не мог отвести взгляда от Стонагала, который, видимо, обдумывал месть за то, что его выставили на посмешище. Он был го-

тов вскочить в любую минуту и показать Карпати его место.

— Мистер Оттернес удивился, поскольку мы не были представлены, не так ли, сэр?

— Нет, сэр, мистер Карпати, мы не были представлены.

— И все же я знаю, как вас зовут.

Пожилой охранник улыбнулся и кивнул.

— Я также могу назвать вам марку, модель и калибр пистолета, который находится у вас в кобуре. Я не буду смотреть на вас, пока вы будете демонстрировать его остальным.

Бизон в ужасе смотрел, как мистер Оттернес отстегивает кожаный клапан кобуры и достает свой огромный пистолет. Он напирал на него и держал теперь обеими руками, чтобы было видно всем, кроме Карпати, который отвернулся. Стонагал, все еще багровый, начал задыхаться.

— Я заметил, сэр, что вы вооружены специальным полицейским револьвером 38-го калибра с четырехдюймовым стволом, заряженным высокоскоростными разрывными пулями.

— Вы абсолютно правы, — весело сказал Оттернес.

— Могу я взять его?

— Конечно, сэр.

— Спасибо. Можете вернуться на пост и охранять сумку мистера Уильямса, в которой находится диктофон, мобильный телефон и ноутбук. Я прав, Кэмерон?

Бизон уставился на него, утратив дар речи. Он услышал, как Стонагал проворчал что-то насчет любительских фокусов.

Карпати продолжал смотреть на Бизона. Никто не говорил ни слова.

— Что это такое? — прошептал Стонагал. — Вы ведете себя как ребенок.

— Я хотел бы рассказать вам всем о том, что вы сейчас увидите, — сказал Карпати, и Бизон ощутил, как по комнате прошла новая волна зла. Больше всего на свете ему хотелось расчесать пошедшие мурашками руки и сбежать, спасая жизнь. Но он не мог сдвинуться с места. Остальные были заморожены, но не испуганы, как он со Стонагалом.

— Я хотел бы попросить мистера Стонагала встать еще раз, — сказал Карпати, положив жуткое оружие рядом с собой. — Джонатан, прошу вас.

Стонагал сидел, глядя на него. Карпати улыбнулся.

— Джонатан, вы же знаете, что можете доверять мне. Я люблю вас за все, что вы значили в моей жизни, и почтительно прошу помочь мне в этой демонстрации. Я вижу, что моя должность отчасти требует быть учителем. Вы сами это говорили и были моим наставником в течение многих лет.

Стонагал встал, настороженный и напряженный.

— А теперь я попрошу вас поменяться со мной местами.

Стонагал выругался.

— Что это за шутки? — резко спросил он.

— Я все быстро объясню, и после этого мне больше не понадобится ваша помощь.

Прочие, насколько видел Бизон, понимали это так, что Карпати больше не понадобится помощь Стонагала в этой демонстрации, чем бы она ни была. Они полагали, что он точно так же поблагодарит Стонагала и попросит сесть на место, как сейчас отослал на прежний пост охранника без оружия.

Стонагал с безгловым лицом вышел из-за стола и поменялся местами с Карпати. Карпати теперь оказался справа от Стонагала. Слева от Стонагала сидела Хэтти, а за ней Тодд-Котран.

— А теперь я попрошу вас стать на колени, Джонатан.

Улыбка и легкий тон улетучились. Бизону показалось, что все в комнате затаили дыхание.

— Этого я не сделаю, — заявил Стонагал.

— Сделаете, — спокойно сказал Карпати. — Прямо сейчас.

— Нет, сэр, я не стану, — ответил Стонагал. — Вы с ума сошли? Я не стану унижаться. Если вы думаете, что теперь стали главнее меня, то вы очень ошибаетесь.

Карпати взял пистолет, взвел курок и приставил его к правому уху Стонагала. Старик было дернулся, но Карпати сказал:

— Еще раз шевельнешься, и ты труп.

Несколько человек, включая Розенцвейга, вскочили.

— Николае! — воскликнул Розенцвейг.

— Прошу всех оставаться на местах, — снова спокойно сказал Карпати. — Джонатан, на колени.

Старик с мучительным усилием встал на колени, держась за спинку кресла Хэтти. Он не смотрел на Карпати. Дуло по-прежнему упиралось ему в ухо. Хэтти сидела бледная и оцепеневшая.

— Дорогая, — сказал Карпати, наклоняясь к ней через голову Стонагала, — Тебе хочется передвинуть кресло на три шага назад, чтобы не запачкать платье.

Она не пошевелилась.

Стонагал начал всхлипывать.

— Николае, почему ты это делаешь? Я твой друг! Я ничем тебе не угрожаю!

— Джонатан, не умоляйте, вам это не идет. Пожалуйста, помолчите. Хэтти, — продолжал он, глядя теперь ей прямо в глаза, — встань, передвинь кресло и снова сядь. Волосы, кожа, кости черепа, брызги из вещества мозга по большей части достанутся мистеру Тодд-Котрану и тем, кто сидит с ним рядом. Я не хочу, чтобы хоть что-то попало на тебя.

Хэтти передвинула кресло. Руки ее дрожали.

— Нет, Николае, нет! — скулил Стонагал.

Карпати не торопился.

— Я намерен убить мистера Стонагала безболезненно, выстрелом в голову разрывной пулей, которую он не услышит и не почувствует. У остальных в ушах будет звенеть. Это послужит уроком для всех вас. Вы поймете, что я — главный, что я никого не боюсь и что никто не сможет мне сопротивляться.

Мистер Оттернес коснулся лба, словно у него закружилась голова. И упал на колено.

Бизон подумал было броситься через стол и выхватить пистолет, но понял, что это будет не просто самоубийство, но что и другие погибнут из-за его попытки. Он посмотрел на Стива, который сидел неподвижно, как и прочие. Мистер Тодд-Котран закрыл глаза и скривился, словно в любой момент ожидал выстрела.

— Когда мистер Стонагал будет мертв, я скажу вам то, что вы все запомните. И чтобы никто не подумал, что я поступаю нечестно, позвольте мне упомянуть, что достанется не только костюму мистера Тодд-Котрана. Разрывная пуля на таком расстоянии убьет и его тоже — как вы помните, мистер Уильямс, нечто подобное я вам обещал, когда говорил, что разберусь с ними в должный момент.

При этих словах Тодд-Котран распахнул глаза, и Бизон услышал собственный крик: «Нет!», когда Карпати спустил курок. От выстрела задребезжали стекла и даже дверь. Голова Стонагала разлетелась, ошметки полетели на падающего Тодд-Котрана, и оба были мертвы прежде, чем их тела упали на пол.

Несколько кресел опрокинулись, когда сидевшие в них люди в ужасе закрыли головы. Бизон с разинутым ртом пялился на Карпати, который спокойно вложил пистолет в обмякшую руку Стонагала и положил его палец на курок.

Хэтти дрожала в своем кресле и пыталась закричать, но ничего не выходило. Карпати снова взял слово.

— То, чему мы все сейчас были очевидцами, — ласково начал он, словно обращаясь к детям, — стало ужасным, трагическим концом двух во всем остальном чрезвычайно плодотворных жизненных путей. Этими двумя людьми я восхищался и почитал их больше всех в мире. Что заставило мистера Стонагала броситься к охраннику, обезоружить его, застрелиться и застрелить своего британского коллегу, я не знаю и никогда не пойму до конца.

Бизон боролся с безумием. Он пытался сохранить рассудок и, как напутствовал его по дороге сюда босс, запомнить все.

Карпати продолжал. Глаза его увлажнились.

— Все, что я могу сказать вам, так это то, что сегодня утром за завтраком Джонатан Стонагал сообщил мне, что чувствует себя лично ответственным за жестокую гибель двух людей в Англии и что больше он не может жить с таким чувством вины. Честно говоря, я думал, что он собирается сегодня днем сдать Интерполу. Если бы он этого не сделал, то это пришлось бы сделать мне. Как он был связан с мистером Тодд-Котраном, что привело к смертям в Англии, я не знаю. Но если он был в этом виноват, то, как бы грустно это ни было говорить, сегодня свершилось правосудие.

Мы все в ужасе, мы все потрясены. Но как может быть иначе? Моим первым шагом как Генерального секретаря ООН сегодня будет как можно более тесное общение с

представителями ООН. Мне придется с великим сожалением огласить некролог моих двух старых друзей. Я уверен, что вы все сможете пережить последствия этого прискорбного события и оно не отвратит вас навсегда от служения людям на стратегических позициях.

Благодарю вас, господа. Пока мисс Дюрхэм будет звонить на охрану, я выслушаю ваши версии того, что здесь случилось.

Хэтти бросилась к телефону и едва справляясь с истерикой закричала:

— Скорее! Тут самоубийство и два трупа! Ужас! Скорее!

— Мистер Планк? — спросил Карпати.

— Просто не верю своим глазам, — сказал Стив, и Бизон понял, что он говорит вполне серьезно. — Когда мистер Стонагал схватил пистолет, я было уж решил, что он нас всех тут перестреляет!

Карпати обратился к представителю США.

— Я знал Джонатана много лет, — произнес он. — Кто бы мог подумать, что он способен на такое?

— Я просто рад, что с вами ничего не случилось, господин Генеральный секретарь, — сказал Хаим Розенцвейг.

— Ну, я не могу сказать, что со мной все в порядке, — ответил Карпати. — И я еще долго от этого не оправлюсь. Они были мне друзьями.

И так он расспрашивал всех по очереди в комнате. Бизон почувствовал, как все тело

налилось свинцом, понимая, что Карпати в конце концов доберется и до него и что он единственный в этой комнате, кто не поддавался гипнозу Николае. Но что будет, если Бизон скажет это ему в лицо? Он станет следующим покойником? Конечно. Иначе никак. Сможет ли он соврать? Должен ли?

Он отчаянно молился в душе, пока Карпати переходил от одного человека к другому, чтобы убедиться, что все видели то, что он хотел, и что они искренне в этом уверены.

«Молчи, — Бизону показалось, что он слышит в душе голос Бога. — Ни слова!»

Бизон был настолько благодарен ощущению присутствия Бога среди всего этого зла и хаоса, что не смог удержаться от слез. Когда Карпати добрался до него, щеки Бизона были влажны и он не мог говорить. Он покачал головой и поднял руку.

— Правда, ужасно, Кэмерон? Убить себя и забрать с собой мистера Тодда-Котрана?

Бизон не мог произнести ни слова, да если бы и мог, не стал бы говорить.

— Вам они были небезразличны, Кэмерон. Вы уважали обоих, поскольку не знали, что они пытались убрать вас тогда, в Лондоне.

Карпати направился к охраннику.

— Почему вы не помешали ему завладеть вашим оружием, Скотт?

Пожилой человек поднялся:

— Все произошло так быстро! Я знал, что он важный и богатый человек, и когда он бросился ко мне, я просто не понял, чего он

хочет. Он вырвал этот пистолет из моей кобуры, и прежде чем я успел что-нибудь сделать, он застрелился!

— Да, да, — сказал Карпати, когда в конференц-зал ворвалась охрана. Все сразу заговорили, а Карпати отступил в угол, рыдая над трупами друзей.

Полицейский в штатском задавал вопросы. Бизон отвел его в сторону.

— У вас тут хватает очевидцев. Можно, я оставлю вам визитку, и если будет нужно, вы мне позвоните? — Полицейский обменялся с ним визитками, и Бизону разрешили уйти.

Бизон схватил свою сумку и бросился вниз, к такси, помчался в редакцию, забежал в свой кабинет и начал с бешеной скоростью набивать все подробности произошедшего. Он уже настроил несколько страниц, когда получил звонок от Стэнтона Бэйли. Старик едва успевал переводить дыхание, забрасывая его вопросами, не давая Бизону возможности ответить.

— Ты где был? Почему ты не на пресс-конференции? Ты был там, когда Стонагал застрелился и забрал с собой того англичанина? Ты должен был быть там. Для нас большой плюс, что ты был там, но как ты сумеешь убедить кого-нибудь, что ты там был, раз тебя не было на пресс-конференции? Кэмерон, в чем дело?

— Я поспешил сюда, чтобы запустить статью в ход.

— А разве у тебя сейчас не эксклюзивное интервью с Карпати?

Бизон совсем об этом забыл, а Планк не подтвердил. И что ему с этим делать? Он обратился к Богу, но не получил ответа. Как же теперь ему нужно было поговорить с Брюсом, Хлоей или капитаном Стиллом?

— Я перезвоню Стиву и спрошу, — сказал он.

Бизон знал, что тянуть со звонком нельзя, но он отчаянно хотел знать, что же ему делать дальше. Снова оказаться в одной комнате с Карпати? А если так, то сделать ли вид, что он под его контролем, как все остальные? Если бы он не видел этого своими глазами, ни за что не поверил бы. Сможет ли он всегда сопротивляться его воздействию с Божьей помощью? Он не знал.

Он послал СМС Стиву, и через пару минут пришел ответ.

— Бизон, я занят по уши. В чем дело?

— Я хотел узнать, в силе ли наша договоренность по поводу эксклюзивного интервью с Карпати.

— Ты шутишь, что ли? Ты слышал, что тут случилось, и тебе еще интервью подавай?

— Слышал? Я там был, Стив!

— Ну, если ты там был, то ты, наверное, знаешь, что произошло перед пресс-конференцией.

— Стив! Я это видел своими глазами!

— Бизон, ты не просекаешь. Я говорю о том, что если ты пришел на пресс-конференцию, то ты уже слышал о том, что Стонагал застрелился во время предвари-

тельной встречи, на которой предполагалось и твое присутствие.

Бизон не знал, что и сказать.

— Ты же видел меня там, Стив.

— Я даже на пресс-конференции тебя не видел.

— На пресс-конференции меня и не было Стив, но я был в той же самой комнате, что и Стонагал с Тодд-Котраном.

— У меня нет на это времени, Бизон. Это не смешно. Тебя ждали, тебя не было. Я возмущен, Карпати оскорблен, никакого эксклюзивного интервью не будет.

— Но у меня есть аккредитация! Пропуск при мне!

— Так почему ты им не воспользовался?

— Я воспользовался!

Стив бросил трубку. Позвонила Мардж и сказала, что босс снова на проводе.

— Какого черта ты не пошел на ту встречу?

— Я там был! Вы же видели, как я вошел!

— Да, я тебя видел. Ты почти был там. Так какого черта? У тебя более важное дело нашлось? Тебе придется объясниться, Кэмерон!

— Я говорю вам — я был там! Я покажу вам свой пропуск.

— Я только что проверил список, и тебя там нет.

— Да есть! Я покажу вам пропуск!

— Твое имя там есть, но нет отметки, что ты там был.

— Мистер Бэйли, мой пропуск у меня в руке. Я сейчас смотрю на него.

— Да твой пропуск ни хрена не стоит, если ты им не воспользовался. Где ты сейчас?

— Прочтите мою статью, — сказал Бизон. — И поймете, где я был.

— Я только что говорил с тремя-четырьмя людьми, которые там действительно были, включая ооновского охранника, личную помощницу Карпати, не говоря уже о Планке. Никто из них тебя не видел. Тебя там не было!

— Меня видел полицейский! Мы обменялись визитками!

— Я возвращаюсь в редакцию, Уильямс. Если тебя там не будет к моему возвращению, ты уволен.

— Я буду там.

Бизон нашарил карточку полицейского и набрал номер.

— Полицейский участок, — слышался ответ.

Бизон прочел имя на визитке.

— Позовите, пожалуйста, детектива сержанта Билли Кенни.

— Повторите имя, пожалуйста?

— Кенни, или, возможно, Конни.

— Не знаю такого. Вы в тот участок звоните?

Бизон повторил номер, который был на визитке.

— Номер наш, но этого парня я не знаю.

— Как мне найти его?

— Извините, дружище, я занят. Позвоните в городское управление.

— Это важно. У вас есть справочник по департаменту?

— Слушайте, у нас тысячи полицейских.

— Просто посмотрите фамилию К-е-н-н-и, ладно?

— Минутку. — Скоро он снова взял трубку. — Никого. Все?

— Может, он новенький?

— Да он может быть хоть вашей тещей.

— Куда мне позвонить?

Он дал Бизону номер штаб-квартиры полиции. Бизон снова прошел через ту же рутину, но на сей раз ответил ему приятный женский голос.

— Я сейчас кое-что для вас проверю, — сказала она. — Я вызову полицейских по нашему каналу связи, поскольку все равно они ничего вам не скажут, если вы только не в полицейской форме.

Он ждал, слушая, как она произносит имя для полицейских на связи.

— Ох-хо-хо, — сказала она. — Спасибо. Я скажу ему. — Она снова обратилась к Бизону: — Сэр? Люди говорят, что в департаменте полиции Нью-Йорка нет никого по имени Кенни и не было никогда. Если кто-то сделал подложное удостоверение и выдает себя за полицейского, то им хотелось бы посмотреть на визитку.

Все, что сейчас мог сделать Бизон, — это каким-то образом убедить Стэнтона Бэйли.

* * *

Рэйфорд Стил, Хлоя и Брюс Барнс смотрели по телевизору репортаж с пресс-конференции ООН, пытаясь высмотреть среди присутствующих Бизона.

— Где он? — спрашивала Хлоя. — Он должен быть где-то здесь. Все остальные с той встречи здесь. Ой, кто эта девушка?

Рэйфорд встал, когда увидел ее, и молча показал на экран.

— Пап! — воскликнула Хлоя. — Ты думаешь то же, что и я?

— Очень похожа на нее, — сказал Рэйфорд.

— Тсс, — сказал Брюс. — Он всех представляет.

— И моя новая личная помощница, оставившая ради меня карьеру в авиации...

Рэйфорд упал в кресло.

— Я надеюсь, что Бизон тут ни при чем.

— Я тоже, — сказал Брюс. — Иначе бы это означало, что и он обманут.

Известия о самоубийстве Стонагала и гибели Тодд-Котрана потрясли их.

— Возможно, Бизон принял мой совет и не пошел туда, — сказал Брюс. — Очень надеюсь на это.

— Не похоже на него, — ответила Хлоя.

— Это точно, — подтвердил Рэйфорд.

— Я знаю, — сказал Брюс. — Но надеяться-то можно. Я не хочу, чтобы он был втянут в грязную игру. Кто знает, что там

случилось, а ведь он пошел туда только с нашими молитвами.

— Хочется думать, что этого оказалось достаточно, — сказала Хлоя.

— Нет, — ответил Брюс. — Ему нужна помощь самого Бога.

* * *

Когда Стэнтон Бэйли влетел через час в кабинет Бизона, тот уже понял, что столкнулся с силой, против которой ему не устоять. Все свидетельства о его присутствии на встрече уничтожены, даже стерты из памяти всех, кто был в той комнате. Он знал, что это устроил не Стив. Он честно верил, что Бизон там не было. Власть Карпати над этими людьми была безгранична. Если Бизону нужно было доказательство его собственной веры и того, что в его жизни отныне присутствует Бог, оно теперь у него было. Не предай он себя в руки Христа, прежде чем войти в конференц-зал, он стал бы очередной марионеткой Карпати.

Бэйли был не в настроении дискутировать, так что Бизон позволил старику выговориться, не пытаясь защищаться.

— Не хочу больше ничего слышать о том, что ты там был. Я знаю, что ты был в здании, я видел твой пропуск и аккредитацию, но оба мы знаем, как и все, кто на самом деле был на предварительной встрече, что тебя там не

было. Я не знаю, что за дело ты счел более важным, но ты сделал большую ошибку. Это непростительно и неприемлемо, Кэмерон. Я не хочу, чтобы ты был у меня главным редактором.

— С удовольствием вернусь к должности старшего репортера, — ответил Бизон.

— Это тоже невозможно, дружище. Я не хочу видеть тебя в Нью-Йорке. Я намерен назначить тебя в Чикагское бюро.

— Буду счастлив руководить им.

Бэйли покачал головой:

— Ты что, ничего не понял, Кэмерон? Я не доверяю тебе. Я должен был бы уволить тебя. Но я знаю, что ты тогда сразу уйдешь еще к кому-нибудь.

— Никуда я уходить не хочу.

— Хорошо. Потому как если бы ты попытался сбежать к конкурентам, я сразу бы рассказал им о твоих художествах. Ты будешь рядовым репортером в Чикаго, будешь работать с женщиной, которая была помощницей Люсинды. Я сегодня сообщу ей. Естественно, это повлечет сильное сокращение твоей зарплаты с учетом того, что продвижения ты не получишь. У тебя есть несколько дней. Приведи в порядок дела, сдай квартиру и найди себе жилье в Чикаго. Я надеюсь, что однажды ты отмоешься в моих глазах, сынок. Это самый прискорбный случай в новом бизнесе, причем вяпался лучший.

Мистер Бэйли захлопнул дверь.

Бизону не терпелось позвонить своим друзьям в Иллинойс, но он не хотел гово-

рить из кабинета или из квартиры. Он даже не знал, не прослушивается ли его сотовый. Он собрал свои вещи и вызвал такси до аэропорта, попросив водителя по дороге остановиться у платного телефона где-то в миле от терминала.

Не получив ответа от Стилов, он набрал номер церкви. Брюс взял трубку и сказал, что Хлоя и Рэйфорд здесь.

— Поставьте телефон на громкую связь, — сказал он. — Я вылетаю в три из аэропорта О'Хара. Но вот что я вам скажу — Карпати несомненно тот самый. Все сходится до мелочей. Я чувствовал во время пресс-конференции, что вы за меня молитесь. Бог меня спас. Я переезжаю в Чикаго и хочу войти в ваш... как оно там, Брюс?

— Отряд Скорби?

— Именно!

— Означает ли это?.. — начала было Хлоя.

— Вы прекрасно понимаете, что это означает, — сказал Бизон. — Запишите и меня.

— Что случилось, Бизон? — спросила Хлоя.

— Лучше расскажу при личной встрече, — ответил он. — У меня для вас такой рассказ! И вы — единственные, кто этому поверит.

Когда его самолет, наконец, приземлился, Бизон быстро поднялся по трапу и вышел из секции, где его радостно встретили Хлоя,

Брюс и Рэйфорд Стил. Все они обняли его, даже сдержанный капитан. Когда они сгруппировались в углу, Брюс поблагодарил Господа за то, что Тот привел к ним нового собрата и защитил его.

Они шли через терминал к парковке, рядом друг с другом, обняв друг друга за плечи, связанные одной целью. Рэйфорд Стил, Хлоя Стил, Бизон Уильямс и Брюс Барнс стояли перед самой страшной опасностью, которая только может встать перед человеком, и они знали свой долг.

Задача Отряда Скорби была ясна, и цель их была не более и не менее как восстать против врагов Господа и сражаться с ними в течение всех семи лет самого жуткого хаоса, который когда-либо видела планета.

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.ChristianWritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала «Moody» и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал «Time», «Reader's Digest», «Parade», «Guideposts», в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Хершером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания Времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких, как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, «*Publishers Weekly*», «*Wall Street Journal*», «*USA Today*» и «*New York Times*».

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Апарата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров «*New York Times*». Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

ОТРЯД СКОРБИ

ВТОРОЙ РОМАН ИЗ СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

Весь мир готов с восторгом преклониться перед Антихристом. На него возложены все надежды мирового сообщества, его речи заставляют каждого чувствовать себя счастливым и защищенным...

Лишь небольшая группа людей видит истинное его лицо. Им ведома ложь, пропитывающая каждое его слово. Им ведомо ужасное будущее, что ждет человечество, отдавшее себя во власть Зверя. Для борьбы с захватившим мир злом объединяются эти люди, нарекая себя Отрядом Скорби.

Заказать книгу «ОТРЯД СКОРБИ» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

ОСТАВЛЕННЫЕ

Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Консультант *А. Коньхова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *И. Яскульская*

Подписано в печать 02.06.10 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 50 000 экз.
Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 18,58.
Заказ

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Вступив в Книжный клуб «Книговек», вы также можете приобретать наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону:
(495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ

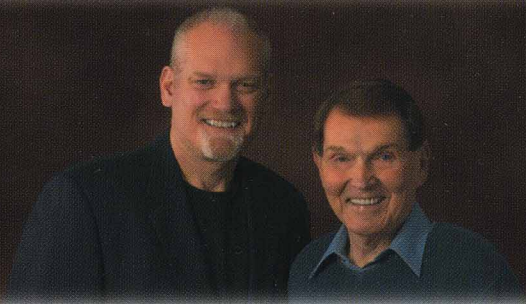
ГАЗЕТА ДЛЯ ТЕХ,
КТО ХОЧЕТ
ПОЗНАТЬ
НЕПОЗНАННОЕ

Тайная власть – это власть Света и Тьмы, Белой и Черной магии, власть Космоса, власть невидимых миру сил. Газета рассказывает об этом и о том, как отличить истину от лжи в пророчествах всевозможных колдунов; на ее страницах ведут разговор известные астрологи, биотерапевты, экстрасенсы. Вы узнаете о влиянии звезд на вашу судьбу, получите советы, как быть здоровым без лекарств, как отвести беду, как выбрать спутника жизни.

Реклама: (495) 780-5757
Продажа: (495) 780-5353
www.privatelife.ru

ОСТАВЛЕННЫЕ — первая книга нашумевшей серии романов «LEFT BEHIND®». Выйдя в Америке, она сразу завоевала бешеную популярность. Авторам удалось создать буквально новый вид футуристической литературы, покоровшей умы читателей по обе стороны Атлантики.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Самый успешный литературный тандем всех времен и народов».

NEWSWEEK

«Не просто художественный вымысел. Дженкинс... создал роман, представив конец света захватывающей историей, от которой — страница за страницей — невозможно оторваться до рассвета».

CHICAGO TRIBUNE

«Саспенс в духе Тома Клэнси, чуть-чуть романтики, отблеск Hi-Tech и ссылки на Библию — в одном флаконе!»

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0148-2

9 785422 401482

www.Leftbehind.ru